

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and social-educational idea

№ 3 (19)

2013

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Решением Президиума
ВАК Минобрнауки РФ
№ 26/15 от 17 июня 2011 г.
журнал «Историческая
и социально-образовательная
мысль» включен в перечень
рецензируемых научных
журналов, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук

Учредители:

Кубанская многопрофильная
Академия подготовки,
переподготовки
и повышения квалификации
специалистов

Северо-Кубанский
гуманитарно-технологический
институт

**Свидетельство
о регистрации**
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

**ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)**

Заведующий редакцией

Е.В. Штурба

Научный редактор

С.С. Васильев

Редактор электронной версии

С.С. Васильев

Редактор англоязычных текстов

О.В. Коленко

Главный редактор

В.А. Штурба

д-р ист. наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.С. Анисимова (д-р ист. наук, профессор)
Н.В. Балабанова (канд. психол. наук, доцент)
Р.З. Близняк (канд. полит. наук, доцент)
С.С. Васильев (канд. ист. наук, профессор)
В.М. Гребенникова (канд. пед. наук, доцент)
А.Ю. Звягольский (д-р ист. наук, профессор)
Г.Ж. Микерова (д-р пед. наук, профессор)
М.Ю. Попов (д-р социол. наук, профессор)
Л.П. Рассказов (д-р юр. наук, профессор)
И.В. Турицын (д-р ист. наук, профессор)
А.Л. Факторович (д-р филол. наук, профессор)
Е.В. Штурба (д-р ист. наук, профессор)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский,
ул. Заводская, 32, к. 301.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: 8 861 237-62-19

E-mail: editor@hist-edu.ru

Электронная версия:

<http://www.hist-edu.ru>

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Редакционный Совет

Анисимова Татьяна Семеновна, доктор исторических наук, профессор Славянского-на-Кубани государственного педагогического института.

Славянск-на-Кубани. Россия.

Балабанова Нина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета.

Краснодар. Россия.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ. Краснодар. Россия.

Близняк Роман Зиновьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.

Краснодар. Россия.

Васильев Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.

Краснодар. Россия.

Гребенникова Вероника Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии Кубанского государственного университета.

Краснодар. Россия.

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий КубГУ.

Краснодар. Россия.

Кононенко Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Армавир. Россия.

Меликян Александр Максимович, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ, Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Российской академии юридических наук.

Армавир. Россия.

Микерова Галина Жоршевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начальной школы Кубанского государственного университета.

Краснодар. Россия.

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы.

Москва. Россия.

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, начальник факультета по подготовке научных и педагогических кадров Краснодарского университета МВД России.

Краснодар. Россия.

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических и исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета.

Краснодар. Россия.

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина.

Москва. Россия.

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.

Краснодар. Россия.

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.

Краснодар. Россия.

Editorial Board

- Anisimova Tatyana Semyonovna**, Doctor of History, Professor of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher-Training Institute.
Slavyansk-on-Kuban. Russia.
- Balabanova Nina Viktorovna**, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Bederkhanova Vera Petrovna**, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University. Krasnodar. Russia.
- Bliznyak Roman Zinovievich**, PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Vasiliev Sergei Sergeevich**, PhD in History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.
- Grebennikova Veronika Mikhailovna**, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogics, Psychology and Communication Science, Head of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Grushevsky Sergei Pavlovich**, Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of information technology in the sphere of education of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Kononenko Victor Mikhailovich**, Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University.
Armavir, Russia.
- Melikyan Alexander Maksimovich**, PhD in Law, Doctor of History, Professor of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Russian Academy of Law.
Armavir. Russia.
- Mikeroval Galina Zhorshevna**, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Nevskiy Sergei Aleksandrovich**, Doctor of Law, Professor of Moscow City Government University of Management Moscow.
Moscow. Russia.
- Popov Mikhail Yurievich**, Doctor of Sociology, Professor, Chief of the Faculty of Developing Competence in Science and Teaching of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Krasnodar. Russia.
- Rasskazov Leonid Pavlovich**, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law and History, Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law of Kuban State Agrarian University.
Krasnodar. Russia.
- Turitsyn Igor Viktorovich**, Doctor of History, Professor of the Department of National History of Moscow Pedagogical University named after V.I. Lenin.
Moscow. Russia.
- Faktorovich Alexander Lvovich**, Doctor of Philology, Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.
- Shturba Evgeniy Viktorovich**, Doctor of History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки, этнология и археология

Жамсаранова Р.Г.
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И ЧИСЛЕННО-
РОДОВОЙ СОСТАВ ТУНГУСОВ
УРУЛЬГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ XIX в.	11	Zhamsaranova R.G.
RELIGION AND QUANTITATIVE TRIBAL
STRUCTURE OF TUNGUS POPULATION OF
URULGINSK STEPPE DUMA OF
THE XIXth CENTURY
Мцхвариашвили А.Д.
ПОЛОЖЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В 60-е гг. XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОПУБЛИКОВАННЫХ ЗАПИСОК
ГРАФА Н.П. ИГНАТЬЕВА)	18	Mtskhvariashvili A.D.
THE STATE OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE
1860-S (BASED ON THE PUBLISHED NOTES OF
COUNT N.P. IGNATIEV)
Невский С.А.
АБРЕК ЗЕЛИМХАН И ОТРАЖЕНИЕ
СВЕДЕНИЙ О НЕМ В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ В НАЧАЛЕ XX в.	21	Nevsky S.A.
ABREK ZELIMKHAN AND THE
INFORMATION ABOUT HIM PRESENTED IN THE
DOCUMENTS OF THE RUSSIAN LAW
ENFORCEMENT AUTHORITIES AT THE
BEGINNING OF THE 20th CENTURY
Невская П.В.
Г. БАРДИН. «АДАЖИО». К ВОПРОСУ
О МОДУСНОМ НАКЛОНЕНИИ
ЖАНРА ПОРТРЕТА	25	Nevskaya P.V.
G.BARDIN. "ADAGIO". ON THE ISSUE OF
MODUS MODULATION OF THE
PORTRAIT GENRE
Никитина А.Д.
ДОГОВОРЫ КРЕДИТА И КУПЛИ-ПРОДАЖИ
ИЗ ЭЛАМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО
Н.Э.: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С
АНАЛОГИЧНЫМИ ВИДАМИ ДОКУМЕНТОВ
ИЗ МЕСОПОТАМИИ	29	Nikitina A.D.
CREDIT & SALE CONTRACTS OF ELAM OF THE
FIRST HALF OF THE 2ND MILLENIUM BC.
SIMILARITIES AND DIFFERENCES WITH
RESPECT TO THE SIMILAR TYPES OF
DOCUMENTS FROM MESOPOTAMIA
Павловский А.С.
ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США
И РОССИЕЙ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭПОХ. БОРЬБА РОССИИ С ЗАПАДНЫМ
НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ (2000-2008 гг.)	34	Pavlovsky A.S.
THE PROBLEMS IN THE RELATIONSHIPS
BETWEEN THE USA AND RUSSIA IN THE
SYSTEM OF GEOPOLITICAL EPOCHS. RUSSIA'S
STRUGGLE WITH THE WEST NEOCOLONIALISM
(2000-2008)
Ратушняк В.Н.
БОРЬБА ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ
КРЫМСКОГО ХАНСТВА К РОССИИ
НА РУБЕЖЕ 1770-х–1780-х гг.	39	Ratushnyak V.N.
THE FIGHT FOR THE ANNEXATION OF THE
CRIMEAN KHANATE TO RUSSIA AT THE END OF
THE 1770-1780S
Седой Е.Ю.
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТОВ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1930-1940 гг.	43	Sedoy E.Yu.
FORMATION OF THE SYSTEM OF
SOVIETS IN KRASNODAR TERRITORY IN THE
1930-1940S
Степанченко А.П.
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
«ГРЕЧЕСКОГО ВИНА»	46	Stepanchenko A.P.
THE EXPERIENCE OF "GREEK WINE"
HISTORICAL RECONSTRUCTION
Съемщиков С.С.
УЧАСТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРЕСТЬЯНСКИХ КОМИТЕТОВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ
НА ДОНУ И КУБАНИ В 1921 – 1927 гг.	50	Semshchikov S.S.
PARTICIPATION OF THE COSSACKS IN THE
ACTIVITY OF PEASANT COMMITTEES OF
PUBLIC MUTUAL AID IN DON AND KUBAN
TERRITORIES IN 1921 - 1927
Троякова Ю.К.
СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ ТУВЫ В 1965 – 1970-е гг.:
К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ	53	Troyakova Yu.K.
UNION OF ARTISTS OF TUVA IN 1965 - 1970S:
ON THE HISTORY OF EDUCATION

CONTENTS

Historical Sciences, Ethnology and Archeology

Чернов Л.А.
ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ
АРМИИ В МАНЧЖУРИИ В ГОДЫ РУССКО-
ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

58

Chernov L.A.
LIVING CONDITIONS OF THE RUSSIAN OFFICER
CORPS IN MANCHURIA DURING THE RUSSO-
JAPANESE WAR 1904-1905

Педагогика и методика преподавания

Pedagogics and Methods of teaching

Артищева Е.К.
КОРРЕКЦИЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ

65

Artischeva E.K.
CORRECTION OF STUDENTS' KNOWLEDGE:
SOME METHODOLOGICAL ASPECTS

Аубакирова Р.Ж.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
К ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ
ПРЕДШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

70

Aubakirova R.Zh.
CONCEPTUAL APPROACHES TO THE
TRAINING OF PRESCHOOL CHILDREN

Бабаева Э.С.
ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

72

Babayeva E.S.
ESTABLISHMENT DIALECTICS OF
MODERN REGIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION

Белан Е.А.
КАТЕГОРИЯ АКТИВНОСТИ
В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ
О ЛИЧНОСТИ

77

Belan E.A.
THE CATEGORY OF ACTIVITY IN
PSYCHOANALYTIC STUDIES OF
THE PERSONALITY

Грешилова И.А.
ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

84

Greshilova I.A.
PHILOSOPHICAL CULTURE OF
PERSONALITY IN THE CONTEXT OF
CONTINUOUS EDUCATION

Коплик А.А.
ФОРМИРОВАНИЕ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ТИПА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ
У БУДУЩИХ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР
(ТЕЗИСЫ)

89

Koplik A.A.
HEALTH-SAVING TYPE FORMATION OF FUTURE
PARAMEDICAL WORKERS'
PROFESSIONAL THINKING IN
THE PROCESS OF THEIR TRAINING
(THESES)

Лазарева И.Н.
РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕЛЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ

90

Lazareva I.N.
REFLECTIVE PARADIGM OF TEACHER
PROFESSIONAL DEVELOPMENT:
THE WAYS OF PROGRESS AND
IMPLEMENTATION

Питанова М.Е., Шварева Л.В., Михалец И.В.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА – УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ

95

Pitanova M.Y., Shvaryova L.V., Mikhalets I.V.
TEACHING PRACTICE AS A CONDITION FOR
FORMATION OF STUDENTS'
PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ATTITUDE

Соколова А.С.
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА
И ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ
ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ
И ЗАРУБЕЖНЫМИ АВТОРАМИ

99

Sokolova A.S.
PROFESSIONAL CAREER AND
APPROACHES TO ITS RESEARCH BY
NATIONAL AND FOREIGN AUTHORS

Усенкова Е.В.
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА
ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ
К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ,
КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ИХ НРАВСТВЕННОГО ЗАКАЛИВАНИЯ

104

Usenkova E.V.
ACTUALIZATION OF PERSONALITY
POTENTIAL OF TEENAGERS INCLINED TO
ADDICTIVE BEHAVIOR AS THE MOST
IMPORTANT FACTOR OF
THEIR MORAL TRAINING

<i>Политические науки</i>		<i>Political Sciences</i>
Хубиев И.Х. ЭТАПЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ)	109	Khubiyev I.Kh. THE STAGES OF THE MODERN COSSACKS REVIVAL (BY THE EXAMPLE OF KARACHAI-CHERKESSIA)
<i>Социология и психология</i>		<i>Sociology and Psychology</i>
Жапуев З.А. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ИММУННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	115	Zhapuev Z.A. GLOBALIZATION AS A FACTOR IN THE DESTRUCTION OF THE IMMUNE SYSTEM OF RUSSIAN SOCIETY
Климонтова Т.А. ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ СТЕПЕНЯХ ОЖИРЕНИЯ	121	Klimontova T.A. FEATURES OF MENTAL STATES FOR DIFFERENT DEGREES OF OBESITY
Миронова Н.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ У МУЖЧИН С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ РЕМИССИИ	124	Mironova N.V. PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND SELF ACTUALIZATION OF MEN WITH ALCOHOL PROBLEMS AT DIFFERENT STAGES OF REMISSION
Сафонов А.Л. ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	127	Safonov A.L. POSTGLOBALIZATION: ETHNOPOLITICAL ASPECTS
Страдзе А.Э. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН	135	Stradze A.E. SOCIAL CHANGES IN RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF SOCIAL ACTIVITY OF THE RUSSIANS
<i>Филологические науки</i>		<i>Philological Sciences</i>
Вяткина А.А. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	143	Vyatkina A.A. LANGUAGE FEATURES OF THE MAGAZINE FOR EARLY PRESCHOOL AGE CHILDREN
Голякова Л.А., Шабалина Е.Н. ПОДТЕКСТ: ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ НОВОЙ ЗНАКОВОЙ СУЩНОСТИ	149	Golyakova L.A., Shabalina E.N. SUBTEXT: DEVIATION FROM THE LITERARY NORM AS AN EMBODIMENT OF NEW LINGUISTIC ENTITY
Лиджиева А.С. СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В КАЛМЫЦКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ГЛАЗА»)	154	Lidzhieva A.S. SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TRADITIONAL KALMYK CULTURE (BY THE EXAMPLE OF THE LEXEME «EYES»)
Носова Л.Н. ОСОБЕННОСТИ АДРЕСАЦИИ В ПИСЬМЕННОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	158	Nosova L.N. ADDRESSING FEATURES IN A WRITTEN PHARMACEUTICAL DISCOURSE
Шустова С.В. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ)	161	Shystova S.V. ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE LINGUISTIC UNIT (BY THE EXAMPLE OF SEMANTIC AND SYNTACTIC VALENCIES)

Философские науки		Philosophical Sciences	
Биричева Е.В. ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО КАК ИНОГО СПОСОБА БЫТИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ «ПРИСПОСОБЛЕНИЯ»	167	Biricheva E.V. THE PROBLEM OF UNDERSTANDING OF THE OTHER AS ANOTHER WAY OF EXISTENCE: METHODOLOGY OF "ADAPTATION"	
Максимов В.Ю. ОБЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ТРОИЦЫ	172	Maksimov V.Yu. EXPLANATION OF THE DIVINE TRINITY	
Пчелина О.В. ОТ «ГРЯДУЩЕГО ХАМА» К «ИИСУСУ НЕИЗВЕСТНОМУ»: ПУТЬ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО К БОЖЕСТВЕННОМУ ОБЩЕСТВУ	176	Pchelina O.V. FROM «COMING HAM» TO «JESUS UNKNOWN»: D.S. MEREZHKOVSKY'S WAY TO DIVINE SOCIETY	
Тарасенко Н.Г. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	179	Tarasenko N.G. THE PROBLEM OF SHAPING PERSONALITY'S ECOLOGICAL WORLD VIEW IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS	
Юридические науки		Legal Sciences	
Неказаков В.Я. КОНСТИТУЦИОННО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	187	Nekazakov V.Ya. CONSTITUTIONAL VALUE DIMENSION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL AND CITIZEN	
Информация	193	Information	

Исторические науки и археология

УДК 94 (100) / 05

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

доктор филологических наук, доцент кафедры
теоретической и прикладной лингвистики факультета
социально-политических систем Забайкальского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna

Doctor of Philology, Associate Professor of the
Department of Theoretical and Applied
Linguistics of the Faculty of Social and
Political Systems, Transbaikal State University
editor@hist-edu.ru

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И ЧИСЛЕННО-РОДОВОЙ СОСТАВ ТУНГУСОВ УРУЛЬГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ XIX в.

RELIGION AND QUANTITATIVE TRIBAL STRUCTURE OF TUNGUS POPULATION OF URULGINSK STEPPE DUMA OF THE XIXth CENTURY

Статья посвящена обзору ряда архивных источников, связанных с вопросами вероисповедания, хозяйственно-бытового уклада тунгусского населения Нерчинского уезда XIX в. Представлены первичные результаты изученных архивных источников Государственного Архива Забайкальского края (ГАЗК) с целью обзора численно-родового состава тунгусского населения Урульгинской Степной Думы. Анализ архивных документов, в основном, ревизских описей («сказок»), налоговых и отчетных сведений, связанных с процессом русификации тунгусского народонаселения Нерчинского уезда, позволяет подтвердить неоднозначность этноязыкового состава тунгусов, с одной стороны. С другой стороны, обнаружить и выявить численный состав родовых объединений (генонимов) нерчинских тунгусов.

The article presents a review of a number of archival sources connected with the issues of religion and life-style of Tungus population of Nerchinsk Uezd of the XIXth century. The primary results of the investigated archival sources of State Archive of Zabaikalsky Krai (SAZK) with the aim of observation of quantitative tribal structure of Tungus population of Urulginsk Steppe Duma have been introduced. The analysis of the following archival documents, i.e. mainly enumeration list inventories («census»), tax papers, reports connected with the process of Russification of Tungus population of Nerchinsky Uezd gives the opportunity to confirm the ambiguity of the ethnic language structure of Tungus, on the one hand. On the other hand, the analysis allows to reveal and to depict the quantity structure of Tungus tribal names (genonymums).

Ключевые слова: генонимы нерчинских тунгусов, Урульгинская Степная Дума, народонаселение, «крещеные» тунгусы, «ловцы», «бродячие» тунгусы, описательно-сопоставительный метод.

Key words: genonymums of the Nerchinsk Tungus, Urulginsk Steppe Duma, human population, «christened» Tungus, «hunters», «roving» Tungus, descriptive and comparative method.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00040

В отечественной историографии закрепилось мнение о нерчинских тунгусах как народности, которую традиционно и в генетическом, и в языковом отношении связывают только с эвенками и эвенцами [см.: 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако источниковедческая база архивных документов по народонаселению Нерчинского уезда, анализ и сопоставление статистических данных, извлеченных из архивных документов ГАЗК, позволяют доказательно подвергнуть сомнению это устоявшееся мнение.

Анализ документов ГАЗК также дает основание относить часть старожильческого русскоязычного населения Забайкалья к потомкам «крещеных» тунгусов Нерчинского уезда. Обусловлено это сменой вероисповедания, постепенным переходом к т.н. «русскому» образу жизни и быта. В связи с этим возникает необходимость более глубокого изучения архивных документов для осмысления этих процессов.

В «Своде законов Российской империи» имеющееся Положение об инородцах, подразделяет «все обитающие в Сибири инородческие племена по образу жизни, а именно, по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания на 3 разряда: оседлых, кочевых и бродячих. К первому разряду принадлежат те инородцы, которые имеют постоянную оседлость, хлебопашество и живут деревнями или в городах, занимаясь торговлею и промыслом городских обывателей. Ко второму разряду принадлежат те, которые имеют оседлость, хотя постоянную, но по временам года переменяемую, и не живут деревнями. К третьему разряду принадлежат те инородцы, которые, не имея никакой оседлости, переходят с одного места на другое, по лесам и рекам, или урочищам, для звероловного и рыболовного их промысла отдельными родами или семействами» [9, л. 1251]. По характеру управления оседлые инородцы приравнивались в своих правах и обязанностях к волостям «...из Россиян состоящих» [9, л. 1255].

В отношении кочующих инородцев в главе II Указом было установлено, что «каждое стойбище или улус, в котором считается не менее 15 семейств, имеет собственное родовое управле-

ние...Родовое управление состоит из старосты и одного или двух помощников из почетных и лучших родовичей. Староста избирается или наследует сие звание по обычаям. Между своими родовичами он может носить именование князца, зайсана и проч., но в сношениях с Правительством имеет название староста. ...несколько стойбищ или улусов одного рода почитают Управу. Инородная управа состоит из головы, двух выборных...Головы получают звание наследственно или по выбору съ степными обычаями каждого племени» [10, л. 1]. Известно, что до прихода русских служивых людей в пределы исторической Даурии автохтонное население (и тунгусское в том числе) управлялось посредством Степных уложений или степных законов [11].

В главе III Указа говорится о составе управления бродячими инородцами или *ловцами*. «Родовое управление ловцов состоит из одного старосты. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, при том же. Сохраняясь поныне чрез одни изустные предания, могут быть и сбивчивы и неопределенны. То по сим причинам представляется местному начальству от почетнейших людей собрать полный и подробный о сих законах сведения, рассмотреть оныя по Губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить все несообразное с другими установлениями, и расположить в надлежащем порядке и представить местному Главному Управлению на утверждение.... Недостаток в степных законах при решении дел дополняется Российскими узаконениями» [12, л. 2].

Глава IX посвящена вопросам управления «инородцами, несовершенно зависящих от Правительства», которые «...управлялись и судились по своим обычаям и обрядам. Суду Российскому подлежали только в случае убийства или насилия на Российской земле учиненные. Пользуются покровительством и защитой Российского Правительства во всех внутренних их делах, единственно тогда, когда с просьбами их о том прибегать будут. Имеют право свободной и беспошлинной торговли с соседственными им Россиянами и инородцами. Имеют право с позволения местного начальства переселяться и перекочевывать на земли, собственно Российскому Государству принадлежащие.... Все сношения с Правительством должны сии инородцы производить через своих старшин или почетных людей».

Население исторической Даурии (Нерчинского уезда) ко времени присоединения к России представляло собой достаточно сложное и неоднородное в этноязыковом отношении сообщество, судя по этимологии родовых названий тунгусов и бурят [10; 11; 12; 13]. Исходя из градации населения Даурии согласно Положению об инородцах, основное этническое начало составляло тунгусское население, которое возможно определить как «ловцов» и «кочующих инородцев». Имелось, по всей видимости, и такая часть населения, которая «несовершенно зависела от Правительства».

Подтверждает наличие этой условной классификации смысл текста следующего документа – «Дополнительные сведения для составления военно-статистического описания Нерчинского округа Иркутской губернии» (1850-1852 гг.). «Все вообще Урульгинское ведомство состоит из тунгусов из коих значительная часть постепенно приняла православие и проживают в селениях. Занимаясь свойственным крестьянам занятием (сохраняя между тем и прежние свойства зверопромышленности) идолопоклонники проводят жизнь кочевую. Занимаясь исключительно скотоводством и зверопромышленностью и во всякое время года кочуют по разным отведенным им местам с юртами и стадами, приискивая для скотоводства удобные пастбища.... происхождения манджурского, но письмо имеют монгольское. Они в образе жизни просты, гостеприимны, друг к другу сострадательны, к Начальнику имеют безъ преданную покорность. В порок им ставят суеверие....они вверяются безусловно шаманству» [17, л. 114].

Очевидно, что в приведенном описании тунгусского населения Урульгинского ведомства прямо указывается на то, что в среде тунгусов присутствуют и маньчжурско-монгольские этнические компоненты. Очевидно, что именно эта часть тунгусов и имела право именоваться в Указе как та часть инородцев, которая «несовершенно зависит от Правительства», т.е. которые могли в любой момент покинуть пределы государства и перейти на соседние территории – Маньчжурию или Монголию. К таковым, по-видимому, возможно отнести «конных тунгусов» в силу их мобильности.

Известно, что исследователями Б.О. Долгих, Г.М. Василевич, В.А. Туголуковым и др. в среде нерчинских тунгусов выделялась отдельная часть – т.н. «конные тунгусы» [1; 2; 18]. Эта часть народонаселения Нерчинска - тунгусы с кочевым образом жизни, славившиеся коневодством, – была отлична от другой, довольно немногочисленной части – оленных тунгусов или ороchon. Предположительно именно последние, будучи по своему этногенезу и языку народностями тунгусо-маньчжурской языковой семьи, т.е. звенами и эвенками, и определили этноязыковой «облик» «нерчинских тунгусов» в отечественной историографии. Поэтому естественно возникает вопрос об этнической и языковой принадлежности конных тунгусов. Заметим, что соотнести конных тунгусов с бурятами, в частности, с хори-бурятами, которые также занимались коневодством, малообосно-

ванно [19].

Любопытно, что в изученных документах ГАЗК XVIII-XIX вв. не используется этноним «бурят» или «хори-бурят(ы)». В большинстве документов нами зафиксировано определение «инородцы» (под которыми, по-видимому, и следует понимать бурят) и «тунгусы». Это возможно трактовать как то, что под этнонимом «тунгус» подразумевалось, во-первых, отличающееся от инородцев-бурят и языком, и антропологическими данными, некое население с кочевым укладом быта. Во-вторых, тунгусы представляли собой и такую часть населения, которую было легче подвергнуть христианизации в силу или их же их религиозно-конфессиональной «шатости» или же в силу иных обстоятельств. В-третьих, в архивных документах встретилось описание хозяйственно-бытовой деятельности тунгусов. Помимо основных занятий – скотоводства, коневодства, звероловства и рыболовства – отмечается и хлебопашество, огородничество («в малом виде»), а также упомянуто о том, что «посевы льна и конопли по тунгусскому ведомству не производится, хотя в некоторых местах засеивается конопли в малом количестве только для домашнего обихода...» [20, л. 118].

При этом невозможно не учесть то, что почти все население Якутии на тот исторический период было приведено в православие. Не избежали этого и эвенки, кочевавшие на северных, смежных с Якутским уездом, территориях Нерчинска. Заметим, что инородческо-бурятское население еще с XV в. исповедывало ламаизм, что повлекло смену их прежней антропонимической системы на тибет-монгольскую [13]. Инородцы-буряты в силу и своего кочевничества, и культуры, и религиозных предпочтений были прочнее связаны с населением Монголии, что давало им возможность беспрепятственно перемещаться в пределах территорий Монголии и России.

Поэтому в силу их политической неблагонадежности данный Указ явился одним из первых официальных документов, который, дифференцируя народонаселение Нерчинского уезда согласно их образу жизни, предоставил в последующем реализацию гибкой имперской политики в отношении инородцев. Приграничное положение Нерчинского уезда служило условием особого положения кочевых родов, к которым применялась политика относительной лояльности. Подобные исторические прецеденты наблюдались среди хори-бурят вплоть до 1917 г., когда целые улусы уходили со скотом и скарбом в соседнюю Монголию. Правительство вынуждено было не строго взыскивать с них ясак и повинности, пытаясь таким образом «склонить» их на свою сторону.

Положение тунгусов под предводительством князя Гантимура было несколько иным. Тунгусы оказались в немилости у своих «родовичей» с маньчжурской стороны и потому были вынуждены искать расположения у новоявленных «хозяев», требующих ясака. Ту часть тунгусов, которую Указом квалифицировали как «бродячих» или «ловцов», было нелегко заставить на одном месте для обложения их ясачной повинностью, и являлась, по-видимому, эвенками или ороочонами.

По-видимому, «бродячий» образ жизни ороочон обусловил появление Указов о розыске бродячих тунгусов, переходящих с одного ведомства в другое: «Дела «о розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства удалившихся в Нерчинский округ 53 душ» от 1848 г.; «Приказ о даче данных о бродячих тунгусах удалившихся в Нерчинский округ»; «Список 20 душ отошедших из Баунтовского Кондигирского рода тунгусах»; «Список отошедших из Баунтовского Чилчагирского рода тунгусов в Округъ всего 33 души обложенных ясаком, отошедших в 1844 году» и т.д.

Эти перемещения «неблагомыслящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной, прежде всего, сбором ясака. Этим и обоснован Указ императора от 1828 г., в котором предлагалось местным властям «...дабы восстановить совершенное спокойствие инородцевъ, нарушающееся от зловредныхъ действий однихъ неблагомыслящихъ изъ среды ихъ, предлагаетъ Губернскому Правлению предписатьъ всемъ Земскимъ судамъ и инороднымъ управлениямъ пяти уездовъ Иркутской Губернии, чтобъ отнюдь никто изъ инородцевъ не осмеливался искать безъ законныхъ причинъ переводовъ изъ одного рода или ведомства въ другое, и что въ противномъ случае, если кто изъ нихъ будетъ просить о семъ, и просьбы ихъ по точному удостовѣреніи окажутся несправедливыми, виновные въ семъ, или нарушители общественнаго спокойствія будутъ подвергнуты строгому законному взысканію...» [20, л. 132].

Определенный интерес представляют факты о хозяйственно-бытовом укладе народонаселения Нерчинского уезда на примере такого документа, как «Дело о представленных сведениях Доктору философии 8 класса Алекс Хрестьяновичу Кастрену 27 апреля 1848 года» [21]. Судя по тексту документа, правление Урульгинской Степной Думы составило достаточно подробное описание населения, хозяйственного уклада, вероисповедания и прочих особенностей тунгусского населения.

К Урульгинской инородной управе на тот период были приписаны следующие тунгусские роды: *Теленбинский, Мунгальский, Кельтегирский, Дулигатский, Дулигатский домеев, Яравнинский и бродячие ороочоны*. Теленбинские тунгусы кочевали по рекам Кручина, Урульга, Нарын Та-

лача и прочим, впадающим в реку Ингода. Мунгальский род – при речке Улдурге и урочищу Поварня, Дулигатские тунгусы – при речке Нарын Талача, Поварне. Смежные урочища по реке Ингоде занимал род Дулигатско-домуев. Яравнинские тунгусы кочевали при озерах Яравнинском и Теленбинском, по урочищам Сахалтуй, по рекам, впадающим в р. Чита. Ороконы (т.е. оленные тунгусы) появлялись в урочищах и падах севернее от р. Нерча.

В этой инородной управе из государственных властных структур имелась Степная Дума, Урульгинская инородная управа, 1 Начальник тунгусских родов, 3 заседателя при Степной Думе. Православное духовенство было представлено 8 священнослужителями, которые несли службу в деревянной церкви (1 штука).

Представлено количественное соотношение инородцев - крещеных и некрещеных. Так, по народной переписи 1831 г. бродячие ороконы (24 души) считались еще некрещеными, в Теленбинском роду крещеных было – 86 душ, некрещеных – 23; в Мунгальском – 79 и 23 души соответственно; в Кельтегирском роду крещеных душ было 29, некрещеных - 14, в Дулигатском 74 крещеных, некрещеных – 23; в Дулигатско-домуевом – 11 и 21 душа некрещеных тунгусов; в Яравнинском роду крещеных – 24 души, а некрещеных – 55. Всего населения было в данной управе 490 человек, в т.ч. крещеных – 307, некрещеных – 183 души. В итоге, по переписи 1831 г. крещеных тунгусов насчитывалось более, чем некрещеных. К переписи 1858 г. почти все тунгусское население было приведено в православие. Заметим, что анализ ревизской описи 1858 г. по Урульгинской Степной Думе дает основание считать «исчезновение» тунгусского народонаселения фактом свершившимся, т.к. антропонимическая система тунгусского населения была полностью заменена на русскую [22].

Количественный состав крещеного населения самого крупного инородческого образования тунгусов Забайкалья, такого как Урульгинская инородная управа, позволяет утверждать о смене конфессиональной принадлежности аборигенного населения, способствовавшего в последующем русификации тунгусов Нерчинского уезда. Данные статистики крещеных и некрещеных тунгусов позволяют восстановить схему обращения населения в православие не только в количественном отношении, но и в пространственном. При сопоставлении официальных данных отчетливо видно, что те родовые объединения, которые обитали ближе к центру управы и Степной Думы, прежде других подверглись христианизации, нежели те, которые кочевали в отдаленных от центра урочищах и падах, недостижимых для священнослужителей.

Смена конфессиональной принадлежности тунгусов Забайкалья при активном воздействии государственной власти также явилась одним вероятных и действенных факторов смены этнической принадлежности народонаселения Нерчинского уезда. Закрепление русскоязычного населения на пограничных территориях было выгодно империи по ряду причин. Среди этих причин также было и то, что за счет русификации населения увеличивалось число т.н. «государственных крестьян», часть которых приписывалась к серебро-рудным заводам Нерчинска. Государственные крестьяне, пополнявшиеся и за счет переселения из центра России, и за счет каторжан (которые, впрочем, не особо задерживались в Забайкалье) должны были заниматься и хлебопашеством, т.к. доставлять хлеб из других регионов Российской империи в Нерчинск было крайне нерентабельно.

В этих целях создаются хлебные экономические магазины при управах, призванные содействовать государственной политике «склонения» инородцев к власти, а также тому, «чтоб ясашные не удалялись» в соседние с Забайкальем территории. Для обеспечения магазинов хлебом необходимо было приучить местное население земледелию, что, в свою очередь, обязывало их перейти к оседлому образу жизни. Оседлых инородцев, исповедывавших каноны православия, было удобнее и безопаснее иметь в своем государстве, нежели «бродячих» и кочевых, способных в любой момент покинуть пределы государства и, таким образом, «изменить» ему.

В документе «Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в Думу, ведомства, об оспопрививании, состоянии хлебных запасных магазинов...» сохранился текст «Указа Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского изъ Иркутского Губернского Правления вновь избранному и утвержденному в Узонский род ведомства Князя Гантимурова старшине Тихону Холмогорцеву» [23, л. 348]. Стилиевые особенности текста позволяют считать данный документ инструкцией наказного характера: «...принуждать, чтобы они (подчиненные – Р.Ж.) неленостью упражнялись в звериных промыслах, дабы могли положенный ясак в казну платить в совершенной исправности, ...стараться тебе самому обзавестись по обыкновению русских крестьян домовым строением, которое послужит лучшим убежищем зимою от стужи, а летом от воздушных переменъ, каковым вы в юртах своих беззащитно подвергаетесь. А для лучшего пропитания сверхъ обыкновенного звериного промысла стараться особенно о заведении и распространении пашен на посевъ всякого роду хлеба, и радении скотоводства, употре-

бив к тому наисильнейшее попечение, от чего не только сам ты со своим семейством лучшее спокойствие и продовольствие иметь можешь, но тем покажешь и другим ведение своего родовичам полезной примерь, что они ревнуя оному без принуждения, по собственной своей воле заведутся домостроительством и пашнею, что принесет общую пользу. ...кто из подчиненных или родовичей явится нерачительны, таковых наказывать...». Документ датирован «24 дня 1828 года».

Следует заметить, что смена вероисповедания части населения кардинально не отразилась на хозяйственно-бытовом укладе тунгусов. В Урульгинской инородной управе общее количество «юрт войлочных и деревянных» насчитывалось 118 штук. Верблюдов этой управе не разводили, коней было – 1 062 головы, рогатого скота – 1 755, баран и коз – 1 692 штуки, оленей – 165 голов. Всего «живности всякой» насчитывалось 4 674 головы.

Также значимой по величине и численному составу населения в Урульгинской Степной Думе была Оловская инородная управа, которая находилась от Нерчинска на расстоянии 80 верст и состояла из 8 родов: *Первотулигарский, Второбаягирский, Кельтегирский, Почегорский, Узонский, Сухановский, Городовой и Нероновский*. «Все сии роды кочуют и имеют жительство при р. Шилке, по разным рекам, впадающим в оную реку, Олову, Кугиче, Курлыче, Шивье, Кулинде, чаще Олекану, Торге, Торгоконь, Кие, Киекану, при речке Нерче, впадающей в реку Шилку». Православное духовенство составляло уже 16 священнослужителей, было построено 3 каменные и 1 деревянная церкви. Юрт насчитывалось в Первотулигарском роду 152 единицы, по всей управе дополнительно – 118.

Всего душ ясачного населения в Оловской управе было 1 584 души, крещеных – 1 486 чел., некрещеных – 98. К 1848 г. все 350 душ Первотулигарского рода были окрещены и, соответственно, уже имели русскую антропонимическую систему. Из 184 чел. Второбаягирского рода 173 души были приведены в православную веру. Полностью были окрещены Сухановский (269 душ), Городовой (352 души) и Нероновский роды (61 душа). Верблюдов тунгусы этих родов не разводили, коней насчитывалось 2 307 голов, крупного рогатого скота – 3 598 голов, баран и коз – 5 304 единицы. Всего скота в единицах насчитывалось 11 209 голов.

В Шундуинской инородной управе население состояло из 810 чел., из которых 315 душ было крещеных, 495 – некрещеных. В управе состояли роды *Улятский, Челкагирский, Наматский и Долотский*. Юрт войлочных и деревянных насчитывалось по всей управе 152 штуки, в Улятском – 310. У тунгусов этих родов имелась только 1 инородная управа, церквей и кумирен не было. Тунгусы этой управы имели «жительство и кочевки при урочищах Тургинском, Камгикуйском, Шундуинском. Кочуют по реке Онону и сопке Гулаевой, по правую сторону Онона с отпадками до устья пади Мухор-Булаку и выше Коточеевской, по речкам Бырке и Билектую». В Улятском роду крещеных было 131 душа, некрещеных – 237, всего – 368 душ. В Челкагирском всего человек было 180, из них некрещеных – 88, крещеных – 92 чел. В Наматском роду (206 душ) крещеных – 64, некрещеных было – 142 чел. В Долотском при общем количестве 56 чел. половина было окрещена (28), а другая половина из 28 душ – некрещеные.

При сопоставлении количества скота обнаруживается следующая закономерность, а именно – некрещеное большинство населения занималось, в основном, скотоводством. Эта особенность тунгусского населения Шундуинской управы объяснима также и природно-хозяйственными условиями обитания, т.к. урочища и пади Прионья – это, в основном, лесостепная и степная зоны, пригодные, в основном, для скотоводства. Верблюдов было 43 головы, коней – 2 120 штук, рогатого скота – 2 955, коз и баранов – 2 483 единицы. Всего голов скота в Шундуинской управе было 7 601 шт.

В состав Маньковской инородной управы, расположенной в юго-восточной стороне от Нерчинска на расстоянии 216 верст, входили роды *Первобаягирский, Второбаягирский, Первотулигарский, Второтулигарский, Наматский, Чипчигирский, Дуларский, Конурский, Долотский*. Тунгусы этих родов «жили в пади Калгукане, речке Борзе, Алдонде, Биликтую, Норой Горолаку, Урулюнгу, при устье пади Куркуры, от тунгусского брода до речки Урулюнгу, Большому Кондую, Капшигиру, озерам Цаган Оноре и Килусутаю (*Кулусутаю* – Р.Ж.), по падам Будиакану и по речке Борзе, падам Дусуркае, Зурукчине и Куркыре». Из всего числа (1 480 душ) некрещеными числилась 841 душа, крещеными – 539 чел. Скота разного вида было 19 512 голов, из них верблюдов – 54, коней – 3 658 голов, рогатого скота – 4 910 штук, коз, баранов – 10 950 голов. Церквей и кумирен не имеется.

В Кужертаевскую инородную управу, которая располагалась в юго-западной стороне от Нерчинска на расстоянии 310 верст, входили *Узонский, Тукчинский, Баликагирский, Гуновский и Чимчагирский* роды тунгусов. Жили тунгусы «при реке Онон на устьях впадающих в оную речкам и урочищам Калтыгею, Адагуликке, Кужертаю, Тарбальжею и прочим падам» Прио-

нонья. Крещеного населения меньше, чем в других управах: в Узонском крещеных – 96, некрещеных тунгусов – 481; в Тукчинском соответственно 47 и 177 душ, в Балакагирском – 26 и 52 души, в Гуновском роду – 12 и 229 чел. некрещеных, в Чимчигирском – все 44 души некрещеные. Очевидно, что некрещеные тунгусы подвергались влиянию ламаизма, т. к. в управе было 4 кумирни, лам – 166 чел., хуvaraков – 37. Общее количество юрт составляло 230 единиц. Скота разного вида было в управе 17 134 головы, из них верблюдов – 45, коней – 3 123, рогатых – 3 485, коз и баранов – 10 481 единица.

В Онгоцонской инородной управе, расположенной на юго-западной стороне от Нерчинска в 305 верстах, насчитывалось 3 рода тунгусов: *Сартоцкий*, *Вакасильский* и *Люникерский*. Кочевали эти роды «по рекам Акша, Кыра, Былыра, Курульга и Бырца». Была 1 кумирня, лам насчитывалось 38 чел., хуvaraков – 21. Соответственно этому крещеных тунгусов было меньшинство: в Сартоцком из 436 душ только 8 чел. считались крещеными, из 66 чел. Вакасильского рода только 6 чел. были крещеными, а в Люникерском все 251 чел. были некрещеными. Данный факт может означать, что тунгусы этих родов к этому времени были, вероятно, приведены «в ламскую веру» и имели тибет-монгольскую антропонимическую систему. В отношении такого показателя, как скотоводство, данные этого документа свидетельствуют, что коней более всего разводили тунгусы Сартоцкого рода (1 245), вакасильцы (493), менее всех – 136 голов – Люникерский род. Всего по управе коней было 1 874 головы, рогатых – 1 283, баран и коз – 2 769 штук. Верблюдов в Онгоцонской управе, судя по документу, не разводили.

К 1848 г. в Урульгинской Степной Думе было инородных управ 6, православного духовенства 24 чел., лам – 204 чел., хуvaraков – 58, каменных церквей – 3 единицы, деревянных церквей – 2 штуки, кумирен – 5. Крещеных тунгусов всего по Думе было 2 842 души, некрещеных – 3 339, всего населения насчитывалось 6 281 чел. Верблюдов всего – 142 головы, коней – 14 144, рогатого скота – 17 986, баран и коз – 33 679, оленей – 165 штук.

Данная статистическая ведомость наглядно отражает культурно-хозяйственную картину, сложившуюся в XVII-XIX вв. в Забайкалье. Вопреки сложившемуся в отечественной историографии мнению о том, что тунгусы Забайкалья это эвенки в прошлом, следует оспорить это убеждение, приведя некоторые соображения по этому поводу. Во-первых, представленные по ведомости цифры и особенности хозяйственного уклада тунгусов Урульгинской Степной Думы свидетельствуют о превалировании скотоводческого типа хозяйствования по сравнению с оленеводством. Во-вторых, наличие 165 оленей, которых имели бродячие орочоны Урульгинской инородной управы, не представляют собой веского основания, позволяющего понимать под тунгусами только эвенков. В-третьих, православное духовенство и буддийские ламы и хуvaraки составили серьезную конкуренцию традиционной вере тунгусов – шаманизму. Христианизация и буддизация, вероятно, и явились теми основными факторами «исчезновения» тунгусов Забайкалья и «появления» русского старожильческого населения и бурят. Эвенки или орочоны, в силу оленеводческого типа хозяйствования, «бродили» со своими стадами оленей на северо-восточных территориях, прилегающих к ведомству Урульгинской Степной Думы.

При этом следует отметить, что число «бродячих» инородцев, т.е. эвенков-орочон оставалось стабильным на протяжении определенного периода. Так, в более раннем документе 1844 г. из общего количества тунгусского населения числом в 5 582 чел., только в Урульгинской управе «было помимо 466 душ тунгусов бродячих 24 душ орочон» [24, л. 84]; тогда как в других «бродячих» тунгусов-орочон не имелось, хотя к Оловской управе было приписано 903 души, к Шундуинской – 815, к Маньковской – 1 481, к Кужертаевской – 1 164, к Онгоцонской – 753 души тунгусов. «Оседлые» же тунгусы занимались к тому же хлебопашеством, т. к. в этом же документе даны сведения о «состоянии хлебопашества по ведомству Урульгинской Степной Думы», где на 5 582 души ясачного населения приходилось 1 569, 5 запашных десятин. Известно, что эвенки-орочоны или же эвены не занимались обработкой земли.

Согласно архивным документам количество ясашных тунгусов по ревизии 1823 г. составляло 5 586, из них поборных (т.е. плательщиков ясака) было 4 584 души. От платежей были «освобождены 1 002 души, в числе которых состоять умерших 481 душа, престарелых и дряхлых 285, бедных и неимущих 236 душ» [25, л. 107]. Интересно, что количество бродячих оленных орочон – 30 душ считается отдельно и входит только в общее число (5 616). Из числа поборных эти 30 чел. бродячих орочон исключены.

К 1852 г. по ведомству Урульгинской Степной Думы инородцев кочующих было 3 931 душа мужского пола и 3 404 женского [26]. В числе кочующих подразумеваются число «оседлых господствующей веры» (по-видимому, крещеных) 2 458 мужчин и 2 373 женщины. Ламской веры мужчин 2 925 и 1 980 женских душ. Шаманской веры придерживались 1 200 мужчин и 1 029 женщин [26,

л.115]. Крестьян, обращенных в казаков, было всего соответственно 51 мужчина и 56 женского пола. Казаков прежнего состава насчитывалось соответственно 19 и 16 женщин. Купцов 2-ой гильдии 7 и 6; 3-й гильдии – 57 и 65 женского пола. Мещан было 41 мужчина и 45 женщин, дворян 3 и 2 соответственно. «Духовенство белое» составляло следующее соотношение – 34 души мужского пола и 19 женского.

Из этого краткого обзора ряда архивных документов по численно-родовому составу, вероисповеданию, хозяйственно-бытовому укладу жизни тунгусского населения Нерчинского уезда XIX в. возможен следующий вывод: тунгусское население Нерчинского уезда к XIX в. «превращалось» в русское, благодаря предпринятой политике планомерного обращения аборигенного населения в православную веру; другая часть инородцев стала со временем называться бурятами; третья, несомненно малая в численном отношении часть тунгусов, несмотря на усилия государства, сохраняла свое исконное шаманское начало. Таким образом, очевидно, что насаждение православия определенной части тунгусского населения Нерчинского уезда привело к упрочению России на ее восточных рубежах, особенно на границе с Монголией и Китаем. При этом возникает ряд вопросов, связанных с уточнением этноязыковой принадлежности тунгусских генонимов, что позволит более определенно разрешить проблему этнического начала тунгусов Нерчинска.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.) Л., 1969.
2. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
3. *Туголуков В.А.* Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970.
4. *Туголуков В.А.* Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, В.А. Никонов. М., 1984.
5. *Туголуков В.А.* Эвены // Этническая история народов Севера. М., 1982.
6. *Туров М.Г.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX-нач. XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990.
7. *Уварова Т.Б.* Нерчинские эвенки в XVIII-XX веках. – 2-е изд. доп. М., 2006.
8. *Константинов А.В., Константинова Н.Н.* История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002.
9. Свод законов Российской империи, дополненный по приложениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. Кн. первая, СПб, 1913. Т. 1-4.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1о. Оп. 1. Д. 17513.
11. Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI-XVII вв. СПб, 2002.
12. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 17513.
13. *Жамсаранова Р.Г.* Этнонимы тюрко-самодийского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья (к вопросу об этнической принадлежности «конных тунгусов» Восточного Забайкалья) // Кулагинские чтения: сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2006.
14. *Жамсаранова Р.Г.* К вопросу об этнической принадлежности «конных тунгусов» Восточного Забайкалья (по материалам полевой летней практики) // Аспирант: тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Чита, 2006. № 1.
15. *Жамсаранова Р.Г.* Погребальный обряд тунгусов Восточного Забайкалья (по материалам этнолингвистических экспедиций) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр. Барнаул, 2008.
16. *Жамсаранова Р.Г.* Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита, 2009.
17. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48.
18. *Туголуков В.А.* Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
19. *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972.
20. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 56.
21. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 39.
22. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 64.
23. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4.
24. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 32.
25. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 48.
26. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 56.
27. *История Восточного Забайкалья.* Читинская область: учеб. пособие / отв. ред. И.И. Кириллов. Иркутск, 2001.

УДК 94 (560) "18"

Мцхвариашвили Александра Димовна

аспирантка кафедры новой новейшей истории
и международных отношений Кубанского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Mtskhvariashvili Alexandra Dimovna

Postgraduate Student of the Department of Modern,
Contemporary History and International Relations of
Kuban State University
editor@hist-edu.ru

**ПОЛОЖЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В 60-е гг. XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОПУБЛИКОВАННЫХ ЗАПИСОК
ГРАФА Н.П. ИГНАТЬЕВА)**

**THE STATE OF THE OTTOMAN EMPIRE IN
THE 1860-S (BASED ON THE PUBLISHED
NOTES OF COUNT N.P. IGNATIEV)**

В Османской империи, с XVIII в. начинают проявляться признаки углубляющегося системного кризиса. Государство было раздираемо внутренними противоречиями. В международной политике возникла проблема Восточного вопроса, которая в последующие полтора века будет одной из острейших международных проблем. В статье исследуются вопросы государственной политики Османской империи во второй период Танзимата. Освещается позиция графа Н.П. Игнатьева по отношению к реформам, проводимым в Турции в 1860-х гг.

The signs of deepening system crisis have been apparent in the Ottoman Empire since the 18th century. The government was torn apart by the internal contradictions. The problem of Eastern Question arose in the foreign policy becoming one of the most critical international problems for the following 150 years. The article studies the issues of the Ottoman empire public policy during the second period of Tanzimat. The attitude of count N.P. Ignatiev concerning the reforms carried out in Turkey during the 1860s has been presented.

Ключевые слова: Танзимат, Османская империя, внешняя политика, Великие державы, реформы, Крымская война.

Key words: Tanzimat, Ottoman Empire, foreign policy, Great Powers, reforms, Crimean War.

Османская империя с XVIII в. начинает демонстрировать признаки углубляющегося системного кризиса. Зарождение и развитие национально-освободительного движения, сохранение феодальных отношений, огромная территория, население, находящееся на разных уровнях социального, экономического и политического развития предопределили подобный ход событий.

Осознание собственной отсталости и тяжелое экономическое положение предопределили реформы в Османской империи. Еще в конце XVIII – нач. XIX в. зародился турецкий султанский реформизм. Ко времени царствования султана Селима III (1789-1807 гг.) относятся первые попытки реформирования государственных институтов. Преобразования Селима III получили название «низам-и джедид», то есть «новая система» [1, с. 100]. 3 ноября 1839 г. был провозглашен Гюльханейский хатт-и шериф, который явил собой начало эры Танзимата. А Хатти-хумаюн от 18 февраля 1856 г. обозначил новый этап реформирования. Была поставлена основная цель «достижение порядка вещей», «увеличение благосостояния и внутреннего благоденствия империи» [2, с. 175]. Всем жителям были гарантированы безопасность и защита. Подтверждены льготы немусульманских религиозных общин, планировалось создание смешанных судов. Были обещаны законы против «подкупов, продажности и лихоимства», отмечалась необходимость «заняться устройством дорог и каналов для более успешного развития торговли» [3, с. 176-181].

Основными законами Танзимата данного периода были: земельный кодекс (1858 г.), уголовный (1858 г.), гражданский (1869 г.); кодекс морской торговли (1863 г.), закон о вилайетах (1864 г.); статуты армянской религиозной общины (1860-63 гг.), греческого патриархата (1862 г.), еврейской общины (1864 г.), гражданский кодекс (1869 г.), создание болгарского экзархата (1870 г.) [4, с. 106].

Финансовые затруднения и политический кризис вынудили османское правительство пойти навстречу предложениям европейских держав. Порта уступила настояниям партнеров и обновила ряд торговых соглашений 1830-1840-х гг.: в 1861-1862 гг. – была заключена серия новых договоров с Англией, Францией, Россией, Италией [5, с. 79]. Во второй период Танзимата появляется частная турецкая пресса, которая ускорила процесс просвещения турецкого общества и оказала благотворное воздействие на развитие публицистики [6, с. 114]. Помимо этого, в эпоху Танзимата были заложены основы светского образования. Появляются школы европейского типа, что вызвало недовольство духовенства и консервативных сил [7, с. 138].

Мировая общественность естественно следила за попытками преобразования Османского государства. Российский посланник в Константинополе Н.П. Игнатьев сообщает о том, что Россия и Франция искали пути вывода Османской империи из системного кризиса. По мнению Н.П. Игнатьева две стороны предлагали диаметрально противоположные проекты реформ. Россия высту-

пала за принцип национальной административной автономии, Франция противопоставляла проект устройства, основанный на слиянии христианских и мусульманских народов. Подобный порядок, по мнению Н.П. Игнатьева, стал бы «чуждым естественному развитию Порты и отдалил бы султанское правительство от орбиты внешней политики России» [8, с. 215]. Также граф Н.П. Игнатьев сообщает об англо-французском капитале, который наводнил страну «в целях улучшения финансового положения державы» [9, с. 217]. По мнению русского посланника, Порты была вынуждена обращаться к этим средствам из-за отсутствия иных финансовых источников. Европа, же по заключению Н.П. Игнатьева активно предлагала турецкому правительству различные «материальные преимущества» дабы еще более расположить к себе [10]. Стоит помнить, что статья IX Парижского мирного договора 1856 г., ссылаясь на Хатт-и хумаюн, подчеркивала, что державы не должны вмешиваться в отношения султана и его подданных и во внутреннее устройство империи [11, с. 26]. Это побуждало Россию проводить осторожную политику в отношении христианских народов Османской империи и добиваться от Порты выполнения статей Хатт-и хумаюна. Поэтому российские представители считали необходимым собирать данные о проведении реформ, чтобы в дальнейшем оказывать давление на Порту. Российский МИД был недоволен результатами и характером преобразований в Османской империи. Граф Н.П. Игнатьев в «Записках» приводит фрагмент меморандума министерства иностранных дел России от 6 апреля 1867 г., в котором сообщалось о целях и результатах российской дипломатии на Востоке. Опираясь на меморандум, Н.П. Игнатьев говорит о бесплодности и тщетности проведенных мер. Сообщает так же, что все европейские державы единодушны во мнении относительно невыполнения заявленных пунктов Хатт-и-хумаюна 1856 г. [12, с. 211].

В записках графа Н.П. Игнатьева нашла отражение и внутривластная ситуация в Османской империи. Мехмед Реджи-паша, будучи великим визирем, решил уйти в отставку, заявив султану, что «только такие люди как Фуад-паша и Али-паша, в состоянии нести бремя управления страной, так как они пользуются доверием западных держав» [13]. Этот дуумвират, по мнению Н.П. Игнатьева, «обладал всеми качествами если не для искусного проведения реформ, то, по крайней мере, для инсценировки их с целью обмануть общественное мнение Европы» [14, с. 617-618]. Граф Н.П. Игнатьев считал Фуада-пашу и Али-пашу выдающимися политиками Османского государства. В «Записках» Н.П. Игнатьев дает им следующую характеристику: «Али-паша, несмотря на свои проевропейские внешние приемы, в душе он был истинный турок и противник христиан. Фуад-паша обладал умом космополитическим, поэтому был скорее европеец, нежели турок; человек без предрассудков, находчивый, разносторонний, способный приспособиться к обстоятельствам. Из этих двух государственных деятелей, Али-паша обладал несравненно более глубокими качествами, но дух инициативы, присущий Фуаду-паше, его энергия, его удивительная гибкость сделали его, несомненно, одним из выдающихся сановников Порты» [15, с. 18]. В феврале 1869 г. после непродолжительной болезни скончался в г. Ницце Фуад-паша. Его исчезновение с политической арены произвело огромное впечатление и стало для Порты огромной потерей. Кончина Фуада-паши особенно поразила Али-пашу, который, по мнению Н.П. Игнатьева «несмотря на соперничество с ним и некоторое разногласие, разделял его политические взгляды и привычку нести бремя власти вместе» [16]. Как отмечает исследователь В.М. Хевролина, «к России Фуад-паша относился неплохо, но его ранняя смерть в 1869 г. помешала в определенной степени дальнейшему русско-турецкому сближению» [17, с. 46].

В заключении стоит отметить, что российское правительство выражало крайнюю обеспокоенность состоянием дел в Османской империи, напряженно наблюдая за попытками преобразований. Как заключает граф Н.П. Игнатьев, европейские державы на данном этапе стремились склонить Порту к изменениям, которые могли бы принести ей пользу и улучшить материальное положение христиан, но «в ущерб их национальному, религиозному и историческому развитию и дальнейшему нашему влиянию на них» [18, с. 219]. Оказывая противодействие Российской империи в балканской политике, выступая против независимости славянских государств, что содействовало укреплению позиций России в регионе, западные державы сохраняли status-quo в регионе. Помимо этого каждая из стран имела свои виды на Порту и активно прикрывалась формулировкой «неприкосновенности и целостности Османской империи» [19, с. 50]. Н.П. Игнатьев, являясь защитником интересов России на Балканах, сторонником славянского единства, был обеспокоен процессом реализации взятых Портой на себя обязательств в отношении христианских народов [20, с. 16]. Экономического давления Россия не могла тогда оказывать на Турцию из-за последствий Крымской войны, поэтому оставалось надеяться на российскую дипломатию, которая выступала ярким поборником российских интересов в ближневосточном регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гросул В.Я. Реформы и революции на Балканах XIX в. // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984.
2. Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.
3. Там же.
4. Engelhardt E. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des reformes dans l'empire ottoman. 1882. V. 1.
5. Внешнеэкономические связи Османской империи в Новое время (конец XVIII - начало XX в.). М., 1989.
6. Байбатырова Н.М. Турецкая литература и публицистика в эпоху Танзимата (реформ) // Гуманитарные исследования. 2009. № 3.
7. Манахов И.А. Особенности становления светского образования в Турции в середине XIX в. // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. 2012. № 10. Т. 74.
8. Документальный сборник «Граф Н.П. Игнатьев Н.П. Дипломатически записки (1864-1874). Донесения (1865-1876)». София, 2008. Т. 1.
9. Там же.
10. Там же.
11. Парижский мирный договор от 18 (30) марта 1856 г. // Сборник договоров России с другими государствами: 1856-1917. М., 1952.
12. Документальный сборник «Граф Н.П. Игнатьев Н.П. Дипломатически записки (1864-1874). Донесения (1865-1876)». София, 2008. Т. 1.
13. Там же.
14. Записки графа Н.П. Игнатьева // Русская старина. 1915. № 3.
15. Записки графа Н.П. Игнатьева 1864-1874 // Русская старина. 1915. № 4.
16. Там же.
17. Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864-1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6.
18. Документальный сборник «Граф Н.П. Игнатьев Н.П. Дипломатически записки (1864-1874). Донесения (1865-1876)». София, 2008. Т. 1.
19. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948.
20. Вартаньян Э.Г. Особенности формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Краснодар, 2011.

УДК 342.25:93/94(470.62)

Невский Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского
государственного лингвистического университета
editor@hist-edu.ru

**АБРЕК ЗЕЛИМХАН И ОТРАЖЕНИЕ СВЕДЕНИЙ
О НЕМ В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКИХ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В НАЧАЛЕ XX в.**

В статье на основе изучения архивных материалов рассматривается деятельность правоохранительных органов Российской Империи в начале XX в. по розыску абрека Зелимхана. Особое место в статье уделено проблемным вопросам этой деятельности: несогласованность действий, недостаточный обмен оперативно значимой информацией.

Ключевые слова: абрек, Зелимхан, Департамент полиции, жандармское управление, нападение, агенты.

Nevsky Sergey Aleksandrovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Criminal Law Disciplines of
Moscow State Linguistic University
editor@hist-edu.ru

**ABREK ZELIMKHAN AND THE
INFORMATION ABOUT HIM PRESENTED IN
THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN LAW
ENFORCEMENT AUTHORITIES AT THE
BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

Based on the study of archival documents the article considers the activity of law enforcement authorities of the Russian Empire at the beginning of the 20th century concerning the search for abrek Zelimkhan. The article particularly focuses on the problematic issues of the activity, i.e. un-cooperation, insufficient exchange of significant criminal intelligence.

Key words: abrek, Zelimkhan, police department, gendarmerie, attack, agents.

Личность абрека Зелимхана Гушмазукаев по праву представляет интерес для исследователей даже по прошествии более ста лет после событий, в которых он участвовал.

Среди наиболее резонансных преступлений, которые были совершены абреком Зелимханом значатся: убийство начальника Веденского округа полковника Галаева; ограбление почты около слободы Воздвиженской; нападение на поезд в 1905 г. у станции Кады-Юрт Владикавказской железной дороги, сопровождавшееся убийством 19 пассажиров; нападение на Грозненское казначейство и убийство при этом часового; захват овцевода Месяцева, освобожденного впоследствии за выкуп в 18 тыс. р.; попытка захвата нефтепромышленника Максимова; ограбление в ночь на 9 января 1910 г. станции Грозной и ряд других.

Наиболее известным преступлением, совершенным Зелимханом, было нападение на Кизлярское казначейство 27 марта 1910 г., о чем рассказывалось в одной из ранее опубликованных работ [1]. Во время нападения погибли 18 чел., несколько получили ранения и контузии, похищено 4 065 р. Преступникам, несмотря на организованное преследование, удалось скрыться. Случившее во многом стало результатом халатного отношения к служебным обязанностям и несогласованности действий различных государственных органов и должностных лиц [1, с. 293].

Представляются интересными документы Департамента полиции Российской Империи, отражающие деятельность правоохранительных органов по розыску и поимке Зелимхана после нападения на Кизлярское казначейство [2; 3].

Помощник начальника Терского областного жандармского управления в Грозненском округе ротмистр Беллик в секретной записке на имя начальника Тифлисского Губернского жандармского управления от 13 июля 1910 г. (№ 1272) указал, что после ограбления Кизлярского казначейства преступная группа разбрелась по различным селениям. Зелимхан ушел в горы, вместе с ним пошли Аюб Томаев, Абубакар Хасуев и Алуп Кадыров. Однако после произошедшей между ними большой ссоры Томаев, Хасуев и Кадыров вернулись на плоскость, Зелимхан остался в горах среди ингушей.

Томаев, вернувшись на плоскость, опять сформировал преступную группу для нападения на почту по дороге в г. Кизляр, однако, благодаря своевременно принятым мерам, свое намерение реализовать не смог и распустил свою «шайку» [2, л. 94].

Зелимхан, чтобы «снять с себя вину в убийстве милиционера Баканаева» и таким образом «освободиться от кровников», написал письмо его родственникам, в котором указал, что Баканаев убит Абубакаром Хасуевым. Последний, в свою очередь, написал письмо родственникам Баканаева, в котором возложил ответственность за его убийство на Зелимхана. Это обстоятельство еще более обострило враждебные отношения между Зелимханом и Хасуевым [2, л. 94, 94об].

Зелимхан, как указано в записке, «держится по сие время в глубине гор, а Аюб Томаев с

двумя товарищами – на плоскости, производя время от времени мелкие ограбления, как-то лошадей, быков и проч.». Имевшиеся на службе у ротмистра Беллика агенты вели непрерывное наблюдение: двое – за Зелимханом, двое – за группой Томаева. В записке говорится, что в последних числах июня 1910 г. одним из агентов должна быть влита в чай Зелимхану доза вещества, изготовленного из трав, вызывающего «истощение организма, кашель и кровохаркание, а при неоднократном повторении этих средств, наступает смерть». Вероятно, вещество было применено, поскольку в записке отмечается, что «Зелимхан якобы болен, стал худой, сильно кашляет, но пока ездит и стреляет» [2, л. 94об]. Ротмистр Беллик не был уверен, что данный план будет удачно завершен, указывая, что «удастся-ли этот прием до конца – неизвестно», однако утверждал, что «во всяком случае, если будет доведен хотя-бы до того, чтобы ему трудно было ездить», Зелимхан, на основании полученных агентурных сведений, будет взят, «если не агентами, то командой, с которой я должен буду двинуться в горы», получив сведения от агента [2, л. 94об, 95].

В секретной записке ротмистра Беллика от 26 сентября 1910 г. (№ 1676) говорится о том, что 15 сентября 1910 г. военным отрядом совместно с сотней Дагестанского конного полка была арестована семья Зелимхана и его погибшего брата Салтамурадова. На обратном пути отряд подвергся нападению из засады в трех местах в трудно проходимой местности по ущелью реки Асса. Во время нападения погибли начальник Назрановского округа ротмистр Андроников, поручик 3-го Кавказского саперного батальона Афанасьев, 4 всадника Дагестанского конного полка, состоявший в милиции казак станицы Наурской Цыганков, проводник Мишкиев, восемь человек были ранены [2, л. 100]. Далее в записке подчеркнуто, что ранее при обсуждении вопроса ареста семьи Зелимхана им (ротмистром Белликом) была обоснована необходимость оставления семьи Зелимхана на свободе. В частности, ротмистр Беллик отмечал: «Вначале я доказывал, путем различных доводов, что арест семьи несколько не облегчит поимку абрека Зелимхана, а наоборот затормозит дело розыска, ибо с арестом семьи мы потеряли постоянное местопребывание абрека Зелимхана, сняли с него заботу о семье и дали, таким образом, ему возможность быть более свободным» [2, л. 100об]. На совещании у начальника Терской области ротмистр Беллик мотивировал оставление семьи Зелимхана на свободе агентурными соображениями, и изначально его доводы были признаны убедительными [2, л. 100об]. Однако впоследствии, несмотря на мнение ротмистра Беллика, было принято решение об аресте семьи Зелимхана.

Ротмистр Беллик отметил, что ему было известно о приискании Зелимханом места, где он мог укрыть свою семью. Эта деятельность контролировалась его агентами, и когда Зелимхан перевез бы семью в Тионетский уезд, он там был бы убит людьми ротмистра Беллика. Арест семьи Зелимхана нарушил все планы. Как отмечено в записке, «что предпримет теперь абрек Зелимхан, не известно, также не известно, каким образом он будет зимовать, пойдет-ли он в Тионетский уезд, или будет рыскать по плоскости, как волк» [2, л. 101]. Далее в записке указано, что после нападения Зелимхан находился в лесах, где была арестована его семья, но ожидалось его прибытие в Грозненский округ. У него было намерение взять кого-либо в плен для обмена на семью [2, л. 101об].

Как следует из записки ротмистра Беллика от 13 ноября 1910 г. (№ 1909), осенью 1910 г. было объявлено о прощении всех лиц, желавших добровольно сдаться и содействовать поимке абрека Зелимхана. Абреки Аюб Томаев, Абубакар Хасуев и Шамсу Забайраев имели желание сдаться, но хотели удостовериться в выполнении властями своих обещаний. Однако арест некоторых из сдавшихся абреков вынудил их вновь объединиться и действовать совместно [3, л. 12]. Ротмистр Беллик отмечает, что между абреками Зелимханом и Аюбом «продолжаются частые ссоры в такой степени, что возможно в одну из ссор предполагать между ними и их приверженцами вооруженное столкновение», как это было ранее в 1906 г. в шайке абреков Борщика, когда живым из 8 человек остался лишь Зелимхан [3, л. 12, 12об].

15 сентября 1911 г. абреком Зелимханом было вновь совершено резонансное преступление. Как следует из секретной записки ротмистра Беллика, помощника начальника Терского областного жандармского управления в г. Грозный, от 20 сентября 1911 г. (№ 1048), в Дагестанской области из Темир-Хан-Шуры для осмотра казенного шоссе выехала инспекторская комиссия в составе инженера Орловского, чиновника контроля Ворченко, военного инженера полковника Чикалина и др. Ввиду имевшихся сведений о возможности нападения на комиссию группой Зелимхана, ее сопровождала команда в составе 12 нижних чинов Конно-Дагестанского полка по главе с ротмистром Долидзе. Нижние чины, сопровождавшие комиссию, были переодеты в штатское платье и ехали вместе с членами комиссии на четырех тройках. Перед урочищем Ботлих ротмистром Долидзе были получены сведения, что за Ботлихом устроена засада, о чем он протелеграфировал начальникам Андийского и Веденского округов и просил последнего выслатить из укрепления Ведено ко-

манду для перекрытия путей отступления абреков. Проехав около двух верст, колонна была остановлена двумя неизвестными, направившими на переднюю тройку винтовки и потребовавшими сдачи оружия. Находившиеся на передней тройке три нижних чина подали голосовой сигнал ротмистру Долидзе, который открыл огонь по лицам, остановившим колонну. Однако после того, как Долидзе сделал несколько выстрелов, со скал по колонне был открыт огонь. Как отмечено в записке, «нижние чины отстреливались до последней минуты, но благодаря неудобной местности не могли перебить абреков, а все полегли со своим командиром Ротмистром Долидзе, выпустивши по семи-восемью патронов». Из тринадцати человек конвоя в живых остались лишь два тяжело раненых нижних чина, были убиты инженер Орловский, чиновник Ворченко, а легко раненый полковник Чикалин захвачен абреками. Абреки оставили на месте нападения одного убитого [3, л. 23, 23об].

Начальник Веденского округа, получив телеграмму от ротмистра Долидзе, немедленно дал указание о перекрытии дорог сотней Конно-Дагестанского полка и партизанскими командами, создававшимися специально для борьбы с преступниками на Северном Кавказе. Поручик Даногуев, направляясь по шоссе к Ботлиху, расположил на близком расстоянии друг от друга три засады. Ночью мимо первой засады, имевшей указание всех пропускать, прошла группа всадников. Когда она подошла ко второй засаде, где находился поручик Даногуев, последний окликнул всадников и, не получив ответа и заметив среди них «какую-то суету», произвел по ним выстрел, послуживший сигналом для других военнослужащих, находившихся в засаде. Абреки успели произвести лишь по одному выстрелу. Во время перестрелки полковнику Чикалину удалось вырваться из плена. При осмотре местности были найдены трупы убитых брата Зелимхана и двух неустановленных членов его группы. Также были обнаружены убитые лошади, одна из которых принадлежала Зелимхану. В суммах этой лошади была найдена его сумка с различными походными принадлежностями, в том числе и его личная печать. При дальнейшем осмотре местности была обнаружена винтовка Зелимхана и кровавые следы, а в лесу – трупы еще двух абреков [3, л. 23об, 24, 24об]. Из более поздних документов следует, что посланная ротмистром Долидзе телеграмма была доставлена с опозданием и сотня Конно-Дагестанского полка прибыла на место предполагаемой засады абреков несвоевременно [3, л. 26об].

24 сентября 1911 г. ротмистр Беллик направил начальнику Тифлисского губернского жандармского управления секретную записку (№ 1077). В ней он отметил, какие меры безопасности принимал Зелимхан, позволявшие ему избежать задержания. Как следует из содержания записки, Зелимхан, зная, что по всей Терской области его разыскивают агенты начальников округов, военного отряда, начальников участков, осуществляются внезапные мероприятия военным отрядом, не заходил ни в одно из селений. Остановившись где-либо в горах, в лесу или зарослях кукурузы, он захватывал горцев, «преимущественно родственников, как-то – мужа и жену, отца и сына и т.д.». Оставив при себе одного из них в качестве заложника, другому поручалось принести продукты и все необходимое, «предупреждая, что в случае выдачи начальству его места нахождения, он убьет оставленного заложника». Как подчеркнуто в записке, «благодаря таким мерам, принимаемым абреком Зелимханом и при настоящем ведении администрацией розыска, нет возможности изловить его» [3, л. 26, 26об].

Далее в записке говорится о неэффективной работе агентуры, которая лишится своего заработка в случае поимки Зелимхана: «Многие агенты из горцев, получая хорошее содержание и зная, что с поимкой абрека Зелимхана они своего заработка лишатся, ведут свое дело настолько хорошо, что и администрация ими довольна и абрек, благодаря которому они получают жалованье, жив». Ротмистр Беллик при этом отметил, что он имел двух секретных агентов (на момент составления записки, – прим. С.Н.), один из которых получал 25 рублей в месяц, другой – служил бесплатно [3, 26об].

Документы Департамента полиции свидетельствуют, что в деятельности по розыску и задержанию Зелимхана существовал ряд проблем организационного характера. В частности, разобщенность действий различных ведомств, ненадлежащий обмен оперативно значимой информацией. 22 ноября 1910 г. (исх. № 16210) начальник Терского областного жандармского управления сообщил начальнику Тифлисского губернского жандармского управления, что «ни Начальник Терской Области, ни Начальники подлежащих Округов, ни меня, ни Помощника моего Ротмистра Беллика, не ставят в известность о пополнении розыска, ведущегося административными властями по делу поимки абрека Зелимхана. Все сведения по этому делу объединяются у Начальника отряда, сформированного для поимки Зелимхана, Командира Конно-Дагестанского полка Полковника Моргоны, который даже не считает нужным в интересах дела, бывая в гор. Владикавказе, быть у меня» [3, л. 17]. 25 ноября 1910 г. копия данного письма была направлена Директору Департамента полиции (исх. № 16600) [3, л. 15].

Не менее интересным представляется докладная записка старшего помощника делопроизводителя Департамента полиции коллежского советника Рукавичникова, присутствовавшего 10 октября 1912 г. на заседании «Общества ревнителей истории». В этот день на заседании указанного общества профессором П.И. Ковалевским был прочитан доклад на тему: «Зелим-Хан и Кавказ», в котором дана достаточно объективная для того времени оценка деятельности Зелимхана. В частности, в докладе было отмечено: «Зелим-Хан – есть продукт крупного промаха администрации, не желавшей обращать внимание на поднятие культуры в Чечне... Поэтому Правительство должно обратить самое серьезное внимание на просвещение и культуру Чечни и приблизить к себе население последней...» [3, л. 65].

Проведенный анализ документов российских спецслужб начала XX в. показывает, что в настоящее время существует ряд аналогичных проблем, препятствующих стабилизации порядка в Северо-Кавказском регионе, что обуславливает обязательное изучение исторического опыта при принятии решений в правоохранительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Невский С.А., Лесников Г.Ю.* Борьба с преступностью на Кавказе (о необходимости изучения исторического опыта) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Особый отдел. 1910. Оп. 240. Д. 111.
3. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1910. Оп. 240. Д. 111. Ч. 2.

УДК 7.01

Невская Полина Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики межкультурной коммуникации факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Краснодарского государственного университета культуры и искусств
editor@hist-edu.ru

**Г. БАРДИН. «АДАЖИО». К ВОПРОСУ
О МОДУСНОМ НАКЛОНЕНИИ
ЖАНРА ПОРТРЕТА**

В данной статье осуществлена попытка сделать анализ анимационного фильма Гарри Бардина «Адажио». Данный текст культуры являет собой синтез звука, бумажной пластики и цвета. «Адажио» Г. Бардина рассматривается с позиции модусного наложения жанра портрета, в рамках которого осуществляется презентация личности.

Ключевые слова: анимация, концепт, цвет, техника оригами, портрет, личность.

Nevskaya Polina Vyacheslavovna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Cross-Cultural Communication, Faculty of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Krasnodar State University of Culture and Arts
editor@hist-edu.ru

**G.BARDIN. "ADAGIO". ON THE ISSUE OF
MODUS MODULATION OF THE
PORTRAIT GENRE**

This article presents an attempt to analyze an animated film "Adagio" by G. Bardin. The given text of culture is a synthesis of sound, paper plastic and color. "Adagio" by G. Bardin is viewed from the perspective of modus stratification of the portrait genre, within which the presentation of a personality is materialized.

Key words: animation, concept, color, origami technique, portrait, personality.

Анимация Г. Бардина выполнена в технике оригами, авторство которой связывают с именем японского мастера Акиры Ёсидзавы. Таким образом, интересующий нас текст культуры являет собой синтез звука, бумажной пластики и цвета. Из множественной цветовой палитры для замысла художника оказалось достаточным два: черный и белый. Присутствующий в данном тексте серый цвет мы оцениваем как промежуточный между этим базовыми цветами, вбирающий в себя их оттенки.

Концепт рассматриваемой анимации определяется авторами интернет-страницы, посвященной работе мастера, следующим образом: «История о трагедии новатора – вождя, пророка, о последствиях прихода в мир новых идей, о том, как искажаются последователями поиски вечных истин» [1]. На первый взгляд, подобная трактовка работы художника исключает возможность ее квалификации с точки зрения портретного жанра. Напомним, одним из его главных условий становится непереносимая узнаваемость изображенного на портрете персонажа.

Отстаивая противоположную позицию, обратим внимание на важные для последующей аргументации моменты:

1) отдельные представители зрительской аудитории могут опознать в этой истории фрагмент своей собственной биографии, что позволяет в данном случае говорить о маске, которая, «обобщая стержневые черты характера», служит тем самым «объединению индивидуумов – носителей сходных черт» [2, с. 37], как правило, заметно отличающихся от остальной людской массы;

2) очевидная в анимации Г. Бардина близость маски основанному на воспроизведении движения портрету-характеру;

3) двойственный характер изображаемого Г. Бардиным персонажа, который, с одной стороны, реализует демонстрацию *индивидуального* как опосредованного общим специфического, а с другой – *типического* как опосредованного специфическим общим;

4) реализация в пространстве анимации категории «герой», представленной в следующей модификации: неперсонифицированный герой как главное действующее лицо, обнаруживающее себя в предметном действии [3, с. 7].

Таким образом, мы имеем все основания рассматривать «Адажио» Г. Бардина с позиции модусного наложения жанра портрета, в рамках которого осуществляется презентация Личности через портрет-характер, ситуативный портрет и портрет-жизнеописание.

Специально оговорим, что под Личностью в данном случае мы понимаем некоего подвижника культуры, с чьим приходом человечество обретает шанс стать хоть на чуточку лучше – таковыми были Христос, Моцарт, Пушкин и многие-многие другие. Поскольку тип изображаемого Г. Бардиным подвижника культуры предельно обобщен, на портретах, которые несет окрашенная серым цветом толпа, мы видим неизменно белый силуэт.

Возможно, то, что анимация выполнена в основанной на единой системе универсальных

знаков техники оригами, благодаря чему процесс складывания любой модели может быть зафиксирован в виде серии чертежей, также неслучайно. Другими словами, созданный Г. Бардиным портрет одновременно и оригинален, и универсален. С этой точки зрения неслучаен и выбор музыки «Адажио». В одном случае история создания этой столь популярной музыкальной композиции овеяна тайной, что ставит авторство «Адажио» под сомнение, с другой, – фрагмент нотного текста Т. Альбини был обнаружен, по версии Р. Джадзотто, на развалинах Саксонской земельной библиотеки, которая пострадала во время Второй мировой войны от налетов союзной авиации на Дрезден. Соответственно, изначально «второе рождение» этой пьесы связано с трагической историей в жизни человечества.

Знаменательно, что фильм Г. Бардина начинается с изображения экрана, который уподобляется холсту. Постепенно белый холст затемняется надвигающимся с верхнего левого угла черным облаком. Параллельно движению тучи в том же направлении движется стая черных птиц, с трудом выдерживая сопротивление ветру, который гонит ей навстречу сухие листья и клубы пыли. Когда стая выбивается из сил, что заметно по смятой бумаге, из которой сделаны эти персонажи, появляется Белая Птица. Расправив крылья, она закрывает ими своих сородичей от порывов ветра и, взяв у самой слабой птенца, прижимает его к своей груди. От соприкосновения с Белой Птицей оперение черного малютки светлеет. Когда окружающая стаю птиц тьма рассеивается, черная самка забирает птенца у Белой птицы, после чего птенец подбегает к своей спасительнице и пытается замазать ее оперение черной краской. Однако неорганичное для Белой Птицы черное пятно спустя какое-то время исчезает, т.е. высветляется.

На подмогу птенцу сначала приходит еще один подросток, а потом и отдельные представители черной стаи, но грязь по-прежнему не пристаёт к Белой Птице. И тогда уже все вместе черные птицы окружают Птицу Белую и, сминая ее, разрывают на кусочки ее тело, после чего, наконец, расступаются. В центре остаются лежать смятые фрагменты черной бумаги. И только дождю оказывается теперь под силу смыть черноту. Соединившись, белые кусочки вновь образуют чистый лист бумаги, который устремляется ввысь. На фоне синего неба мы видим, что бумага отмечена нимбом (нимб в переводе с лат. «сияющее облако»).

Наблюдая за полетом белого бумажного листа, который уже вверху приобретает очертания прежней Белой Птицы, черная стая склоняет головы вниз и зритель замечает, как их оперение светлеет от черного к серому. Теперь уже серая стая скорбит об утрате. Неся портреты Белой Птицы, стая решительно изгоняет из своих рядов пытающуюся к ним прибиться Черную Птицу, которая в итоге остается в одиночестве.

Насколько подобная пластическая визуализация музыки «Адажио» оказывается убедительной?

Для ответа на поставленный вопрос остановимся на некоторых общих, наиболее характерных для эпохи барокко положениях, поскольку Т. Альбини, с именем которого связывают «Адажио», представляет музыкальную культуру именно этой эпохи.

Прежде всего, необходимо вспомнить, что музыкальное барокко рождается в рамках культурного диалога Средневековья и Нового времени, вбирая в себя таким образом все оттенки характерной для каждого временного отрезка картины мира. На пересечении культурных доминант, актуальных для обозначенных эпох, собственно и складывается интересующий нас стиль. Остановимся на наиболее важных (с точки зрения осмысления вопроса о правомерности представленной Г. Бардиным визуализации музыкального произведения Т. Альбини) приметах барочной музыкальной культуры.

Во-первых, столь нелогичное, на первый взгляд, поведение стаи, сначала уничтожившей Белую Птицу, а затем – поклоняющейся ей, как святыне, напрямую отвечает этимологии лексемы барокко, которая обнаруживает свою связь с одной из известных еще с XII в. фигур схоластической логики. Речь в данном случае идет о ведущему к ложному умозаключению силлогизму [4, с. 43]. Другими словами, барочный стиль в данном контексте опознается на уровне парадоксальности, в том числе некоторой странности и, одновременно, высокопарности сюжетной линии.

Во-вторых, оправдание «оживших» в рамках анимации бумажных листов, более чем соответствует столь характерному для эпохи барокко музыкальному сенсуализму. Отталкиваясь от слов Т. Кампанеллы, согласно которому «все вещи чувствуют», А.Х. Горфункель приходит к мысли о том, что подобное мироощущение «... вело к созданию концепции живого космоса». Всеохватность такой концепции базировалась на некоем едином принципе, из которого «можно было вывести и движение небесных тел, и возникновение вещей в недрах материи, и существование растительного и животного мира, и человеческое сознание» [5, с. 309].

Третий, отмеченный нами момент, по сути, вытекает из второго, ибо идея «живого космоса»

предполагает его непрестанное становление и, соответственно, обусловленное этим процессом его непостоянство. Таким образом, неотъемлемым, имманентным свойством космоса оказывается движение.

Четвертая, значимая в контексте нашего исследования примета музыкального барокко, жидется на следующем основании. Дело в том, что воплощение барочного сенсуализма в музыке требует придания ей особого качества. Речь идет о зримости музыки. Как поясняет А.Ю. Кудряшов, в данном случае имеются в виду «не символически-отвлеченные замыслы наподобие ренессансных (например белые и черные ноты как символы жизни и смерти, хотя в парадоксальном художественном мире барокко и им есть место), а о *пластической*, театральной конкретике музыкально-интонационного воплощения движения и столкновений различных его типов» [6, с. 55] (выделено нами. – П.Н.).

В-пятых, обратим внимание на еще одну, свойственную барочному мышлению черту, которую эпоха барокко унаследовала от Средневековой культуры. Имеется в виду убежденность в том, что невидимыми нитями любое искусство так или иначе связано с христианскими религиозными представлениями, вследствие чего автор выступает лишь проводником божественных идей. Подобное положение дел с неизбежностью приводит к тому, что на первом месте оказывается не столько композитор, сколько само произведение, обладающее онтологической автономностью как по отношению к создавшему его автору, так и воспринимающему его субъекту. Потому сущностной чертой поэтики барокко становится обращение к непостижимой глубине произведения, выступающего аналогом Абсолюта.

Шестым пунктом, имеющим непосредственное значение к музыкальному барокко, необходимо назвать выработанный Средневековой философией принцип символизма. Вне всяких сомнений, как таковой символизм был не чужд и античной культуре. Достаточно вспомнить о попытках античных философов рассмотреть за вещами идеи, в том числе понимание неочевидности смысла рока в своем ему подчинении со стороны стоиков. Однако, как справедливо замечает В.А. Канке, только в эпоху Средневековья символизм становится «существеннейшей характеристической чертой» средневековой философии [7, с. 57]. Необходимость видеть и слышать скрытое значение за каждым предметом становится неотъемлемой составляющей жизни как простых граждан, так и ученых мужей.

И, наконец, седьмое. Именно в эпоху барокко достигает кульминации начавшееся еще в средневековье влияние риторики на музыкознание [8, с. 12], следствием которого стал перевод всей системы музыкальной техники на язык риторической номенклатуры. При этом в риторических категориях осмыслились не только отдельные музыкальные интонации, но и в целом музыкальная композиция, которую позиционировали как воссоздание структуры ораторской речи. По сути, квалификация музыки как «ученой» речи привела к возникновению примененного к инструментальной музыке понятия «музыкальная речь», авторство которого связывают с именем И. Маттезона.

Обозначив общие основания, оправдывающие возможность визуализации относящегося к эпохе барокко музыкального произведения, остановимся теперь на конкретных приметах, характерных для звучащего в анимации Г. Бардина «Адажио». Имеется в виду следующие факторы:

- а) барочные музыкальные аффекты;
- б) риторические фигуры.

Предваряя их рассмотрение, заметим, что типологически выстроенные каноны изображения чувств в музыке стали своего рода эхом того понимания человеческой реальности, которым отличалась опять-таки средневековая философская мысль. Ее своеобразие и оригинальность заключались в открытии и развитии таких, выступающих высшими образцами личностного самоопределения человека феноменов, как Откровение, Вера, Любовь, Сострадание. Неслучайно поэтому в «последние века средневековья покаяния, все связанные с ним страдания и слезы выступают как результат напряженной внутренней духовной жизни субъекта» [9, с. 62].

Итак, аффект **страдание** соответствует:

- минорному ладу;
- темпам *adagio* или *lento*;
- диссонантности и хроматизмам;
- неторопливому шагу как характерному типу движению;
- музыкально-риторическим фигурам *passus duriusculus*, *saltus duriusculus*, *parrhesia*, *pathos*.

роііа.

Аналогичным образом аффект **печаль** выражается при помощи:

- того же лада (минорный);
- того же темпа с той лишь оговоркой, что вместо *lento* наряду с *adagio* предписан темп *an-*

dante;

- тех же диссонантности и отдельных хроматизмов;
- отмеченного наличием синкоп типа движения;
- музыкально-риторическими фигурами *ellipsis*, *gradation*, *katabasis*, *circulation*.

Аффект **любовь** актуализируется при помощи:

- мажорного/минорного лада;
- темпа *andante*;
- отдельных диссонансов;
- отмеченное синкопами неторопливое плавное движение;
- музыкально-риторической фигуры *katabasis*.

Вне всяких сомнений, характерные для «Адажио» Т. Альбини аффекты – имеются в виду страдание, печаль и любовь – с очевидностью представлены и на уровне визуализации. Аналогично сплетению в музыке разнообразных мотивов, отвечающих таким риторическим фигурам, как *saltus duriusculus*, *katabasis*, *passus duriusculus* наличие в пластической визуализации контрастных цветов (черный и белый, в том числе противопоставление света и тьмы, а также противостояние птицы-одиночки стае, задающее оппозицию личности и толпы), по сути, сообща преследуют одну и ту же цель: заявить об одновременной истинности идей, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими. Например, в страданиях Христа наше исцеление; Смерть Христа – залог вечной жизни; в унижение Христа его слава земная и небесная; Его терновый венец – то же, что корона и т. п. При этом, в унисон с лучшими представителями средневековой философской мысли, вопреки сегодняшней конъюнктуре, Г. Бардин при осмыслении общества на первое место ставит не политику и не экономику, а нравственность. Более того, анимация Г.Бардина ставит каждого из нас перед необходимостью личностного самоопределения в своем духовном мире, в том числе и мире окружающей нас культуры.

Все вышеизложенное позволяет нам позиционировать «Адажио» Г. Бардина как портрет-жизнеописание, в центре которого – подвижник культуры. Речь в данном случае идет о личности, чья нравственная позиция отличается от позиции большинства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2011-07-03-2746>
2. Казанцева Л.П. Музыкальный портрет. М., 1995.
3. Байкиева Р.М. Герой как категория музыкальной поэтики в пьесах детского фортепианного репертуара: автореф. дис. канд. искусствовед. Ростов-н/Д, 2010.
4. Кудряшов А.Ю. Теория музыкального содержания: учеб. пособие. СПб., 2006.
5. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
6. Кудряшов А.Ю. Указ. соч.
7. Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс. М., 2002.
8. Махов А.Е. Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. М., 2007.
9. Канке В.А. Указ. соч.

УДК 94(3)(340.152)

Никитина Анна Дмитриевна

кандидат исторических наук, магистр педагогики,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин
Московского института экономических преобразований
editor@hist-edu.ru

Nikitina Anna Dmitrievna

PhD in History, Master of Pedagogy, Head of
the Department of Humanities of
the Moscow Institute of Economic Reforms
editor@hist-edu.ru

**ДОГОВОРЫ КРЕДИТА И КУПЛИ-ПРОДАЖИ ИЗ
ЭЛАМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н.Э.
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С АНАЛОГИЧНЫМИ
ВИДАМИ ДОКУМЕНТОВ ИЗ МЕСОПОТАМИИ**

**CREDIT & SALE CONTRACTS OF ELAM OF
THE FIRST HALF OF THE 2ND MILLENNIUM
BC. SIMILARITIES AND DIFFERENCES WITH
RESPECT TO THE SIMILAR TYPES OF
DOCUMENTS FROM MESOPOTAMIA**

В результате комплексного исследования эламских правовых документов первой половины II тыс. до н.э., особенно наиболее важных с юридической точки зрения договоров кредита и купли-продажи, был выявлен отдельный вид правовой культуры. Эламская правовая культура сформировалась под влиянием шумерской культуры, но стагнация в развитии правовой культуры Элама продолжалась до конца II тыс. до н.э. Судебная система Элама была аналогична ашшурской. Вавилонская же правовая культура повлияла на активное применение в Эламе во II тыс. до н.э. практики фиксации и оформления различных видов частноправовых сделок.

As a result of the comprehensive study of the Elamite legal texts of the first half of the 2nd millennium BC, particularly of those loan and sale agreements that are of great importance from the legal angle, the distinct kind of legal culture has been revealed. The Elamite legal culture was formed under the influence of Sumerian culture, but stagnation in the development of the legal culture of Elam continued until the end of the 2nd millennium BC. The judicial system of Elam was similar to the system of Ashur. The Babylonian legal culture influenced the active application of the recording and registration practice of various types of private-law transactions in Elam of the 2nd millennium B.

Ключевые слова: эламская правовая культура, договоры кредита и купли-продажи, судебная система Элама.

Key words: Elamite legal culture, credit and sale agreements, judicial system of Elam.

Правовые документы из Элама, изданные в 1930-е гг. французским ученым В. Шейлем, уже привлекали в 1940-1950-х гг. внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [1, р. 23-89; 2, р. 13-112; 3, р. 17-124] (номера использованных в статье табличек с договорами купли-продажи и кредита-займа: 22-83, 120-124, 178-240, 270-275, 342-365).

Известные представители французской и немецкой научных школ Э. Кюк и П. Кошакер [4, р. 43-73; 5, р. 149-183; 6, с. 38-81] провели предварительный юридический анализ документов, а отечественные ученые И.М. Дьяконов и Ю.Б. Юсифов подробно рассмотрели большую часть источников в рамках изучения административной и социально-экономической истории Элама в первой половине II тыс. до н.э. [7, с. 7-23; 8, с. 191-222; 9, с. 201-261].

Однако до настоящего времени не было проведено комплексного правового исследования таких текстов, которое позволило бы определить их значение в формировании древнейших периодов эламского права.

Эламское царство со столицей в городе Сузы появилось во второй половине III тыс. до н.э. как объединение группы небольших («номовых») государств, представлявших собой слияние отдельных городских общин, которые были центром подобного государственного образования, с расплывшимися вблизи последних сельскими общинами-*âlum* (на юго-западе современного Ирана). В последней трети XXI в. до н.э. Элам был присоединен к знаменитому государству III династии Ура, которое стало наследником объединенного шумеро-аккадского царства Саргона Великого. Однако, после падения царства Ура около 2015 г. до н.э., Элам не только получил независимость, объединившись с племенами амореев, но и на некоторое время оккупировал город Ур (столицу уничтоженного царства III династии Ура). При этом шумеро-аккадское культурное влияние было настолько сильным, что аккадский язык стал на долгое время основным языком эламского делопроизводства.

В начале II тыс. до н.э. Элам, вероятно, находился в формальном подчинении царства соседней с Уром Ларсы, а около 1764 г. вошел на некоторое время в состав державы известного старовавилонского правителя Хаммурапи, что ещё больше углубило процесс объединения культурных достижений эламитов и жителей юга Месопотамии.

Появление на иранском нагорье индоарийских племен в конце XVI – нач. XV в. до н.э. положило конец единству Элама, а во второй половине XIV в. до н.э. он становится частью государства

касситская Вавилония, которое, в свою очередь, сменило на юге и в центре Месопотамии Старовавилонское царство, созданное аморейскими племенами.

Большинство из исследованных правовых источников, общее число которых приближается к 840, рассматривают различные виды обязательственных правоотношений. Они происходят, прежде всего, из Суз и написаны на старовавилонском диалекте аккадской клинописи.

В статье мы попытаемся восполнить имеющийся пробел и выявить сходства и различия между эламскими документами первой половины II тыс. до н.э. и хронологически близкими ашшурскими, вавилонскими и другими более ранними аналогичными текстами, рассмотрев подробнее наиболее значимые с правовой точки зрения виды правоотношений – договоры кредита и купли-продажи.

Большинство из указанных табличек можно условно разделить на две большие группы: правоустанавливающие документы, связанные с вступлением в «братство» и выходом из его состава (их около 650) и другие договоры (которых около 180).

Наиболее важной с правовой точки зрения и информативной для нас является вторая меньшая из указанных групп. Несмотря на ограниченное количество текстов в нее входящих, именно эта группа позволяет детально исследовать особенности эламского права.

В отличие от хронологически близких договоров кредита-займа из Вавилонии или тех, которые заключали ашшурские купцы для проведения коммерческих операций в Малой Азии, в Эламе такие сделки ещё не имели четкой структуры. Из существенных условий в обязательном порядке в таких документах указаны только объект займа и имена кредитора и должника. Другие условия, такие как место предоставления ссуды и уплаты по ней, а также величина процента (при денежном займе) могут содержаться в тексте договора, а могут и отсутствовать. При этом время возвращения подобных выплат обычно определялось шумерским термином *ra1û*, т.е. временем или периодом исполнения административных обязанностей одним из представителей совета старейшин, что сближает эламские правовые документы и ашшурские, где подобные функции исполняли правовые коллегии-*hamuštum*.

Среди предписываемых условий чаще всего указано оформление залога или условие, гарантирующее возврат долга, а также фиксируются имена свидетелей. Вместо известных нам по вавилонским и ашшурским табличкам оттискам печатей, как самих контрагентов, так и их свидетелей в Эламе применялся оттиск пальца должника.

В этой связи необходимо отметить, что печати в Эламе указанного периода принадлежали только наиболее богатым и уважаемым общинникам.

В большинстве из исследуемых табличек такого типа отмечено предоставление натуральных или денежных кредитов под залог недвижимости. Значительно реже в качестве залога использовался скот, но ни в одной табличке залогом не мог стать лично свободный член семьи, что также сближает эламское право с ашшурским, где такие объекты залога встречаются в документах в единичных случаях.

Однако, в одном из таких документов, № 37, имеется интересная правовая формула: «*adi šeam utārru ziziktu ana izibti ezbeêt*» – до того как (т.е. пока) зерно не вернет, край одежды в нетронутom положении будет оставлен. Таким образом, может оформляться как залог в виде одежды, так и удержание за такую одежду самого кредитора до срока полной выплаты по кредиту. Однако речь в любом случае, по нашему мнению, не идет об использовании труда должника в период, зафиксированный в сделке, или о его пребывании непосредственно в доме кредитора. В табличке, по-видимому, оговорено, что должник не должен покидать пределов общины, что, вероятно, связано со спецификой деятельности последнего.

Подобное распространение залогового кредитования в целом не было характерно ни для документов ашшурских купцов из Малой Азии, ни для частноправовых правоустанавливающих источников из Вавилонии [10, s. 56-88]. При этом не стоит забывать, что фактически кредитор получал в залог не конкретный участок, а право на пользование и владение в дальнейшем одним из участков. Прежде чем подробно проанализировать указанные документы, рассмотрим специфику различных видов кредитования.

В редких случаях, как в табличках 24 и 185, при оформлении денежных кредитов использовался беспроцентный тип кредита-*habuttatum*, известного нам по малоазийским текстам (в вавилонских текстах он встречается редко). Однако такие кредиты, процент по которым начислялся только с момента просрочки, оформлялись в рамках функционирования местной эламской торговой организации-*kārum*, аналогичной ашшурской в Малой Азии (К примеру, документы с 17 по 67 из собрания табличек из центра системы международных торговых колоний в Малой Азии (Каниша), изданных Г. Айсером и Ю. Леви) [11, s. 18-67]. Также необходимо отметить, что не все креди-

ты, выдаваемые членам торговой организации, были беспроцентными, но все возвращались в торговой конторе организации.

По такой же схеме в Эламе, вероятно, выдавались кредиты жрецам и их ближайшим родственникам со стороны храма, в котором они исправляют культ, что отражено в документе 22.

Если же храм предоставлял кредит лицу, не имеющему отношения к его хозяйству, то он выдавался или, как к примеру, в табличке 146 под залог скота, или как в документе 180, – недвижимости, принадлежащей заемщикам.

В нескольких документах, к примеру, в 47, 39 и 27, мы обнаружили другой вид беспроцентных займов – «qaqadma» (только голову). Но в двух из них есть указание на то, что такие кредиты выдаются как для родственников или компаньонов.

Все процентные займы могли по желанию кредитора выплачиваться как деньгами, так и натурально. Встречается даже известная нам по вавилонским и ашшурским документам оплата в виде предоставления услуги, к примеру, по взращиванию сада или обработке поля.

Сам термин, который чаще всего встречается в эламских документах – «šiptu», характерен для сделок, проводимых в рамках торговых сообществ ашшурских купцов в Малой Азии [11, с. 18-67]. В вавилонских же табличках наряду с ним для обозначения процентного кредита часто употреблялся термин – ḫubullu, который в Эламе обозначает проценты только при натуральном займе.

Что же касается процентной ставки по различным видам кредитов, то в отличие от Старовавилонского царства, она не была строго зафиксирована нормативно, постоянно колебалась и могла составлять от 0,6 до 40% – по денежным ссудам и от 10 до 50% – по натуральным. Конечно, такая процентная ставка была ниже той, что использовали для подобных сделок ашшурские купцы в Малой Азии, доходившей до 120%. Однако, не стоит забывать, что в этом случае мы имеем дело с торговым кредитом, который при правильном его использовании, мог дать прибыль до 400% за одну крупную коммерческую операцию. Проценты выплачивались обычно после сбора урожая.

Вернувшись к подробному рассмотрению наиболее часто встречающихся сделок с предоставлением залога в виде недвижимости мы можем отметить, что в таких документах по большей части не зафиксирован сам термин залог, известный нам по ашшурским и вавилонским документам (термин šarartu), но вместо него присутствует правовая формула «adi kaspat (šeam) utaru ina E. DU. A-šu u irišu sikkatu maṣḥāt» (до того, как серебро (ячмень) и проценты он не вернет, на его доме и хозяйстве его колышек будет забит). Юсифов, проводя экономический анализ подобных договоров, относит их к т.н. текстам по ипотеке, т.е. таким, где кредитор не мог пользоваться залогом до момента невыплаты долга [8, с. 196-198]. Но в этой связи необходимо указать, что нигде в текстах не фиксируется, что право собственности или владения на такую недвижимость до момента просрочки имел исключительно должник.

Немецкий специалист К. Вильке, рассматривая более раннюю шумерскую правовую традицию, распространённую на юге и в центре Месопотамии до середины III тыс. до н.э., отмечает, что в договорах купли-продажи из крупных вавилонских экономических центров Киш и Лагаш также часто использовалась подобная правовая формула [12, р. 82-99].

Таким образом, подобная правовая практика, с одной стороны, демонстрирует близость эламской правовой системы к ашшурской, но, с другой стороны, документы из Элама более архаичны и близки к древнейшей шумерской правовой культуре, поскольку, во-первых, не дают возможность заемщику, расплатившись с долгом позднее установленного срока, если он вписан в табличку, забрать свою землю и дом обратно, а во-вторых, не предоставляют в качестве залога кредитору конкретный участок, ограничиваясь лишь правом на тот из них, который достался по жребью должнику в данном сельскохозяйственном сезоне.

Самым интересными из таких текстов являются, по нашему мнению, документы 181, 28 и 344.

В первом из них мы можем прочесть, что сделка была заключена с учетом т.н. «kibsum ša māṭ Šusim» – правового обычая сыновей т.е. жителей Суз. Однако далее сообщается, что в храме бога Нанхунте (аналога общемесопотамского бога Шамаша) были свои правовые обычаи и виды защиты активов жрецов (kidīnam kibīššam ul utahḥarušu), но они не будут приняты в расчет.

Таким образом мы можем предположить, что в городской общине и её суде имелись если не зафиксированные нормы обычного и прецедентного права, то, как минимум, документы, ограничивающие по каким-либо критериям заключение сделок кредитования с предоставлением залога в виде недвижимости. Аналогичная практика имела место и в храмовой общине и её суде.

Вероятно, подобные ограничения фиксировались в правовых актах, близких по своему содержанию к указам о «справедливости»-mīšārum, которые издавались старовавилонскими царями.

При этом необходимо учитывать, что в отличие от Старовавилонского царства подобные документы содержали ограничения только по операциям с недвижимостью.

В двух других табличках зафиксировано, что при оформлении займа активы заемщиков «šulla (или kidinam) u kibīšša ul išu» (защиты, поддержки и правового обычая не имеет(ют)), т.е. недвижимость, которая становится по договору залогом не защищена никакими правовыми нормами или актами.

Обращаясь к договорам купли-продажи недвижимости, следует отметить, что во всех таких договорах также присутствует юридическая формула, знакомая нам по предыдущим документам – «eqļu ibbaqarma ina eqlišu sikkatu mašhat» (если поле он, т.е. продавец потребует обратно, на поле его колышек забит), т.е. уже забит. Таким образом, договор кредита с залогом в виде недвижимости являлся в эламском праве своеобразным видом сделки предшествующей вступлению в правоотношения купли-продажи. В первом случае оформлено временное и частичное отчуждение, а во втором – более полное и постоянное. Правовая неоднозначность и сложность подобных сделок, как уже отмечалось выше, состояла в том, что покупатель приобретал, таким образом, не конкретный участок, а право на земельный надел определенной площади в отдельно взятой семейной общине, который он получал по жребию в каждый из сезонов.

Кроме того, в большинстве подобных документов в предписываемых условиях договора отмечена и другая правовая формула – «на вечные времена и очередные годы для детей, для вчиняющих иск; это – не выкуп и не залог, цена полная, как отец сыну покупает, он купил на вечные времена».

В остальном структура договора купли-продажи аналогична сделкам предоставления кредита. Из существенных условий в обязательном порядке указаны только объект продажи, имена продавца и покупателя, а также сумма сделки. К предписываемым условиям кроме упомянутых правовых формул можно также отнести описание в редких случаях района, в котором находится объект сделки. Инициативным условием чаще всего было требование пояснения того факта, как продавец получил право на него, как в табличке 200. В завершение договора также фиксируются имена свидетелей и отпечатки пальцев продавца и покупателя.

Как и в старовавилонских частнопрововых документах в некоторых из эламских текстов детально прописываются характеристики объекта сделки – или это участок земли с домом (E.DU.A), или большое хозяйство (E.DU.A GAL). Известный по вавилонским документам термин «isqatum» обозначал, по-видимому, часть дома с небольшим приусадебным участком, представлявшим собой долю от общей земли и дома. Скупая доли своих братьев и сестер, один из них, как в документе 14 некий Илабрат-аби, может снова получить в собственность все хозяйство целиком. С юридической точки зрения эта табличка важна ещё тем, что демонстрирует применение норм права, зафиксированных в хронологически близком правовом акте из соседней Эшнунны (т.н. закона царя Дадуши, датируемых концом XIX – нач. XVIII вв. до н.э.; № 38 законов, где приоритетным правом покупки собственности «неразделенных» братьев обладает другой брат) [13, р. 54-83].

Однако не стоит забывать, что поскольку как уже указывалось, при покупке не продавался конкретный участок земли, а право на владение и пользование таким участком в рамках собственности семейной общины. Мы не сможем, поэтому, найти в документах ни места расположения надела, ни указаний соседских приграничных территорий. Таким образом, продавался не

Если обратиться к вопросу стоимости таких объектов, то необходимо отметить, что в эламских текстах в отличие от вавилонских очень редко встречаются пояснения, связанные с назначением цены за участок или дом. Только в одном из документов (58) отмечено, что поле, измеренное писцом, находится рядом с каналом (atappum), поэтому у стоимость его значительно выше, чем у других.

Однако среди эламских договоров купли-продажи существовали и такие, которые в подобной правовой форме неизвестны нам по старовавилонским и ашшурским документам – коллективные сделки купли-продажи, зафиксированные в табличках 205, 209, 213 и 228, где собственников недвижимости два, в текстах 66 и 208, где их трое, а также в 53-м, где их четыре. При этом интересно отметить, что такие собственники могли и не быть родственниками, но, вероятно, состояли в дальнем родстве.

При этом, как сообщает К. Вильке, подобные типы сделок встречаются в документах из Киша середины III тыс. до н.э. в рамках упомянутой шумерской традиции [12, р. 100-107].

Как и в случае вступления в правоотношения купли-продажи, где продавцом является формально одно лицо, в подобных договорах наиболее важной частью сделки является переход права владения и пользования земельным наделом, который мог и не иметь конкретных границ. Таким образом можно отметить, что в отличие от права собственности в целом, правомочия владения и

пользования могли оформляться не на конкретную недвижимость, а на актив с определённой площадью и характеристиками, предоставляя т.о. формальному покупателю, прежде всего, право на владение и пользование наделом, а не сам надел, который становился собственностью участника сделки только при полном отчуждении, возможном исключительно после окончательного распада внутриобщинных связей. Подобные документы были очень важны для стабильного социально-экономического положения большесемейной общины, которая и была фактическим собственником всей рассматриваемой земли.

В заключение отметим, что данные исследованных документов позволяют нам утверждать, что при рассмотрении дела, которое разбиралось двумя-тремя судьями из представителей городского совета Суз, присутствовал как представитель администрации правителя (*teripir*), так и группа рядовых членов общины – т.н. многие сыны Суз. Все присутствующие указывались в судебных документах в качестве свидетелей. Такая судебная система близка к той, которая функционировала в Ашшуре и международных торговых колониях в Малой Азии, с центром в Канише. Таким образом, рассмотрев эламские правовые документы, мы можем сделать следующие выводы.

В Эламе в XVIII-XVII вв. до н.э. мы обнаруживаем очень интересный вариант правовой культуры, близкий по типу к соседним вавилонской и ашшурской культурам, но более архаичный. Такая правовая культура начала свое формирование с конца III тыс. до н.э. при активном влиянии шумерской культуры и не претерпела до середины II тыс. значительных изменений. Для исследуемого периода она была, таким образом, уже довольно отсталой. Такая «стабильность» не могла не привести к существенному застою в развитии права, из-за которого дальнейшее развитие эламской правовой культуры продолжится только с начала I тыс. до н.э.

Правовая же модель, в рамках которой строится судебная система, и оформляются правоотношения, близка к ашшурской. Однако в данном случае будет не совсем корректно говорить о прямом заимствовании. Скорее имеет место опосредованное влияние ашшурской правовой культуры, связанное, в том числе и с некоторыми общими чертами в социально-экономическом развитии государств и постоянными торговыми связями между Эламом, Ашшуром, Мари, а также соседней Эшнунной.

При этом соседство с могущественным Старовавилонским царством привело к активному развитию правовой практики фиксации и оформления различных видов частноправовых сделок, что не было характерно для более ранних периодов. Документы, созданные при использовании такой практики, как мы могли видеть, не приобрели ещё законченной структуры, так характерной для вавилонских договоров. Однако, позитивное влияние вавилонской писцовой традиции, выразившейся, прежде всего, в том, что такие таблички составлялись на аккадском языке, уже принесло свои плоды. Появление новых видов сделок, таких как отчуждение недвижимости, которое постепенно вытеснит кредитование с залогом, позволит в дальнейшем уже на базе местного языка совершенствовать обязательственные правоотношения, стимулируя прогрессивные начала в эламской правовой культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Mémoires de la mission archéologique de Perse. v. XXII (1930).
2. Mémoires de la mission archéologique de Perse. v. XXIII (1932).
3. Mémoires de la mission archéologique de Perse. v. XXIV (1933).
4. *Cuq E.* Le actes juridiques Susiens // *Revue de assyriologie et archeologie orientales (RA)*. 1931. v. 28. № 2.
5. *Cuq E.* Le droit élamite d'après les actes juridiques de Suse // *RA*. 1932. v. 29. № 4.
6. *Koschaker P.* Göttliches und weltliches Recht nach der Urkunden aus Susa // *Orientalia*. 1935. v. IV. № 5.
7. *Дьяконов И.М.* История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956.
8. *Юсифов Ю.Б.* Эламские хозяйственные документы из Суз // *Вестник древней истории*. 1963. № 3.
9. *Юсифов Ю.Б.* Эламские правовые и экономические документы из Суз // *Вестник древней истории*. 1963. № 4.
10. *Schorr M.* Urkunden des altbabylonischen zivil- und prozessrechts. Leipzig, 1913.
11. *Eisser G., Lewy J.* Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe. Leipzig, 1930. T. 1-2.
12. *Wilcke C.* Early ancient near eastern law. München, 2003.
13. *Goetze A.* The Laws of Eshnunna // *Sumer*. 1948. v.4. № 2.

УДК 325.3:327:94(73) "2000/2008":94(470) "1991"

Павловский Андрей Сергеевич

Pavlovsky Andrei Sergeevich

аспирант кафедры новой и новейшей истории
факультета истории, социологии и международных
отношений Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Postgraduate Student of the Department of Modern
and Contemporary History of the Faculty of History,
Sociology and International Relations of
Kuban State University
editor@hist-edu.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США
И РОССИЕЙ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭПОХ. БОРЬБА РОССИИ С ЗАПАДНЫМ
НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ (2000-2008 гг.)**

**THE PROBLEMS IN THE RELATIONSHIPS
BETWEEN THE USA AND RUSSIA IN THE
SYSTEM OF GEOPOLITICAL EPOCHS.
RUSSIA'S STRUGGLE WITH THE WEST
NEOCOLONIALISM (2000-2008)**

Статья анализирует состояние политических отношений между США и Россией в периоде с 2000 по 2008 гг. Через сравнительный анализ стратегических концепций Соединенных Штатов и Российской Федерации в новом столетии автор пытается выявить значения наиболее принципиальных противоречий между США и Россией в условиях социально-политической эволюции государств.

The article analyses the relations between the USA and Russia in the period 2000 - 2008. By means of comparative analysis of the strategic concepts of the United States and the Russian Federation in the new century the author tries to explore the meanings of the most important contradictions between the USA and Russia in conditions of socio-political evolution of the states.

Ключевые слова: геополитические эпохи, США, Российская Федерация, концепция национальной безопасности.

Key words: geopolitical epochs, USA, Russian Federation, national security concept.

Соединённые Штаты Америки уже более полувека находятся в авангарде мирового политико-экономического лидерства и являются одним из ключевых гарантов международной безопасности. Опираясь на мировой военный потенциал, в общепринятом понимании международная безопасность трактуется, как целостность и развитие государств в общепланетарном масштабе. Но, постбиполярный период международных отношений свидетельствует о том, как одно государство, на очередном этапе своей эволюции, способно самостоятельно формировать и одновременно расшатывать шкалу глобальной стабильности. Сегодня основные международные игроки всё же имеют достаточно ресурсов для взаимного военного сдерживания. Однако, в первую очередь американо-российские отношения 2000-2008 гг., как и характер глобальной политики в этот период в целом, обозначили острую необходимость в нахождении для США государства-противовеса или системы таких стран, как непосредственного залога стабильности. В условиях жёсткой геополитической конкуренции постмодерна развитие государства-противовеса будет зависеть от стратегии формирования его внутригосударственного климата. В этой связи для России особо ценен был бы непосредственно опыт США и некоторых стран Запада.

В отношениях между странами Запада и Россией в период новой и новейшей истории выделяется несколько геополитических эпох, каждая из которых фиксировала определённую расстановку сил на международной арене и отражала уровень и характер социально-политической эволюции государств по отношению друг к другу.

Для этих представителей христианской цивилизации период географических открытий и колониальных завоеваний XV-XVI вв. явился отправной точкой ускоренного и глобального освоения пространства земли, давая начало формированию мировой политической системе в её нынешнем виде. Основное отличие состояло в видах экспансии: Российскому государству принадлежала сухопутная, а Западу – морская. Несмотря на отсутствие определяющего взаимного влияния, этот этап истории можно рассматривать, как приблизительно равную площадку для возможностей распространения своего влияния и совершенствования внутригосударственного климата, поскольку тогда оппоненты имели относительно одинаковый уровень научных знаний и военные возможности. Также страны Запада, как и Российское государство, долгое время находились во власти феодально-помещичьих отношений при абсолютных монархиях, характерных тому времени. И хотя, в целом климатические условия в Европе мягче, чем в России, их можно отнести к общей климатической категории стран, инфраструктура которых значительно отличается своей развитостью от государств южных цивилизаций. Имели они также общую основную проблему в лице набирающих силу, сторонников прогрессивных отношений и искоренения феодальных основ. Однако каждая из сторон выбрала свой путь решения этой проблемы.

Итак, период географических открытий и колониальных завоеваний XV-XVII вв., завершившийся на европейской арене Тридцатилетней войной 1618-1648 гг. отобразил формирование во внешней политике прагматического фактора национальных интересов (Англия, Франция, Швеция, Голландия и т.д.) над религиозными принципами «универсальной империи христианских монархий» в лице Испании и её союзников. Эта эпоха, при начальной стадии разложения феодализма, характеризовала в себе расцвет абсолютизма, как основной формы управления обществом в отдельно взятом государстве. В господствующем варианте она продлилась до образования Соединённых Штатов Америки в 1776 г., то есть до появления альтернативной формы управления взамен общепринятому «старому» порядку. Началу коренной ломки феодально-абсолютистских отношений в общеевропейском масштабе послужили революционные события XVII в. в Англии [1, с. 88] во главе с О. Кромвелем. Но, при всей совокупности противоречий между основными геополитическими игроками общее было одно – колониальная эксплуатация осваиваемых территорий, как наиболее лёгкий способ обогащения.

Затем, с периода образования США [2, с. 14] и наполеоновских войн до наступления Версальской геополитической эпохи в 1919 г., наряду со сражениями за колонии, главным вопросом стала долгая борьба внутри метрополий за смену старого – феодального порядка на новый – капиталистический. Подобные преобразования дали мощный толчок к независимости в самих колониях. В первой трети XIX в. её обрели некоторые страны Латинской Америки, однако на протяжении последующих лет изначально колонизируемые территории подверглись дальнейшей эксплуатации и переделу. Проблема абсолютизма в Российской Империи в её радикальном развитии обострилась на стыке XIX-XX вв., когда в период расцвета индустриализации – одного из самых сложных этапов становления государства, вышли из-под контроля аграрный и рабочий вопросы.

Предвестником Версальской геополитической эпохи стало падение царской России и вклинивание в передел мира Германии, сумевшей на рубеже XIX – XX вв. успешно преобразовать свою социально-политическую систему, постепенно избавляясь от основ феодализма. Правительству рейхсканцлера Бисмарка и его последователям удалось интегрировать в традиционные буржуазные круги представителей рабочего движения, ликвидируя классовый дисбаланс, и отыскав, тем самым, наиболее эффективный вариант внутрисистемного государственного развития. За решение рабочего вопроса ратовал и кайзер Вильгельм II [3, с. 390]. Только спустя несколько десятилетий, ввиду амбициозности кайзера и последующих ошибок А. Гитлера на основе «мессианских идей», после Второй мировой войны западные немцы снова встанут на рельсы социально-политического и экономического прагматизма. Версальская эпоха также явилась предшественницей появления биполярной эпохи международных отношений, которая во многом символизировала распад колониальной системы и борьбу двух основных режимов, сложившихся при выходе из феодально-абсолютистского варианта управления. Главным камнем преткновения этого времени стал вопрос глобального передела собственности и поиск на него ассиметричного ответа. «Измученные низы специфическими издержками человеческого прогресса» в лице СССР и его союзников попытались отобрать и справедливо разделить собственность у капиталистов Запада. При этом неизвестно то, что стало бы с границами стран Запада, помимо самого отбора этой собственности. В свою очередь, главенствующие круги США и Европы нашли ответные меры (комплекс экономических и военных подходов на идеологической основе) от нарастающей социалистической угрозы.

В связи с итогами биполярной эпохи устанавливается тот факт, что советская система, в контексте существования нашего государства, не выдержала конкуренции и, как сословно-монархический строй Российской Империи, осталась промежуточной фазой развития. А советская линия, не исключавшая в себе отбор собственности и возможное изменение границ западных государств, после завершения «холодной войны» поставила на повестку дня у оппонентов вопрос о схожем, но скрытом подходе. Стало очевидно, что среди многих причин вырождения социалистической системы, просматривается отсутствие определяющего компонента государственного развития: доминирования принципов и основ упорядоченной (рыночной) торговли, толкающих вперед и индивидуальное хозяйство, и государство в целом.

Таким образом, в соответствии с общеисторическими тенденциями, Россия, перешла к рыночным подходам в экономике и принципам развития естественных прав человека. Однако наряду с принятием социально-политической модели правового толка, в стране наблюдается серьёзная пробуксовка реализации конституционных основ, что, по сути, означает отсутствие доли спланирующего компонента в социальной составляющей развития государства.

После развала Советского Союза Россия более десятилетия лет шла в фарватере американской

внешней политики и исполняла роль так называемого «младшего партнёра». В новом столетии политика Москвы начинает заметно претерпевать изменения, в связи с чем отношения Вашингтона и Москвы 2000-2008 гг. разделились на две части. Первую часть можно назвать периодом «мягкой конфронтации», поскольку он символизирует некоторое потепление отношений между двумя странами после трагедии 11 сентября 2001 г. в г. Нью-Йорке и г. Вашингтоне. Длится он приблизительно до начала 2004 г., то есть с наступлением «бархатных революций» по периметру постсоветского пространства. Смещение С. Милошевича в Сербии в октябре 2001 г. поначалу не могло в себе отразить грядущих перемен. Однако, управляемые из Вашингтона, ноябрьский переворот в Грузии в 2003 г. и «оранжевая» революция в Украине 2004 г. показали, что лобовое столкновение интересов Запада и России неизбежно, и оно стремительно набирает обороты [4, с. 9]. Вторую часть можно обозначить как период «открытой» или «жесткой» конфронтации, поскольку шкала доверия между странами падала с такой быстротой, что, в итоге принципиальность позиций двух стран подвела их к черте абхазских и юго-осетинских событий, называемых «войной 08.08.08».

Основные контуры внешней политики США около трёх десятков лет определяет Концепция национальной безопасности (далее КНБ США) – принципиальный документ, эволюционировавший в 1986 г. из внешнеполитических директив периода «холодной войны». Многие эксперты справедливо склоняются к тому, что принципы, отражённые в КНБ США – 2002 и 2006 г., являются апогеем «открытого глобализма», через призму которого просматривается шкала отношений Вашингтона с другими регионами и с Россией в том числе. Всё же непосредственной базой для осуществления столь радикальных подходов стали КНБ США 1994 г. [5, с. 114] и КНБ США 1996 г. [6, с. 117], где американцы объявили себя нацией с глобальными интересами и мировым лидером в решении конфликтов. В соответствии с КНБ США 1994-1996 гг., американская внешняя политика будет стремиться, как в одиночку, так и с другими странами, к либерализации недемократических государств и преобладанию над остальным миром в таких ключевых областях, как экономика, политика, технологии, индустрия. Здесь можно предположить, что реализация столь амбициозных аспектов обернулась для Белого дома терактами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, какие бы силы за ним ни стояли.

Стратегии Вашингтона в новом веке дополняются несколькими неоднозначными моментами относительно России. В частности: в КНБ 2002 г. подчеркивалось приветствие демократических преобразований в России: «Отныне наши страны больше не являются врагами. Мы не препятствуем вхождению России в ВТО, приветствуем создание Совета Россия – НАТО с целью углубления сотрудничества в сфере безопасности. США, также, будут поддерживать независимость и стабильность стран бывшего СССР с верой в процветающее и стабильное добрососедство, которое поможет России интегрироваться в евро-атлантическое сообщество. Также, Америка заинтересована в вопросе о сокращении ядерных вооружений» [7]. Но, нужно ли это Белому дому? В документе КНБ 2006 г. Вашингтон уже без сомнений выразил скептическое отношение к развитию демократии в РФ. США должны быть готовы к тому, чтобы действовать в борьбе с терроризмом и неугодными режимами самостоятельно в случае необходимости [8].

Как показала практика, положение КНБ США 2006 г. касательно России, прописанное в традиционном дипломатическом стиле о непринуждённости внешнеполитических планов, есть не что иное, как разъяснение того, что в КНБ США 2002 г. союзническая ставка изначально была сделана на бывшие республики СССР, а не на Россию. Таким образом, только сейчас здесь просматриваются завуалированные замыслы США по дестабилизации на границах России через перемены в постсоветских странах. Учитывая многолетнюю совместную историю России с этими республиками, а также причины их опеки со стороны ещё Российской империи, можно утверждать, что военная акция грузинских войск в Абхазии и Южной Осетии – намеренный план Вашингтона и его служб в условиях упадка отношений РФ со странами СНГ. Цели Вашингтона – включение в состав НАТО Украины и Грузии, и уже на основании ст. 4 вашингтонского договора 1949 г., то есть на правовых основаниях, – дестабилизация ситуации в юго-западном регионе России. В случае продолжительности конфликта это вызвало бы отток капитала из курортного региона России и повлекло возможный срыв грядущей Олимпиады в Сочи 2014 г. Угроза по-прежнему сохраняется. Нельзя не заметить и участие украинских военных в помощи грузинским подразделениям в пятидневной войне 2008 г.

Поскольку в начале октября 2012 г. Белый Дом признал основателя «ВикиЛикс» Дж. Ассанжа врагом государства, а новые лидеры Грузии признали вину её страны в разжигании конфликта, то есть необходимость публикации дипломатической переписки американских чиновников по материалам «Викиликс», подтверждающих, что грузинская трактовка событий устраивала планы

Вашингтона. В сообщении американского посла Дж. Теффта в государственный департамент от 7 августа 2008 г., со ссылкой на грузинского министра по реинтеграции Р. Абашидзе, говорится, что «осетины осуществляют артиллерийский и миномётный обстрел грузинских сёл, а деревни Дмениси нанесён существенный ущерб» [9, с. 76]. Посол Дж. Теффт не знал, что Дмениси – осетинская деревня, находящаяся в зоне контроля Южной Осетии. И что Р. Абашидзе косвенно признал, что бомбардировка осуществляется армией его страны. Далее, в том же сообщении посол пишет, что «утром 7 августа состоялась перестрелка к окрестностям деревни Эревнети» [10, с. 76]. Но, такого населённого пункта вообще не существует. Американский посол оказался не компетентен и не готов настаивать на правильности американской информационной картинки и сверх меры доверял грузинским данным. После такого, вопрос о независимых СМИ должен потерять свою актуальность. Здесь видны очертания контуров информационного пространства, которое, пока, к сожалению, проигрывается Российской Федерацией даже в зонах собственных стратегических интересов. Вот выкладки бывшего в то время представителя России при НАТО Д.О. Рогозина: США и страны восточной Европы предоставили Тбилиси: танки – 175 единиц, БМП – 125 ед., артиллерийские орудия – 67 ед., миномёты – 99 ед., системы залпового огня – 6 комплексов. Таллин предоставил 50 резервистов эстонской армии. Киев снимал зенитно-ракетные комплексы прямо с боевого дежурства [11, с. 41]. Здесь российское руководство вынуждено было пойти на крайние меры, задействовав армейские подразделения танковых, сухопутных, воздушных и ракетно-артиллерийских сил.

Касаясь экономики, необходимо отметить факт того, что в целом Запад отказался продавать России высокотехнологичные, нефтегазовые и сталелитейные компании общей стоимостью приблизительно в 80 млрд дол. Среди них «Крайслер», «Арселор», «Альitalia», «Пакистанская Сталь», «Центрика», «Дойч Телеком», «Опель» и многие другие компании [12, с. 70]. Цель – не допустить передачи высоких технологий Российской Федерации. Но, так или иначе, экономическая гонка между странами будет набирать обороты.

Масштабную корректировку во внешнеполитическом курсе США провёл мировой финансовый кризис 2008 г., подведший основную черту в американо-российских отношениях указанного периода.

Американские политики отдают себе отчёт в том, что в начале третьего тысячелетия появившиеся новые глобальные центры экономической и военной мощи способны надолго подкосить баланс однополярного мира, лидером которого по-прежнему являются США. И что прагматичный внешний курс в рамках той социально-политической системы, который проводит В.В. Путин, в ближайшем будущем способен привести к углублению глобальных интеграционных процессов вокруг России и Китая [13]. Учитывая огромный товарооборот Евросоюза со странами БРИКС, в условиях мирового финансового кризиса ось Москва-Пекин способна отколоть экономическое ядро Евросоюза (Берлин, Париж) от США и создать контуры крупнейшего евразийского геоэкономического образования. В связи с этим внешнеполитическая тактика Вашингтона в отношении России продолжает носить дезинтеграционный стержень.

В свою очередь, в Кремле понимают, что наступление постбиполярной эпохи международных отношений – есть отступление идеологии между США и Россией на задний план и выход национальных интересов на передний. В условиях новых исторических реалий создание Москвой себе тепличных внешних условий [14] для развития вступает в противоречие с геополитическими интересами сегодняшних Соединённых Штатов.

Вышеизложенное можно условить тем, что период американо-российских отношений 2000-2008 гг. является одним из узловых и важнейших отрезков современной истории и отражает состояние стран, подбирающихся к своему переломному развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кертман Л.Е.* География, история и культура Англии. М., 1979.
2. *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
3. *Чубинский В.В.* Бисмарк: политическая биография. М., 1988.
4. *Морозов С.В.* Дипломатия Путина. СПб., 2008.
5. *Шаклеина Т.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М., 2002.
6. Там же.
7. Концепция национальной безопасности США 2002 г. URL: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/nss8.html> (дата обращения 18.02.2013).

8. Концепция национальной безопасности США 2006 г. URL: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/sectionVIII.html> (дата обращения 18.02.2013).
9. Горбатьюк Н. WikiLeaks: разоблачения, изменившие мир. М., 2011.
10. Там же.
11. Рогозин Д.О. НАТО точка ру. М., 2009.
12. Стариков Н. Шерше ля нефть. СПб., 2009.
13. Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm> (дата обращения 20.02.2013).
14. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/785> (дата обращения 20.02.2013).

УДК 94(470) "17"

Ратушняк Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Ratushnyak Valery Nikolaevich

Doctor of History, Professor, Head of the
Department of Pre-Revolutionary National History of
Kuban State University
editor@hist-edu.ru

**БОРЬБА ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМСКОГО
ХАНСТВА К РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1770-х–1780-
х гг.**

Рассматриваются русско-турецкие отношения в конце XVIII в. в связи с борьбой России и Турции за влияние на Крымское ханство. Ситуация, которая сложилась в Крыму и на Кубани после признания Турцией независимости Крымского ханства. Причины, побудившие правительство Екатерины II присоединить Крымское ханство к России.

Ключевые слова: Крымское ханство, Россия, Турция, Суворов, хан, татары, ногайцы, горцы.

**THE FIGHT FOR THE ANNEXATION OF THE
CRIMEAN KHANATE TO RUSSIA AT THE
END OF THE 1770-1780S**

The article considers the Russia-Turkey relations at the end of the 18th century due to the fight between Russia and Turkey for the influence on the Crimean Khanate. The situation that has developed in the Crimea and Kuban after Turkey's recognition of the independence of the Crimean Khanate. The reasons for the government of Catherine II to annex the Crimean Khanate to Russia.

Key words: Crimean Khanate, Russia, Turkey, Suворov, Khan, the Tatars, Nogais, mountain dwellers.

В результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крымское ханство, составной частью которого было Прикубанье, стало независимым от Турции государством. В 1777 г. его возглавил ставленник России хан Шагин-Гирей. Это не устраивало турецкое правительство, которое начинает действовать против последнего, делая ставку на кубанских ногайцев и горцев. Шагин-Гирей обращается к царскому правительству с просьбой оставить на территории Крымского ханства русские войска. Командование Кубанским корпусом поручается А.В. Суворову. Новый командир корпусом немедленно выясняет положение дел на Кубани, настроение ногайцев и горцев, встречается с кубанским сераскиром (командующим военными силами ногайцев) Арслан-Гиреем, братом крымского хана. Его и другого брата Батыр-Гирея он одаривает ценными подарками, предлагает им жить в мире с Россией. Одновременно А.В. Суворов начинает возводить военную кордонную линию от Тамани до Ставрополя. Эта линия, по его мнению, должна была препятствовать влиянию Турции на ногайцев и проникновению горцев в Прикубанье. В апреле 1778 г. А.В. Суворов, назначенный командующим всеми войсками в Крыму и на Кубани, отправляется в Крым, продолжая внимательно следить за событиями на Кубани. Между тем в Суджук-Кале (Новороссийск) прибыл турецкий посланник, который стал подбивать ногайцев и горцев выступить против Шагин-Гирея и России, но успеха не добился. А.В. Суворов писал в это время, что большинство горцев относились к России доброжелательно [1, док. № 141]. Турецкий план с помощью горцев захватить Тамань потерпел крах.

В 1779 г. между Россией и Турцией была подписана Айналы-Кавакская конвенция [2, № 1485]. Россия признавала религиозную зависимость татар от турецкого султана. Последний обещал официально признать Шагин-Гирея крымским ханом. Россия согласилась вывести свои войска из Крыма и Прикубанья. Быстро выводя свои войска из Крымского ханства, Россия хотела побудить Турцию прекратить военные приготовления против нее. Но так как русские гарнизоны, согласно Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., оставались в Керчи и Еникале, то турецкое правительство стремилось сделать плацдармом своих действий Кубань. Этому способствовали два обстоятельства – нараставшее недовольство не только крымских татар, но и кубанских ногайцев правлением Шагин-Гирея и возможность вести антирусскую деятельность из турецкой крепости Суджук-Кале. Последняя стала центром агрессивной деятельности Турции против России. Главный комендант турецких крепостей Черноморского побережья Северного Кавказа Сулейман-ага, развивал бурную агитационную деятельность среди ногайской и горской верхушки. Он распространял подложный султанский фирман, в котором говорилось о скором прибытии из Турции нового хана вместо Шагин-Гирея. Весной 1780 г. из Турции в Суджук-Кале были доставлены письма к абазинским феодалам, в которых указывалось, что они являются подданными султана. Сулейман-ага даже сделал попытку спровоцировать абазинцев на выступление против Шагин-Гирея, но его агитация привела к обратным результатам. Абазинцы напали на Суджук-Кале. Взять они ее не смогли и ограничились поджогом фуражных и провиантских складов. Турецкий гарнизон, остав-

ленный без продовольствия, поднял восстание и хотел расстрелять Сулейман-агу, но ему удалось выкупить свою жизнь [3, с. 702].

Однако турецкая пропаганда не прошла даром. Летом 1781 г. волнения охватили большую часть ногайцев Кубани. Шагин-Гирей запросил помощь у русского правительства. Его просьба была удовлетворена. Посылая на Кубань войска для подавления мятежа, царское правительство понимало, что идет на обострение отношений с Турцией, и все же оно готово было поддержать своего ставленника даже в том случае, если бы это угрожало новой войной с Османской Портой. В результате действий русских войск большинство ногайцев подчинилось Шагин-Гирею, но ненадолго.

Весной 1782 г. волнения в Прикубанье направленные против Шагин-Гирея, вспыхнули с новой силой. Во главе недовольных стали братья хана Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Они получили поддержку населения Тамани и помощь со стороны Турции. В Анапу, где строилась турецкая крепость, прибыло пять турецких судов для оказания военной помощи таманцам. Батыр-Гирей стал собирать горцев к Тамани. В помощь ему для организации черкесского ополчения был направлен турецкий паша Мегмет-Гирей.

В мае 1782 г. в Крыму началось восстание против Шагин-Гирея. Восставшие двинулись к столице Шагин-Гирея Кафе (Феодосия). Хан с немногочисленными сторонниками бежал на судне под защиту русских керченских укреплений. 17 июня 1782 г. в Крым из Прикубанья переправился Батыр-Гирей, приведший с собой полторы тысячи горцев. Вскоре в Кафе появился и Арслан-Гирей. Мятежные братья сообщили турецкому султану о свержении Шагин-Гирея. Правительство султана уведомило об этом русское правительство и просило не вмешиваться во внутренние дела независимого Крымского ханства.

29 июня 1782 г. крымские мурзы, старшины и духовные лица избрали в ханы Батыр-Гирея. Падение Шагин-Гирея было серьезным ударом по царской дипломатии. Провозглашение ханом турецкого ставленника по сути дела возвращало Крым и Прикубанье под влияние Турции. Русское правительство не могло с этим согласиться и решило действовать. Русским войскам был отдан приказ выступить в Крым [4, с. 207]. Они атаковали укрепленную татарами перекопскую линию и заняли Перекоп. Не встречая сильного сопротивления, русские войска успешно продвигались к Кафе. Только раз Батыр-Гирей попытался оказать сопротивление, но потеряв 400 чел. убитыми, бежал к побережью Керченского пролива, чтобы переправиться на Кубань. Однако здесь он и его брат Арслан-Гирей были схвачены одним из немногих сторонников Шагин-Гирея. План турок провалился, Шагин-Гирей вновь занял крымский престол.

Потерпев неудачу в Крыму, Турция все свое внимание сосредоточила на Прикубанье. В Суджук-Кале высадились турецкие войска. В декабре 1782 г. в Тамань прибыл турецкий уполномоченный с отрядом янычар и объявил всех жителей Таманского полуострова подданными Порты. Шагин-Гирей послал запрос о причине занятия турками полуострова. Но запрос был оставлен без ответа, а ханский посланник обезглавлен. Турки активизировали строительство своих крепостей на Черноморском побережье Кавказа. Понимая значимость Прикубанья в борьбе с Турцией за Крымское ханство, Екатерина II дает предписание Г.А. Потемкину направить на Кубань «испытанного в искусстве» генерала Г.А. Потемкин вновь ставит во главе Кубанского корпуса А.В. Суворова.

В октябре 1782 г. А.В. Суворов вступил в командование Кубанским корпусом, в котором насчитывалось 12 батальонов пехоты, 20 эскадронов драгун и 2 роты артиллерии при 16 орудиях. В случае необходимости он мог использовать 20 полков Донского казачьего войска, приведенные в боевую готовность.

Русские войска на Кубани препятствовали турецким агентам вести антирусскую агитацию. Постепенно ногайские орды, ушедшие во время волнений за Кубань, возвращались на свои кочевья.

Но Турция не теряла надежды осуществлять свои планы и продолжала провоцировать на Кубани антирусские выступления, посылая в кочевья своих агентов. Жителям Тамани, Темрюка и Ачуева было послано турецкое обращение не подчиняться Шагин-Гирею, так как их города переходят к Порте и туда вскоре будут введены турецкие войска. С отдельными горскими владетелями турки заключили договор, запрещающий торговлю черкесов с русскими. Для укрепления Суджук-Кале в крепость прибыл Сулейман-паша с отрядом в 150 чел. В Анапу было переселено 500 татарских семей с Таманского полуострова. Затем из Турции было переселено 150 заимов, т.е. владельцев поместий, обязанных во время войны являться к турецкому войску с вооруженными слугами. В этот период Турция окончательно делает ставку на Кубань, где внутренняя обстановка была более благоприятной для турецкой экспансии, чем в Крыму. Во-первых, многочисленные ногайские орды в силу социально-экономических и политических условий находились в состоянии бес-

прерывного брожения; во-вторых, близость турецких крепостей (Анапа, Суджук-Кале и др.) обеспечивали соответствующее идеологическое, а в нужных случаях и военное воздействие; в-третьих, единоверных горцев Турция рассматривала как потенциальную силу, которую можно было направить по пути религиозной борьбы против «неверных». Все это показало русскому правительству, что оттягивать присоединение Крымского ханства к России не только неразумно, но и рискованно.

В ином положении находилась Россия. Угроза предстоящей войны не пугала Россию, создававшую свой высокий авторитет в Европе и военное превосходство над Турцией. В секретном рескрипте Екатерины II Г.А. Потемкину от 14 декабря 1782 г. говорилось, что если Турция «сочтет присоединение Крыма за причину к полному разрыву с Россией, то и в сем последнем случае находим мы полезнее однажды навсегда кончить наши дела с помянутою державою» [5, с. 221]. Г.А. Потемкину предписывалось не упустить удобного случая для присоединения Крымского ханства к России. Для лучшей ориентации в этом, требующем осмотрительности и осторожности деле ему перечислялись возможные поводы к осуществлению задуманного мероприятия: 1) если последует смерть Шагин-Гирея или если его свергнут с престола; 2) если сам хан будет противодействовать каким-либо действиям России; 3) если Турция перестанет выполнять артикулы трактата; 4) если Турция пошлет войска в татарские владения или явно начнет подстрекать татар к мятежу и пр.

В начале 1783 г. Г.А. Потемкин вызывает к себе на совещание в г. Херсон А.В. Суворова и атамана Войска Донского А.И. Иловайского. Совещание было посвящено вопросам подготовки предстоящего присоединения Прикубанья к России. А.В. Суворову было приказано привести в полную боевую готовность Кубанский корпус, а А.И. Иловайскому – усилить суворовские войска 17 казачьими полками. Кубанский корпус в это время находился на Дону, куда из Херсона и вернулся А.В. Суворов, ожидая дальнейших приказаний.

В начале апреля 1783 г. Екатерина II сообщила Г.А. Потемкину о принятом решении присоединить к России немедленно полуостров Крым, Тамань и всю Кубань и рекомендовала «стараться в Крыму, в Тамани и на Кубани устраивать как порядочные и образу мыслей и жития новых наших подданных свойственное земское правление, так особливо военную стражу и оборону» [6, с. 242]. Организацию земского управления Екатерина намечала осуществить после приведения татар и ногайцев к присяге.

Для присоединения Крыма и Прикубанья к России необходимо было уговорить хана отречься от престола, что не без труда удалось сделать Г.А. Потемкину.

8 апреля 1783 г. был опубликован царский манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубанского Правобережья к России. Издавая этот документ, царское правительство учитывало возможность возникновения новой войны с Турцией. Но Россия была подготовлена к ней и, по мнению Екатерины II, эта готовность должна была поколебать решимость Турции. По подсчетам царской канцелярии, пресловутая «независимость» Крымского ханства стоила России 7 млн р., не считая материальных и людских потерь. Поэтому русское правительство заявило о своем праве присоединить Крым и Прикубанье, тем более, что продолжающиеся провокации Турции ставили под угрозу независимость Крымского ханства и спокойствие России.

В середине апреля 1783 г. Г.А. Потемкин отдает распоряжение командирам корпусов быть готовыми к приведению ногайцев к присяге на верность России.

18 июня 1783 г. генерал-поручик П.С. Потемкин принял присягу у ногайских орд, кочующих в верховьях р. Кубани.

А.В. Суворов назначил для сбора ногайцев площадь близ Ейского укрепления.

28 июня 1783 г. к Ейску съехалось несколько тысяч представителей ногайских орд. После религиозной церемонии был зачитан манифест Шагин-Гирея о добровольном отречении от престола. Затем ногайцы присягнули на Коране в верности России. Многим мурзам были присвоены чины штаб- и обер-офицеров русской службы. Начался пир, который закончился на третий день скачками и джигитовкой с участием донских казаков [7, л. 118]. За это время А.В. Суворов успел переговорить со многими ногайскими мурзами и некоторых из них убедил переселиться с Кубани в заволжские степи. Почти одновременно была принята присяга и среди других ногайских орд на Кубани. Об этом рапортовали А.В. Суворову генерал-майор Ф.П. Филисов, подполковник И.Ф. Лешкевич, генерал-майор Елагин из Тамани.

Переселение в заволжские степи не состоялось. Подстрекаемые турецкими агентами ногайцы восстали и попытались уйти за Кубань, в горы. Но были силой возвращены. В нач. XIX в. большая их часть эмигрировала в Турцию.

Орденом от 13 февраля 1784 г. князь Г.А. Потемкин известил А.В. Суворова, находившегося

в крепости Св. Дмитрия, о том, что «Порта Оттоманская торжественным актом признала подданство Крыма и Кубани Всероссийскому престолу» [8, л. 55]. Границей России на Северо-Западном Кавказе стала р. Кубань. Россия отказалась от притязаний на Суджук-Кале и Анапу. В результате упорной борьбы Крымское ханство было присоединено к Российской империи.

Утверждение России в Крыму и в Прикубанье являлось событием большой исторической важности. С ликвидацией пресловутой «независимости» Крымского ханства отошла в прошлое «традиционная борьба с татарами», а русский и украинский народы навсегда освободились от набегов крымских ханов.

Присоединение Крыма и Прикубанья ослабляло позиции Турции в Причерноморье, лишало ее выгодных стратегических плацдармов на подступах к России.

Все это обеспечивало безопасность южнорусских земель, создавало условия к их хозяйственному освоению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Суворов А.В. Сб. документов. М., 1951. Т. 2.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 20.
3. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Сб. документов. СПб., 1887. Т. 3.
4. Сб. Русского исторического общества. СПб., 1880. Т. 27.
5. Там же.
6. Там же.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 6.
8. ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 40.

УДК 353.2 (470.62)

Седой Евгений Юрьевич

соискатель кафедры истории, политологии
и социальных коммуникаций Кубанского
государственного технологического университета
editor@hist-edu.ru

Sedoy Evgeny Yurievich

Postgraduate Student of the Department of History,
Political Science and Social Communications,
Kuban State University of Technology
editor@hist-edu.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТОВ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1930-1940 гг.**

**FORMATION OF THE SYSTEM OF
SOVIETS IN KRASNODAR TERRITORY IN
THE 1930S-1940S**

В статье рассмотрено становление системы Советов Краснодарского края в 1930-1940 гг., показаны проблемы деятельности сформированных органов в условиях военного времени. Особое внимание уделено ущербу, нанесенному начавшейся Великой Отечественной войной государственным органам, и путям нормализации деятельности региональных и местных органов власти.

The article considers the formation of the system of Soviets of Krasnodar region in the 1930s-1940s; it presents the activity problems of the authorities formed under wartime conditions. Particular attention is paid to the damage caused by the outbreak of the Great Patriotic War to public authorities and ways to normalize the activities of regional and local authorities.

Ключевые слова: система Советов, Советы, местные органы власти, Краснодарский краевой Совет народных депутатов, исполнительный комитет.

Key words: system of Soviets, Soviets, local authorities, Krasnodar Regional Soviet of People's Deputies, executive committee.

Статья выполнена при поддержке проектов в рамках мероприятия 1.2.1 федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, шифр заявки 2012-1.2.1-12-000-3001-041, тема: «Военные преступления нацистской Германии на оккупированных территориях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в памяти поколений».

Система органов государственной власти – единая целостная структура. Нарушение деятельности любого уровня власти приведет к сбоям в работе всей системы. Самым незащищенным к внешним угрозам является фундамент всей государственной власти – региональные и, в особенности, местные органы власти. От их деятельности и существования зависит функционирование системы в целом. Жизнеспособность системы государственной власти лучше всего проявляется в переходные и сложные для государства периоды как, например, годы Великой Отечественной войны.

Становление системы органов власти на Кубани началось после 13 сентября 1937 г., когда разделением Азово-Черноморского края был образован Краснодарский край. Хотя Конституция СССР 1936 г. и закрепила новую систему высших и местных органов государственной власти, до 1939 г. на территории края продолжали функционировать Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. После выборов 1939 г. на всей территории края были сформированы Советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты.

В состав Крайисполкома входили отделы и управления по всем основным отраслям народного хозяйства. Выявить точную структуру Крайисполкома в начальный период его деятельности не представляется возможным ввиду отсутствия документов, но можно определить приблизительную структуру крайисполкома: краевой отдел народного образования, краевой отдел здравоохранения, земельный отдел, отдел социального обеспечения, управление по делам искусств, комитет по делам физической культуры и спорта, общий отдел, плановая комиссия, управление местной промышленности, управление легкой промышленности, управление пищевой промышленностью, краевая прокуратура, краевой суд, краевой отдел коммунального хозяйства, арбитражная комиссия, управление печати, отдел внутренней торговли [1, л. 14]. К началу войны на Северном Кавказе организационные и структурные изменения Советов в основном были завершены.

В связи с началом Великой Отечественной войны резко уменьшился депутатский состав во всех звеньях Советов и во всех республиках, а также во всех районах страны – тыловых и прифронтовых, что привело к новым трудностям в деятельности Советов. Произошел огромный отток кадров, в том числе квалифицированных, опытных управленцев. От этого больше всего пострадала региональная и местная власть. В первую очередь это было вызвано тем, что многие из депутатов были призваны в армию. За годы войны было свыше 70% опытных, руко-

водящих кадров местных Советов страны. В первые годы на фронт ушло не менее 40% депутатов местных Советов, в том числе председателей исполкомов – 54,1%, их заместителей – 37,4%, секретарей исполнительных комитетов – 43%. Особенно большое число депутатов ушло на фронт из РСФСР, они составили 72,3% всех ушедших в армию депутатов местных Советов страны. К 1943 г. депутатский состав уменьшился во всех звеньях Советов. В сельских Советах тыла в декабре 1942 г. оставалось в среднем лишь 44% их депутатского состава [2, с. 247].

Изменения в кадровом составе вызывали не только трудности и недостатки в работе местных Советов, некоторые Советы вообще были не способны функционировать – нередко были случаи, когда в сельских Советах оставалось один-два депутата. На 1 января 1945 г. в Советах осталось 40,8% депутатов, избранных в 1939 г. Многие депутаты – 34,8% ушли на фронт, другие эвакуировались вместе с предприятиями и учреждениями, перешли на новое место работы. Аналогичные изменения произошли и в составе исполкомов. На 1 января 1945 г. только в армию было мобилизовано 38,5% членов исполкомов. Состав исполкомов был укомплектован на 85,2%, причем из числа избранных в 1939 г. осталось только 43,8%.

Некоторую часть пополнения исполкомов составили депутаты, вернувшиеся из армии – 9%, т.е. 25,1 тыс. чел., из которых около 15 тыс. составляли инвалиды Великой Отечественной войны. Значительное число членов исполкомов – 48,7% не являлись депутатами, а были кооптированы в исполкомы. Кооптированные председатели, их заместители и секретари районных и городских исполкомов Советов предварительно утверждались в этой должности исполкомом данного Совета. В тех же Советах, где не оставалось ни одного депутата, председатель, заместитель и секретарь назначались вышестоящими исполкомами – в основном это относилось к сельским Советам и Советам, находящимся на территориях, освобожденных от захватчиков [3, с. 18].

С учетом требований военной обстановки и из-за большого оттока управленческого персонала Советские органы перестраивали свою работу. Основными направлениями перестройки Советов были структурные изменения и сокращение штатов, усиление военно-мобилизационной деятельности, повышение роли исполкомов и активности депутатов, установление жесткого оперативного контроля за выполнением постановлений и распоряжений чрезвычайных, военных, партийных органов и собственных решений.

В связи с ограничением деятельности, а главное – нехваткой кадров были упразднены комитет по делам физической культуры и спорта [4, л. 130] и отдел искусств [5, л. 248]. Освободившиеся работники направлялись в новые специальные отделы – отдел по руководству мобилизацией на сельскохозяйственные работы [6, л. 90], отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения и вопросов эвакуации [7, л. 634].

В условиях серьезного обновления кадров Советов особо важное значение приобрела планомерная подготовка руководящих работников, особенно низового звена, и повышение их квалификации. Но никакие курсы не могли заменить профессиональных специалистов, их многолетние знания и опыт, что приводило к принятию подобных решений: решение Ладожского райисполкома от 6 января 1947 года, в котором записано: «создать комиссию по борьбе с сыпным тифом, возложив на нее ответственность за распространение очагов сыпного тифа» или Куцевского райисполкома от 31 января 1947 г., который решил: «Организовать племенную птицеферму в колхозе “Прогресс” с поголовьем 500 человек» [8, л. 18].

Горяче-Ключевской райисполком 18 января 1947 г., обсуждая вопрос о подготовке к весеннему севу решил: «Установить ежедневный контроль за ходом подготовки семян, принимать меры принудительного воздействия, вплоть до наложения штрафов к лицам, не выполняющим трений». А Славянский райисполком 26 марта 1947 г. решил: «В качестве поощрения передовиков стахановцев использовать фото директора» [9, л. 18].

Даже после окончания Великой Отечественной войны справиться с кадровым голодом быстро не удалось – была большая текучесть кадров. Так, за 1946 г. по Краснодарскому краю состав председателей райисполкомов обновился на 56%, председателей горсоветов – на 75%, заместителей председателей райисполкомов – на 37%, секретарей райисполкомов – на 41%, председателей сельских Советов – на 48%. А по Адыгее председатели исполкомов обновились на 100%, заведующие отделами на 75%, в Майкопском горсовете заведующие отделами обновились на 100% один раз и дважды на 20%.

Сменяемость председателей, секретарей районных и сельских Советов была очень большая. В течение 1946 г. состав председателей райисполкомов переменялся на 56%, городских Советов на 75%, секретарей горрайисполкомов на 41% и председателей сельских Советов на 48%. В Адыгейской автономной области председатели райисполкомов в течение года сменились все. В Ново-Титаровском районе из 8 председателей сельских Советов сменилось 6, в Спокойненском из

7-5. В этом районе заведующие: сектором кадров, общим отделом и райторготделом в течение года сменились дважды [10, л. 19].

Текущее руководство кадров во многом была связана с тем, что подбирая кадры в сжатые сроки, не уделяли должное внимание их подготовке и деловым качествам, а нередко подходили к решению этих вопросов по-приятельски, по-семейному. Так в Ново-Титаровском райисполкоме была поставлена на должность секретаря райисполкома жена первого секретаря райкома ВКП(б), хотя для этой работы она не была подготовлена. А в Красноармейском райисполкоме долгое время занимала должность секретаря райисполкома жена председателя райисполкома т. Просвирина. Председатель Пластуновского райисполкома т. Гостяев для «надежности» вручил работу с кадрами своей племяннице [11, л. 20].

Нападение Германии на СССР нарушило традиционный уклад жизни страны. Нормализовать жизнь общества и дать отпор врагу могло только государство с целостной, оперативно работающей системой государственной власти. Но начавшаяся война нанесла удар и по системе государственных органов.

Сокращение числа депутатов, потеря опытных профессиональных кадров в военные годы осложняло и затрудняло деятельность Советов всех уровней. Больше всего пострадали городские, районные и сельские Советы, терявшие до 100% своего состава. Все это наносило урон самой системе государственной власти СССР в лице ее опоры – органов местного самоуправления, так как местные Советы – связующее звено высших органов власти государства с населением. Уничтожение этой связи привело бы к уничтожению самого государства.

Поэтому для ликвидации кадрового голода в кратчайшие сроки необходимо было заменить выбывших депутатов, обеспечить советские органы новыми работниками. К работе в аппарате исполнительных комитетов в 1942-1943 гг. были привлечены тысячи партийных, военных, рядовых работников, не являвшихся депутатами Советов, но заслуживших доверие партии и народа. Значительно возросло число женщин – руководителей местных Советов.

Отсутствие опыта работы, трудности и многообразие задач, которые пришлось решать советским кадрам, слабое знакомство с законодательством, а порой и недостаточный для советского работника политический и общеобразовательный уровень создавали дополнительные трудности в работе местных органов государственной власти, были одними из причин большой текучести руководящих кадров. Усиление централизации власти и меры по нормализации деятельности местных Советов позволили системе государственного управления эффективно выполнять задачи военного и мирного времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 420.
2. Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942-1943. М., 1989.
3. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны / С.А. Байбаков, Н.А. Кирсанов, Л.А. Пинегина и др. / под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1986.
4. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 22.
5. Там же.
6. Там же.
7. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 28.
8. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 251.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.

УДК 902/904

Степанченко Анастасия Павловна

аспирант кафедры археологии этнологии, древней
и средневековой истории Кубанского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Stepanchenko Anastasia Pavlovna

Postgraduate Student of the Department of Archeology
and Ethnography of Ancient and Medieval History, Ku-
ban State University
editor@hist-edu.ru

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ «ГРЕЧЕСКОГО ВИНА»

Статья посвящена описанию опыта исторической реконструкции технологии производства вина греческим населением Азиатского Боспора в античную эпоху. Показан современный взгляд на культуру античного виноделия.

Ключевые слова: историческая реконструкция, Азиатский Боспор, античная технология виноделия.

THE EXPERIENCE OF "GREEK WINE" HISTORICAL RECONSTRUCTION

The paper describes the experience of historical reconstruction of wine-making technology which was used by the Greek population of the Asian Bosphorus in antiquity. The modern view of the culture of the ancient wine-making has been shown.

Key words: historical reconstruction, the Asian Bosphorus, ancient wine-making technology.

Сегодня придается большое значение формированию историзма мышления и культурно-исторического самосознания, наблюдается усиление интереса к истории и культуре, их роли в нашей жизни. Формирование современной концепции отечественной истории невозможно без органического включения в нее истории отдельных регионов России.

В настоящее время производство различных сортов вин является одним из главных направлений в развитии экономики Краснодарского края. Технологические процессы производства вина на Кубани соответствуют мировым стандартам. В связи с этим возрастает интерес ученых к истории этой отрасли.

Одним из перспективных методов изучения истории является историческая реконструкция, которая вбирает в себя другие методы исследования с тем, чтобы воспроизвести полно и более точно объект, или событие прошлого. Целью данной статьи является описание опыта реконструкции «греческого вина», а именно, воссоздание возможного технологического процесса производства вина на Азиатском Боспоре (Таманском полуострове) в античный период. В ходе проведения эксперимента был использован следующий комплекс исторических источников: античные письменные свидетельства Катона, Колумеллы, и др., а так же данные археологических исследований Таманского п-ова.

Существование собственного виноградарства и виноделия на Азиатском Боспоре и области Синдика подтверждено сейчас раскопками многих виноделен. Широкое развитие этой отрасли в античный период в нашем регионе во многом обусловлено спецификой пищевых традиций древних греков. Обычно они питались трижды в день, при этом каждый прием пищи сопровождался употреблением вина [1, с. 299-303]. Подобный рацион свидетельствует о большой потребности древнегреческого социума в вине. Вино в античном мире употреблялось в повседневном быту широких слоев городского и сельского населения, а также входило в рацион питания рабов [2, с. 11]. В городах Боспора спрос на вино был не только высоким, но и разнообразным. Употреблялись дорогостоящие сладкие вина, столовые, более дешевые и сорта низкого качества. Интересными в этом отношении являются сведения Катона, где он подробно описывает рецептуру приготовления вина для рабов: «Вино рабам на зиму. 10 квадранталов (26, 26 л.) виноградного сока влей в долии; добавь туда же 2 квадрантала крепкого уксусу, 2 квадрантала сапы (он же дефрут – уваренный виноградный сок), 50 квадранталов пресной воды. Размешивай палкой трижды в день пять дней подряд. Подлей туда 64 секстария устоявшейся морской воды, наложи на доли крышку и через 10 дней замажь ее. Этого вина хватит тебе до летнего солнцестояния. Что останется после солнцестояния, то окажется крепчайшим и превосходным уксусом» [3, с. 53-54].

Становление технологии приготовления вина у греков Азиатского Боспора хронологически детально на сегодняшний день проследить пока невозможно. Открытые остатки винодельческих комплексов Фанагории, Горгиппии, Гермонассы и др. дают нам лишь часть информации. Но по особенностям переработки винограда в античный период, ее условно можно разделить на три этапа.

Первоначальная технология была довольно проста: дробление виноградных гроздей ногами рядом с растущим виноградом. Наиболее вероятно, что подобной примитивной технологией поль-

зовалось и догреческое население нашего региона [4, рис. 47, 49, 50].

Позднее виноград начали давить в стационарно установленных прессах, т.е. для изготовления винного сусла использовали тарапаны. Монолитные винодавили были предназначены для переработки небольшого количества винограда. На сегодняшний день известны четыре находки монолитных виноделен на Таманском полуострове [5, с. 123-126].

Следующим шагом по пути облегчения переработки винограда стало появление механического пресса. Его обычно размещали внутри деревянной постройки. Этот третий этап связан с появлением композитных виноделен, у которых, в свою очередь происходила собственная эволюция.

Для более детальной реконструкции процесса приготовления вина на Азиатском Боспоре рассмотрим его на примере горгиппийской винодельни Г-4 датируемой II- п. п. III вв. н.э. [6, с. 154]. Открытые при ней связанные с производством подсобные помещения дополняют наши сведения о процессе изготовления вина в Северном Причерноморье.

Эта винодельня функционировала на северо-восточном краю городища [7, с. 154]. Производственный комплекс: давящая с цистернами и прессовое отделение – занимал около 80 м². Вместе с бродильней, хранилищем готовых вин и двором с ямами хозяйственного назначения она занимала не менее 350 м². Резервуары имели близкий объем 2,9–3,2 м³, они могли принять одновременно до 9 т сусла [8, с. 154]. Три давящие площадки примыкали к резервуарам с востока. Поверхность их имела слабый уклон в сторону цистерн. Величина крайних площадок – 7 м², средней 5 м². С каждой площадки известняковый слив с выдолбленным желобом глубиной 0,1 м вел в расположенную напротив цистерну [9, с. 154]. В углу между северной площадкой и цистерной располагалась дополнительная площадка Г, занимавшая 3 м², она имела отстойник, но была лишена слива.

Давящие площадки располагались ниже поверхности улицы на 0,5-0,7 м. и использовались для раздавливания винограда ногами и получения сока без мезги. Сок самотеком собирался в цистернах, где отстаивался около суток. Чтобы его осветлить, необходимо было задержать брожение охлаждением сусла до 10-12 °С. Е.М. Алексеева связывает эту технологическую особенность с тем, что цистерны, в которые поступало сусло, были выдолблены в скале [10, с. 157].

Из сока готовили тонкие вина по белому способу, предварительно отделяя ягоды от гребней. Белые вина могли получать и из красного винограда, если не прессовали кожицу, содержащую красящие вещества [11, с. 166].

Для изготовления вина по красному способу не требовалось скорое отделение сока от мезги, вино должно было насытиться красящим пигментом (фенольными веществами из кожицы винограда), и для этого брожению подвергалась вся мезга, полученная при дроблении винограда [12, с. 103].

Мезгу после первичного отделения сока собирали в пористую тару и подвергали прессованию. Из-под пресса выходило сусло для вина второго сорта, если мезгу прессовали повторно. Так получали грубые дешевые вина с большим количеством дубильных веществ.

С античного времени известно сульфитирование сусла и вина, путем введения небольшого количества двуокиси серы методом окурки с целью подавления активности вредных микроорганизмов и защиты от окисления. Без этого приема невозможно получить стабильное вино, способное к хранению [13, с. 139].

В винодельне отстоявшееся сусло переливали из цистерн в бродильные чаны. Перелитое в чаны сусло бродило 3-4 дня, процесс сопровождался образованием шапки и выделением углекислоты. Шапку погружали в сусло 3-4 раза в сутки. Вслед за бурным брожением наступал период дображивания с незаметным выделением углекислоты, который длился две-три недели. Как только этот процесс принимал спокойный характер, бродильные чаны доливали. Вслед за тихим брожением молодое вино ещё некоторое время успокаивалось, оставаясь мутным ещё две-три недели пока не осядут взвешенные частицы. После полного отстаивания вино разливали в амфоры под шпунт, горла их запечатывали сырцовыми пробками. Вино созревало в подвалах окуранных серой при температуре 10-12 °С полгода и более.

Лучшими считались белые сладкие и старые вина. Очень сладкие густые вина получались из винограда позднего (ноябрьского) сбора и ценились особенно высоко, так как в них не надо было добавлять «специи от порчи». Старые вина первоначально в течение одного-двух лет выдерживались в зарытых в землю пифосах. Гомер в «Одиссее» упоминает о многолетних винах, в частности, о вине 11-летней выдержки [14, с. 344]. Главными достоинствами вина считались «прочность и сладость». Поэтому сок, выжатый из водянистого винограда, рекомендовалось уваривать, пока не выкипит его третья часть. Так получали «дефрут» (defrutum)—уваренный до 1/3 виноградный сок, который так же добавляли в вино для придания ему сладости [15, XXII.20.2 и 20.1]

что, по сути, аналогично применению вакуум суслу в современной технологии столовых полусладких купажных вин. Римляне научились делать обработку теплом в специальных подвалах, искусственно ускоряя созревание продукции, по существу, используя приёмы, ныне называемые портвейнизацией и мадеризацией [16, с. 483].

Запретов на добавки не существовало, и уже на стадии брожения греки вносили в сусло ароматические растения такие как укроп или ирис. В условиях чрезмерного доступа воздуха к поверхности вин с целью предотвращения скисания вводили жидкие смолы или терпентиновое масло, тем самым создавая поверхностную пленку, защищающую от чрезмерного окисления. После обогащали эссенциями розы, фиалки, горечавки, корицы, шафрана, тмина, полыни, аниса, мирра, перца, минеральных смол, сладких трав, тростника, гвоздики [17, с. 122-152].

Были распространены различные приемы по приданию желаемых органолептических характеристик: «Чтобы вино имело хороший запах, сделай так: возьми осмоленную черепицу, рассыпь по ней горячей смолы и подкури на ней донника, шпажника и той пальмы, которую держат у себя торговцы благовониями. Спусти ее в долий и закрой его, чтобы запах не вышел раньше, чем ты вольешь вино...» [18, 113.1-2. с. 57].

Очевидно, что в древности с целью винолечения готовились напитки по типу ароматизированных вин и вермутов. Терапевтический эффект достигался в том числе и за счет введения в вино различных биологически активных ингредиентов (трав, плодов, их настоев, меда и пр.) Как видно из описанных технологических приемов, желаемый физиологический эффект античными лекарями увязывался в основном с вводимыми в вино ингредиентами. Много позднее при современном глубоком изучении химического состава виноградных вин был выявлен ряд биологически активных веществ, содержащихся в физиологически значимых количествах, способных оказывать терапевтический эффект на организм человека. Подобные исследования легли в основу целого направления в современной медицинской науке – энотерапии.

Греческое вино пользовалось большой популярностью. Амфоры из Родоса, Фасоса, Коса, Книда, и других центров найдены по всем странам Средиземноморья, государствах Северного Причерноморья, в области Понта. Это показывает, что вина указанных центров имели большой сбыт по всему античному миру. В связи с большим спросом, они часто подделывались. Следует предположить, что для нашего региона проблема фальсификации вин была актуальна, так как с момента основания греческих колоний на восточном берегу Керченского пролива торговля с местными племенами стала одним из важнейших условий существования и развития греческих полисов. Наиболее массовым товаром, пользующимся большим спросом у варваров, являлось вино [19, с. 183].

О том, что греческое вино подделывалось, в частности свидетельствует рецептура приготовления «греческого», или «косского» вина, сообщаемая нам Катонем.

Технологию, описанную Катонем в трактате Земледелие, мы взяли за основу исторической реконструкции греческого вина. Так как в указанной им рецептуре не был заявлен сорт винограда, было принято решение о приготовлении вина по обоим описанным способам (красному и белому). Для получения наиболее близких органолептических показателей «греческого вина» в реконструкции были использованы средиземноморские сорта винограда Саперави и Шардоне. Физико-химические показатели суслу соответствовали требуемым условиям - высокой сахаристости.

В результате проведенного эксперимента, удалось получить вина отличного качества с высокой органолептической оценкой экспертов-виноделов из Краснодарского НИИ садоводства виноградарства и виноделия. В соответствии с этим можно сделать следующие выводы:

Во-первых, высокая оценка полученного в ходе исторической реконструкции вина говорит о том, что античные виноделы при том уровне агротехники и технологии могли производить качественные вина с точки зрения современных пищевкусовых традиций.

Во-вторых, присутствие соли в рецептуре «греческого вина», скорее всего соответствует определенным технологическим традициям того времени: пряно-ароматное с выраженным солоноватым привкусом. Добавление в античное вино морской воды, либо соли создавало дополнительный консервирующий эффект, в то же время культура потребления вина того времени (отчасти сохранившаяся и до наших дней) предполагала его разбавление водой в соотношении 1:2-1:3. При этом введение соли в вино, а затем его разбавление при потреблении несло и определенный физиологический смысл. Так, учитывая регулярность потребления вина в дневном рационе, при разбавлении оно оказывалось более питким и менее спиртuousным, а, принимая во внимание довольно жаркий климат основных винодельческих районов, содержащаяся в нем соль способствовала регуляции водно-солевого баланса в организме.

Таблица

Технологическая схема изготовления вин

Технология описанная Катонем	Технологическая схема реконструкции
В медный или оловянный сосуд влей 20 квадранталов виноградного сусла и положи под него огонь, когда закипит – сними с огня. Отдельно влей в сосуд квадрантал пресной воды и всыпь модий (8, 704 кг) соли. Затем влей его в бочку с суслом, через 30 дней замажь бочку, а к весне разлей вино по амфорам, дай ему постоять на солнце в течение двух лет, а затем отнеси его в закрытое помещение. Это вино не будет хуже косского». «Если хочешь приготовить косское вино, то возьми воды в открытом море... Из каких гроздьев хочешь приготовить косское вино, то оставь на винограднике и дай им хорошенько выспеть... собери их и положи на два-три дня на солнце в открытом воздухе... подави виноград руками, чтобы он пропитался морской водой. Наполни долий, закрой его крышкой, но оставь продушину. Когда пройдет три дня, вынь виноград из долия, выжми его в давилне и слей это вино в чистые, вымытые сухие доли.» [20, 112.1-3. с. 56-57].	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Andrews A.C. Oysters as a food in Greece and Rome // Classical journal. 1948. Vol. 43.
2. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83.
3. Катон. Земледелие // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., 2009.
4. Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие Античных государств Северного Причерноморья. Киев, 2007.
5. Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.
6. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Герасимов М.А. Технология вина. М., 1959.
12. Там же.
13. Там же.
14. Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
15. Колумелла. О сельском хозяйстве // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., 2009.
16. Герасимов М.А. Указ. соч.
17. Кнабе Г.С., Протопопова И.А. Культура античности // История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998.
18. Катон. Указ. соч.
19. Брашинский И.Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1986.
20. Катон. Указ. соч.

УДК 9 (с 16)

Съемщиков Сергей Сергеевич

аспирант Армавирской государственной
педагогической академии
editor@hist-edu.ru

Semschikov Sergey Sergeevich

Postgraduate Student of Armavir
State Pedagogical Academy
editor@hist-edu.ru

**УЧАСТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРЕСТЬЯНСКИХ КОМИТЕТОВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ
НА ДОНУ И КУБАНИ В 1921 – 1927 гг.**

В статье рассматривается участие казачества Дона и Кубани в деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Анализируется влияние проводимой большевистской партией политики в деревне на заинтересованность казаков в развитии комитетов. Дается сравнительная характеристика участия казаков в деятельности комитетов в начале и в середине 1920-х гг.

Ключевые слова: крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, казачество, Дон, Кубань.

**PARTICIPATION OF THE COSSACKS IN THE
ACTIVITY OF PEASANT COMMITTEES OF
PUBLIC MUTUAL AID IN DON AND KUBAN
TERRITORIES IN 1921 - 1927**

The article considers the participation of the Don and Kuban Cossacks in the activity of peasant committees of public mutual aid. The influence of the Bolshevik Party's policy in the village on the personal interest of the Cossacks in the development of the committees is analyzed. The comparative description of the Cossacks participation in the activity of the committees at the beginning and in the middle of the 1920s is presented.

Key words: peasant committees of public mutual aid, the Cossacks, Don, Kuban.

Целью настоящего исследования является анализ участия казачества Дона и Кубани в деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. При подготовке исследования были использованы архивные материалы, периодическая печать 1920-х гг., а также опубликованные документы, отражающие правовые основы деятельности кресткомов, их практическую работу в сельских районах Дона и Кубани, общественно-политическую обстановку на разных этапах реализации новой экономической политики. В качестве общенаучных методов исследования применялись исторический и логический, структурного и функционального анализа. Из специальных методов были использованы историко-сравнительный, историко-системный и статистический методы.

Образованные в мае 1921 г. крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВы) были призваны объединить усилия сельского населения в целях преодоления разрухи и восстановления хозяйства. Основное внимание при этом уделялось беднейшим крестьянам, что свидетельствовало о классовой направленности, проводимых ККОВами мероприятий. Изменение форм и методов, предоставляемой бедноте помощи, было продиктовано принципами новой экономической политики. Согласно декрету СНК РСФСР от 14 мая 1921 г., в целях осуществления поддержки красноармейских и маломощных хозяйств, лишившихся таковой вследствие введения продналога и уничтожения внутренней продразверстки, рабоче-крестьянская власть приняла решение организовать в каждом селении и волости взаимопомощь самого крестьянства в форме крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (кресткомов) [1, ст. 236].

Формирование ККОВов на территории Дона и Кубани вызвали неоднозначную реакцию со стороны сельского населения. К поддержке новых общественных организаций склонялись беднейшие крестьяне, заинтересованные в получении дополнительных средств. В то же время, абсолютное большинство казаков, в том числе и малоимущих, считало, что ККОВы создавались, прежде всего, в интересах иногороднего крестьянства, а для казаков являлись лишней обузой.

По верному определению В.А. Бондарева и Т.А. Самсоненко, «гиперкритичность казачества в отношении комитетов крестьянской общественной взаимопомощи порождалась не только фактом отсутствия подобных учреждений в донском, кубанском, терском войске, но еще и тем, что многие казаки не без основания расценивали КОВ как средство, с помощью которого большевики коварно намеревались разобщить их сообщества по имущественному признаку (то есть на бедноту и «кулаков»), тем самым, продолжить курс на расказачивание» [2, с. 29].

В своей деятельности ККОВы, главным образом, занимались организацией помощи малоимущим крестьянским хозяйствам и семьям красноармейцев. В статистических данных 1920-х гг. не выделялись отдельно казаки и крестьяне, однако, с учетом более устойчивого положения казачьих хозяйств, а также малочисленности казаков-красноармейцев можно утверждать, что помощь, оказываемая ККОВами сельскому населению, в меньшей степени касалась казаков.

Так, в августе 1924 г. бюро Юго-Восточного крайкома РКП(б) указало местным партийным комитетам на необходимость оказания помощи демобилизованным красноармейцам. В числе разработанных мер, предусматривалось привлечение к этой работе ККОВов, особенно в пострадавших от недорода районах [3, л. 90]. После того, как собесы делегировали кресткомам свои полномочия, последние достаточно регулярно рассматривали вопросы выделения инвалидам и бывшим красноармейцам пенсий и пособий.

Например, в 1-м Донском округе осенью 1923 г. большое внимание уделялось улучшению содержания дома инвалидов. ККОВ сумел добиться удовлетворительного снабжения дома инвалидов продуктами и был намерен улучшить ситуацию с обеспечением инвалидов одеждой и обувью путем продажи части скота на приобретение обмундирования. Только за октябрь 1923 г. кресткомы округа выделили семьям красноармейцев, инвалидам и детским домам в качестве помощи 8 936 р., а также 160 пуд. хлеба [4].

Особой категорией сельского населения, обладавшей правом на первоочередное оказание материальной помощи, являлись так называемые «жертвы контрреволюции». К ним, как правило, принадлежали граждане и дети, испытывавшие нужду по причине гибели кормильца, сражавшегося в рядах Красной Армии. Среди них представители казачества занимали незначительное место. В силу указанных причин у большинства казаков складывалось отрицательное отношение к действующим на Дону и Кубани ККОВам.

Определенные изменения в вопросах участия казачества в деятельности кресткомов произошли в середине 1920-х гг. Одной из главных причин усиления общественной активности казачества являлась либерализация политики большевистской партии. Решения пленума ЦК РКП(б), состоявшегося в апреле 1925 г., способствовали преодолению былого недоверия по отношению к казачеству. В частности, пленум постановил «признать недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [5, с. 932].

26 августа 1925 г. на основе решений пленума, соответствующее постановление принял Северо-Кавказский крайисполком. В постановлении, в частности, отмечалось: «Должно быть не только отброшено огульное недоверие и недоброжелательство ко всему казачеству, а тем более какое-либо ограничение или преследование казачества, как такового, но и установлено самое внимательное к нему отношение» [6, с. 13]. Ответной реакцией казачества стало усиление доверия к Советской власти, в т. ч., проявившееся в более активном участии в деятельности кресткомов. В соответствии с решениями XIII съезда РКП(б) ККОВы были преобразованы в крестьянские общества взаимопомощи. При этом в тех районах Дона и Кубани, где казачество преобладало а общей массе населения, данные общества получили наименование казачье-крестьянских обществ взаимопомощи.

Отклики с мест летом 1925 г. свидетельствовали об усилении внимания казаков к деятельности обществ. Так, в станице Ново-Щербиновской Донского округа, где проживало 88% казаков, недоверчивое отношение к ККОВам сменилось хорошим, поступали даже пожелания увеличить членские взносы. В станице Азовской казаки также проявляли благожелательное отношение к комитетам взаимопомощи [7, лл. 50б.–6].

Рост популярности ККОВов в глазах казачества наглядно демонстрировало заметное увеличение количества обществ в различных округах Дона и Кубани. Так, в Кубанском округе, где казачество преобладало, количество ККОВов к апрелю 1926 г., по сравнению с 1925 г. увеличилось с 65 до 340 [8, с. 155]. Большая активность казаков проявилась в укреплении материальной базы ККОВов, в частности, выплате членских взносов. Например, в Горяче-Ключевском районе с апреля по июль 1925 г. членские взносы уплатил 101 казак и 42 крестьянина [9, л. 71].

Укреплению ККОВов способствовало также сокращение числа казаков, лишенных избирательных прав, которые не могли состоять членами обществ. Например, руководство Донецкого округа констатировало, что «амнистия по восстановлению в избирательных правах сократила число лишенных с 3 053 на 1 303, за счет в наибольшей части реэмигрантов [как] рядовых [казаков, так] и бывших хуторских старост, атаманов» [10, с. 116].

Более заинтересованное участие казаков в деятельности ККОВов способствовало повышению эффективности их работы. Например, в Донском округе в 1927 г. действовало 186 казачье-крестьянских обществ взаимопомощи. В их работе стал происходить уклон в сторону укрепления материально-хозяйственной базы. В эксплуатации ККОВов находилось 23 предприятия и 276 различных сельскохозяйственных машин, валовая доходность в 1926 г. выражалась в 504 741 р., а чистая прибыль в 217 146 р. Накопление средств дало возможность ККОВам шире развернуть материальную помощь: в 1926 г. было выдано 2 322 хозяйствам – 37 354 р. и 27 218 пуд. семян, за 9

месяцев 1927 г. было выдано 827 бедняцким хозяйствам 39 192 р. и оказана помощь в кооперировании 372 хозяйствам [11, л. 24].

Следует отметить, что процесс демократизации общественной жизни деревни продолжался недолго. Уже с лета 1926 г. наметились признаки отступления от курса «Лицом к деревне», которые непосредственно затронули систему крестьянской общественной взаимопомощи. Прежде всего, это было связано с ограничением возможности зажиточных крестьян участвовать в работе обществ. В соответствии с решением, состоявшегося в июле 1925 г. пленума ЦК РКП(б) и инструкцией президиума ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г., список лишенных избирательных прав существенно расширился.

В интересующих нас районах в этот список, прежде всего, попали зажиточные казаки. Например, в наиболее «казацьем» Кубанском округе число лишенных избирательных прав возросло с 7 819 до 31 238 чел., составив 5,4% состава избирателей [12, с. 66]. В связи с этим, данная довольно многочисленная группа «лишенцев» была вынуждена покинуть КОВы, что сказалось на ухудшении финансового состояния обществ.

На протяжении 1926-1927 гг. хозяйственная функция КОВов стала уступать политической. Руководство ВКП(б) все в большей степени рассматривало КОВы как организации объединения бедноты в борьбе с кулачеством. На Дону и Кубани эта политика нашла свое выражение в попытках большевиков преодолеть былую сословную рознь между казаками и иногородними путем сплочения крестьянской и казачьей бедноты, что отразилось на ослаблении единства казацкого сообщества. В конце 1920-х гг. тенденция к формированию однородной структуры сельского населения приобрела необратимый характер в процессе начавшейся массовой коллективизации сельского хозяйства.

Таким образом, степень участия казачества Дона и Кубани в деятельности кресткомов изменялась в зависимости от общественно-политической обстановки. До середины 1920-х гг. большая часть казаков не демонстрировала заинтересованности в работе ККОВов, ввиду того, что последние основное внимание уделяли нуждам крестьянской бедноты. В условиях либерализации политического курса в деревне произошла активизация участия казаков в деятельности крестьянских обществ взаимопомощи, что способствовало повышению эффективности их работы. Последующее утверждение административно-командной системы привело к ослаблению демократических принципов организации КОВов и преобразованию последних в кассы общественной взаимопомощи колхозов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1921. № 48.
2. Бондарев В.А., Самсоненко Т.А. Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. Новочеркасск, 2010.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1 Д. 17. .
4. Донской пахарь. 1923. 28 окт.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953.
6. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917 – 1940 гг. / под ред. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. М., 1999.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2586. Оп. 1. Д. 18.
8. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сборник документов и материалов / под ред. С.Ф. Парашенко, А.Н. Трубицыной. Краснодар, 1959. Т. 1. 1918 – 1927 гг.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 2.
10. Скорик А.П., Тикиджян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов н/Д, 2010.
11. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 97.
12. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927 – 1932 гг. М., 1989.

УДК [73/76]:94(571.52) (045)

Троякова Юлия Константиновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и правоведения Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
editor@hist-edu.ru

Troyakova Yuliya Konstantinovna

PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Law of Khakas State University named after N.F. Katanov
editor@hist-edu.ru

**СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ ТУВЫ В 1965 – 1970-е гг.:
К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

**UNION OF ARTISTS OF TUVA IN 1965 -
1970S: ON THE HISTORY OF EDUCATION**

Исследована история развития профессионального изобразительного искусства Тувы в 1965-1970-е гг. Рассмотрено образование союза художников Тувы. Раскрыта организационная и творческая работа художественно-оформительских мастерских Тувы. Анализируется влияние творческих съездов на выставочную деятельность художников-оформителей.

The history of the development of professional fine art of Tuva in the 1965-1970s has been studied. The formation of the Union of Artists of Tuva has been considered. The organizational and creative work of Tuva art decoration studios has been presented. The impact of creative congresses on the exhibition activities of graphic designers has been analyzed.

Ключевые слова: изобразительное искусство, художественно-оформительские мастерские, художественный совет, выставочная деятельность, Тува.

Key words: fine art, art decoration studios, arts council, exhibition activity, Tuva.

Профессиональное изобразительное искусство Тувы в период 1965-1970-х гг. мало изучено и представляет собой несомненный научный интерес. Долгое время художественное искусство Тувы развивалась в виде камнерезной пластики. Традиции этого ремесла складывались ещё в глубоком прошлом в условиях кочевого быта, когда первоначально фигурки животных вырезались как детские игрушки и имели распространение в тувинском народном быту. В советский период сформировалась традиция вырезания скульптуры из мягкого, поделочного камня – агальматолита, одним из месторождений которого была Тува. В первой половине XX в. каменная пластика стала одним из наиболее значительных видов народного искусства СССР. Поэтому художник как профессия, появилась в Туве сравнительно недавно, чуть более полвека назад. Долгое время художественное искусство развивалось здесь в русле провинциального, народного, сохраняя свою национальную самобытность. Возможно, поэтому, на развитии изобразительного искусства в Туве сказывались географические особенности, а именно, это отдаленность от центров культуры, не было транспортного сообщения, труднодоступность. Создание профессиональной организации художников в Туве осуществлялось в условиях острой нехватки профессиональных художественных кадров. В данной статье речь пойдет об образовании союза художников Тувы в 1965 г., ее основных направлениях деятельности.

Прежде чем, говорить о создании структурной организации художников в Туве, обратимся вкратце к истории. В 1930 г. была создана тувинская письменность, открыты школы в Кызыле и сумонах [1]. С началом развития печатного дела в Туве появились иллюстрации, печатные плакаты, окна сатиры, были оформлены первые декорации в национальном театре [2]. В начале 1940-х гг. советское правительство командировало в ТНР группу преподавателей широкого профиля, среди которых были художественно образованные люди. Это такие известные художники как В.С. Раевский, Л. Афанасьев, С.И. Феоктистов, В.Ф. Демин и др. Они практически явились первыми учителями будущих тувинских художников и заложили основы для развития профессионального изобразительного искусства в Туве. Значительный вклад в становление тувинского профессионального изобразительного искусства внес художник В.Ф. Демин. Он приехал в 1941 г., в составе большой группы специалистов по направлению Комитета по делам искусств СССР для помощи в развитии и становлении профессиональных форм искусств и остался здесь на долгие годы. В период Великой Отечественной войны энергичный, полный сил живописец работал над политическими плакатами, мобилизовавшими тувинский народ на борьбу против фашистской агрессии. В.Ф. Демин участвовал в оформлении спектаклей национального театра в Туве. Он создал изостудию, в которой стал обучать талантливую молодежь живописи, рисунку, композиции. Своими работами он положил начало тувинской тематической живописи, которая впоследствии получила развитие в творчестве последующего поколения живописцев.

Событие, сыгравшее огромную роль для дальнейшего развития профессионального изобразительного искусства в Туве, явилось возвращение домой после окончания художественных учеб-

ных заведений страны молодых, полных сил живописцев (в начале 1950-х гг.). Это художники Г. Суздальцев, Л. Протасов, И. Кузнецов, М. Петров, Т. Левертовская, К. Безнурова и др. В 1959 г. первым из тувинских художников окончил Ленинградский художественный институт им. И.Е. Репина С.К. Ланзы (1927 – 1977 гг.) [3]. Вернувшись на Родину, он организовал художественную студию. Основное направление творчества тувинского художника С.К. Ланзы явилось тематическая картина. К началу 1960-х гг. тувинские художники стали активно выступать на сибирских зональных и всероссийских выставках. В частности, произведения тувинских мастеров были представлены в г. Москве в 1960 г. на Всесоюзной выставке работ самодеятельных художников и народных мастеров прикладного искусства [4]. На этой выставке высокую оценку получили камнерезы Х.К. Тойбуха и М.Х. Черзи. За участие во Всесоюзной выставке народные мастера-камнерезы были награждены серебряными медалями [5]. В 1964 г. тувинские художники приняли активное участие I зональной художественной тематической выставке «Сибирь социалистическая» (г. Новосибирск), а через год в г. Томске – в передвижной выставке «Художники Сибири».

Решающую роль в становлении творческой организации в Туве, повлиявшей на развитие профессионального искусства республики, сыграл первый съезд художников Тувы (1964 г.). В работе съезда участвовало более 73 чел., из них к тому времени 10 членов Союза советских художников (ССХ) [6]. Из 10 членов ССХ 7 составляли народные мастера резьбы [7]. С инициативой создания творческого союза выступили известные художники В.Ф. Демин, С.К. Ланзы. В резолюции съезда отмечалось о насущной необходимости создания самостоятельного художественного объединения, концентрировавшей все творческие силы республики. Результатом общественной инициативы творческой интеллигенции стало создание 29 марта 1965 г. самостоятельной организации Союза художников РСФСР. Можно утверждать, что основу творческой организации заложили резчики по камню и дереву. Началось привлечение народных умельцев к творческой жизни, к участию в выставках. Некоторые из них (М.Х. Черзи, Х.К. Хертек-Хуна, Б.С. Байынды) переехали из отдаленных районов республики в Кызыл. Началось системное обучение молодежи азам художественного творчества. Художник-камнерез М. Х. Черзи долгие годы вел занятия с подростками при Ак-Туругском детском доме. Такую же школу в Бай-тайге, в поселке Тээли, создал Х.К. Тойбухаа. Традиции, заложенные мастерами старшего поколения, развили позже их ученики. Произведения тувинских резчиков по камню стали широко известны не только в Туве, но и на Всесоюзных и зарубежных выставках.

Именно Союз проявлял заинтересованность в пополнении кадров, в повышении профессионального уровня всех видов искусства, в выставочном движении. Так, наряду со старшим поколением художников выросли и молодые талантливые представители творческой интеллигенции. Среди них художники С. Сарыг-оол, И. Салчак, Г. Торлук, А. Бовелен, Я. Чолдак и др. В их картинах были отражены такие темы материнства, защиты Отечества, общения с природой, при этом их творчество было неразрывно связано с национальной темой, с народным искусством.

Весной 1970 г. в Кызыле состоялся республиканский конкурс на лучшее произведение литературы и искусства, посвященное 100-летию со дня рождения В.И. Ленина [8]. В конкурсе участвовали работы 100 авторов, представивших 36 живописных работ, 89 работ камнерезов, 48 произведений графиков [9]. Первыми премиями по результатам конкурса были отмечены художники С. Ланзы и О. Намдара. Вторую премию получил художник М. Петров за линогравюры «Семья», «Охотница», «Стрижка» [10].

В 1970 г. в Москве прошла вторая Всесоюзная выставка работ художников-акварелистов СССР [11]. (Первая Всесоюзная выставка прошла там же в 1965 г.). Всесоюзной выставке предшествовала целая серия выставок – 10 зональных выставок, объединявших работы художников Урала, Сибири, Поволжья и других районов страны [12]. Лучшие работы отбирались для Всесоюзной выставки. Всесоюзная выставка проходила в преддверии Ленинского юбилея. На выставке были представлены более 600 работ мастеров акварели всех союзных республик. Тувинская АССР была представлена работами уже ставшего известным художника С. Ланзы.

В том же году по инициативе правления СХ СССР участники Всесоюзной выставки продемонстрировали свои полотна в Туве, знакомясь с новостройками, тружениками, передовиками производства [13]. Всего в этом мероприятии приняли участие 27 мастеров кисти из разных городов и республик страны [14]. Группой акварелистов руководил известный украинский художник В.Ф. Голованов. Среди гостей были заслуженный деятель искусств РСФСР С.Х. Юнтунен, заслуженный деятель литературы и искусства Киргизской ССР А.Н. Михалев и другие известные художники [15]. Участники Всесоюзной выставки побывали в Тодже, посетили комбинат «Тувакобальт», сельские районы республики, а также увидели Малый Енисей. Свои работы художники представили на отчетной выставке в г. Кызыле, в лектории парка им. Гастелло.

Мастера профессионального искусства смогли поделиться опытом, обсудить работы тувинских художников, что положительно сказалось на творческом росте молодого Союза художников Тувинской АССР. В знак дружбы многонациональной советской культуры в дар республике было отдано 25 произведений художников-участников Всесоюзной выставки [16].

Второй съезд художников Тувы, делегатами которого были живописцы, графики, народные мастера – камнерезы, состоялся в августе 1971 г. [17] Основным в работе съезда был вопрос о задачах, стоявших перед художниками в свете решений XXIV съезда КПСС. На съезде присутствовал секретарь правления СХ РСФСР К.М. Максимов. В своем выступлении перед делегатами съезда он акцентировал свое внимание на основных направлениях деятельности местной творческой организации. «Главная проблема – художник и современность, – сказал он, – работать над современной темой – вот основное» [18]. К.М. Максимов призвал художников Тувы увековечивать строительство мощных электростанций на сибирских реках, красоту труда хлебороба, интеллектуальный труд ученых.

На съезде также выступили местные художники, графики, архитекторы, проектировщики. Художник И. Салчак обратился к новому составу правления СХ с предложением о предоставлении творческой помощи членам Союза, в особенности молодежи. Старейший художник республики, к тому времени заслуженный деятель литературы и искусства Тувинской АССР В.Ф. Демин в своем выступлении отметил глубокую необходимость отражения в искусстве темы труда. «Мы должны создать образ современника, образ советского человека, в какой-либо отрасли хозяйства или культуры он ни работал. Это касается не только портретной галереи передовиков труда, но и жанровых сюжетных картин, в которых необходимо показать преобразования родной земли, показать психологию человека, раскрыть его внутренний мир» [19].

Кроме того, на съезде поднимался вопрос о необходимости участия тувинских художников в наглядной агитации, оформлении городов и сел Тувы. Главный архитектор Тувы Сайзун-оол Сат отметил «чрезвычайную важность в тесном творческом сотрудничестве между художниками и архитекторами» [20]. Задача художников и архитекторов непосредственно заключалась в том, чтобы совместно приложить усилия по оформлению городов и районов республики. Их общей задачей являлась разработка элементов национальных орнаментов в архитектуру строящихся общественных зданий. Художники должны были рассматривать эту работу как неотрывную часть всей своей деятельности.

Начало этой работе было уже положено. В начале 1970-х гг. г. Кызыл обогатился несколькими скульптурами, авторами которых стали местные живописцы. Например, при северо-западном въезде в город имеется скульптура «Лань с теленком», которую художник В. Потапенко скопировал, увеличив оригинальное произведение резчика Х. Тойбу-Хаа, в подлиннике выполненное из агальматолита [21]. Также в Кызыле есть обелиск «Центр Азии» и памятник Красным партизанам работы В. Ф. Демина.

Особое место в докладе председателя правления СХ Тувы С.К. Ланзы было посвящено подготовке художественных кадров в республике. Первый выпуск художественного отделения Кызыльского училища искусств (был открыт в 1959 г.) раскрыл основные трудности системы обучения в этом направлении. Сложности во многом были связаны с малочисленностью преподавательского состава. С этой целью С.К. Ланзы призвал ведущих художников Тувы, «посвятить часть своего времени и энергии воспитанию творческой молодежи» [22]. «Нужно приглашать в республику хороших педагогов по изобразительному искусству, молодых перспективных художников – выпускников крупных вузов страны», – выступил председатель правления СХ Тувы [23]. Следует отметить, что союз художников Тувы взяло шефство над Кызыльским училищем искусств. Председатель правления СХ Тувы С.К. Ланзы принимал участие в работе государственной комиссии по защите дипломных работ художественного отделения Кызыльского училища искусств [24].

Решающую роль в становлении тувинского профессионального изобразительного искусства сыграли художественно-производственные мастерские. Дело в том, что все учреждения, предприятия и организации обязаны на всю художественно-оформительскую и творческую работу выполнять заказы только через мастерские художественного фонда РСФСР. Это делалось с целью прекращения практики привлечения на художественно-оформительские работы неквалифицированных, а также случайных людей. Основное назначение художественных мастерских стало изготовление образцов наглядной агитации. Коллектив художественных мастерских должен был вести широкую эстетическую пропаганду среди населения.

С этой целью в марте 1965 г. был создан художественный совет при республиканском управлении культуры в составе 5 художников М.А. Петрова (председатель худсовета), В.Ф. Демина, Т.Е. Левертовской, Г.Л. Торлук, Х. Тойбуха (члены совета) [25]. Заседания художественного

совета проводились, как правило, регулярно и систематически два раза в месяц. Периодически проводились выездные заседания художественного совета, принимавшего оформительскую работу на местах. Кроме того, художники-исполнители могли получить консультацию от любого из членов этого совета в рабочем порядке. На них обязательно утверждались представленные эскизы, осуществлялся контроль над производственным процессом в художественных мастерских. Художественный совет следил за тем, чтобы районные центры республики имели красивый современный вид, чтобы в их оформлении и в оформлении колхозных и совхозных сел и поселков не было места некачественной продукции кустарей-оформителей, работающих за наличный расчет. Однако, когда заявок, особенно на праздничное оформление, было много, мастерским приходилось прибегать к помощи штатных работников художников-любителей [26].

На заседаниях худсовета принимались произведения разных жанров: портреты, пейзажи, натюрморты, жанровые картины. Оформительская продукция выполнялась на неплохом уровне, но нельзя не отметить, что, особенно в оформлении сел допускалась исполнителями штамповка, повторение одних и тех же эскизов или готовых плакатов. Специфика хозяйств и их природные условия диктовали художникам индивидуальные черты наглядной агитации. Порой художники возражали художественному совету в резкой форме. Молодым художникам поручалась та или иная работа без согласования с худсоветом. Так, получилось с портретами пионеров-героев, некачественно выполненными А. Бовейленом. Худсовет их не принял [27].

Главная задача худсовета – это пропаганда средствами искусства решений XXIV съезда КПСС. В период подготовки и празднования 50-летия Народной революции в Туве художники оформили Кызыл, Бай-Хаак, Чадан, Туран, с. Кочетово. На этой работе были заняты ведущие силы творческого коллектива – С. Ланзы, В. Демин, И. Салчак, М. Петров, Л. Протасов и молодежь: К. Булугун, А. Санзаар-оол. Частым явлением явились выезды художников в составе агитпоездов обкома КПСС: производственно-оформительская деятельность здесь сочеталась с пропагандой изобразительного искусства и с творчеством [28]. В целом, союз художников Тувинской АССР и республиканские художественно-производственные мастерские принимали активное участие в оформлении наглядной агитации.

Таким образом, у истоков тувинского профессионального изобразительного искусства стояли русские художники навсегда связавшие свою судьбу с сибирской провинцией. Традиции, заложенные художниками старшего поколения в 1940-е гг., развили позже их ученики, определили характер решения всех творческих проблем нового для тувинцев вида художественного отражения действительности. Именно в 1960-е гг. творческая среда Тувы расширилась и профессионально выросла,росло число участников зональных, республиканских и российских выставок. Творческий рост позволил некоторым тувинским художникам, в особенности резчикам-камнерезам уже в этот период участвовать во всесоюзных смотрах изобразительного искусства. Но особенно важно, что благодаря открытию Союза художников РСФСР в Кызыле продолжился процесс формирования художественной интеллигенции, в том числе национальных кадров художников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ланзы С. Ручьи сольются – река будет // Тувинская правда. 1970. 29 марта.
2. Центральный государственный архив Республики Тува (ЦГАРТ). Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
3. Ланзы С. Ручьи сольются – река будет // Тувинская правда. 1970. 29 марта.
4. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
5. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
6. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
7. Там же.
8. Аранчин Ю. Зерна художественного творчества // Тувинская правда. 1970. 2 мая.
9. Там же.
10. Там же.
11. Ланзы С. На выставке друзей // Тувинская правда. 1970. 4 сент.
12. Полов В. Искусство ленинского пути // Тувинская правда. 1970. 26 мая.
13. Ланзы С. На выставке друзей // Тувинская правда. 1970. 4 сент.
14. Ланзы С. 27 акварельных кистей // Тувинская правда. 1970. 16 авг.
15. Там же.
16. Ланзы С. Выставка аварели закрыта // Тувинская правда. 1970. 6 нояб.
17. Козлова С. Создать образ современника // Тувинская правда. 1971. 5 авг.
18. Там же.
19. Там же.

20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. *Ланзы С.* Полнится отряд художников // Тувинская правда. 1971. 14 июля.
25. ЦГАРТ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
26. *Леввертовская Т.* Искусство наглядной агитации // Тувинская правда. 1971. 8 сент.
27. Там же.
28. Там же.

УДК 94(47).083.4

Чернов Лев Алексеевич

аспирант кафедры истории России
исторического факультета Ивановского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Chernov Lev Alekseevich

Postgraduate Student of the Department of
Russian History of the Faculty of History of
Ivanovo State University
editor@hist-edu.ru

**ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ
АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В ГОДЫ РУССКО-
ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.**

**LIVING CONDITIONS OF THE RUSSIAN
OFFICER CORPS IN MANCHURIA DURING
THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904-1905**

Статья посвящена жилищным условиям офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны. В работе исследованы основные типы жилья, которыми могли пользоваться войска на позициях. Дана характеристика традиционного китайского типа жилища – фанзы. Описаны условия проживания тыловых офицеров, а также высшего командного состава.

The article considers the living conditions of the Russian officer corps in Manchuria during the Russo-Japanese war. The research analyzes the main types of accommodation that could be used by the troops at the front. The characteristic of the traditional Chinese type of housing, fanza, has been presented. The living conditions of the rear officers as well as the generalship have been described.

Ключевые слова: бивак, фанза, землянка, палатка, чемодан-кровать.

Key words: bivouac, fanza, dugout, tent, suitcase bed.

Русско-японская война 1904-1905 гг. – первый конфликт XX в., который определил облик будущих войн. Это было первое столкновение крупных держав, в котором участвовали флоты, состоящие из броненосцев – кораблей нового типа, в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове сражались армии, вооруженные оружием нового образца. Масштабы битв по численности участвовавших в них войск предвосхитили масштабы сражений Первой мировой войны. Новые технические достижения, новая тактика, новая система организации войск – все это относится к войне 1904-1905 гг.

Это предопределило большой интерес историков к дальневосточным событиям начала XX в. Исследователи обращаются к совершенно разным аспектам, связанным с тем неудачным для России конфликтом: военные действия на суше и на море, разведка и контрразведка, и многие другие. В данной статье внимание обращено на повседневную жизнь армии на Дальнем Востоке во время войны.

Одной из важных проблем при изучении повседневной жизни армии в условиях боевых действий является вопрос о жилищных условиях личного состава. Если быт рядовых был полностью регламентирован, то офицеры имели некоторую свободу. Кроме этого, они по различным причинам чаще, чем нижние чины, оказывались вне расположения своей части, что предполагало большую вариативность в плане выбора места временного жилья или ночлега. Рассмотрим, где и как жили офицеры Маньчжурских армий в годы войны.

Обычной формой расположения войск на отдых являлся бивак, т.е. ночевка в условиях похода. Густая населенность района боевых действий позволяла останавливаться на ночлег в китайских деревнях. Обычно селение разбивали на сектора [24, с. 38], в которых останавливались определенные порядком похода воинской части. Китайцам оставляли несколько фанз, остальные занимали войска. Офицеры, как правило, ночевали вместе [20, с. 503; 23, с. 142] в наиболее чистой и теплой фанзе, которую удавалось найти в деревне. У этой же фанзы обычно на следующий день строилась вся часть для дальнейшего движения [22, с. 14].

Традиционный китайский тип жилища – фанза – строился из кирпича, камня, глины или гао-ляна, обмазанного глиной. Наиболее часто встречались постройки из камня или глины. Крыша была черепичной или соломенной. В фанзе обычно расположены два входа: один посередине переднего, другой посередине заднего фасадов. Двери эти вели в узкий проход, который в источниках называют более привычным для русских словом сени [17, с. 763]. Этим проходом все здание делилось на две равные части: мужскую и женскую.

Вдоль окон как правило располагались низкие лежанки или так называемые каны. Они шли вдоль всей стены, их ширина составляла около 3 аршин, т.е. чуть больше 2 метров. Офицеры обычно ставили на них свои походные кровати или спали прямо на самом кане, устлая его соломой, а затем покрывая циновками и бурками [7, с. 60]. В большинстве случаев кан нагревался оча-

гами, в которых китайцы готовили пищу, а иногда отдельными топками. От топок шли дымоходы под поверхностью кана, которые и нагревали его. Он быстро нагревался и хорошо держал тепло. Несмотря на это, зимой в фанзах было все же холодно. По этому поводу М.В. Грулев писал: «Температура в комнате крайне неравномерная: на кане нестерпимая жара, а посреди комнаты вода замерзает» [6, с. 346]. Зимой китайцы и на улице и в фанзах ходили в одном и том же ватном костюме, который редко снимали даже ночью, поэтому для них холод в фанзе был мало ощутим.

Кроме фанз офицеры могли останавливаться в кумирнях, т.е. китайских молельнях, как одиноко стоящих, так и расположенных в деревнях. Опишем одну из таких кумирен отрывком из воспоминаний Б. Адамовича: «Постройка окружена высокой, около 1,5 сажени, великолепно сложенной каменной стеной... через ворота, проложенные в толстой каменной кладке, ведет главный вход; через двор проложены каменные плиты, по сторонам их стоят монументы иobelisks, направо и налево, по бокам двора, крытые галереи и прямо против входа открытый храм.. в виде фундаментально построенного навеса с открытой стороной ко двору... весь пол вымощен каменными плитами и застлан гаоляном, на котором спят солдаты» [2, с. 163]. Кумирни были предпочтительнее фанз по нескольким причинам. Во-первых, обнесенная стеной территория служила хорошей защитой от ветра и холода, а также являлась загонem для лошадей; во-вторых, стены также могли послужить укреплением в случае внезапного нападения японцев или хунгузов. В-третьих, кумирни были чище, чем большинство китайских домов, «отвратительно» пахнувших [24, с. 36].

Часто офицеры брезговали останавливаться в домах китайцев, предпочитая ночевать в палатках. Отец Митрофан Серебрянский пишет: «фанзы довольно приличные, но ужасный запах и явные признаки клопов и вшей заставили нас поместиться в палатках» [14, с. 70]. Или другое подобное упоминание еще одного участника войны В.П. Кравкова: «За отсутствием хороших чистых фанз разместились в походных палатках, расставленных в одном большом грушевом и сливовом саду» [11, с. 260]. Нам представляется, что подобное желание избегать грязных помещений было вызвано не только чувством брезгливости, но и опасением получить инфекционные заболевания.

Палатки ставились отдельно для солдат и офицеров. Такое разделение было присуще всем родам войск в составе Маньчжурских армий: пехоте, артиллерии и кавалерии, в том числе казакам [10, с. 87]. Палатки были рассчитаны на 6 человек. Они были сшиты из полотна защитного цвета, пропитанного специальным химическим раствором, затруднявшим намокание ткани, и перевозились в обозе. Если была возможность, то палатку обкладывали стеблями гаоляна, который давал дополнительную защиту от ветра [6, с. 328]. В ходе войны в войсках был выработан особый тип палатки-шатра, который был рассчитан на большее количество человек.

В холодное время года, когда перемещений войск почти не было, войска были расквартированы в основном в землянках. Как правило, офицеры селились отдельно от рядовых, но так получалось не всегда. Например, при обороне Путиловской сопки во время сражения у р. Шахэ в начале октября 1904 г. все военные чины, участвовавшие в боях, помещались вместе [7, с. 97]. Офицеры старались «обжить» предоставленные им землянки, свозя и устанавливая свой походный багаж, развешивая там китайские циновки, топя печи, закрывая подручными средствами щели в дверях и окнах. На зимних стоянках, занимавших продолжительное время, устраивали даже бани [8, с. 170].

Естественными проблемами, которые возникали при жизни в землянках, являлись сырость и плохая вентиляция. С сыростью боролись, выкладывая печи, которые, нагреваясь, высушивали помещение, а также гаоляновыми и соломенными подстилками, которые, впитывая влагу, могли быть заменены. Плохая вентиляция же была главной проблемой всех землянок. Офицерам приходилось делать выбор: оставлять окна для проветривания, тем самым выпуская тепло из землянки, или же плотно их закупоривать, сохраняя тепло, а вместе с ним и всё сопутствующее жизни в закрытом пространстве: «запах людей, остатки кушаний, вонь от сапог» [21, с. 334].

Однако офицеры не всегда имели возможность остановиться в деревне или кумирне, особенно в достаточно слабо населенной восточной части Маньчжурии, также не всегда удавалось поставить палатку, т.к. обоз мог быть далеко или ночь заставляла офицера далеко от расположения своей части. Тогда приходилось устраивать стоянку под открытым небом. В таких случаях офицеры были вынуждены пользоваться любыми средствами, чтобы обустроить свой ночлег или временное жилье. Если была возможность, то строили шалаши из стеблей гаоляна [24, с. 15], этими же стеблями устилали пол, чтобы создать прослойку между землей и телом.

Интересен рассказ Н.В. Вороновича об одной такой ночевке в поле: «Офицеры, кроме командира, оставшегося на станции... расположились пить чай также вокруг костра. Напившись чаю и завернувшись в бурки, мы, несмотря на сильный холод, быстро заснули. Ночью костер погас, но мы этого не заметили. Проснувшись на рассвете, я понял, почему мне под буркой стало теплее; за

ночь выпал снег и покрыл нас толстым пушистым слоем. Взглянув на моих соседей по ночлегу, я увидел огромные кучи снега, из которых поднимался пар» [5, с. 25]. Офицеры укрывались лошадиными попонами, бурками, шинелями. Были и специальные походные вещи, например походные спальные шерстяные мешки с резиновым покрытием, которые не пропускали воду, а также резиновые надувные подушки и матрасы [18, с. 141].

В ходе русско-японской войны большое распространение получили так называемые чемоданы-кровати. Подобные системы применялись и раньше, но именно в ходе рассматриваемого военного конфликта они показали свою эффективность и универсальность. Опишем самый известный в среде офицеров чемодан-кровать системы И.И. Гинтера. В сложенном виде он представлял собой покрытый брезентовым чехлом чемодан и состоял из двух отделений. Первое из них представляло собой ящик для вещей, изготовленный из досок и фанеры. Он оклеивался парусиной, по краям обивался цинком, а откидная крышка запиралась на замок. Второе – кровать, которая состояла из деревянных брусков, соединявшимися между собой железными шарнирами, обеспечивающими компактное складывание. Изголовьем служил небольшой щиток, который после складывания полевой кровати являлся верхней крышкой самого чемодана. Вес всей конструкции составлял 39 фунтов, т.е. около 15 килограмм. Кроме чемодана-кровати системы Гинтера на фронте встречались и другие подобные устройства: Антосевича, Любушкина, Хайнацкого, Мюллера и другие [19, с. 982]. Все они имели одинаковый принцип конструкции, но отличались по весу, использованными материалами и компоновкой составных частей.

В тылу существовали так называемые «офицерские этапы» для отправлявшихся на театр военных действий. Это были бараки или землянки, предназначенные для кратковременного пребывания с дальнейшим перенаправлением либо в действующую на передовых позициях часть, либо для службы в тылу. Бараки представляли из себя одноэтажные дощатые здания наполовину углубленные в землю. Барак делился на две части длинным коридором, по обе стороны от которого располагались комнаты; каждая рассчитана на двух человек [12, с. 4]. Землянки предназначались для большого количества приезжающих при кратковременном пребывании в них [4, с. 2], поэтому, по мнению современников, они были лишены «самых простых удобств» [3, с. 316].

Кроме этого офицеры могли останавливаться в гостиницах. Практически все они располагались в Харбине как городе, где было сосредоточено большинство тыловых учреждений, центральных складов и продовольственных магазинов, а также основных резервов русской армии. Они практически всегда были заполнены, поскольку предоставляли лучшие условия проживания нежели офицерские этапы. Они тоже не отличались комфортом, за что их номера среди современников зачастую получали эпитеты «грязные конуры» [1, с. 163] или «жалкие чуланы» [3, с. 316].

Для нужд тыла армии было сформировано 2 общежития для офицеров резерва, а также занимающих нестроевые должности в тылу. Одно из них располагалось в бывшей гостинице недалеко от железнодорожного вокзала, другое – в казарме 17-го Восточно-сибирского полка в так называемом Новом городе. А.И. Писанецкий так описывает общежитие, переделанное из бывшей казармы: «Обширное, в несколько десятков сажен длины и несколько саженей ширины, казарма, разделенная арками на пролеты, была буквально переполнена топчанами, складными походными кроватями, сундуками, чемоданами... Вешалками для платья служили солдатские ружейные пирамиды, а столами всевозможные табуретки и ящики» [16, с. 214].

Более состоятельные тыловые и штабные офицеры снимали жилье у местных жителей. Приближенные к штабам Наместника или главнокомандующего жили в отдельных вагонах близи своего непосредственного начальника [15, с. 3]. У генералитета наблюдалось стремление к роскоши, к комфортабельной жизни в ближайшем тылу. Причем примеры подавали командующие армиями. Так, адмирал Алексеев был владельцем домов в Порт-Артуре, Дальнем и Мукдене. Также в его владении был поезд из 6 пульмановских вагонов [6, с. 157], с «громкими салонами и столовыми для него самого и всего его штаба» [13, с. 173]. Перед его составом пускался пробный поезд, который должен был проверить безопасность пути. Адмирал Алексеев останавливался на ночь на станциях, и во время стоянки туда не допускался дальше семафоров ни один поезд, всякое движение по станционным путям прекращалось.

Затем подобный поезд был придан штабу А.Н. Куропаткина. Этот состав был обставлен «роскошной мебелью, коврами, люстрами» [9, с. 48] и раздражал простых офицеров, вынужденных жить в гораздо более скромных условиях. К лету 1905 г. эта «мода» на поезда распространилась на всю армию, в результате чего почти все большие и комфортабельные пассажирские вагоны Южно-Маньчжурской железной дороги оказались занятыми под помещения начальников, а большую часть офицеров и пассажиров приходилось перевозить в товарных вагонах (их еще называли «скотскими»).

Подобные контрасты роскоши для высших чинов армии по сравнению с офицерским бытом на позициях сразу настраивали только прибывших и воевавших на фронте офицеров против штабных чинов. Тем не менее, густая населенность района боевых действий, дававшая возможность располагаться в деревнях и городах, продолжительные зимние затишья, во время которых обустроивались землянки, и обеспеченность офицеров палатками позволяют утверждать, что жилищная проблема хотя и имела место, но не была насущной, что получило отражение в источниках различных типов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Адамович Б.* Из походного журнала // Военный сборник. 1904. № 11.
2. *Адамович Б.* Из походного журнала // Военный сборник. 1905. № 1.
3. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М., 1986.
4. Вестник Маньчжурских армий. 1904. № 114.
5. *Воронович Н.В.* Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952.
6. *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908.
7. *Гусев С.Я.* Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911.
8. *Данилов Г.А.* Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 годах. Ташкент, 1913.
9. *Дружинин К.И.* Воспоминания о русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909.
10. *Квитка А.* Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904-1905. СПб., 1908.
11. *Кравков В.П.* Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы: военно-мемуарный сборник. М., 1991. Вып. 1.
12. *Максимовский Н.* На войне. СПб., 1908.
13. *Менье Р.* Извлечения из сочинения профессора капитана Р. Менье о русско-японской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907. Вып.8.
14. *О. Митрофан Серебрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.
15. *Павлов Е.Н.* На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений о время войны с Японией. СПб., 1907.
16. *Писанецкий А.И.* На войне. Очерки, письма и заметки военного корреспондента. Полтава, 1909.
17. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1.
18. Разведчик. 1904. № 694.
19. Разведчик. 1904. № 727.
20. Разведчик. 1904. № 708.
21. *Рэкули Р.* 10 месяцев на русско-японской войне. СПб., 1908.
22. *Скосаревский.* Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну. СПб., 1911.
23. *Шеляпин М.П.* Пролог к Тюренченскому бою. Из жизни одной батареи в русско-японскую войну // Исторический вестник. 1904. № 7. Т. 97.
24. *Шукуц Ф.А.* Дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909.

***Педагогика и методика
преподавания***

УДК 37 012

Артищева Елена Константиновна

кандидат педагогических наук, доцент, докторант
Балтийского федерального университета им. И. Канта
editor@hist-edu.ru

Artischeva Elena Konstantinovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Doctoral Candidate of Immanuel Kant
Baltic Federal University
editor@hist-edu.ru

КОРРЕКЦИЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ

CORRECTION OF STUDENTS' KNOWLEDGE: SOME METHODOLOGICAL ASPECTS

Статья посвящена малоизученному в педагогике явлению – коррекция знаний студентов, тесно связанному с педагогической диагностикой. Намечаются методологические подходы к изучению коррекции знаний на философском, общенаучном, частнонаучном и технологическом уровнях рассмотрения. Выделены цели и функции коррекции знаний, ее объекты и субъекты, закономерности и принципы.

The article is devoted to the little-studied phenomenon in the sphere of pedagogy - correction of students' knowledge that is closely connected with pedagogical diagnostics. The article outlines methodological approaches to studying correction of knowledge at philosophical, general scientific, particular scientific and technological levels of consideration. The purposes and functions of correction of knowledge, its objects and subjects, laws and principles are allocated.

Ключевые слова: коррекция знаний, педагогическая диагностика, методологические подходы, учебный процесс вуза.

Key words: correction of knowledge, pedagogical diagnostics, methodological approaches, educational process of a higher education institution.

Современный этап развития высшего образования характеризуется кардинальной ломкой представлений о целях образования и путях реализации этих целей. Находящийся в стадии введения в учебный процесс новый Федеральный стандарт высшего профессионального образования призван сделать Россию полноправным субъектом Болонского процесса, но остается неосмысленным руководством и преподавателями вузов. В итоге обостряется вечная проблема высшей школы – несоответствие успеваемости студентов их учебному потенциалу. В связи с этим возникает необходимость коррекции знаний студентов.

Термин «коррекция знаний» в педагогической литературе употребляется, как правило, в качестве дополнения к терминам «контроль» или «диагностика». Многие авторы, рассматривая алгоритм диагностической деятельности, выделяют ее коррекционный этап: Е.А. Михайлычев [1] – разработку плана коррекционных мер, Л.Н. Давыдова [2] – практическое применение педагогического диагноза, коррекцию, И.Ю. Гутник [3] – коррекцию, Н.В. Шуняева [4] – выбор корректирующих воздействий для оптимального достижения учащимися поставленных целей обучения, Е.А. Суховиенко [5] – корректировочный компонент технологической системы педагогической диагностики и так далее. В то же время прослеживаются четкие тенденции к разделению диагностики и коррекции как различных явлений педагогической действительности. В частности, Л.Н. Терновая построила модель коррекции процесса обучения физике на основе результатов диагностики достижений учащихся, которая структурно состоит из двух взаимодействующих блоков: «диагностика» и «коррекция процесса обучения» [6, с. 80]. Такая модель, с одной стороны подтверждает единство диагностики и коррекции, а с другой, подчеркивает определенную обособленность обсуждаемых элементов учебного процесса. В более узкой постановке вопроса О.М. Кондратьева резюмирует, что процесс контроля и процесс коррекции знаний и умений в вузе целесообразно рассматривать как относительно самостоятельные процессы. Это позволяет анализировать их более полно, учитывая специфику каждого [7]. Отделение процесса коррекции знаний от других явлений дидактической практики четко прослеживается также в работах Н.М. Дергуновой [8], Т.В. Никитиной [9], И.Л. Садовской [10], А.В. Слепухина [11], Н.Ф. Талызиной [12] и некоторых других. В частности А.В. Слепухин [11] четко выделяет коррекцию знаний как составную часть учебного процесса.

Таким образом, можно обоснованно полагать коррекцию и диагностику в учебном процессе вуза двумя взаимосвязанными педагогическими явлениями, которые нуждаются в отдельном рассмотрении. Говоря о коррекции в дидактике, в качестве объекта такой коррекции следует выделять прежде всего *знания* как одну из целей обучения, средство обучения, а также фундамент и составную часть всех востребованных современным обществом результатов обучения. Знания при этом представляются сложной характеристикой личностного присвоения информации, имеющей явный и неявный компонент [13]. *Коррекция знаний* в дидактике может быть проанализирована с двух

сторон. Во-первых, коррекция знаний есть процесс обнаружения отклонений в ожидаемых результатах обучения и внесения изменений в процесс обучения в целях обеспечения необходимых результатов. Иначе говоря, корректирующая деятельность распадается на две взаимосвязанные и последовательные составляющие. Во-вторых, коррекция есть процесс преобразования опыта обучающегося, позволяющий вывести его результаты обучения на более высокий уровень по сравнению с текущим состоянием. Данный процесс включает в себя не только соответствующую деятельность всех субъектов образовательного процесса, но и совокупность у них знаний, умений и навыков о способах осуществления такой деятельности и систему мероприятий, в которых эта деятельность реализуется [14].

Коррекция знаний студентов в дидактическом аспекте должна привести к совершенствованию всех основных качеств знаний. Предполагаемый результат коррекции знаний в учебном процессе вуза носит субъективный характер, и может быть определен как состояние сбалансированности между возможностями каждого обучающегося, определяемыми общей подготовкой и психологическими особенностями, и фактически полученными в вузе знаниями по каждому предмету, уровнем сформированности компетенций, а впоследствии и профессиональной компетентностью в целом. Коррекция знаний студентов в учебном процессе вуза может осуществляться на различных уровнях управления – внешний уровень (отклик на результаты аттестационных мероприятий в виде изменения федеральных установок), уровень вуза, уровень факультета, уровень кафедры, уровень преподавателя, взаимокоррекция обучающихся и, наконец, самокоррекция.

Коррекция знаний как процесс является спутником диагностической деятельности, ее логическим продолжением и итогом. Отсюда очевидно, что методологически изучение коррекции знаний неразрывно связано с изучением педагогической диагностики и базируется на тех же основах. Анализ представлений о методологии педагогических явлений [15] позволяет говорить о том, что методология коррекции знаний – исходящая из методологии педагогической диагностики система знаний об отправных положениях коррекции знаний, о принципах подхода к рассмотрению коррекции знаний как педагогического явления, ее методах, системе корректирующей деятельности, а также путях внедрения добытых знаний в практику воспитания, обучения и образования.

На философском уровне методологии изучения коррекции знаний в учебном процессе вуза должны решаться, по меньшей мере, следующие проблемы: проблема сущности коррекции знаний как педагогического феномена, относящегося к образованию в целом; проблема деятельности педагога по коррекции собственных знаний и деятельности и коррекции знаний студентов, ее сущности, целей, структуры, функций и места в системе педагогической деятельности; проблема деятельности студентов по коррекции знаний, ее сущности, целей, структуры, функций и места в системе учебной деятельности; проблема человека как предмета педагогической деятельности в целом и коррекции знаний, в частности; философское обоснование «идеальной» модели коррекции знаний; концептуальное, мировоззренческое обогащение научных знаний о коррекции знаний, педагогического мышления и практического осуществления учебного процесса.

Решение указанных проблем может осуществляться в рамках течений прагматизма, экзистенциализма, диалектического материализма [15]. В частности, философия прагматизма позволяет методологически обосновать цели коррекции знаний в учебном процессе вуза, выбор средств, планирование действий по коррекции знаний. Экзистенциализм методологически обосновывает такие аспекты коррекции знаний как самокоррекция знаний и взаимокоррекция знаний студентов, рефлексивность коррекции знаний, раскрывает проблему человека как предмета коррекции собственных знаний. Методологическая функция диалектического материализма будет выполнена при разработке и обосновании системы методов, средств, организационных форм коррекционной деятельности в современных условиях образовательного процесса.

Общенаучный уровень методологии изучения коррекции знаний характеризуется целостным, системным, синергетическим и акмеологическим подходами. В частности, О.М. Кондратьева [7] предприняла попытку рассмотрения коррекции знаний с позиций системного и синергетических подходов. Соглашаясь с правомерностью такого рассмотрения, мы на первое место выдвинули бы все же обоснование коррекции знаний с точки зрения акмеологического [16] подхода, так как считаем навык самокоррекции важной частью профессионализма в любой сфере деятельности, также полагаем необходимым подчеркнуть необходимость целостного рассмотрения коррекции знаний во взаимосвязи с педагогической диагностикой и учебным процессом.

Конкретно-научный уровень методологии изучения коррекции знаний реализуется в системе таких подходов как деятельностный, экзистенциальный, личностно-ориентированный, компетентностный, гуманистический, аксиологический.

На *технологическом* уровне коррекция знаний должна быть представлена с одной стороны

как самостоятельная технология, развивающаяся в рамках учебного процесса в вузе, а с другой стороны как элемент образовательной технологии. Таким образом, являясь составляющей в структуре образовательной технологии в целом, коррекция знаний и сама имеет структурные компоненты технологии: содержательный, процессуальный, диагностический. Для данного уровня методологии характерны такие подходы [16] как экпсихологический (создание благополучного социально-психологического климата в учебных группах и педагогических коллективах); психодидактический (подбор дидактических средств так, чтобы они стимулировали личностное развитие студента, учет индивидуальных психологических особенностей); индивидуально-творческий (направленность коррекции знаний как процедуры на актуализацию творческого потенциала каждого студента); полисубъектный (использование различных форм совместной деятельности, сотрудничества преподавателей и студентов); креативный (осознание корректирующей деятельности как деятельности творческого характера, а систему заданий для коррекции знаний как стимула формирования творческой индивидуальности); фасилитационный (гибкое использование различных средств коррекции знаний).

Несмотря на то, что нам удалось сформулировать определение коррекции знаний, необходимо четче очертить ряд методологических характеристик, связанных с этим явлением, прежде всего его целей, объектов и субъектов педагогического явления, закономерностей, принципов и функций такового.

Итак, *цель* коррекции знаний в учебном процессе вуза – совершенствование качеств знаний студентов, перевод их учебных знаний на более высокий уровень, достижение соответствия между реальными знаниями и учебным потенциалом обучающегося. О.М. Кондратьева [7] замечает, что цели коррекции влияют на методическую систему контроля (а значит и диагностики), обуславливая его цели и, как следствие, формы, способы и средства.

При определении *субъекта* коррекции знаний как лица, осуществляющего корректирующую деятельность, следует вспомнить о тесной взаимосвязи между коррекцией знаний и педагогической диагностикой. Тогда естественным образом все субъекты диагностики [17] будут являться и субъектами коррекции знаний – сами студенты (самокоррекция и взаимокоррекция знаний), затем преподаватели и вузовские психологи, а уже далее другие должностные лица и структурные отделы вуза.

Остановившись на термине «коррекция *знаний*», мы уже зафиксировали элемент учебного процесса, являющийся *объектом* коррекции. Поэтому, в данном контексте под объектами коррекции знаний мы будем понимать только людей – участников учебного процесса, на которых направлена деятельность по коррекции знаний. Так как коррекция знаний осуществляется по результатам педагогической диагностики, то естественным образом все объекты последней [17] становятся объектами коррекции знаний: в первую очередь, отдельные студенты и преподаватели (индивидуальные объекты коррекции), затем учебные группы студентов и коллективы преподавателей. При этом в литературе преимущественно имеет место эпизодическое освещение вопросов коррекции знаний одного типа индивидуального объекта – обучающегося, применительно к учебному процессу вуза это чаще всего студент-первокурсник. Имеются отдельные замечания о необходимости групповой коррекции знаний [7; 18], но при этом прилагательное-определение «групповая» характеризует скорее форму организации коррекции индивидуальных знаний, чем коррекцию фонового уровня знаний учебной группы как целостного элемента учебного процесса. Коррекция знаний преподавателя в качестве объекта не рассматривается. Между тем любой педагог-практик знает, что в процессе работы по коррекции знаний студентов совершенствуются не только психологические, методические, но и предметные знания и умения самого учителя. Эпизодическая коррекция знаний происходит в процессе обязательного повышения квалификации, самокоррекция сопровождает весь учебный процесс, часто знания педагога корректируются в ходе учебного диалога с обучающимся, при попытке подобрать семантическую форму консультации и т.д. В зарубежной педагогике достаточно близко подходят к проблематике коррекции знания преподавателя, выделяя так называемого «рефлексивного учителя», перед которым открываются широкие возможности приобретения знаний в классе [19]. Коррекция знаний группы педагогов не может быть не признана теоретическим объектом при обсуждении нашей проблемы, но так же, как и соответствующая диагностика не исследована.

Сущность обучения такова, что дидактические аспекты коррекции знаний невозможно отделить от психологических, связанных с процессами усвоения знаний. Поэтому структурная *модель* коррекции знаний в учебном процессе вуза очевидно изоморфна структурной модели педагогической диагностики [20] в учебном процессе вуза и может быть представлена как система, состоящая из функционирующих во взаимосвязи коррекции знаний в психологическом аспекте (коррекция по-

знавательной деятельности, познавательных умений, качеств мышления) и дидактическом аспекте (коррекция качеств знаний), применяемых как индивидуально к каждому обучающемуся, так и в целом к учебным группам или скомпонованным по признакам обучаемости микрогруппам внутри них. При этом учитывается разноплановое влияние образовательной среды.

Анализ процесса коррекции знаний позволяет выявить общие закономерности коррекции знаний, которые находятся в полном согласовании с закономерностями диагностики и вытекают из закономерностей процесса обучения, обоснованных И.П. Подласым [21]. Имеем следующие закономерности.

1. *Закономерности цели коррекции знаний*: цель коррекции знаний зависит от уровня осуществления педагогического процесса; потребностей и возможностей педагогического процесса.

2. *Закономерности содержания коррекции знаний*: содержание коррекции знаний зависит от потребностей педагогического процесса и целей коррекции; темпов социального и научно-технического прогресса; возрастных возможностей; уровня развития теории и практики коррекции знаний; материально-технических и экономических возможностей учебных заведений.

3. *Закономерности качества коррекции знаний*: эффективность каждого нового этапа коррекции знаний зависит от продуктивности предыдущего этапа и осуществления соответствующей диагностики; характера и объема корректируемого учебного материала; организационно-педагогического воздействия субъектов коррекции знаний; профессионально важных личностных качеств студентов; продолжительности и видов коррекции знаний.

4. *Закономерности средств коррекции знаний*: эффективность средств коррекции знаний зависит от знаний и навыков субъектов коррекции знаний в применении средств коррекции; цели коррекции знаний; содержания коррекции знаний; возраста обучающихся; профессионально важных личностных качеств студентов; материально-технического обеспечения; организации процесса коррекции знаний.

5. *Закономерности управления коррекцией знаний*: продуктивность коррекции знаний зависит от интенсивности обратных связей в системе обучения; качества диагностики.

6. *Закономерности стимулирования коррекции знаний*: продуктивность коррекции знаний зависит от внутренних стимулов (мотивов) коррекции; внешних (общественных, экономических, педагогических) стимулов.

Принципы коррекции знаний таковы: системность, целесообразность, целенаправленность, систематичность, процессуальность, всесторонность, воспитывающий и развивающий характер, персонализация, гуманистическая направленность, научно-обоснованный подход, преемственность и интеграция мероприятий, эффективность, компетентность. В этом перечне принципы целесообразности и индивидуального характера коррекции обоснованы О.М. Кондратьевой [7], а остальные являются результатом переноса принципов педагогической диагностики [22; 23; 24] на коррекцию знаний как объект изоморфной структуры.

Относительно функций коррекции знаний в учебном процессе вуза мы разделяем точку зрения О.М. Кондратьевой [7], выделяющей обучающую, развивающую, воспитательную и мотивационно-стимулирующую функции.

Таким образом, рассмотрение коррекции знаний как отдельного объекта педагогических исследований не только является требованием практики, но имеет методологическое обоснование на всех уровнях методологии. Изучение процесса коррекции знаний методологически неразрывно связано с изучением педагогической диагностики. Педагогическая диагностика и коррекция знаний могут быть представлены изоморфными структурными моделями, взаимообуславливают цели и функции друг друга, имеют одинаковые объекты и субъекты, сходную систему закономерностей и принципов. Рассмотрение коррекции знаний в качестве объекта методологического анализа в педагогической науке позволяет выявить все особенности коррекции знаний как педагогического явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Михайлычев Е.А. К понятийному аппарату педагогической диагностики // Педагогическая диагностика. 2005. № 1.
2. Давыдова Л.Н. Формирование у будущих учителей умений педагогического диагностирования: дис. ... канд. педагог. наук. Волгоград, 1995.
3. Гутник И.Ю. Педагогическая диагностика образованности школьников: дис. ... канд. педагог. наук. СПб., 1996.

4. *Шуняева Н.В.* Структура и содержание диагностической деятельности учителя физики при использовании информационных технологий: дис. ... канд. педагог. наук. Екатеринбург, 2004.
5. *Суховиенко Е.А.* Педагогическая диагностика успешности обучения учащихся в контексте информатизации образования: дис. ... д-ра педагог. наук. Челябинск, 2006.
6. *Терновая Л.Н.* Коррекция процесса обучения физике на основе результатов итоговой диагностики достижений учащихся: дис. ... канд. педагог. наук. М., 2010.
7. *Кондратьева О.М.* Методична система контролю і коригування знань та умінь студентів технічних спеціальностей у процесі навчання вищої математики: дис. ... канд. педагог. наук. Черкаси, 2006.
8. *Дергунова Н.М.* Методика самоконтроля учебных действий учащихся при изучении химии в основной школе: дис. ... канд. педагог. наук. СПб, 2009.
9. *Никитина Т.В.* Коррекция знаний и умений по физике в пропедевтическом обучении студентов вуза: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Челябинск, 2012.
10. *Садовская И.Л.* Методика коррекции усвоения знаний в процессе обучения биологии в педагогическом вузе: дис. ... канд. педагог. наук. Красноярск, 2000.
11. *Слепухин А.В.* Использование новых информационных технологий для контроля и коррекции знаний учащихся по математике: дис. ... канд. педагог. наук. Екатеринбург, 1999.
12. *Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М., 1975.
13. *Игнатъева Е.Ю.* Менеджмент знаний в управлении качеством образовательного процесса в высшей школе: монография. Великий Новгород, 2008.
14. *Брызгалова С.И., Артищева Е.К.* Консультация в вузе как учебное занятие по коррекции знаний // Известия БГА РФ: психолого-педагогические науки. 2012. № 4.
15. *Артищева Е.К.* Педагогическая диагностика: некоторые аспекты методологии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4.
16. *Сорокопуд Ю.В.* Педагогика высшей школы. Ростов-н/Д, 2011.
17. *Артищева Е.К.* Педагогическая диагностика в учебном процессе вуза: сущность, цели, направленность и структура // Известия БГА РФ: психолого-педагогические науки. 2013. № 1.
18. *Субботина Т.Ю.* Взаимосвязь индивидуального и коллективного контроля как условие повышения качества знаний при изучении физики в военном вузе: дис. ... канд. педагог. наук. Челябинск, 2004.
19. *Pedder D., James M., Macbeath J.* How teachers value and practice professional learning // Research papers in Education. 2005. № 20 (3).
20. *Артищева Е.К., Брызгалова С.И.* Педагогическая диагностика в вузе в аспекте коррекции знаний // Современные образовательные технологии: психология и педагогика: монография / под. общ. ред. Е.В. Коротаевой, С.С. Чернова. Кн. 13. гл. 7. Новосибирск, 2012.
21. *Подласый И.П.* Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие. М., 2003.
22. *Максимов В.Г.* Педагогическая диагностика в школе: учеб. пособие. М., 2002.
23. *Ефремов О.Ю.* Теория и практика педагогической диагностики в высшей военной школе России: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. СПб, 2001.
24. *Борытко Н.М.* Диагностическая деятельность педагога: учеб. пособие. М., 2006.

УДК 373.4

Аубакирова Рахила Жуматаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
психологии Семипалатинского
государственного университета им. Шакарима
editor@hist-edu.ru

Aubakirova Rakhila Zhumataevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of
the Department of Psychology of
Semey State University named after Shakarim
editor@hist-edu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ ПРЕДШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE TRAINING OF PRESCHOOL CHILDREN

В статье описаны различные концепции развития и воспитания детей дошкольного возраста, особенности предшкольной подготовки детей шестилеток. Особое внимание уделяется психологической готовности детей к школе.

This article describes different concepts of development and education of preschool children, specific features of pre-school training of six-year old children. Special attention is paid to the psychological readiness of children for school.

Ключевые слова: концепция, дошкольное воспитание, психологическая готовность, предшкольная подготовка.

Key words: concept, preschool education, psychological readiness, pre-school training.

В 6-летнем возрасте ребенка ждет первая крупная перемена в жизни. Старший дошкольный возраст – это период, связанный с переходом ребенка на следующий, очень важный этап его жизни – поступление в школу. Происходят изменения в системе отношений детей с взрослыми, сверстниками, изменения социальной ситуации развития, готовности детей к школьному обучению. Поэтому важное место в работе с детьми 6-го и 7-го года жизни начинает занимать подготовка к школе.

Проблема подготовки детей к школе на протяжении многих десятилетий была и остается актуальной проблемой. Многие родители отдают детей в школу не с 7-ми, а с 6-ти лет. В связи с этим возникает много вопросов, требующих специального обсуждения. Все ли дети могут учиться с 6-ти лет? Полезно ли в этом возрасте включаться в школьное обучение, и каким, это обучение, должно быть? Если 6-летний ребенок начинает учиться в школе, значит ли это, что он развивается быстрее и перестает быть дошкольником, поднимаясь на следующую возрастную ступень?

В исследованиях многих ученых неоднократно поднимался вопрос о возможности обучения ребенка с шестилетнего возраста. Проблема преемственности дошкольного и начального образования рассматривается в работах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, А.В. Запорожца, А.П. Усовой, Г.Г. Кравцовой, Е.Е. Кравцовой, Л.И. Божович, Ш. Амонашвили, И.В. Дубровиной, А.Д. Андреевой, Е.Е. Даниловой, Т.В. Вохмяниной и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Л.С. Выготский внес существенный вклад в развитие педагогической психологии. Он не только исследовал возрастные особенности развития психических процессов у детей, но и рассматривал вопросы обучения письму и чтению в переходные от дошкольного к школьному периоды. Характеризуя в кратких чертах историю развития письменной речи у ребенка, Л.С. Выготский приходит к важным практическим выводам: «обучение письму было бы естественно перенести в дошкольный возраст. В самом деле, если открытие символической функции письма возможно уже у детей раннего возраста, как показали опыты Гетцер, то обучение письму должно сделаться обязанностью дошкольного воспитания». Л.С. Выготский анализирует опыт Монтеessori о раннем обучении письму и приходит к мнению, что письму обучают как известному моторному навыку, а не как сложной культурной деятельности. Он пишет: «Поэтому, наряду с первым вопросом о переносе обучения письму в дошкольный возраст, выдвигается само собой требование жизненного письма, которое можно сравнить с требованием жизненной арифметики. Это значит, что письмо должно быть осмысленно для ребенка, должно быть вызвано естественной потребностью, надобностью, включено в жизненную, необходимую для ребенка задачу. Только тогда мы можем быть уверены, что оно будет развиваться у ребенка не как привычки руки и пальцев, но как действительно новый и сложный вид речи» [1]. Л.С. Выготский выдвинул требование естественного обучения письму. Он считает, что «обучение письму как навыку приводит именно к принципу нежизненного письма, к гимнастике пальцев, а не к культурному развитию ребенка. Когда читаешь письма детей Монтеessori и восхищаешься их каллиграфичностью, нельзя отделаться от впечатления, что перед нами дети, которые научились ударять по клавишам, но которые глухи к музыке, вызываемой их пальцами» [1].

Принципиально большое значение для нашего исследования играет концепция А.Н. Леонтьева о ведущей деятельности. Благодаря его работам, она рассматривается как критерий периодизации психического развития, как показатель психологического возраста ребенка. Он отмечает, что

ведущая деятельность характеризуется тем, что в ней возникают и дифференцируются другие виды деятельности, перестраиваются основные психические процессы и происходят изменения психологических особенностей личности на данной стадии ее развития [2].

В качестве методологического ориентира можно выделить также концепцию Д.Б. Эльконина. Он рассматривает детство в контексте конкретно-исторических условий, которые определяют развитие ребенка. Детство рассматривается как социально-психологическое явление, как условие для приобретения личностью гуманных способов удовлетворения потребностей, овладения человеческой культурой.

Д.Б. Эльконин акцентировал внимание на внутренних противоречиях личности. Эти противоречия, по его мнению, связаны с интеллектуальным созреванием детей 6-ти лет и ведущей деятельностью до 6-ти лет в форме игры. Достаточно хорошо развитый интеллект у детей 6-ти лет не находит своего воплощения в играх, он перерос игры и требует более адекватного себе применения, которое становится возможным лишь при переходе от ведущей деятельности в форме игры к ведущей деятельности в форме учебы (учебной деятельности). Другими словами, дети должны интеллектуально созреть к школьному возрасту. Искусственное форсирование возраста может мешать безболезненному разрешению внутренних противоречий и повлиять на формирование личности ребенка. Ученый предполагал, что сокращение дошкольного детства на один год может нарушить сложившийся процесс развития детей и не принести пользы [3]. Исследования Д.Б. Эльконина внесли существенный вклад в изучение данной проблематики. По его мнению, целесообразно расширить сеть подготовительных групп детских садов, в которых удобнее готовить детей к школе - поскольку детям в детском саду лучше, они живут более полной, более многообразной жизнью и выглядят жизнерадостнее и здоровее, чем их сверстники-школьники. В конце 1970-х начале 1980-х гг. Д.Б. Эльконин вместе с другими крупными учеными А.В. Запорожцем и В.В. Давыдовым разработали проект Детского Центра, который должен был решить проблему преемственности ДОО и школы. Однако данный проект по неизвестным причинам не был реализован.

Концепция Д.И. Фельдштейна основывается на понимании детства как особого явления социального мира. Он рассматривает детство с функциональной, содержательной и сущностной позиции. Функционально детство рассматривается им как состояние подготовки к воспроизводству будущего общества, то есть состояние вызревания подрастающего поколения. Содержательно детство рассматривается как процесс физического роста, накопления психических новообразований, определения себя в окружающем мире и взаимодействии с взрослыми и другими детьми. Сущностное детство характеризуется как движение к социальному проявлению через закономерности, связанные с возрастными изменениями.

Концепция Ш.А. Амонашвили базируется на гуманно-личностном взаимодействии взрослого и ребенка. Ребенок нуждается в помощи взрослого, который пытается создать условия для полноценного развития неповторимой личности. Ребенок, по мнению Ш.А. Амонашвили, является неповторимым индивидуальным сочетанием способностей и склонностей [4].

В Концепции В.В. Кудрявцева особое место отводится игре, которая служит задачам телесного и психического выражения чувств ребенка. Концепции готовности к школьному обучению как комплексу качеств, образующих умение учиться, придерживались А.В. Запорожец, В.С. Мухина, А.А. Люблинская [7]. Они включают в понятие готовности к обучению понимание ребенком смысла учебных задач, их отличие от практических, осознание способов выполнения действий, навыки самоконтроля и самооценки, развитие волевых качеств, умение наблюдать, слушать, запоминать, добиваться решения поставленных задач.

Таким образом, в различных концепциях отражаются проблемы организации деятельности детей, феномен детства и его самоценности, вопросы субкультуры детей, как формы собственной деятельности ребенка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М., 1935.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
3. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1994.
4. *Амонашвили Ш.А.* Здравствуй, дети!: пособие для учителя. М., 1983.
5. *Запорожец А.В.* Интеллектуальная подготовка детей к школе // Дошкольное воспитание. 1977. № 8.
6. *Кравцова Е.Е.* Развитие произвольного общения у дошкольников со взрослыми и его значение для формирования готовности к школьному обучению // Новые исследования в психологии. 1979. № 2.
7. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

УДК 378

Бабаева Эльнара Сеидгашимовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и литературы филиала Дагестанского
государственного педагогического
университета в г. Дербенте
editor@hist-edu.ru

Babayeva Elnara Seidgashimovna

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of the Russian Language and
Literature of Dagestan State Pedagogical
University (affiliated branch), Derbent
editor@hist-edu.ru

ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

ESTABLISHMENT DIALECTICS OF MODERN REGIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

В статье раскрывается противоречивый характер становления современного регионального вуза, показаны особенности его миссии, выявляются детерминанты, определяющие процесс становления. Выделенные в результате теоретического анализа противоречия, детерминанты развития современного вуза создают предпосылки для практического решения проблемы модернизации высшего образования.

The contradictory character of the establishment of modern regional institution of higher education is considered in the article; the features of its mission are shown; determinants identifying the process of establishment are introduced. Contradictions marked out as a result of theoretical analysis, determinants of the development of modern institution of higher education create preconditions for the practical solution of the problem of higher education modernization.

Ключевые слова: противоречие, детерминанта, региональный вуз, миссия регионального вуза.

Key words: contradiction, determinant, regional institution of higher education, mission of the regional institution of higher education.

Переход России на рыночные отношения поставил перед системой профессионального образования новые цели, решение которых видится в глубоких преобразованиях системы профессионального образования. Эти преобразования целесообразно представлять в виде двух взаимосвязанных процессов: совершенствование существующей образовательной системы и формирование новых концептуальных подходов и условий ее развития на основе прогнозных оценок и стратегических направлений, в соответствии со структурными сдвигами в экономике и социальной политике не только государства в целом, но и отдельно взятых регионов.

Особую значимость приобретает состояние высшего образования при реформировании экономики страны и отдельно взятого региона. Вузы имеют возможность в больших масштабах вести переподготовку и повышение квалификации специалистов, что позволяет снизить, например, структурную безработицу. Ведущие вузы являются своего рода инкубаторами для наукоемких технологий, обеспечивают хорошие стартовые возможности для внедрения современных, в первую очередь информационно-насыщенных технологий, научного и кадрового обеспечения инвестиционных проектов. Исследования показывают, что темпы проведения экономических реформ по регионам страны коррелируются с показателями развития в них высшей школы, удельным весом лиц с высшим профессиональным образованием и количеством студентов [1, с. 29-42].

Более того, высшие учебные заведения являются необходимым элементом инфраструктуры современного крупного города, любого сколько-нибудь серьезного регионально-административного образования. Количество и развитость высших учебных заведений является индикатором научно-технического, социально-культурного развития урбанизированной среды, ее миграционной привлекательности для населения, одним из основных показателей качества жизни населения. Города и регионы, имеющие развитые высшие учебные заведения, всегда были и будут более конкурентоспособными, притягивая к себе новые инвестиции, производства, предприимчивых людей, одаренную молодежь. Специальные исследования доказывают: чем выше показатели развития высшей школы для города, региона, страны, тем большие возможности при прочих равных условиях они имеют для своего ускоренного демографического, социально-экономического и культурного развития [2].

В данном случае «регионализм» как принцип требует не только усиления роли регионально-вуза в восходящем воспроизводстве качества жизни в регионе, но и в раскрытии регионально-культурной, социогенетической функций высшего образования. Региональные вузы (особенно региональные университеты) несут особую миссию, в которой можно выделить главные основания:

- ориентация на воспроизводство кадрового потенциала и интеллектуальных ресурсов культуры и, в целом, жизненных сил определенного региона;

- региональный вуз – база социокультурного наследования в регионе, своеобразный носитель регионального «кода», с помощью которого сохраняются социокультурные традиции, поддерживается историческая, не только общероссийская, цивилизационная или национальная, но и региональная память;

- региональный вуз – центр системы непрерывного образования в регионе;

- региональный вуз все больше и больше аккумулирует в себе подготовку кадров высшей категории [2, с. 56-58].

Развитие региональных вузов на современном этапе является сложным и противоречивым процессом в России. Интенсивность развития системы высшего образования сопровождается её развёртыванием как внутри отдельных регионов и стран, так и по всему миру. В этих процессах естественно сложилась палитра противоречий, которые на наш взгляд, неизбежны в периоды трансформаций социальных систем. Более того, противоречивость происходящего можно рассматривать в качестве одного из факторов развития системы высшего образования, но, как показывает практика, противоречия имеют тенденцию к накоплению.

Противоречие нами понимается, как взаимодействие противоположных тенденций развития общественных явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении (3).

Необходимо отметить, что первые попытки системного изучения противоречий развития образования относятся к концу 1970-х – началу 1980-х гг. Наиболее крупной работой этого плана является монография Ф.Р. Филиппова [4, с. 231]. Исследователь выделил две группы противоречий: внешние и внутренние. Внешние он связывал с проблемами, опережающими существующие общественные потребности в образовании. Внутренние противоречия вытекали из текущих функций образования и функций социальных.

Исследователи (Т.Г. Зимарева, А.Ф. Кооп, Ф.Р. Филиппов и др.) выделяют противоречия, которые носят инвариантный характер и сохраняются при любых изменениях: исторических, политических, финансовых и других. Ведущее место среди них занимает разрыв между формирующимися и возрастающими потребностями личности, общества и государства в опережающем развитии качества образования и способностью самой системы эти потребности удовлетворить. Не менее важно учитывать противоречия, которые возникают между ролью образования в социальном процессе и избранным политическим курсом. Ситуация, при которой основная масса населения и власть придают образованию разное значение, характерна только для России [5, с. 83-87].

Ряд противоречий, существующих в России, консервирует состояние образования. К ним относятся противоречия между нарастающей ролью современных обучающих технологий и невозможностью их использования в высшей школе; степенью интенсивности научно-педагогического труда и уровнем его оплаты; между огромным расходом жизненной энергии работников образования и социальными условиями ее восстановления; между демократическим характером научно-педагогического труда и авторитарностью системы управления; между сохраняющейся притягательностью высшего образования и степенью его доступности [6, с. 90].

По нашему мнению, существует еще одно стержневое противоречие, которое выступает в современных условиях важнейшим источником развития высшего образования, – это противоречие между классическим типом образования и требованиями современного общества. Его разрешение связано со многими инновациями, как в содержании высшего, особенно, университетского образования, так и в его методиках и методологии.

Противоречивый характер происходящих реформ в экономике и в самой системе образования влияет на генезис высшего профессионального образования в России, особенно на генезис региональных вузов, обусловленный множеством детерминант.

Первая детерминанта – социально-экономическая, даже финансовая, и инфраструктурная неравномерность развития России, приводящая к «расслоению» единого когда-то в советское время «экономического пространства» России. Резкое повышение цен на энергоресурсы и тарифы на железнодорожно-транспортные услуги за годы экономических реформ последнего десятилетия в противовес действующему «инфраструктурному закону» экономического развития России, в том числе «закону энергостоймости» [7, с. 40-52] породили процесс фрагментации экономического пространства. Это привело к понижению транспортной доступности высшей школы в Москве, С.-Петербурге, Новосибирске, Воронеже, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и др. – в наиболее крупных вузовских центрах – для молодежи из «глубинки» России, особенно из сельских районов. По данным Я.М. Рощиной, например, Москва с позиции доступности высшей школы стала самым закрытым городом [8, с. 152]. 30% потенциала высшей школы, таким образом, де-факто обслуживает 10% населения России (если взять население Москвы и Московской области). Социологические

измерения последних лет свидетельствуют, что 90% выпускников школ хотят получить высшее образование в своем регионе [8, с. 155].

Вторая детерминанта – сложившиеся экономические механизмы стратификации экономической доступности высшего образования в форме платности высшего образования, репетиторства, многочисленных форм подготовки абитуриентов для сдачи ЕГЭ и поступления в вузы (обеспечивающих преодоление разрыва между качеством подготовки выпускников в школах и нормативами качества подготовки, отраженными в требованиях к подготовке выпускников, предъявляемых вузами). При этом, экономические барьеры доступности высшего образования в «вузовских центрах» намного выше, чем в регионах. Более низкая цена как «промежуточных механизмов», обеспечивающих поступление абитуриентов в вузы, так и образования в высшей школе, в регионах, еще более усиливает потоки абитуриентов в свои, региональные вузы. «По доле затрат на образование, – замечают Е.А. Омельченков, Н.В. Гончарова, Е.П. Лукьянова, – особо выделяются сельские жители» [9, с. 33]. Иными словами, выпускники сельских школ оказываются самыми ущемленными в своих правах на получение высшего образования. И именно региональные вузы, особенно в аграрных регионах, через сеть своих филиалов в сельских районах, а также крестьянские университеты [10, с. 9-21], призваны обеспечить выравнивание доступности высшего образования для выпускников сельских школ.

Третья детерминанта – отражение императива выравнивания вузовской сети по регионам России [11] с тем, чтобы обеспечить развитие интеллектуального потенциала регионов как фактора постепенного выравнивания в будущем экономического развития России по регионально-географическому измерению.

Происходит постоянная диверсификация моделей вузовских систем и их миссии. Тенденция перманентной диверсификации вузовских систем и, в определенной мере, регионализация вузов, содержит, минимум, два проблемных аспекта. С одной стороны, она связана, прежде всего, с неспособностью государства содержать систему профессионального образования. С другой стороны, система профессионального образования не является эффективным институтом государства.

Основные проблемы высшего профессионального образования связаны с целым рядом внешних и внутренних причин, среди которых отсутствие финансирования, ущербное формирование негосударственного сектора ВПО, менталитет, структура и качество профессорско-преподавательских кадров, несоответствие существующего научно-образовательного потенциала вузов реалиям складывающейся социально-экономической системы и т.д. В данном месте изложения уместно привести данные В.Н. Галяпиной [12, с. 42-49], полученные в результате исследования профессиональной идентичности преподавателей пяти российских вузов. Под профессиональной идентичностью автор понимает «осознание и переживание личностью своей принадлежности к профессиональной группе». Осуществленные ученым исследования выявили, что треть (32%) преподавателей вузов испытывают безразличие, уязвленность, униженность при соотнесении со своей профессией. При этом 21,1% преподавателей готовы сменить профессию на более оплачиваемую.

Как следствие такого состояния научно-педагогического состава вузов – неоднозначное (чаще отрицательное или нейтральное) отношение преподавателей ко всякого рода инновациям и модернизациям, что удлинняет время протекания кризисных процессов в вузовской системе. В данной связи, необходимо обратиться к некоторым мыслям Ф.Г. Кумбса, который, анализируя кризис в образовании, обратился к коллегам со словами, которые и сегодня сохраняют свою актуальность: «Нужно приложить все силы к тому, чтобы покончить с таким положением, когда всем и повсюду настойчиво внушается мысль о том, что все новое в образовании непременно будет второстепенным» [13, с. 128].

Четвертая детерминанта – возможность применения к познанию и построению региональной вузовской образовательной системы, как особого субъекта современной образовательной политики, методологии на основе оценки степени «открытости-закрытости» исследуемой «системы» и уровня развития общественно-государственного управления данной системой. Известно, что нет полностью «открытых», как и нет полностью «закрытых» систем. Но, в настоящее время, вузовские системы являются более закрытыми, чем открытыми системами. Поэтому образовательная политика, как и экономическая, должна исходить из этого принципа, и идентификация вузовской образовательной системы должна начинаться с идентификации степени «открытости – закрытости» с учетом тех негативных процессов в области доступности высшего образования, которые обусловлены социально-экономической стратификацией российского общества.

Такая идентификация поможет найти ответы на вопросы: какая часть воспроизводства кадрового потенциала (по специальностям) с учетом потребностей развития конкретного региона по-

крывается внутренними образовательными ресурсами, а какая внешними; какие направления вузовско-образовательной кооперации необходимо развивать? Возрастание открытости вузовской системы позволит решить проблему разработки дифференцированных социальных нормативов качества образования для различных регионов России.

Пятая детерминанта – заключается в формировании понимания того, что вуз по своей структурно-функциональной организации представляет собой систему (причем систему, встроенную в системы более высокого порядка – регион, страна, мир) и, следовательно, подчиняется системогенетическим законам [14]: законам адекватности по сложности, разнообразию, неопределенности и системности; закону системного наследования (преемственности); закону инвариантности и цикличности развития; закону системного времени и гетерохронии (и вытекающего из него закона неравномерности развития и закона периодической кризисности в развитии систем) и др. «Законы адекватности» по отношению к эволюции вузовских образовательных систем приобретает специфическую «кальку» в виде «законов социо-, нацио-, этно-, государство-морфности образования». На региональном уровне, например, эти законы приобретают смысл соответствия региональных образовательных систем «морфности» регионов – т.е. соответствия социальной, культурной, национально-этнической, экономической «морфологии» региона. Региональные вузы несут в себе «печать» этой морфологической специфики и она отражается в структурах, в первую очередь, в целевой и функциональной, управления внешним, системно-социальным качеством высшего образования.

Это послужило толчком в развитии профессионального образования и, как показало исследование, наиболее перспективным направлением его развития будет широкая диверсификация, которая обеспечит развитие образовательной системы России и будет способствовать:

- повышению социального спроса на более высокий уровень профессионального образования и необходимости удовлетворения потребностей гораздо более разнообразных слоев населения;
- разработке образовательными учреждениями альтернативных программ и систем обучения;
- постоянно изменяющемуся спросу на рынке рабочей силы и принятию мер образовательными учреждениями по подготовке специалистов в новых профессиональных областях с учетом реструктуризации и регионализации экономики.

Диверсификация профессионального образования нами рассматривается как общедидактический принцип развития системы непрерывного профессионального образования, который формирует новую педагогическую систему профессионального образования в региональном вузе.

Таким образом, современный региональный вуз характеризуется *полифункциональностью* (выполняет в регионе социальную, культурно-воспитательную, обучающую, научно-исследовательскую, профессиональную, инновационно-коммерческую, сервисную и др. функции) и *динамичностью* (постоянно развивается под влиянием изменений, происходящих на региональных рынках образовательных и исследовательских услуг, и рынка труда).

Данные рассуждения позволили сформулировать определение «современный региональный вуз» – это образовательная организация высшего профессионального образования, реализующая разноуровневые и разнонаправленные образовательные программы, отвечающие современным требованиям со стороны не только государства, но и регионального сообщества в части количества и качества образовательных услуг.

Перечисленные противоречия развития системы высшего профессионального образования составляют смысловое ядро модернизации высшего образования. В данной связи, модернизация будет иметь смысл, если создаст условия для достижения стратегической цели – повышения эффективности и качества высшего образования в широком смысле, в том числе расширение вузовской сети, выравнивание ее плотности по регионам, повышение доступности, массовости и бесплатности высшего образования, постоянное повышение образовательного ценза населения. Вузы должны сыграть свою роль в обеспечении устойчивости развития России и каждого региона в отдельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белоконов А.В., Пушкаренко А.А. Университеты России: проблемы регионализации. Ростов н/Д, 1994.
2. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет и регион: монография. Тюмень, 1997.
3. Управление социально-экономическими процессами в регионах: роль университетов / под общ. ред. В.В. Чекарева. Кострома, 2002.
4. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абциянко. М., 2003.

5. Филиппов Ф.Р. Социология образования. М., 1980.
6. Зимарева Т.Г. Диверсификация противоречий развития системы высшего образования в трансформирующейся России // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 14. 2009. № 33.
7. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997.
8. Субетто А.И. Экономические законы развития России // Проблемы новой политической экономики. 2003. № 1-2.
9. Проблемы доступности высшего образования. Серия «Научные проекты НИСП – IISP Working Papers WP3/2003/01. М., 2003.
10. Майборода Л.А., Субетто А.И. Система крестьянских университетов в России – основание прогрессивного разрешения аграрного кризиса и поступательного развития аграрного комплекса в России // Вторая научная сессия Отделения образования Петровской академии наук и искусств «Судьба российского образования – судьба России» / под ред. А.И. Субетто. СПб., 1995.
11. Волкова Ю.А., Субетто А.И., Волкова А.Ю. Статистико-социогеографический квалиметрический мониторинг воспроизводства интеллектуального потенциала и образования в России. М., 1997.
12. Галяпина В.Н. Особенности профессиональной идентичности преподавателя вуза // Инновации в общем и профессиональном образовании: опыт, проблемы, перспективы: материалы научно-методической конференции. Ставрополь, 2010.
13. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире (системный анализ). М., 1970.
14. Субетто А.И. Системологические основы образовательных систем. М., 1994.

УДК 159.923

Белан Елена Альбертовна

кандидат психологических наук, доцент
кафедры педагогики и психологии КубГУ
editor@hist-edu.ru

Belan Elena Albertovna

PhD in Psychology, Associate
Professor of the Department of Pedagogy and
Psychology of Kuban State University
editor@hist-edu.ru

КАТЕГОРИЯ АКТИВНОСТИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ О ЛИЧНОСТИ

THE CATEGORY OF ACTIVITY IN PSYCHOANALYTIC STUDIES OF THE PERSONALITY

В статье воспроизводится фрагмент аналитического исследования содержания категории активности в истории психологии. Последовательно рассматривается ряд психоаналитических концепций, имеющих особое значение для понимания процессов психологии организации активности личности в жизнедеятельности. Представлен анализ рассуждений ученых о природе активности личности.

The fragment of analytical research of the contents of the category of activity in the history of psychology is presented in the article. A number of psychoanalytic concepts having special value for understanding the processes of psychology of the personal activity organization in life are sequentially considered. The analysis of scientists' reasonings about the nature of activity of the personality is presented.

Ключевые слова: активность, личность, ситуация, сознательное, бессознательное.

Key words: activity, personality, situation, conscious, unconscious.

Для современного этапа психологической науки высокой значимостью обладает проблема организации активности личности в бытийном континууме жизнедеятельности. Психология активности личности, несмотря на растущее количество исследований в этой проблемной области, испытывает недостаток теоретических исследований, систематизирующих наиболее общие закономерности и методологические подходы к изучению феномена активности. Представляется необходимым не только расширять методологические и теоретические основания психологии активности личности, но и уточнять содержание категории активности как базовой в характеристике взаимодействия человека с окружающим миром и самим собой как частью этого мира. Исследование психологии активности личности невозможно без последовательной экспликации содержательных характеристик категории активности в истории психологии. В настоящей статье будут рассмотрены психоаналитические концепции, имеющие особое значение для понимания процессов психологии организации активности личности в жизнедеятельности.

В своей психодинамической теории З. Фрейд, исследуя душевную жизнь личности, отмечал наличие особых процессов, составляющих основу душевной динамики. При этом особая роль отводилась неосознаваемым процессам, оказывающим не меньшее влияние на качественные характеристики душевной жизни, чем сознательные процессы, хотя в действительности, как пишет ученый, эти процессы не становятся сознательными [13, с. 426].

В работах З. Фрейда бессознательное выступает как постоянный источник негативной активности, вызывающей невротические расстройства. Как отмечают Л. Хьелл и Д. Зиглер, Фрейд полагал, что «люди находятся в состоянии беспрестанного конфликта, истоки которого лежат в другой, более обширной сфере психической жизни – в несознаваемых сексуальных и агрессивных побуждениях» [19, с. 105].

В структуре сознания как такового психолог выделяет, помимо бессознательного, еще так называемое сверхсознание (моральные установки общества) и собственно личное сознание. По Фрейду, активным можно признать не только бессознательное, но и другие уровни сознания. При этом активность бессознательного и сверхсознательного заключается в давлении на личное сознание, в то время как активность личного сознания состоит в противодействии этому воздействию [12].

Аналогично структуре сознания, З. Фрейд разграничивает структуру личности, которая выступает в его теории как область функционирования активности. Активность психического протекает во взаимодействии Оно, Я и Сверх-Я, которые Фрейд обозначает как «структурные отношения психической личности» [8, с. 348]. По замечанию Л. Хьелла и Д. Зиглера, термин «психодинамический» указывает именно «на эту непрекращающуюся борьбу между разными аспектами личности» [19, с. 105–106].

Основным механизмом функционирования активности Фрейд считал влечения. По его мне-

нию, в живой материи действуют две силы, два рода влечений: «таких, которые ведут жизнь к смерти, и других, а именно сексуальных влечений, которые постоянно стремятся к обновлению жизни» [10, с. 410–411]. При этом влечение выступает не только источником, а именно механизмом активности, поскольку Фрейд особо акцентирует тот факт, что влечения действуют постоянно и никогда не производят «действия мгновенного толчка» [9, с. 126]. Влечение есть механизм активности ещё и потому, что в отличие от организации реактивных схем поведения является источником, который действует не извне, а изнутри организма [9, с. 126].

Согласно Фрейду, человеческая активность регулируется определёнными закономерностями. Так, он отмечал существование некой общей тенденции психического аппарата, которая, как пишет Фрейд, «выявляется в упрямом цеплянии за имеющиеся в ее распоряжении источники удовольствия и в трудности отказа от последних» [11, с. 102], т.е. функционирует по закону оптимума. Поскольку «психический аппарат обладает тенденцией удерживать имеющиеся в нем количество возбуждения на возможно более низком или по меньшей мере постоянном уровне» [10, с. 383], Фрейд определял цель любой формы поведения как «уменьшение напряжения, вызываемого скоплением энергии» [19, с. 116]. В связи с этим Фрейд вводит понятие смещенной активности, которое необходимо для понимания динамики психических проявлений. Снижение напряжения достигается сменой поведенческой активности вследствие выбора замещающего объекта [19, с. 118].

Из сказанного становится ясно, что Фрейд понимал человека как целостную энергетическую систему. Так, он полагал, что «в психической жизни каждого человека с момента его рождения действует активная сила», которая была обозначена как либидо и определена как «энергия Эроса» [5]. Либидо ассоциировано с электрической энергией: оно «наполняет» определенные области и части нашего аппарата психики, как электрический ток заполняет батарейку или «аккумулятор», оно «постоянно питается и снова поставляется физическими генераторами» [5].

Динамику психической жизни человека Фрейд рассматривает в континууме активности – пассивности. Так, реализация влечения выражается в превращении активности в пассивность [9, с. 135]. В характере человека Фрейд также находит активные и пассивные характеристики, которые связывает, соответственно, с мужественностью и женственностью [5].

В учении З. Фрейда активность носит относительный характер и выполняет строго специфические защитные функции. Фрейд акцентирует внимание на защитной функции психики, противостоящей излишнему раздражению извне. При этом активная энергия призвана выполнить компенсаторную функцию и «связать» нежелательные воздействия раздражителей. Фрейд делает вывод, что психическая система с высоким энергетическим потенциалом воспринимает приходящую не связанную энергию и превращает её в покоящуюся. При этом, чем выше потенциал собственной покоящейся энергии, тем выше, по мнению Фрейда, её связывающая сила [10, с. 399].

Таким образом, активность психики, согласно Фрейду, выражается преимущественно в противодействии внешним воздействиям. В норме такая активность выступает как потенция и находится в статической форме.

В индивидуальной психологии А. Адлера категория активности раскрывается через концепцию творческой силы жизни. Согласно А. Адлеру, индивидуальная психология как наука «развивалась из настойчивого стремления постичь таинственную творческую силу жизни, силу, которая воплощается в желании развития, борьбы, достижения, превосходства и даже компенсации поражения в одной сфере, стремлением к успеху в другой» [4]. Эта сила обладает важнейшим свойством активности – она целостна, едина и целенаправлена. А. Адлер указывает на существование единого жизненного плана, который объединяет все психические проявления личности. Такую целенаправленность психолог называет самодовлеющей и считает, что «из этой самодовлеющей целенаправленности проистекает целостность личности» [3, с. 12]. Именно поэтому Л. Хьелл и Д. Зиглер, анализируя учение А. Адлера, приходят к выводу, что «индивид является творческим и самоопределяющимся целым, а именно: свободная, осознанная активность является определяющей чертой человека» [19, с. 166].

Творческая сила жизни в психологии А. Адлера выступает как телеологическая и проявляется «в устремленности к цели, в которой все телесные и душевные движения производятся во взаимодействии» [4]. При этом устанавливается особая закономерность самореализации активности, которая заключается в невозможности каких-либо душевных проявлений вне устремления к некой цели [3, с. 9], чем утверждается интенциональность жизненной активности. Применительно к жизни отдельного индивида это свойство активности определяется А. Адлером как осевая жизненная линия, «линия направленности, основанная на цели», которая выступает как управляющий параметр, организующий жизнедеятельность: эта жизненная линия, по мнению А. Адлера, «не только

оказывает влияние на качества индивида, душевные движения, способы самовыражения и основные внешние симптомы, но также управляет жизнью чувств» [4]. А. Адлер особо указывает на недостаточность самих по себе влечений и реакций для объяснения жизненных основ человека. Он утверждает, что судьба и характер индивидуальной личности могут быть поняты, если стала доступна пониманию цель, к которой направлены душевные стремления [4].

В концепции А. Адлера активность понимается как абсолютная характеристика душевной жизни. Полагая, что «каждый симптом в жизни человека проявляется в динамике, то есть в развитии» [4], ученый утверждает, что в душевной жизни «ничто не находится в состоянии покоя» и в ней «всякий движущийся элемент есть завершение предшествующего движения и начало нового» [1].

А. Адлер устанавливает необходимую связь между движением и развитием психики, в результате чего прогресс всех психологических явлений должен пониматься как обусловленный подвижностью организма [2]. Тем самым постулируется, что активность может иметь не только внутренний аспект (сознание, душевная динамика), но и выражаться вовне, в виде движения. Эти две стороны активности выступают как взаимообусловленные и вместе образуют целостный феномен.

В индивидуальной психологии А. Адлера находит свое отражение и такой необходимый атрибут активности как противоречие. А. Адлер пишет о двух противоположных тенденциях, которые он находит в каждой индивидуальной личности, а именно: чувстве неполноценности и стремлении к превосходству. Эти две противоположности, по мысли ученого, в норме дополняют друг друга. Так, стремление к превосходству, присутствуя постоянно, необходимым образом «формирует разум и психику человека», выступая как движущая сила [4]. В то же время развитие стимулируется и чувством неполноценности, которое в норме есть у каждого человека, и может быть понято в связи с этим, как внутренний источник активности.

Индивидуальная жизнь человека также объясняется А. Адлером с позиции активного стремления к совершенству [19, с. 165], т.е. жизнь отдельного человека протекает по законам организации активности творческой силы жизни. Он поясняет, что жизнь человека должна рассматриваться как целостность, и каждая единичная реакция, движение или импульс должны пониматься как проявление «части индивидуальной жизненной установки» [4]. Полагая, что «у каждого человека свой индивидуальный стиль жизни» [4], А. Адлер вводит понятие личной схемы апперцепции, благодаря которой приводятся в системное единство все восприятия личности. Тем самым, индивидуальный стиль жизнедеятельности личности получает ещё одну характеристику – неизменность: «стиль поведения индивидуума остается неизменным на протяжении всей его жизни», – утверждает А. Адлер [2]. На уровне единичного человека неизменность индивидуальной активности может быть понята как аналогия абсолютного характера активности.

Особый интерес представляет рассуждение А. Адлера о способе анализа индивидуального стиля жизни человека. Так, ученый указывает, что по реакциям человека, проявляемым в ответ на ситуацию, можно судить о внутреннем содержании его восприятия конкретных событий. То есть, содержательный анализ индивидуального стиля жизни должен осуществляться в связи с конкретными обстоятельствами, поскольку, по мнению психолога, вместе с «изменениями в окружении меняется и сознание» [4]. Наиболее ярко и полно индивидуальный стиль жизни проявляется в ситуациях жизненных трудностей.

Адлер подчеркивает уникальность моделей реагирования на происходящее, поскольку считает, что восприятие наличных событий происходит посредством преломления через личные интересы человека (см.: [4]). Кроме того, считает А. Адлер, «реакции любого индивидуума, как и общества в целом, нельзя оценивать по раз и навсегда заданному шаблону» [2].

Таким образом, в учении А. Адлера активность выступает необходимым объяснительным принципом осуществления жизнедеятельности личности.

В аналитической психологии К.Г. Юнга феномен активности выходит за пределы индивидуальной личности и приобретает онтологические характеристики. Не случайно Юнг проводит параллели психической энергии (либидо) с шопенгауэровской волей, имеющей, согласно А. Шопенгауэру, безусловный и абсолютный характер (см.: [25]). По словам самого Юнга, он существенно расширил понимание либидо по отношению к первоначальной трактовке З. Фрейда. Так, в аналитической психологии либидо как вид энергии не только выступает как движущая сила жизни, но и обладает способностью к самоорганизации, т.е. «с ростом индивида и с развитием его органов libido пролагает себе путь к новым потребностям, к новой деятельности и к новому удовлетворению» [25].

Абсолютный и малозависимый от индивидуального человека характер психической энергии подчеркивается тем, что, по мысли Юнга, психическая энергия сама «находит адекватные и отре-

гулированные пути для выхода» [22]. Даже в случае «блокировки» потока активности, движение энергии не прекращается, она «устремляется вспять, против течения», что вызывает конфликт внутреннего и внешнего человека, т.е. внутриличностный конфликт [22].

Вместилищем психической энергии в человеке выступает душа, которая, согласно Юнгу, является «жизненным началом в человеке, тем, что живет из самого себя и вызывает жизнь» [22; 26]. Тем самым, в аналитической психологии Юнга, душа приобретает субстанциональные свойства, а именно – характеризуется качеством самопричинности, что, в свою очередь является атрибутом абсолютной активности.

Душа в учении Юнга состоит из трех структур, которые, являясь условно самостоятельными, необходимым образом находятся во взаимодействии. Юнг определяет эти части как эго, личное бессознательное и коллективное бессознательное.

Личное бессознательное Юнг определяет как поверхностный слой бессознательного, который отчасти противостоит более глубокому слою – коллективному бессознательному, которое имеет не индивидуальную, а всеобщую природу [22; 26].

Будучи составляющей души, бессознательное также обладает свойством активности, в силу чего может влиять на активность сознательных процессов путем активации той или иной информации: «с помощью снов (наряду с интуицией, импульсами и другими спонтанными событиями) инстинктивные силы влияют на активность сознания» [22; 26]. Как указывают Л. Хелл и Д. Зиглер, «это врожденное бессознательное содержит имеющий глубокие корни духовный материал и объясняет присущее всему человечеству стремление к творческому самовыражению и физическому совершенству» [19, с. 197].

Особый интерес представляет учение Юнга об архетипах как неких образцов организации активности человека. Архетипы входят в содержание бессознательного. Архетипы выполняют функцию побудителя той или иной модели поведения: «в сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев строить муравейники», – пишет Юнг [22; 26]. При этом ученый акцентирует различие между инстинктом и архетипом. Согласно его рассуждениям «то, что мы называем инстинктами, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами» [22; 26].

Организация активности человека является, по Юнгу, вторичной по отношению к архетипам, которые обладают автономностью. В то же время человек может не контролировать «проникновение» архетипа в систему его жизненной организации, однако бессознательные факторы могут оказывать решающее воздействие на его решения [22; 26].

Подобный взгляд на проблему самоорганизации активности отдельной личности позволил Юнгу определить основные психологические типы и описать свойственные им жизненные установки и психологические функции (см.: [19, с. 203; 24]).

Вследствие абсолютной активности психического, в учении Юнга особое внимание уделяется развитию личности, которое рассматривается как динамический процесс и эволюция на протяжении всей жизни [19, с. 204].

Учение о личности в аналитической психологии Юнга связано с архетипом Самости. Утверждая целостность личности и несовпадение её с Эго [21], Юнг указывает, что личность следует понимать как «высшую реализацию врожденного своеобразия у отдельного живого существа» [23, с. 191]. Такая реализация в большей степени является потенцией, поскольку, по Юнгу, «личность как полная реализация целостности нашего существа – недостижимый идеал» [23, с. 191]. Примечательно, что личность выходит за пределы внутреннего мира человека, поскольку включает в себя компоненты, которые никогда не могут быть познаны, т.е. такие, которые принадлежат миру всеобщего бессознательного. «Личность в целом, которая, несмотря на свою данность, не может быть познана до конца», «неопределимое целое, невыразимую тотальность, которую можно обозначить только символически» «общую сумму сознательного и бессознательного» Юнг определяет как Самость [21; 22; 26]. В силу этого личность обладает активностью по своей природе и главной целью всей жизни человека является развитие самого себя: «достичь уровня личности означает максимально развернуть целостность индивидуальной сущности» [23, с. 190].

Процесс самоосуществления личности в жизнедеятельности отдельного человека Юнг назвал процессом индивидуации. В данном названии подчеркивается уникальность развития каждой человеческой личности, которое необходимо осуществляется в силу присущей ей активности. Процесс индивидуации у Юнга является, по сути, процессом становления, постепенного раскрытия внутренней сущности человека, которую он имеет по факту рождения: «этот процесс соответству-

ет естественному ходу жизни, за время которой индивид становится тем, кем он уже всегда был», – указывает Юнг [22; 26]. Таким образом, в аналитической психологии Юнга активность представляет собой необходимое условие существования, функционирования и развития целостной человеческой личности.

Учение Э. Фромма о человеке развёртывается в парадигме взаимодействия. Он полагает, что особого рода нестатичная «связанность индивида с внешним миром» является ключевой проблемой психологии [15, с. 20]. Экзистенциальное внутреннее равновесие человека относительно, оно не избавляет его от ощущения раздвоенности: как только изменяются предпосылки временной стабильности, равновесие нарушается вновь. Фромм пишет: «В процессе становления личности эта относительная стабильность вновь и вновь оказывается под угрозой. Человек в своей истории изменяет мир вокруг себя, а в этом процессе изменяет и самого себя» [14, с. 296].

Фромм анализирует активность человека, выделяя несколько её общих разновидностей. Наиболее адекватным для целостной развитой личности видом активности ученый называет продуктивную активность (в работе «Бегство от свободы» этот вид активности Фромм обозначал как спонтанную). Продуктивная активность противопоставляется вынужденной активности, механической активности робота, «навязанной индивиду его изоляцией и бессилием» [15, с. 215]. Спонтанная активность имеет в качестве причины собственное побуждение личности (в таком ракурсе раскрывается субстанциональность человеческой личности, т.е. её возможность быть причиной самой себя). Продуктивная активность – это не просто действие, это творческое действие, особое состояние внутренней активности, «которая может проявляться в эмоциональной, интеллектуальной и чувственной жизни человека, а также и в его воле» [15, с. 215]. Продуктивность здесь означает не количественный, а качественный аспект человеческой деятельности: не действие как таковое, не результат, а проникновение в суть вещей «тот процесс, который происходит в людях с глубоким самосознанием, или в людях, которые действительно “видят” дерево, а не просто смотрят на него, или в тех, кто, читая стихи, испытывает те же движения души, что и поэт, выразивший их словами, этот процесс может быть очень продуктивным, несмотря на то, что в результате его ничего не “производится”» [17]. В качестве предпосылок спонтанности Фромм называет слияние разных сфер жизни человека в единое целое, обретение целостности, гармонии всей личности. Воссоединение всех сторон личности на новом уровне сопровождается слиянием индивида с миром, что позволило С. Мадди увидеть в учении Э. Фромма модель самореализации как самосовершенствование, т.е. «стремление человека перебороть реальные или воображаемые недостатки» [6]. Это совершенно новый синтез, отличный от первоначальной неразличённости природы и человека: в этом единстве личность не ослабляется, не теряет себя – она становится сильнее, ибо личность «сильна постольку, поскольку она деятельна» [15, с. 217]. Фромм пишет: «Продуктивные личности оживляют все, чего бы они ни коснулись. Они реализуют свои собственные способности и вселяют жизнь в других людей и в вещи» [17].

В работе «Иметь или быть?» раскрывается ещё один аспект продуктивной активности в диалектике отчуждённости/неотчуждённости. Неотчуждённая активность позволяет человеку ощущать себя как субъекта своей деятельности, при этом активность личности есть проявление её потенций, личность и её деятельность выступают в единстве. Отчуждённая активность, наоборот, разделяет личность и результат её деятельности. Здесь личность не ощущает себя как деятельного субъекта, более того, индивид, в сущности, не действует, а действие совершается над ним, извне, отделено от него и противостоит ему [17]. В таком ракурсе отчуждённая активность синонимична простой занятости, и по отношению к продуктивной активности, по словам Э. Фромма, выступает как качественная пассивность (внешний план действий как таковых не отражается во внутреннем движении личности: она остаётся статичной, т.е. неактивной, т.е. пассивной). Тем самым Э. Фромм проводит различие истинной активности (внутренней, продуктивной, неотчуждённой) и псевдоактивности (внешней, непродуктивной, отчуждённой). Быть активным – это есть «фундаментальная характеристика бытия», но «не в смысле внешней суеты, а в смысле внутренней продуктивности. Это означает обновляться, расти, любить, выйти из изоляции собственного Я» [7, с. 574].

Указанные виды активности приобретают конкретное содержательное наполнение в зависимости от того или иного контекста исследования. Так, в качестве форм общих жизненных ориентаций Э. Фромм различает некрофилию и биофилию как особые разновидности активности. Некрофилия характеризуется влечением к механистичности, излишней структурированности, полной подконтрольностью всех жизненных процессов [16]. Противоположность данной жизненной ориентации является биофилия, любовь к живому, соответствующая имманентному свойству всего живого – жить и сохраняться в жизни. Биофилия тесно связана со свободой как стремлением к сози-

данию, с активностью индивида, осознающего свою ответственность в качестве самостоятельного и самобытного существа. Биофилия предполагает свободную активность, активность по типу продуктивной. Созидаящая сила воссоединяет человека с миром, сохраняя его творческую индивидуальность [16, с. 35–40].

Обращает на себя внимание глубокая мысль Э. Фромма о невозможности исключить проявления активности из человеческого существования. Динамика жизнедеятельности востребует активность как форму осуществления самой жизни. Если человек стремится к жизни – его жизнь реализуется в полной мере, разрушительные тенденции завуалированы, неактивированы. Подавление стремления к полноценной жизни вызывает разрушительные тенденции: «человек, который не может создавать, хочет разрушать» [16, с. 26]. По словам Э. Фромма, разрушительность – это результат непржитой жизни [15, с. 157].

Э. Фромм изучил различные формы деструктивной активности человека, посвятив этой проблеме основательный труд «Анатомия человеческой деструктивности». Ученый выделяет две основные модели деструктивной активности – доброкачественную и злокачественную агрессию. Доброкачественная агрессия заложена в живом организме филогенетически и является, по сути, оборонительной. Она служит выживанию вида, и, в конечном счёте – сохранению жизни. Другой вид агрессии – приобретённый, свойственный только человеку – связанный с разрушительностью, деструктивный по своей сути [14, с. 33]. Приобретённая форма деструктивной активности является итогом нарушения жизненной программы человеческого вида, результатом деформированного развития личности, избравшей неверный путь осуществления собственной свободы.

Таким образом, в учении Э. Фромма о человеке активность выступает одним из главных объяснительных принципов организации жизнедеятельности личности.

Психоаналитические представления об активности личности получили свое развитие в концепциях Э. Эриксона и К. Хорни. Основной идеей учения о личности Э. Эриксона является разработанный им эпигенетический принцип, смысл которого заключается в обосновании существования особых закономерностей развития каждой отдельной личности. Как указывают Л. Хьелл и Д. Зиглер, Эриксон считает, что «развитие личности происходит на протяжении всей жизни человека» [19, с. 221], при этом главной движущей силой развития выступает эго, представляющее собой «самостоятельную структуру личности». Основным направлением развития этой структуры является социальная адаптация [19, с. 217–218]. Тем самым Э. Эриксон устанавливает определенную взаимосвязь между индивидом и социальным сообществом, что нашло отражение в формулировке эпигенетического принципа. Ученый описывает процесс развития личности, исходя из двух положений:

1) человеческая личность, в принципе, развивается по ступеням, предопределяемым готовностью растущего индивидуума проявлять стойкий интерес к расширяющейся социальной среде, познавать ее и взаимодействовать с ней;

2) общество, в принципе, стремится к такому устройству, когда оно соответствует такой готовности и поощряет эту непрерывную цепь потенциалов к взаимодействию, а также старается обеспечивать и стимулировать надлежащую скорость и последовательность их раскрытия. В этом и состоит «поддержание человеческого общества» [20].

Вместе с развитием личности развивается и её способность к самоорганизации поведения, т.е. именно те характеристики, которые могут быть выражены через понятие активности. Так, проходя последовательно серию кризисов, личность приобретает возможность к активному функционированию. Л. Хьелл и Д. Зиглер считают, что в концепции Э. Эриксона индивид «в начале своего развития обладает выраженной реактивностью, но с течением времени, переходя из одной психосоциальной стадии в другую, становится более проактивным. Фактически успешное разрешение первых четырех кризисов (надежда, сила воли, цель, компетентность) является прелюдией к проактивному функционированию на последующих стадиях. Однако на протяжении ранних стадий биологическое созревание накладывает ограничения на возможности человека выстраивать поведение по собственному усмотрению» [19, с. 238].

В теорию Эриксона встроен ещё один из важнейших атрибутов активности, а именно противоречие как необходимый этап развития. Принцип противоречия воплощен в личностных кризисах, посредством которых и совершается прохождение последовательных стадий развития. При этом Эриксон особо акцентирует внимание на кризисе как на этапе проявления активности личности, выражающейся в свободе выбора [20]. Таким образом, в учении Эриксона понятие активности раскрывается через концепцию целостного развития, имеющего системный характер.

В теории К. Хорни постулируется наличие внутренней энергии человека, которая выступает движущей силой личностного развития. В отличие от психоаналитических теорий З. Фрейда и К.Г.

Юнга, вместилищем этой энергии признается реальное Я человека. К. Хорни определяет Я как «источник эмоциональных сил, конструктивной энергии, обладающий властью направлять и судить» [18, с. 154–155], как «живой, неповторимый, непосредственный центр нашей личности; та ее часть, которая может и хочет расти» [18, с. 140].

К. Хорни не отрицает глубокого влияния социокультурных условий на развитие и функционирование индивидуума [19, с. 256]. Тем не менее, согласно её мнению, при благоприятных условиях «энергия людей идет на реализацию их собственного потенциала» [18, с. 27]. Хорни подчеркивает уникальность саморазвития каждой отдельной личности: «в соответствии со своим особым темпераментом, способностями, пристрастиями, условиями детства и дальнейшей жизни человек может стать мягче или жестче, осторожнее или доверчивей, уверенным или не слишком уверенным в себе, созерцательным или общительным, и может проявить свои особые таланты. Но в какую бы сторону он ни направился, он будет развивать *свои*, именно ему присущие задатки», – пишет К. Хорни [18, с. 27]. Она настаивает на том, что «только сам человек может развить присущие ему способности» [18, с. 30]. Тем самым, в учении К. Хорни человек может быть ассоциирован с непосредственным субъектом жизнедеятельности, которому активность присуща имманентно.

Таким образом, в рассмотренных психоаналитических учениях о личности активность имеет в большей степени все же сверхличностный характер и зависит от многих вне индивидуально-личностных причин (например, коллективного бессознательного, социокультурных условий). При этом собственно активность носит, в основном, иррациональный характер. В организации поведения личности преимущественное значение имеют бессознательные побудители активности, роль сознательных процессов менее важна. Личность обладает психической энергией, но вызывает сомнение вопрос о том, может ли она полностью управлять и подчинять себе эту энергию.

Тем не менее, в психоаналитических концепциях категория активности выступает необходимым условием объяснения процессов жизнедеятельности личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адлер А. Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека // Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
2. Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997.
3. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М., 2002.
4. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
5. Буллит У., Фрейд З. Представления о мотивах и личности в психоанализе // Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1999.
6. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. СПб., 2002.
7. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней / пер. С. Мальцевой, науч. ред. Ю.А. Кимелев. СПб., 1997. Т. 4.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991.
9. Фрейд З. Влечения и их судьба // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. СПб., 1998.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский. М., 1989.
11. Фрейд З. Положение о двух принципах психической деятельности // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сборник. СПб., 1998.
12. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский. М., 1989.
13. Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский. М., 1989.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
16. Фромм Э. Душа человека: её способность к добру и злу // Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
17. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2000.
18. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию / пер. с англ. Е.И. Замфир, под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб., 1997.
19. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) / пер. с англ. СПб., 2005.
20. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. СПб., 1996.
21. Юнг К.Г. AION. Исследование феноменологии самости. М.; Киев, 1997.
22. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
23. Юнг К.Г. О становлении личности // Конфликты детской души / пер. с нем. М., 1997.
24. Юнг К.Г. Психологические типы / под ред. В. Зеленского. М.; СПб., 1995.
25. Юнг К.Г. Символы и метаморфозы Либидо. URL: <http://www.koob.ru>. (дата обращения 23.03.2013).
26. Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996.

УДК 37.013.83

Грешилова Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент, проректор по научно-методической работе Забайкальского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
 editor@hist-edu.ru

Greshilova Irina Aleksandrovna

PhD in Philosophy, Associate Professor, Vice-Rector for Science and Methodology, Transbaikalia Regional Institute for Retraining and Development of Vocational Competence of Education Workers
 editor@hist-edu.ru

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PHILOSOPHICAL CULTURE OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF CONTINUOUS EDUCATION

Автор рассматривает феномен философской культуры личности в контексте духовно-нравственного аспекта непрерывного образования. Представлены особенности педагогической и андрагогической моделей образования с позиции философского осмысления становления личности.

The author considers the phenomenon of philosophical culture of personality in the context of spiritual and moral aspect of continuous education. The features of pedagogical and andragogical models of education have been presented from position of philosophical comprehension of making up of personality.

Ключевые слова: непрерывное образование, философская культура личности, педагогическая и андрагогическая модели образования.

Key words: continuous education, philosophical culture of personality, pedagogical and andragogical models of education.

Интенсивное исследование глобальных человеческих проблем обнаруживает различные аспекты, характеризующие положение человека в современном мире, прогнозирование его будущего. Вычленив общие черты различных аспектов, можно заметить, что всё, что связано с проблемами образования человека – обучения и воспитания в меняющемся мире, приобретает первостепенное значение.

Образование как важнейший общественный ресурс, социогенетический механизм, обеспечивающий развитие общества, развивается под воздействием динамично протекающих социокультурных трансформаций. Являясь главным воспроизводителем человеческого капитала, обеспечивающим интеллектуальное развитие общества, образование влияет на все сферы жизни и личные потребности человека.

Современные исследователи проблем образования (А.М. Новиков, В.М. Розин, И.М. Ильинский, М.Н. Дудина, и др.) сходятся во мнении о том, что нужна новая философия развития образования, предполагающая, что образование приоритетно по отношению ко всем вопросам жизни, оно определяет все человеческие качества» (И.М. Ильинский), образование должно готовить «человека к встрече с будущим» (А.М. Новиков), «вызовы со стороны будущего заставляют нас пересматривать цели и идеалы образования (В.М. Розин).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть феномен философской культуры личности в контексте духовно-нравственного аспекта непрерывного образования, сосредоточив внимание на вопросах внутренней духовной работы личности по формированию своего отношения к миру, и соответственно, выстраиванию оценки к внешним и внутренним воздействиям. Рассмотрение двух моделей образования – педагогической и андрагогической предполагает анализ и поиск адекватных времени путей решения проблемы непрерывного образования.

Непрерывное образование предстаёт как совокупность отдельных этапов (дошкольное, школьное, начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее, дополнительное, повышение квалификации и переподготовка). Осуществляясь в разных моделях, в зависимости от возраста обучаемого, педагогической и андрагогической, образование обогащает человека опытом, создаёт условия для осознания человеком себя и окружающего мира, ведь жизнь человека определяется способностью к изменениям, и цель непрерывного образования содействовать тому, чтобы человек мог использовать имеющиеся способности и саморазвиваться.

Процесс саморазвития можно рассматривать как освоение совокупности «самых разных программ, определяющих, направляющих, корректирующих, предупреждающих, запрещающих и т.д. разные стороны человеческой жизни». Как отмечает В.С. Барулин, каждый человек, вступая на жизненную стезю, включается в программы общества (заметим, в процесс непрерывного образования), и «стартует с той отметки, до которой поднялась цивилизация» [2, с. 263]. На человека в процессе образования оказывает влияние комплекс различных идей – философских, социальных,

экономических, особенно в настоящее время, когда коммуникативная революция увеличила динамику культурных явлений, в том числе объём получаемых человеком знаний и ответственность за их использование.

Необходимо заметить, что под непрерывным образованием следует понимать не только его институциональные, но и внеинституциональные формы. При рассмотрении личностного аспекта непрерывного образования возникает необходимость акцентировать внимание на нескольких принципиальных позициях:

- во-первых, в процессе непрерывного образования человек выходит за пределы достигнутого, то есть осознаёт в полной мере ответственность за собственное развитие;

- во-вторых, в процессе формирования личностных качеств человеку приходится преодолевать различные трудности, что также связано с его правами и обязанностями, следованием заданным обществом нормам, канонам;

- в-третьих, на образование всегда возлагали большие надежды, связанные с формированием нравственных качеств, ценностно-смыслового ядра внутреннего мира.

Глубинные пласты внутреннего мира человека, его целостность в совокупности духовных и телесных особенностей в полной мере предстаёт при философском анализе развития системы образования, которое так тесно переплетено с жизнью, что не только учебные заведения, но и другие институты общества выполняют образовательные функции. Сегодня мы сталкиваемся с такими понятиями как «культурная среда образования», «образовательное пространство» и др., которые при детальном анализе могут означать одно: образование предназначено для тех, кто желает учиться и учится в течение всей жизни, испытывая при этом постоянную потребность в познании нового.

Многие современные направления науки ставят человека в центр исследований и при интенсивном развитии новых технологий пытаются дать ответ на вопрос: что ждёт человечество? Содержание данного вопроса напрямую связано с рядом других: выполняет ли образование культурологическую и мировоззренческую миссию? Почему зачастую образование остаётся в стороне от важнейших вопросов современности? Если говорить в целом, то проблема может быть сформулирована следующим образом: современное образование теряет целостность духовного феномена.

На всех возрастных этапах становления личности должно осуществляться нравственное совершенствование, именно это и будет являться основой непрерывного образования. Человек усваивает нормы и принципы, общественно значимые убеждения в процессе деятельности, а «образование сегодня – это способность общаться, учиться, анализировать, проектировать, выбирать и творить» [4, с. 9]. Это предполагает определённую степень ответственности, так как человек должен действовать в условиях мощных информационных потоков, уметь давать оценку происходящим событиям и явлениям, и при необходимости принимать собственное решение. В своих рассуждениях о проблемах человека Б.Т. Григорьян говорит о том, что человечество сегодня страдает не столько от недостатка научных знаний или отсутствия научно-технических и культурных средств, необходимых для решения насущных жизненных проблем, сколько от недостатка мудрости и воли употребить могучие средства созидания современной цивилизации на благо человека и всего человечества [2, с. 375].

Человек свободен в собственном выборе, он сам творит своё бытие в многообразном мире культуры, и, как отмечает М.Н. Фомина, «говоря о культуре, мы оперируем понятиями человеческой сущности и возможности, характером человеческой деятельности, а говоря о философии, имеем дело с мировоззрением и духовным бытием человека» [6, с. 8]. Динамизм и глубина преобразований современной эпохи, не имеющих прецедентов в истории – это причина динамизма духовной жизни каждого отдельного человека и человечества в целом. Как следствие, это требует от человека не только широкого диапазона знаний, ответственности, но и высоких нравственных качеств. Мы полагаем, что только определённый уровень философской культуры, которым человеку необходимо овладеть в процессе непрерывного получения знаний, позволит формироваться таким качествам как открытость по отношению к окружающему миру и социальная ответственность за происходящие изменения.

Концептуальные подходы к феномену философской культуры связаны с тем, что философия как особая форма духовной деятельности задаёт ориентиры каждому человеку, независимо от того, осознаёт он это или нет. В решении вопросов, касающихся различного рода задач, неизменно возникают философские вопросы, требующие выяснения того, как относится человек к миру, какое он место занимает в этом мире, как он его познаёт, и как он действует сообразно социокультурной ситуации.

В этой связи необходимо отметить, что понятие «культура» многомерно, имеет сложную природу и структуру и как социальная категория является объектом всестороннего исследования ряда наук. В многообразии научных и философских трактовок культуры можно выделить основные тенденции, каждая из которых дополняет друг друга, создавая объемную картину культуры.

- культура как сумма общественных достижений, благодаря которым человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации;
- культура как совокупность способов организации жизнедеятельности человека, набор образцов и норм деятельности, которые задают своеобразную социальную технологию;
- культура как продуктивная сила деятельности, творческая способность, присущая человеческой сущности;
- культура как специфический язык, знаковая система.

Существование различных концептуальных подходов, акцентирующих внимание на том или ином аспекте изучения культуры как объекта, и способствовало возникновению многообразных её определений, что и позволяет понятие «философская культура» рассматривать как истинное знание, способствующее нравственному росту человека.

Философская культура личности воплощает становление отношения человека к миру и самому себе, меру его понимания и владения своим социальным бытием, характер этических и эстетических ценностей и норм, а также умение пользоваться ими в своей профессиональной деятельности и при регуляции своих связей с обществом. Роль образования должна заключаться в формировании духовного облика человека, потому как духовность – это личный мир человека, его заинтересованность и добровольное исполнение норм нравственности. Человек духовен в той степени, в какой эти потребности становятся доминантами его поступков и поведения, т.е. духовность означает положительную общественную значимость мышления и сознания человека.

Непрерывное образование предполагает, что человек совершенствуясь, открывает для себя новое, устанавливая духовно-нравственную связь с окружающим миром. Развитие человека – это осознание целей своего совершенствования, осуществление целенаправленной работы над собой, а значит формирования собственной философской культуры. Представляется необходимым определить важнейшие составляющие философской культуры как многозначного феномена:

- образованность (начитанность, эрудированность, способность свободно ориентироваться в идеях современного и историко-философского процесса;
- научность мышления (единство абстрактного и конкретного мышления);
- умение анализировать и синтетически мыслить;
- владение техниками и технологиями современного мышления;
- верность собственным убеждениям, принципам и ценностям, способность следовать им и отстаивать их, утверждать их в собственном индивидуальном бытии в качестве ориентиров личностного роста и развития мировоззренческого потенциала.

Процесс формирования философской культуры связан с тем, что каждому человеку присуще индивидуальное, специфическое отношение к действительности. Уже в раннем возрасте человек начинает своё взаимодействие с культурой, соприкасаясь с её гранями, раздвигая горизонты собственного видения, приобретая представление о различных ценностях. Такие понятия как «человек», «природа», «развитие человека в пространстве и времени», «культура», «воспитание» как в педагогической, так и в андрагогической моделях обучения являются ключевыми в решении важных мировоззренческих проблем, и было бы неверным полагать, что человек воспитуем и обучаем до определённого возраста, жизнь доказывает, что нет предела развитию человека и, следовательно, идёт процесс постоянного совершенствования его философской культуры.

Две модели образования: педагогическая и андрагогическая имеют как сходства, так и отличия, но рассматривать их необходимо в контексте преемственности, что связано с возрастными и познавательными возможностями обучаемых: всё, что закладывается в человеке в раннем возрасте, имеет продолжение в его взрослой жизни.

Педагогическая модель обучения предполагает заданность первоначальных импульсов человеку, которые во многом определяют его дальнейшую социальную адаптацию. Обучение в данной модели, включающее мышление, поиск, открытие связано с решением ряда противоречий, составляющих суть педагогической антропологии. Одно из таких противоречий связано с поиском нового смысла педагогической деятельности, быстро меняющимся ценностно-смысловым наполнением сути педагогического процесса в меняющемся мире, в этой связи актуально и уместно изречение А.С. Пушкина «в просвещении быть с веком наравне», именно это является на сегодня одной из важных проблем, и если быть более точными, то образование сегодня должно быть не «наравне» с веком, а впереди. Следовательно, педагог должен владеть высоким уровнем фило-

софской культуры, которую в процессе совместного действия будет усваивать учащийся, что в конечном итоге будет залогом успешной социализации.

Человек предстаёт таким, каким его формируют культурные условия. Создание таких условий является в настоящее время одной из ключевых проблем, потому что только при личностно значимом подходе, с учётом склонностей ученика можно предполагать, что интерес человека к знаниям в течение всей жизни будет возрастать, разбудив способности в детстве, можно увидеть яркое их проявление в период взрослости. Очень важно учитывать роль проблемной ситуации в процессе передачи знания. Первые уроки мышления как раз и заключаются в том, чтобы понять природу проблемы, пережить чудесное озарение. Педагогическая модель в контексте принципов педагогической антропологии строится на том, что в современном мире необъятной, но легко доступной информации, учитель далеко не единственный источник получения знаний, тем более возрастает его ответственность за то, что полученная информация должна быть отфильтрована, должна нести положительный эффект.

Жизнь доказывает неоспоримую истину – знаниям необходимо быть востребованными, иначе они превращаются в ничто. В процессе взросления человек чаще ставит перед собой вопросы о самом себе, о том, чего он сможет достичь ценой собственных усилий, конечная цель которых должна заключаться в гармонии тела и духа, личного и общественного. Гармоничное взаимодействие общества и природы, человека и общества, культурных и цивилизационных процессов предполагают согласованность различных позиций и интересов. Это можно определить и как творческий процесс создания новых ценностей. Взрослый обучающийся имеет свои особенности, поэтому главное в андрагогической модели обучения – это активная включённость в процесс получения или обновления знаний, обретения новых знаний и опыта на уровне философской рефлексии.

Я.А. Коменскому принадлежит мысль о том, что каждый, получивший правильное образование человек достиг полноты культуры и не только в одном, или некоторых или даже многих направлениях, но во всех, способствующих совершенству человеческой природы. По мысли философа, каждый человек должен находить истину и ложь, не позволять себя склонять ко злу, поступать благоразумно, неопрометчиво, умение различать в помыслах и речах существенное от случайного, безразличное от вредного способствует распознаванию слов и поступков, чужих и своих, и это позволяет человеку определить правильный путь [5]. Это и есть способ воспитания в человеке полноты человечности, совершенствование человеческой природы, формирование философской культуры личности.

Мыслители прошлого в своих трудах анализировали суть и сущность природы человека, устанавливали связь бытия человека с миром культуры, в настоящее время предстоит понять, как меняется человек, какие процессы и явления влияют на характер изменений, обусловленных ходом истории. Будущее наступает очень стремительно, и человеку необходимо быть готовым к вызовам времени, и эта готовность во многом может состояться благодаря его умению предвидеть последствия своих действий и поступков.

Возьмём в качестве примера эпоху Конфуция, которая не отличалась особым материальным изобилием, в те времена удовлетворение человека жизнью могло быть обусловлено богатством его души, воспитанием и образованностью. Оно коренилось в мечтах об идеальном, рождалось из общения с добрыми знакомыми и верными друзьями. На пути стремления к идеалу человек преодолевал самого себя, свои слабости. Путь к идеалу состоял в том, чтобы подготовить надёжную исходную точку, создать ресурс психологического комфорта. Образованные люди в древности стремились не к роскоши и материальному благополучию, но к совершенно необходимой им роскоши свободного полёта души. По мысли Юй Дань, «простые истины потому так легко завоёвывают доверие людей, что им чуждо что-либо внешнее и наносное, они легко находят отклики в душе людей» [3]. Для восточной философии ум – это непрекращающаяся работа над собой, своими знаниями, своим внутренним миром, это, можно сказать, постоянное формирование философской культуры.

Только в результате познания, осмысления реальности на принципах целостности и историзма может осуществляться самопознание, осмысление реальности на принципах целостности и историзма, что можно определить в качестве духовного стержня философской культуры.

Поиск такой модели непрерывного образования, которая бы отвечала вызовам времени, способствовала свободному образыванию человека понимающего, готового и способного к целостному и универсальному восприятию картины мира – одна из актуальных задач современности.

Формирование ценностных, мировоззренческих оснований – это процесс долгий, требующий сосредоточения как направляющих усилий, так и принимающих, поэтому формирование у человека качеств, придающих высший смысл его деятельности, происходит в течение всей жизни.

Философская культура подразумевает самостоятельное, творческое, критическое мышление, обладание которым можно рассматривать как результат процесса обучения и воспитания. Сложный и многогранный процесс, ориентированный на сложившиеся в существующей культуре образы морали, ориентирует человека на определённую линию поведения с опорой на усвоенные ценности, и на то чувство собственного достоинства, которое человеком приобретается постепенно. Как мы отмечали выше, культура – это реальность человеческого мира, поэтому её можно и нужно рассматривать как основу формирования философской культуры личности.

Мир становится сложным и динамичным, что влечёт за собой изменение основополагающих ценностей культуры, и в этой связи нам представляется необходим поиск защищённости эмоциональной сферы человека перед лицом многочисленных контактов. Следовательно, человек должен приобрести такой культурный опыт, который был бы способен противостоять мозаичности окружающего мира, способствовал сохранению базовых непреложных ценностей, транслирующихся из поколения в поколение, а мы видим, насколько внутренний мир человека становится особенно уязвимым звеном в цепи происходящих событий с миром и человеком в знаниевом, информационном обществе.

Время и пространство задают человеку определённые ориентиры. И важно осознавать, какие знания человек получит перед началом самостоятельного пути в жизни, потому что это в дальнейшем определяет в целом судьбу человека. Проектируя модели обучения и воспитания намечая определённую стратегию будущего отдалённому или близкому обосновывая его идеалы, намечая его стратегию и проясняя тактику, философия не может не самоопределиваться в вопросе о степени своей обращённости к будущему, к ближайшему или более отдалённому.

Представление об образовании меняется в зависимости от культурно-исторической эпохи, от существующих философских традиций. Принципы развития и функционирования образования неизменно выводят на вопросы об осмыслении противоречия между глобальной общечеловеческой функцией образования и функцией, связанной с формированием облика человека, его философской культуры, «философская культура представляет собой специфическую взаимосвязь культуры и философии, она определяет путь формирования философского сознания в культурно-историческом процессе и способствует становлению духовности, что достигается человеком в результате самопознания» [6, с. 8]. Только благодаря самопознанию, самовоспитанию в процессе непрерывного образования человек ставит перед собой нравственный установки, следуя которым он совершенствует свой духовный мир.

Резюмируя, можно отметить, объективные процессы, в которые погружён современный человек в настоящее время, носят особый характер. Анализ сложившейся ситуации в мире указывает на необходимость существенных внутренних изменений как отдельной личности, так и значительных общественных групп и социальных институтов. Возрастает важность духовной трансформации человека в философском и социокультурном плане, необходимость понимания причин и следствий собственных поступков, и зависит это от уровня философской культуры, то есть от осознания происходящего и собственной встроенности в контекст событийности происходящего. Такая «встроенность» возможна только при условии осуществления непрерывного образования, в котором будут оптимально сочетаться, взаимодополнять друг друга две модели – педагогическая и андрагогическая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Григорьян Б.Т. Понятие о человеке в современной философии // О человеческом в человеке / под общ. ред. И.Т. Фролова. М., 1991.
2. Барулин В.С. Основы социально – философской антропологии. М., 2002.
3. Юй Дань. Конфуций: От сердца к сердцу. Уроки «Луньюя» / пер. с кит. В.И. Кузнецова. М., 2010.
4. Новиков А.М. Профессиональное образование: устремление в будущее // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 2.
5. Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. М., 1988.
6. Фомина М.Н. Философская культура: онтологический диалогизм. Чита, 1999.

УДК 377.5:61:614.2

Коплик Алексей Алексеевич

начальник управления кадров
Кубанского государственного университета
тел.: (918) 481-00-07

Koplik Alexey Alexeevich

Personnel Administrator of KubSU
tel.: (918) 481-00-07

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ТИПА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ
У БУДУЩИХ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР
(ТЕЗИСЫ)**

**HEALTH-SAVING TYPE FORMATION OF
FUTURE PARAMEDICAL WORKERS'
PROFESSIONAL THINKING IN
THE PROCESS OF THEIR TRAINING
(THESES)**

Тезисно определяется место здоровьесберегающего типа среди профессиональных типов мышления, определяются педагогические условия, критерии и содержание деятельности по ее формированию в процессе подготовки будущих средних медицинских работников.

The place of health-saving type among professional types of thinking is found in the job, pedagogical conditions, criteria and content of the activity is found in its formation in the process of future paramedical workers' training.

Ключевые слова: профессиональное мышление, здоровьесберегающее мышление, педагогические условия развития мышления, содержание образования будущих медицинских сестер.

Key words: professional thinking, health-saving thinking, pedagogical conditions of the development of thinking, future nurses' instructional content.

Концепция развития здравоохранения в России, учитывая новую образовательную парадигму и представления о современной системе охраны здоровья людей, закладывает в основу деятельности системы медицинского образования не только профессиональную подготовку специалиста, но и воспитательный императив: взгляд на здравоохранение как систему реализации справедливости и прав человека на здоровую жизнь.

При реализации современного взгляда на систему подготовки медицинских работников взаимодействуют как минимум три фактора.

1. Вариативность общественно-экономических условий жизни обеспечивает увеличение потребности формирования профессионального мышления в процессе обучения, как методологического основания продуктивности профессиональной деятельности.
2. Резкое ухудшение состояния здоровья населения ведет к изменению задач профессиональной подготовки медицинских работников, актуализирует готовность к распространению технологий подготовки людей способных к саморазвитию, к самореализации потенциальных физических и духовных возможностей, способных к сохранению и укреплению собственного здоровья. Таким образом, появляется востребованность к формированию профессиональной компетентности медицинских работников в области распространении идеологии здорового образа жизни.
3. Обновление системы здравоохранения с целью обеспечения эффективных профилактических, лечебно-диагностических и реабилитационных мероприятий, распространения принципов здорового образа жизни, повышения адаптивных возможностей человеческого организма требует формирования такого специалиста, который рассматривает свою деятельность не только с точки зрения лечения болезней, а в первую очередь с точки зрения сохранения здоровья человека и обучения его эффективным Способам самосохранения здоровья.

Несмотря на то, что потребность в формировании специалистов, ориентированных на здоровьесбережение людей отражается в государственном образовательном стандарте 0406 «Сестринское дело» она не реализуется. Противоречия между существующей потребностью и отсутствующей технологией ее разрешения может быть разрешена при изменении направления и содержания подготовки будущих медицинских сестер при направленном формировании у них профессионального самоопределения на здоровьесбережение.

УДК 378.046.4

Лазарева Ирина Николаевна

Lazareva Irina Nikolaevna

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры профессионально-ориентированного перевода Дальневосточного федерального университета
editor@hist-edu.ru

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Department of Vocationally Oriented Translation of Far Eastern Federal University
editor@hist-edu.ru

РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

REFLECTIVE PARADIGM OF TEACHER PROFESSIONAL DEVELOPMENT: THE WAYS OF PROGRESS AND IMPLEMENTATION

Исследуя образцы передового зарубежного опыта в системе профессионального развития, автор представляет результаты анализа динамики рефлексивных практик по освоению практических навыков осуществления рефлексии и условия, обеспечивающие развитие функциональных позиций самопознания педагога.

By means of the research into the models of advanced foreign experience the author presents the results of the analysis of the reflective model practices evolution concerning the mastering practical skills for implementation of reflection and condition ensuring the functional positions development for teacher self-actualization.

Ключевые слова: профессиональное развитие, аналитико-рефлексивная деятельность, рефлексивный подход, педагогическая самодиагностика.

Key words: professional development, analytical and reflective activity, reflective practice approach, teacher-training self check.

Современный взгляд на педагогический профессионализм, связанный с новыми целевыми установками образования, неизбежно влечет радикальную трансформацию роли преподавателя. Подготовка молодежи к успешной и продуктивной деятельности в формирующемся глобальном обществе требует от преподавателя освоения новых компетенций, таких как организация обучения, гарантирующего интеллектуальный рост учащихся освоение современных методических средств, рефлексия актуальной профессиональной деятельности, осуществление деятельности по самообразованию.

В период поисков новой модели педагогического образования определённый интерес представляют современные исследования зарубежного опыта. В частности, заслуживает внимания системный подход к проблеме развития профессионального мастерства в США, где в последние десятилетия наметилось стабильное углубление инновационных процессов в поиске путей повышения эффективности преподавания. Здесь актуальна эффективность специалиста связана с новой культурой мышления, что влияет на расстановку акцентов в содержательной части непрерывного педагогического образования, которое активно переориентируется на формирование рефлексивности, т.е. способности осмысления своих собственных действий [1, с. 9]. R. Marzano, один из ведущих специалистов в области образовательных реформ США, подчёркивает, что преподаватель приобретает уверенность в своей профессиональной компетентности благодаря той интеллектуальной базе, которая формируется через рефлексивный анализ [2]. Согласно D. Boud, R. Keogh, D. Walker, при определённой организации, интеллектуально-эмоциональной деятельности, способность продуманно и гибко обращаться к различным подструктурам профессиональных знаний выводит на новый уровень познания и оценки [3].

Рефлексивная модель профессионального развития обладает широкими потенциальными возможностями. В отличие от традиционной модели, она предполагает использование информации из многочисленных источников окружающей действительности, исследовательские ресурсы и живую практику. Методы её весьма разнообразны: взаимопосещение и анализ уроков, педагогическое исследование деятельности для выработки мер, изучение творческих работ учащихся, анализ частного случая, описание прошлого опыта, рефлексивная беседа, составление плана по самообразованию, работа в группе, журнал самонаблюдений, моделирование, сетевое взаимодействие, занятие с наставником и др. Преимущества рефлексивного подхода в профессиональном развитии педагогов представлены в таблице.

Таблица 1

Два подхода к профессиональному развитию преподавателя

	Традиционный	Рефлексивный
Цель	получение знаний	изменение отношения к своей деятельности

Концептуальная идея	изменение через нормативное знание на рациональном уровне	изменение через самосознание на рациональном, эмоциональном, социальном, культурном уровнях
Содержание	Знание: - переданное - предметно-абстрактное - знание теории	Знание: - переданное и извлечённое - предметное и процедурное - знание теории и практики
Технологический процесс	инструктивный стандартные инструктивные методики	диалектический; опытно-экспериментальный
Преподаватель-инструктор в роли	знаток-эксперт	помощник
Роль специалиста-практика	пассивный потребитель информации	активный исследователь

В подходах к разработке моделей выработки внутреннего механизма самонаблюдения можно проследить определённую динамику в стремлении технологизировать процесс развития профессионализма.

D. Schon, автор широко известной модели «The Reflective Practitioner» («Мыслящий практик») [4] выделяет основные формы профессиональной рефлексии в зависимости от тех функций, которые она выполняет во времени.

Таблица 2

Модель рефлексивной практики D. Schon

Ситуативная рефлексия reflection-in-action		Ретроспективная рефлексия reflection-on-action
Этап подготовки занятия	Этап реализации запланированных действий	Этап анализа процесса и результата деятельности
- представление о ходе деятельности; - выбор наиболее эффективных способов обучения; - планирование	-соотнесение с меняющимися условиями собственных действий -своевременное реагирование - контроль элементов деятельности	1)обсуждение с коллегами и учащимися 2)анализ и оценки выполненной деятельности, 3)осознание, понимание и структурирование полученного опыта, 4) Запись в журнале самонаблюдений.

В модели D. Schon заданы основополагающие составляющие рефлексивной практики преподавателя. Согласно D. Schon, главная цель рефлексивной практики – приостановка с целью осмысления возникших трудностей [5]. Это является необходимым для выработки новых решений в профессиональной деятельности, а в дальнейшем – получения идеального результата в виде изменения привычных, но устаревших или неадекватных схем работы.

В последующем предпринимаются различные уточнения, что должен включать в себя процесс педагогической рефлексии; разрабатываются варианты сопровождения, упорядочения хода оценки собственной деятельности. В основном детализируется этап ретроспективной рефлексии, имеющий отношение к оценке результата. Например, E.F. Sparapani [6, с. 21-23] предлагает использовать следующую карту самооценки развивающего потенциала учебного занятия.

1. Укажите, как минимум, три сильные стороны вашего урока.
2. Укажите, как минимум, три слабые стороны вашего урока.
3. Какие изменения в мышлении/поведении/ценностно-смысловых ориентациях вы смогли наблюдать у студентов?
4. Какие изменения в мышлении/поведении/ценностно-смысловых ориентациях вы смогли наблюдать в себе во время разработки и проведения занятия.
5. Дайте короткое (2-3 предложения) описание того, какое место на вашем занятии отводилось каждому из нижеследующих аспектов: обработка информации; критическое мышление; принятие решений; творческое мышление.
6. Каким образом осуществлялась обратная связь? Насколько эффективно?

Одна из последних разработок в области профессионального развития педагогов США – «Модель оценки качества преподавания» (The Marzano Teacher Evaluation Model) [7], разработанная научно-исследовательской лабораторией под руководством R. Marzano, адресованная тем, кто искренне заинтересован в достижении вершин профессионального мастерства. Модель отличается рядом значимых преимуществ, одно из которых видится в том, что предлагается, по сути, технология формирования способности к преобразующей рефлексии.

Необходимо отметить, что модель отличается ярко выраженной направленностью на инициирование внутриличностных изменений на уровне самосознания (изменения «второго порядка»),

которые происходят на более глубоком уровне и являются результатом применения методов, стимулирующих включение высокоорганизованного мышления. Как правило, такой процесс, требующий немалых интеллектуальных усилий, связан с естественным внутренним противодействием сложной, искусственно созданной процедуре самоисследования. M. Fullan комментирует эти негативные явления следующим образом: «Имея дело с непривычными для обыденного сознания полями практики вы всё лучше понимаете, что творческим прорывам и достижениям всегда предшествует период мрачных размышлений, смятения, поисков, переживаний и нервно-психического напряжения, за чем следуют периоды душевного подъёма, нарастающей уверенности в себе по мере того, как вы преодолеваете нежелательные реакции и неотступно следуете намеченной цели самоизменения [8, с. 26].

В разработке стратегического набора педагогической самодиагностики Marzano исходит из системного видения образовательного учреждения как триады – преподавание, учение, управление и оговаривает условием участие руководства образовательного учреждения в непростом процессе поиска ресурсных возможностей преподавателя. Для того чтобы изменения на уровне самосознания успешно развивались и продолжали совершенствоваться руководителям необходимо иметь соответствующий настрой и способность предпринимать действия, направленные на:

- наличие учебных программ, методических средств, контрольно-измерительных материалов;
- разработку плана работы и средств оптимизации труда преподавателей;
- расширение и углубление интеллектуализации педагогической деятельности;
- наличие в коллективе специалиста, инспирирующего убеждённости преподавателей в необходимости перемен;
- осуществление разносторонней контрольно-оценочной деятельности;
- формирование у преподавателей способности самоизменения.

Исходными положениями выступают слагаемые эффективной организации учебного процесса – преподавание, управление, проектирование. Рефлексивный анализ данных областей педагогической деятельности задаёт вектор движения к успеху, когда в процессе работы над собой преподаватель постепенно обретает уверенность в своих силах и возможностях. Согласно модели, рефлексивная деятельность преподавателя включает следующие области задач:

I. Планирование и подготовка

- к обучающей деятельности по конкретной теме;
- к использованию учебных материалов и технических средств обучения;
- информационных материалов, представляющих ценность и смысл для учащихся.

II. Рефлексивный анализ включает:

- а) оценку результативности собственной деятельности в виде
 - выявления конкретных участков достижений и неудач в преподавании;
 - оценки эффективности отдельно взятых уроков и разделов учебной программы;
 - оценки эффективности определённых методов обучения для разных категорий учащихся.

б) разработку и мониторинг успешности процесса реализации плана профессионального роста.

III. *Коллегиальность в профессиональной деятельности*, которая рассматривается через призму создания благоприятных условий для психологически комфортного режима умственного труда; обмена педагогическими идеями и методиками; развития образовательных инициатив.

IV. Организация учебного процесса.

Рассмотрим более подробно данный раздел, находящийся в непосредственном соприкосновении с областью задач повышения качества академической успеваемости, традиционно приоритетной задачей образования. Попутно отметим, что из шестидесяти элементов стратегической рефлексии сорок один элемент имеет применение в том или ином сегменте типового учебного занятия (предметное содержание, интеллектуальные и практические умения, регламентные процедуры, оперативные действия). Вопросы, направленные на осмысление, выполняют роль «мысленного зеркала», в котором находят отражение ключевые аспекты, касающиеся повседневного режима работы, обучения предметным дисциплинам, создания благоприятной психологической обстановки. Итак, данный сегмент представлен следующим составом рефлексивно-аналитических вопросов: «Что я обычно делаю, чтобы

- 1) чётко обозначить учебные цели и результаты?
- 2) отслеживать процесс продвижения студентов к результату?
- 3) акцентировать успешную деятельность учащегося?
- 4) обеспечить соблюдение правил поведения и работы на занятии?

- 5) оптимально обустроить учебное пространство?
- 6) представить наиболее важную учебную информацию?
- 7) организовать взаимодействие студентов с целью постижения смысла и продуцирования нового знания?
- 8) предварительно изучить предлагаемый студентам новый учебный материал?
- 9) сегментировать отобранный материал на удобные для усвоения смысловые фрагменты?
- 10) помочь студентам обработать новую информацию?
- 11) помочь студентам конкретизировать новую информацию?
- 12) помочь студентам записать и представить освоенное знание?
- 13) помочь студентам задуматься над процессом и результатом своего обучения?
- 14) осуществить критический обзор пройденного материала?
- 15) задействовать студентов в процессе применения и совершенствования своих знаний?
- 16) использовать на аудиторных занятиях результаты, полученные в ходе выполнения домашнего задания?
- 17) помочь студентам исследовать сходства и различия в изучаемом материале?
- 18) помочь студентам проанализировать ошибки, допущенные в ходе рассуждения?
- 19) помочь студентам использовать на практике умения, стратегии и процедуры продуктивного мышления?
- 20) помочь студентам осуществить повторение полученных знаний?
- 21) вовлечь учащихся в процесс выполнения заданий повышенной сложности?
- 22) вовлечь учащихся в процесс выполнения заданий, включающих выдвижение гипотезы и её проверку?
- 23) обеспечить учащихся информационными ресурсами и методическими руководствами?
- 24) задействовать в учебном процессе всех учащихся?
- 25) использовать на занятии учебные игры?
- 26) определить коэффициент участия студентов в образовательном процессе?
- 27) дать возможность свободного перемещения в ходе занятия?
- 28) поддерживать энергичный темп занятия?
- 29) поддерживать активность и энтузиазм учащихся?
- 30) использовать в ходе урока преимущества дружеского спора?
- 31) предоставить студентам возможность поговорить о себе?
- 32) представить необычную, вызывающую интерес информацию?
- 33) включать в учебную деятельность элементы юмора?
- 34) позволить студентам осознать последствия несоблюдения правил и предписаний?
- 35) помочь студентам понять необходимость соблюдения правил и предписаний?
- 36) понять личные интересы учащихся и их жизненный опыт?
- 37) использовать невербальные способы выражения одобрения и расположения к учащимся?
- 38) продемонстрировать объективную оценку и контроль?
- 39) продемонстрировать уважение к студентам с недостаточно высоким уровнем способностей?
- 40) подобрать вопросы для студентов с недостаточно высоким уровнем способностей?
- 41) обдумать ответ вместе со студентом, имеющим недостаточно высокий уровень успеваемости [7]?

Данный перечень элементов оценки эффективности деятельности преподавателя можно рассматривать как ресурс методических средств. Представленный формат методологических указаний для рефлексивного анализа несёт идею повышения ответственности преподавателя за свою работу в аспекте постановки и реализации целей образовательного процесса, осуществления контроля и взаимодействия на уроке, наблюдения за учебным процессом и обсуждения результатов наблюдений.

Практическое руководство Marzano предполагает решение и этих задач. Каждая из категорий включает ряд конкретных стратегий, способы их инкорпорации в тот или иной сегмент занятия, оценочную шкалу, помогающую выработать рефлексивно-оценочную позицию. Мы представили технологическую карту рефлексивной самооценки следующим образом.

Категория 22: Что я делаю, чтобы вовлечь учащихся в процесс выполнения заданий повышенной трудности, предусматривающих выдвижение гипотезы и её проверку?

- Нахожу подтверждение, что студенты обладают фактологическим знанием по исследуемому вопросу;
- Отслеживаю индивидуально или в групповом порядке процесс продвижения в ходе выполнения задания.
- Наглядно показываю и осуществляю пошаговое обучение для каждого вида учебных задач
- Предоставляю время для практической отработки каждого шага перед тем, как приступить к выполнению всего задания.
- Содействую тому, чтобы студенты исследовали сходства и различия между разновидностями заданий: по решению проблемных ситуаций, выработке решения, проведения исследования.
- Обеспечиваю студентов графическими систематизаторами и наглядными пособиями, чтобы помочь студентам запомнить последовательность шагов в каждом случае.
- Демонстрирую пример того, как должно выглядеть успешно выполненное задание.

Как я это делаю?

Вовлечение учащихся в процесс выполнения заданий повышенной трудности (решение проблем, принятие решений, проведение исследования и др)	4. Инновационность	3. Профессиональное исполнение	2. Развитие умения	1 Начальный этап	0. Неиспользование
	адаптирую и создаю новые стратегии для конкретной ситуации и конкретного студента.	осуществляю мониторинг процесса формирования умения обобщения и проверки гипотезы	задействую учащихся в заданиях повышенной трудности, но делаю это скорее механически, нежели целенаправленно	использую данную стратегию неправильно, выпуская отдельные элементы	Мне надо использовать эту стратегию, но я этого не делаю

Рис. 1. Технологическая карта педагогической самодиагностики

Теоретическую значимость модели стратегической рефлексии мы видим в том, что она предлагает толкование понятия высокого профессионализма в преподавании, помогает понять природу его составляющих. Практическая ценность модели рефлексивной практики нового поколения в том, что это не просто техника оценки продуктивности проделанной работы, но, прежде всего, инструмент совершенствования профессиональных умений. Реалистичность имеющегося практического руководства подтверждается словами американского исследователя D. Reeves: «Если преподаватели занимаются систематическим наблюдением и исследованием своей профессиональной деятельности, а также следят за степенью влияния педагогических техник на уровень достижений учащихся, то результаты этого рефлексивного анализа в конечном итоге преобразовывают процедуру педагогической отчётности из весьма бесплодного занятия в конструктивную, созидательную силу улучшающую качество образования в целом» [9, с. 5-6].

Как утверждают американские специалисты [10], самый мощный «побочный эффект» применения практик рефлексивного анализа – дальнейшее развитие мотивации профессионального становления педагога. Расширение горизонтов успешности и достижение подлинных вершин профессионального мастерства. Именно такой перманентный процесс и служит развитию профессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Grimmett P., Erickson G.* Reflection in teacher education. New York, 1988.
2. *Marzano R.* Fostering thinking across the curriculum through knowledge restructuring // *Journal of Reading*. 1991. 34(7).
3. *Boud D., Keogh R., Walker D.* Reflection: Turning experience into learning. London, 1985.
4. *Schon D.F.* The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. San Francisco, 1990.
5. *Schon D.F.* Coaching Reflective Teaching / In P. Grimmett & G. Erickson (Ed.), *Reflection in Teacher Education* (pp. 19 - 29). New York, 1988.
6. *Sparapani E.F.* The Effect of Teaching for Higher-Level Thinking: An Analysis of Teacher Reactions // *Education*. 2000. 121(1).
7. *Marzano R.J.* Becoming a reflective teacher. Bloomington, 2012.
8. *Fullan M.* Leading in a culture of change. San Francisco, 2001.
9. *Reeves D.* Accountability for Learning: How Teachers and School Leaders Can Take Charge. Alexandria, 2004.
10. *Grimmett P.P., Echols F.H.* Teacher and administrator shortages in changing times // *Canadian Journal of Education*. 2002. 25(4).

УДК 15.075

Питанова Марина Евгеньевна

кандидат психологических наук, доцент
кафедры педагогики Пензенского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Pitanova Marina Yevgenyevna

PhD in Psychology, Associate Professor of the
Department of Pedagogy, Penza State University
editor@hist-edu.ru

Шварева Любовь Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики Пензенского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Shvaryova Lyubov Vasilyevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Penza State University
editor@hist-edu.ru

Михалец Ирина Викторовна

кандидат психологических наук, доцент
кафедры педагогики Пензенского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

Mikhalets Irina Viktorovna

PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Penza State University
editor@hist-edu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА – УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ

TEACHING PRACTICE AS A CONDITION FOR FORMATION OF STUDENTS' PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ATTITUDE

В статье рассмотрены проблемы формирования будущего педагога как субъекта профессиональной деятельности. Предметом внимания в первую очередь является изменение подходов к организации психолого-педагогической практики студентов, способствующей формированию профессионально-педагогической субъектности.

The article considers the problems of future teacher formation as a subject of professional activity. The foremost subject matter is the change of approaches to the organisation of students' psycho-pedagogical practice contributing to the formation of professional pedagogical subjectness.

Ключевые слова: субъект профессионально-педагогической деятельности, субъектность, психолого-педагогическая практика, профессионально-педагогическая позиция.

Key words: subject of professional pedagogical activity, subjectivity, psycho-pedagogical practice, professional pedagogical attitude.

Совершенно очевидно, что принципиальные изменения подходов в организации обучения – это необходимая задача современного школьного образования. Важность такой задачи определяется также установками концепции модернизации российского образования (период до 2020 г.) на развитие у школьников способности самостоятельно создавать средства и способы достижения своих целей, строить и преобразовывать собственную жизнедеятельность, быть её подлинным субъектом [1, с. 153–160].

В целях определения путей решения проблем формирования школьника-субъекта собственной учебной деятельности необходимо напрямую обратиться к условиям формирования профессионально-педагогической субъектности студентов – будущих учителей общеобразовательных школ, от уровня сформированности которой зависит уровень сформированности детской субъектности. Поэтому студентам предстоит научиться строить собственную педагогическую деятельность, опираясь изначально на психологические аспекты построения урочной и внеурочной деятельности школьников, что позволяет достичь не только высоких результатов в освоении предмета, но и обеспечивает качественно иной уровень личностного развития современного школьника, стимулирует развитие готовности и способности к самообучению. Такой подход берёт своё начало в технологии развивающего обучения, где, меняя содержание и метод изложения учебного материала, средствами организации учебной деятельности школьников создаётся иная среда жизнедеятельности ребёнка, создается подлинная социальная ситуация развития личности [2, с. 27].

Студентам педагогических профилей необходимо понимать сущность процесса обучения, при котором учитель позволяет ученикам раскрывать условия и принципы происхождения усваиваемых знаний, умений, навыков, рефлексировать способы их усвоения, осуществлять контроль и оценку. В ходе такого обучения обеспечиваются условия для развития ученика как самоизменяющегося субъекта учения.

Студентам также важно сформировать не только знаниевый уровень профессиональных компетенций, но и уровни умений и владений. Возможности формирования полноценной компетенции предоставляет производственная (педагогическая) практика [3, с. 92–96]. Перед выходом в школы студенты в теоретическом курсе знакомятся с компонентами учебной деятельности, технологией проектирования ситуаций развития, построения развивающей образовательной среды.

Поэтому принципиальной психологической задачей для будущих педагогов становится проектирование условий возникновения и развития отношений, адекватных возрасту, что, по сути, есть проектирование развивающей образовательной среды каждой ступени школьного образования как социальной ситуации развития [4, с. 945–950].

Сообразно целям данной статьи акцентируем внимание на тех моментах организации педагогической практики студентов, которые связаны с формированием профессионально-педагогической субъектности. Во-первых, проектный режим организации психолого-педагогической практики позволяет студентам стать проектировщиками, исполнителями и экспертами собственной профессионально-педагогической деятельности, а в этих условиях развивается способность к построению и преобразованию собственной профессиональной субъектности.

Во-вторых, наблюдения студентов за проектированием всех необходимых условий для решения задачи возраста в школе (развития ведущих новообразований школьников) которые следует зафиксировать в дневнике практиканта по нескольким принципиальным моментам и изложить аналитические выводы в отчете [5, с. 5–32], позволяют нам проводить мониторинг изменений в уровне сформированности профессионально-педагогической субъектной позиции.

Формирующуюся педагогическую позицию можно проследить по письменным высказываниям студентов.

На вопрос «Как подводит учитель учеников к необходимости овладения новым знанием, способом действия или теоретическим понятием?» мы наблюдаем следующий вариант ответа:

На уроках, где я присутствовала, практически во всех случаях учитель не фиксирует внимания учеников на способах получения нового знания. В качестве главного ориентира учитель ставит обязанность учеников прослушать новую информацию, запомнить ее и в лучшем случае переработать этот материал в репродуктивном порядке. Довольно легкий, не требующий дополнительных умственных затрат со стороны учителя способ. Я думаю, что наиболее эффективным было бы краткое доказательство невозможности использования старого способа получения знания (Липина Е. Е., И-41, 2010). Из данного отрывка видно, что студентка владеет умением обнаруживать несоответствие содержания этапа урока получения нового знания требованиям развивающего урока, в котором целеполагание должно находиться «на полюсе ученика».

Высказывания студентов по проблемным вопросам «Чьи образовательные цели (учителя или учеников) реализуются в деятельности?» и «Как и кем отслеживается уровень владения общим способом решения учебных задач?» выглядят следующим образом:

- В основном подростки находятся на уроках и во внеучебной деятельности в позиции школяров, так как не все педагоги на своих уроках создают условия для развития учебной самостоятельности, ограничиваясь объяснением материала «старым» способом, при этом не ребенок занимается целеполаганием, а сам педагог (Тархова И.Д., А-41, 2012).

- Что касается образовательных целей учителя и ученика, то на рассматриваемых мною уроках они не только не соответствуют, но и зачастую противостоят друг другу. Учитель ставит на уроке истории цель формирования исследовательских умений у учащихся. Он пытается продуцировать учебно-исследовательскую деятельность ученика, добивается "открытия" каких-то закономерностей, правил и т.п. На такой результат можно рассчитывать, если деятельность не навязывается, а порождается познавательной потребностью воспитанника. На исследуемых уроках у учеников возникли другие цели, для достижения которых все старались добросовестно выполнить задание учителя: получение нужной отметки (Липина Е. Е., И-41, 2010).

- На тех уроках, на которых я присутствовала, всегда отсутствовал этап целеполагания. Учитель не создает учебную ситуацию и не ставит какую-либо задачу или вопрос перед учащимися. Детей просто ставят перед фактом, что сегодня они работают на конкретных страницах учебника и выполняют упражнения по теме (Косенок А.И., А-4, 2012).

Из приведённых отрывков очевидно, что студенты-практиканты готовы определить способность/неспособность учителя действовать в соответствии с психологической задачей возраста и строить урок как последовательную цепочку ситуаций развития школьников.

Значимыми для подтверждения формирующейся профессионально-педагогической позиции студентов являются ответы на вопрос «Как изучается новый общий способ действия? Появляется ли модель, как символично-знаковое кодирование сути понятия или способа, или схема, таблица?»:

- *Новый общий способ действия, на тех уроках, что я посетила, всегда предлагался учителем. Хотя это вполне могли бы сделать и сами ученики. Вот, например, урок русского языка. Тема: «Правописание НЕ с деепричастиями». Тут вполне можно было бы использовать ситуации успеха и разрыва, а также предложить учащимся самостоятельно сформулировать проблему, создать запрос нужных им знаний, так как обычно эту функцию берёт на себя учитель, а ученики мирно спят в этот момент и абсолютно не заинтересованы происходящим на уроке (Терехина В., Л-41, 2013).*

- *Учитель не всегда давал детям возможность самим определить границу работы модели. В связи с этим дети иногда путались и применяли не ту модель. Но стоит также отметить, что учитель предпринимал попытки исправить положение, искал и тщательно выбирал из дополнительных пособий такие упражнения, которые помогали детям точнее увидеть границу применения модели (Маковская Н.К., АН-41, 2012)».*

Данные высказывания демонстрируют не только способность студентов различать разные модели построения этапов уроков, но и указывают на готовность будущих педагогов к самостоятельному осуществлению профессионально-педагогической пробы.

В аналитических отчётах мы также отчётливо наблюдаем сформировавшееся умение студентов критически относиться к создаваемым другим учителем педагогическим условиям и открыто выражать собственную позицию на предмет построения развивающей образовательной среды школьников. Вот примеры таких реплик на вопрос: «Какие педагогические средства использует учитель при оказании содействия в самоопределении и самореализации подростков?»:

- *Отсутствует проектирование социальных ситуаций, в которых детям предъявлены для анализа разные точки зрения на понимание учебных задач и способов их решения. Конечно, не все педагоги предстают исключительно в роли умельца. Есть и те, кто действительно старается научить детей учиться, но, к сожалению, их слишком мало, чтобы в школе создавалась полноценная среда, в которой самосознание подростков могло бы нормально развиваться (Тархова И.Д., А-41).*

- *Чаще всего для фиксации учеником собственных изменений учитель использует проектирование как способ познания подростков. Эта форма предполагает организацию проектных групп, внутри которых учащиеся учатся различать свои способы действия и способы действия сверстников, координировать их. Другими словами подросток сравнивает и отождествляет себя с другими, строит свои отношения и трансформирует свою деятельность. Это важно для развития самосознания подростков. Однако, на мой взгляд, одних лишь учебных проектов не достаточно. На уроках необходимо отводить большую роль различным формам совместной деятельности, в частности, устным дискуссиям. В классе дискуссии должны быть организованы таким образом, чтобы учащиеся имели возможность безбоязненно высказывать свою точку зрения по тому или иному вопросу и вести своё собственное рассуждение с учётом суждений другого (Гусева М.С., АН-43, 2012).*

Таким образом, аналитические материалы студентов заявляют о сформировавшейся позиции, позволяющей иметь, аргументировать, отстаивать свой, психологически грамотный, соответствующий возрастной норме взгляд на образовательный процесс, на педагогическую деятельность [6, с. 35–44].

Опыт работы в проектной организации проведения педагогической практики показывает, что аналитическая деятельность студентов на практике способствует росту профессионального самосознания, формированию профессионально-педагогической субъектности.

Проведённые исследования показывают, что современные выпускники ВУЗа педагогического профиля готовы к реализации инновационных изменений в образовании. Признание студентами у учащихся и у самих себя активности, сознательности, ответственности за совершенный выбор, свидетельствует о становлении у них профессионально-педагогической позиции – основы личностного качества профессионально-педагогической субъектности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шварева Л.В., Ивошина Т.Г.* Педагогические условия как источник самоизменения школьников. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4.

2. *Дусаевичкий А.К.* Развивающее обучение: зона актуального и ближайшего развития // Начальная школа: плюс-минус. 1999. № 7.
3. *Питанова М.Е.* Педагогическая компетентность – востребованность и проблемы формирования // Психология обучения. 2012. № 10.
4. *Шварева Л.В., Ивошина Т.Г.* Формирование учебной самостоятельности школьников. История проблемы // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Общественные науки. 2011. № 24.
5. *Питанова М.Е., Шварева Л.В., Михалец И.В.* Психология в помощь студенту-практиканту: учеб. пособие. Пенза, 2013.
6. *Питанова М.Е.* Условия становления профессионально-педагогической субъектности // Психология обучения. 2012. № 3.

УДК 378.126+378.661

Соколова Александра Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент
кафедры теории и технологии обучения в высшей
школе Первого Московского государственного
медицинского университета им. И.М. Сеченова
editor@hist-edu.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА
И ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ
ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ
И ЗАРУБЕЖНЫМИ АВТОРАМИ**

В статье рассматривается современное психолого-педагогическое понимание термина «карьера», анализируется интерпретации данного термина в работах отечественных и зарубежных авторов. Представлено авторское определение карьеры в контексте формирования содержания программ карьероформирующего обучения.

Ключевые слова: карьера, психолого-педагогический ракурс карьеры, жизненный путь личности, самореализация, профессионализм, социальный статус, карьероформирующее обучение.

Sokolova Alexandra Sergeevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Theory and Technology
of Education in Higher School, First Moscow
State Medical University named after I.M. Sechenov
editor@hist-edu.ru

**PROFESSIONAL CAREER AND
APPROACHES TO ITS RESEARCH BY
NATIONAL AND FOREIGN AUTHORS**

The article considers modern psychological and pedagogical understanding of the term of «career», interpretations of this term in the works of national and foreign authors have been analyzed. The author's definition of career is given within the context of creating the content of career education programs.

Key words: career, psychological and pedagogical aspect of career, personal life-span, self-realization, professionalism, social status, career education.

Понятие «карьера» используется давно, его истинное содержание изменялось и обогащалось вместе с развитием общества. Автору статьи представляется целесообразным представить современное научное психолого-педагогическое осмысление термина «карьера», на основе понимания которого можно формировать в дальнейшем содержание программ карьероформирующего обучения.

В настоящее время карьера является объектом научных исследований различных научных направлений и школ. Она изучалась социологами (Дряхлов Н.И., Кравченко А.И., Турчинов А.И., Охотский Е.А., Добренков В.И., Щербин В.В.), политологами (Григорян Р.Г., Гришин А.В., Демин Г.И.), специалистами в области экономики труда и менеджмента (Гончаров В.В., Курбатов В.И., Слепенков И.М.) и др. При определении карьеры социологами, политологами, специалистами в области экономики труда и менеджмента используется целый ряд ключевых терминов: перемещение, мобильность, продвижение. Большинство же исследователей названных специализаций, при всем разнообразии их подходов и точек зрения, объединяет понимание карьеры как постепенного продвижения по служебной лестнице, сопровождающегося изменением навыков, способностей, квалификационных возможностей работника. Вместе с тем, ни в одной из социологических, политологических, управленческих интерпретаций понятия «карьера» не идёт речи о профессионально-личностном росте, хотя именно с таким ростом часто соотносится карьерное продвижение.

Именно психолого-педагогический ракурс рассмотрения феномена карьеры позволяет видеть её не только под углом продвижения по служебной лестнице, а гораздо шире – в контексте личностно-профессионального становления и функционирования индивида в социуме.

Если в статьях психолого-педагогической направленности зарубежных исследователей термин «карьера» прочно укоренился несколько десятков лет назад, то до недавнего времени в отечественной психолого-педагогической литературе этот термин практически не встречался. Возможно, такое положение вещей было связано с акцентированием внимания на негативном восприятии термина «карьеризм», который, однако, не совпадает с понятием «карьера».

Зарубежные исследователи профессиональной карьеры, главным образом американские, предпочитают давать максимально расширенное толкование карьеры, определяя её как «разбитый на определенные промежутки жизненный путь человека, связанный с его работой» или определяя карьеру в её самом полном и всеобъемлющем смысле как «последовательность и комбинацию ролей, которые человек выполняет в течение всей жизни» [9].

Во многих статьях, опубликованных в специальных зарубежных научных журналах «Career Development Quarterly», «Journal of Counseling and Development» и др., посвященных проблематике карьеры, мы встречаем достаточно общие определения общего феномена карьеры. Основное же внимание авторы публикаций уделяют соподчиненным понятиям: мотивации к карьере, специали-

зации в карьере, субъективному карьерному успеху, описывая их достаточно подробно и глубоко.

Зарубежные исследователи, формулируя определение карьеры, дают одновременно и свое понимание этого феномена. Так К. МакДениэлз [13] делает заключение, что карьера значит больше, чем работа или профессия: это «стиль жизни», который включает в себя последовательность профессиональной деятельности и различных видов деятельности в свободное время, в которые человек включен в течение всей жизни. Л. Хансен [12] выступает за расширенную трактовку термина карьеры, в течение которой происходит цепь моментов выбора в сфере образования работы и семьи, как взаимозависимых компонентов ролевой интеграции. Н. Джисберс и И. Мур [10] предложили понимание карьеры как процесса саморазвития индивида в течение жизни через интеграцию ролей, окружений и событий в жизни человека. Чаще всего используется определение карьеры Дональда Супера, который определяет её как цепь событий в жизни человека: последовательность занятий и жизненных ролей, которые являют в своей совокупности общую направленность на саморазвитие, последовательность оплачиваемых и неоплачиваемых должностей, которые занимает человек, начиная с периода ранней юности и до пенсии; это также жизненные роли, соотносящиеся с работой напрямую – студент, работник, пенсионер; и косвенно – родитель, гражданин. Д. Супер подчёркивает, что карьера человека раскрывается только по мере её осуществления, она всегда разворачивается вокруг человека и является уникальной для каждого человека в отдельности, состоит из того, что человек делает и чего не делает на протяжении своей жизни. Карьера динамична и эта динамика проявляется по мере разворачивания карьеры. Важным является тезис Д. Супера, согласно которому не только профессиональная жизнь составляет карьеру: в неё интегрируется пред- и послепрофессиональная жизнь, а также интеграция ролей работника с другими жизненными ролями [14].

В последнее время в психолого- педагогических работах зарубежных исследователей понимание феномена карьеры были существенно дополнены: вместо традиционного понимания карьеры, рассматриваемой как линейно-последовательное продвижение от низших к высшим должностным позициям в организационной иерархии, содержащей прогнозируемую серию вполне определённых, фиксированных стадий, предлагается использовать термин поливариативной карьеры [11], который отражает сложный и динамичный характер карьерного пути сотрудника современной организации. Этот путь может включать пики, спады, временный возврат на предыдущий уровень, и смену одного вида деятельности другим, в то время как традиционный подход ориентирован главным образом на внешние условия и некую идеальную, обобщённую, универсальную для всех модель (так называемая карьерная лестница). Авторы термина «поливариативная карьера» Д.Холл и Ф.Марвис подчёркивают уникальность карьеры для каждого работника, которая, по мнению авторов, так же уникальна и неповторима, как и отпечатки его пальцев.

В рамках прежнего подхода главенствовал императив, обозначенный как «одна жизнь – одна карьера», который позволял работнику рассчитать, что для успешного осуществления карьеры в течение всего периода его профессиональной активности вполне достаточно развития какого-то одного или нескольких конкретных умений и навыков. Новый взгляд на специфику должностного и профессионального продвижения работников фокусируется на профессиональной карьере как на динамическом прохождении многих карьерных циклов, каждый из которых состоит, в свою очередь, из ряда мини-стадий профессионального становления и развития (вхождение-освоение-достижение мастерства – уход) и чередуется с краткими, но интенсивными периодами переобучения. При этом работник может развивать и совершенствовать свои профессиональные умения и навыки в нескольких сферах деятельности. В поливариативной карьере от работников, претендующих на успешное профессиональное продвижение, требуется, прежде всего, обладание не конкретным ограниченным набором навыков и умений, а своего рода метаумениями, к важнейшим из которых относятся способность быстро адаптироваться к часто меняющимся условиям организационной сферы и эффективное самообучение. Данное положение, на наш взгляд, в контексте рассмотрения акмеологического подхода к исследованию профессиональной карьеры заслуживает самого пристального внимания. Важно также то, что, не умаляя влияния на профессиональную карьеру социальных, экономических, организационных и других факторов, разворачивание поливариативной карьеры основывается на личностных факторах.

По данным Ф. Вудкока и Д. Френсиса [3], при определении профессиональной пригодности будущих специалистов, планировании и развитии их карьерного продвижения приоритет отдаётся личностным особенностям – перед профессиональной подготовкой, связанной с овладением техникой и технологией в процессе управления. Собственно же карьера рассматривается как процесс, управляемый не только организацией, но и самим человеком, а направление профессиональной карьеры может время от времени меняться в соответствии с динамикой потребностей

мотивационной сферы личности.

Таким образом, в исследованиях современных зарубежных авторов проводится идея субъективности профессиональной карьеры, имеющая для нашего исследования центральное значение. Важно отметить, что критерий успешности такой карьеры интернален, то есть для осуществляющего ее человека решающее значение имеет субъективное осознание своей успешности, а не внешние знаки и оценки.

Коренные изменения социальной жизни России, происшедшие за последние десятилетия, развивающиеся рыночные отношения активно влияют на изменение статуса профессиональной карьеры, понимание ее роли, содержания и стратегии формирования. До начала 1990-х гг. в России понятие «профессиональная карьера» использовалось крайне редко и, как правило, сопровождалось комментарием, которым доказывалось, что в социалистических условиях личная заинтересованность граждан в формировании карьеры носит вторичный характер, а доминирующим фактором являются интересы социума и государства.

До перехода России к рыночным отношениям термин «карьера» носил бытовой, формальный характер и в него вкладывался, как правило, негативный смысл: о карьере иногда говорили с чувством иронии или сарказма.

В развивающихся рыночных условиях профессиональная карьера приобретает новое содержание и идентификационные особенности. Развитие рынка труда в России детерминировало социальную и личностную направленность граждан на эффективную и качественную профессионализацию, изменение стратегии, содержания и организационных форм построения профессиональной карьеры, которая рассматривается сегодня как осознанная мировоззренческая позиция, обеспечивающая повышение социального статуса индивида возможности его полноценной самореализации.

Только начиная с середины 1990-х гг. в отечественных научных изданиях, посвященных проблемам психологии управления, менеджменту персонала в организации, появляется целый ряд значимых исследований феномена карьеры различной глубины содержательного наполнения. Отечественные исследователи феномена карьеры в её психолого-педагогическом и социальном ракурсе определяют её как общую последовательность этапов развития человека в основных сферах жизни (семейной, трудовой, досуговой): карьера представляется динамикой социально-экономического положения, статусно-ролевых характеристик, форм социальной активности личности. В узком смысле понятие карьеры связывается с динамикой положения и активности в трудовой деятельности.

Трактовка карьеры в ряде недавно изданных работ отечественных авторов также выходит за рамки собственно продвижений в профессиональной деятельности. Современное понимание карьеры, приводимое Н.С. Пряжниковым [8], имеет также расширительное толкование – «это не только успешность в данной профессиональной деятельности, но и успешность всей жизни». Н.С. Пряжников вслед за Д. Сьюпером относится к построению карьеры как к процессу профессионального самоопределения, представляющему собой постоянно чередующиеся выборы и имеющему в качестве своей основы Я-концепцию личности как относительно целостное образование, постепенно изменяющееся по мере взросления человека. Перед подобным выбором человек стоит несколько раз в своей жизни: после окончания школы, после окончания вуза, при переходе в другую профессиональную сферу деятельности.

В отечественных психолого-педагогических исследованиях карьера рассматривается в контексте теории жизненного пути личности, коррелирует с понятием стратегии жизни К.А. Абульхановой-Славской [1]: выбор личностью способа жизни, соответствующего её типу.

Некоторые авторы, в частности, А.К. Маркова, также различают широкое и узкое понимание карьеры. В первом случае карьера рассматривается как «профессиональное продвижение, профессиональный рост, переход от одних ступеней профессионализма к другим (в таком толковании карьера близка к траектории движения данного человека к вершинам, «акме» профессионализма). Во втором случае под карьерой понимается должностное продвижение, где на первый план выступает не только овладение уровнями и ступенями профессионализма, но и достижение определенного социального статуса в профессиональной деятельности, занятие определенной должности. Этот тип карьеры начинается с выбора престижной профессии и включает достижение в ней определенных социально признанных стандартов. Карьера здесь – это сознательно выбранный и реализуемый работником путь должностного продвижения, стремление к намеченному статусу (социальному, должностному, квалификационному), что обеспечивает профессиональное и социальное самоутверждение человека в соответствии с уровнем его квалификации. Результатом этого вида карьеры является определенный социальный статус, должность» [7, с. 123]. По мнению

А.К. Марковой, человек может осознанно выбирать и строить свою карьеру, как в профессиональном, так и в должностном плане. Причем, обе эти стороны карьеры могут не совпадать у одного и того же человека: подлинный профессионал может не сделать служебную карьеру, и, напротив, человек на высоких должностях не всегда достигает высокого уровня профессионализма.

В целом, по сравнению с зарубежными публикациями по вопросам карьеры в современных работах отечественных авторов более детально раскрывается собственно психологическое содержание понятия карьера: характер целей, которые ставит человек, включаясь в один из видов деятельности, значимых для государства, гражданином которого он выступает, и важных для общества, членом которого он является; система мотивов, побуждающих человека выполнять деятельность, в большей или меньшей степени полезную для государства и общества, а также стоящая за этими мотивами система ценностей; степень актуализации в процессе деятельности способностей специалиста, проявляющихся в конкретных поступках и делах, свидетельствующих о достигнутом уровне профессионализма [2].

Отечественные исследователи В.Г. Игнатов, В.К. Белолипецкий и А.В. Понеделков предлагают несколько подходов к понятию «карьера» [5]. С точки зрения процессуального подхода карьера должна быть определена как способ достижения целей и результатов в основной форме личностного самовыражения. С позиций статусного подхода карьера – это достигнутый человеком результат деятельности и социальной статус. В рамках ценностного подхода карьера связана с общественно значимой и оцениваемой деятельностью личности в социуме; с позиций индивида карьера понимается как индивидуальный трудовой путь человека, его деятельность, выраженная в профессиональной и должностной форме, и такое понятие карьеры используется довольно часто.

Наиболее современное и психологически точное толкование категории карьеры приводит И.Д. Ладанов [6]. Он определяет карьеру не только как продвижение по должностным ступенькам, но и как процесс реализации человеком себя, своих возможностей в условиях профессиональной деятельности.

Занимаясь исследованием проблем развития карьеры, мы на разных этапах исследовательской деятельности формулировали свое определение карьеры. Так, в 2006 г. мы представляли карьеру как жизненный путь человека, который основан на выборе и осуществлении профессиональной деятельности и выполнении связанных с ней других социальных ролей при наличии необходимых для этого уровня компетентности, личностных качеств и ценностных ориентаций [4]. В дальнейшем наше определение уточнялось, поскольку отождествление карьеры с жизненным путём индивида максимально расширяет наполнение феномена карьеры, лишая его конкретики. В настоящее время мы предлагаем авторское определение карьеры как индивидуальной динамики профессиональной деятельности, которая проявляется в контексте жизненного пути самореализующегося индивида, выполняющего широкий спектр социальных ролей, и основывается на личностных качествах и ценностных ориентациях, необходимом уровне компетентности.

Таким образом, мы выявили, что психолого- педагогическое наполнение термина «карьера» разнообразно как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. Однако мы прослеживаем расширенное понимание карьеры – как у зарубежных, так и у отечественных исследователей, которое охватывает многие аспекты жизнедеятельности современного человека. Такое понимание карьеры позволяет выработать интегративный подход ко всем областям жизни современного человека, оставляя область развития карьеры стержневой, при формировании содержания программ карьероформирующего обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Бодалёв А.А., Рудкевич Л.А. О содержательном наполнении понятия карьера и её вариантах // Как становятся великими или выдающимися? М., 1997.
3. Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощённый менеджер. М., 1991.
4. Змеев С.И., Соколова А.С. Андрагогика – помощница в карьере // Новые знания. 2006. № 2.
5. Игнатов В.Г., Белолипецкий В.К., Понеделков А.В. Профессионализм в системе государственной службы. Ростов-н/Д, 1997.
6. Ладанов И.Д. Психология управления рыночными структурами: преобразующее лидерство. М., 1997.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
8. Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. М., 1996.
9. ACA (American Counseling Association) World Conference. Collection of materials. Pittsburg, 1996.
10. Gysbers N.C., Moore E.J. Career counseling: skills and techniques for practioners. Englewood Cliffs. New Jersey, 1987.

11. *Hall D.T., Marvis P.H.* The new career contact developing the whole person at midlife and beyond // *Journal of Vocational Behavior*. 1995. Vol. 35.
12. *Hansen L.S.* New goals and strategies for vocational guidance and counseling // *International Journal for the Advancement of Counseling*. 1981. № 4.
13. *McDaniels C.* Counseling for career development: theories, resources, and practice. San Francisco, 1992.
14. *Super D.E.* Career education and the meaning of work. Washington: U.S. Department of Health, Education, and Welfare, Office of Education. U.S. Govt. Print. Off., 1976.

УДК 316.3

Усенкова Екатерина Владимировна

соискатель кафедры специальной педагогики
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
editor@hist-edu.ru

Usenkova Ekaterina Vladimirovna

Postgraduate Student of the Department of Special
Pedagogy of Vladimir State University named after
Alexander G. and Nicholas G. Stoletov
editor@hist-edu.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ
ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К АДДИКТИВНОМУ
ПОВЕДЕНИЮ, КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ИХ НРАВСТВЕННОГО ЗАКАЛИВАНИЯ**

**ACTUALIZATION OF PERSONALITY
POTENTIAL OF TEENAGERS INCLINED TO
ADDICTIVE BEHAVIOR AS THE MOST
IMPORTANT FACTOR OF
THEIR MORAL TRAINING**

Статья посвящена рассмотрению проблемы преодоления аддиктивных устремлений подростков через призму актуализации внутренних ресурсов личности индивида. Подвергаются анализу позиции различных профильных специалистов, выдвигается и аргументируется авторская позиция по данному вопросу.

The article considers the problem of overcoming addictive aspirations of young people through the prism of actualization of the internal resources of the individual personality. The points of view of different expert are analyzed; the author's position concerning the issue is presented and argued.

Ключевые слова: актуализация, подростки, склонные к аддиктивному поведению, просоциальные паттерны, педагогическая поддержка.

Key words: actualization, teenagers inclined to addictive behavior, pro-social patterns, pedagogical support.

Проблема преодоления аддиктивного поведения несовершеннолетних путем формирования их нравственного закаливания является одной из наиболее актуальных на данном этапе развития современного российского государства. Старший подростковый возраст является наиболее сензитивным для формирования социальных ценностных ориентаций, способствующих выработке собственной жизнеутверждающей позиции. В современном обществе существенным деформациям подвергались не только социальные, экономические, но и моральные нормы и ценности, которые приходится осваивать молодому поколению. В старших классах у молодых людей резко меняется внутренняя позиция, основной направленностью личности становится устремленность и ответственность за свое будущее. В центре внимания интересов и планов на первое место выходит проблема выбора профессии и формирование своего ближайшего жизненного пути. По мнению педагогов, если процесс усиления личностной компоненты и функций осуществляется постепенно, период перехода молодого человека во взрослую жизнь протекает без резких отклонений от нормальной, правомерной формы поведения. Избыток деструктивных конфликтов у подростков является симптомом неудачного преодоления ими социальных преград и отсутствие педагогического влияния [1].

В данной связи, представляет особый интерес обращение к внутренним возможностям личности подростков, которое, на наш взгляд, является неотъемлемым условием эффективной педагогической работы по формированию нравственного закаливания подрастающего поколения. Если внешние факторы мы должны корректировать таким образом, чтобы побуждать подростка к просоциальным паттернам, то внутренние аттитюды сами будут продуцировать определенные действия и отношения. Если экзогенные факторы провоцируют реакцию, то эндогенные – ее обуславливают. Внешние условия определяют должный уровень и направленность социального устремления старшеклассника, а внутренние – обеспечивают устойчивость личности индивида в процессе воздействия на него внешних раздражителей. Эндогенная составляющая включает в себя ценностные ориентиры подростка, комплекс его морально-этических, культурных и иных ресурсов. Также сюда относятся такие социальные качества индивида, как социальные ценности, эмоциональный отклик, образ жизни и многие другие аспекты жизнедеятельности несовершеннолетнего. Рассмотрение внутренних ресурсов подростка, в качестве одного из основных объектов нашего интереса, обусловлено антропо-аксиологическим подходом к пониманию ценности подростка, склонного к аддиктивному поведению и акцент на его смыслообразующую составляющую – человечность. Сказанное определяет нашу дальнейшую мысль о наличии определенного внутреннего потенциала у каждого подростка, в том числе склонного к аддиктивным поступкам. Эндогенный потенциал можно понимать как источник развития индивида. Сущностью этого источника является человечность в социально-культурном, нормативном, духовном и ином воплощении.

Разделяя позицию З.И. Лаврентьевой [2], позволим себе констатировать, что обращение к внутренним условиям актуально и потому, внутреннее является основой личностной активности. Как известно, без активности самого человека, без его усилий процесс становления и накопления качественных изменений индивидуума невозможен. Активность человека является неотъемлемым фактором развития. Активность составляет основное внутреннее условие, которое определяет и опосредует развитие человека в процессе воспитания и освоения социальной среды. Представляется, что наша педагогическая задача заключается в том, чтобы несовершеннолетний оказался в ситуации, предполагающей необходимость активности внутреннего характера (переживания, сравнения, осмысления, выбора, прогнозирования и т. д.). Использование внутренних ресурсов подростков, кроме того, минимизирует вероятность формирования иждивенческой позиции, повышает самооценку, помогает справляться со стрессами, одиночеством и агрессивностью.

Будет логичным в контексте изучения внутренних факторов обратиться к идее актуализации. Под актуализацией мы будем понимать сложный процесс внутренней активности реабилитируемого подростка, направленный на поиск и проявление важных, необходимых и существенных эмоций, мыслей, действий, компетенций, ценностей, потребностей и т. д., способных сохранить целостность и уникальность личности в конкретных обстоятельствах. С позиции педагогической науки – это работа подростка над своим внутренним содержанием, волевыми началами, ценностными ориентирами, обуславливающими базисные паттерны и аттитюды. В данном контексте весьма остро встает вопрос о том, каким образом обеспечить стимулирование подростка к такой работе, какой педагогический инструментарий здесь будет наиболее эффективен?

Позиции специалистов в данной области весьма интересны. Заслуживает внимания идея педагогической поддержки Т.В. Анохиной [3, с. 64], которая понимает под ней «систему средств, которые обеспечивают помощь детям в самостоятельном индивидуальном выборе, а также помощь в преодолении препятствий (трудностей, проблем) самореализации в учебной, коммуникативной, трудовой и творческой деятельности». В.П. Бедерханова [4, с. 48] утверждает, что педагогическая поддержка – «это система педагогической деятельности, обеспечивающая раскрытие личностного потенциала ребенка», это деятельность, «включающая помощь ученикам, учителям, родителям в преодолении социальных, психологических, личностных трудностей». Выделяя роль внутренних ресурсов подростка, авторы не указывают на возможность актуализации потенциала, делая акцент на помощь взрослого. Кроме того, концепция педагогической поддержки обращена на обычных детей, а не склонных к аддиктивному поведению. О.С. Газман [5, с. 25] утверждает, что «поддерживать можно лишь то, помогать тому, что уже имеется в наличии (но на недостаточном уровне)».

Идея педагогического сопровождения к проблеме внутренних ресурсов подростка исходит из других положений. Под сопровождением авторами понимается «метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора» [6, с. 12]. Активность подростка обеспечивается в данном случае поиском средств наиболее оптимального решения проблемы. Совместно с сопровождающим взрослым ребенок совершает выбор из некоторого рекомендуемого набора вариантов, т. е. обязательно совершает аналитические и прогностические действия. Его активность стимулируется тем, что он обязательно сам должен принять решение. Подросток в ситуации сопровождения не только делает выбор, но и определяет сферу своей ответственности. Вместе с тем, в соответствии с основными принципами этой концепции, в жизнь проводятся идеи сохранения максимума свободы подростка, невмешательства во внутреннюю жизнь человека, идеи автономности принятия решений, внутренней закрытости, конфиденциальности. Допускается, что при разрешении множественных проблем ситуации субъект сопровождения «определяет для себя путь прогрессивного или регрессивного развития» [6, с. 12].

Указанные положения могут продемонстрировать определенный эффект, но до конкретной черты, за пределами которой несовершеннолетний будет стремиться уйти от неудач, когда он выбирает путь, ведущий к ресоциализации, застоя в развитии. Актуализация есть ни что иное, как процесс перехода (как осознанного, так и неосознаваемого) ребенком от своих минимальных возможностей к возможностям максимальным. Это усилие, рывок, когда человек использует все свои способности в полную силу. Процесс актуализации внутренних сил происходит тогда, когда подросток бросает вызов сам себе. Вместе с тем, этот вызов является ценностью и для самого индивида, и для тех взрослых, которые ожидают от подростка некоего прорыва. Подросток в этой ситуации лишается помогающего «костыля», но остается с базисным доверием («гарантированной уверенностью в честности другого» [7, с. 378].

Как утверждает М. Пэйн в своей книге «Социальная работа: современная теория» [8], не

следует смешивать актуализацию ресурсов человека и обеспечение возможности для его развития. Активизация не ограничивается созданием возможностей, разрешением или помощью человеку в совершении действий. Она предполагает отказ от власти и передачу ее человеку с ограничениями для того, чтобы они могли постоянно контролировать свою жизнь.

Представляется, что сложность задач в педагогическом смысле заключается в том, чтобы активность не угасала, была жизненно необходимой, чтобы обращение к собственным внутренним ресурсам стало потребностью подростка, склонного к аддиктивному поведению. Только при таком понимании данного условия педагогической реабилитации можно идти в направлении от помогающей педагогики к педагогике актуализирующей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кулюткин Ю.Н.* Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопросы психологии. 1986. № 2.
2. *Лаврентьева З.И.* Педагогическая реабилитация в процессе социального развития подростков: дис. ... д-ра педагог. наук. Новосибирск, 2009.
3. *Анохина Т.В.* Педагогическая поддержка как реальность современного образования // Классный руководитель. 2000. № 3.
4. *Бедерханова В.П.* Педагогическая поддержка индивидуализации ребенка // Классный руководитель. 2000. № 3.
5. *Гозман О.С.* Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Классный руководитель. 2000. № 3.
6. Психосоциальная реабилитация и качество жизни: науч. конф., посвященная 75-летию М.М. Кабанова / науч. ред. А.С. Ломанченков, В.И. Михайлов. СПб., 2001.
7. *Эриксон Э.* Детство и общество: 2-е изд., перераб. и доп.; пер. с англ. СПб., 1996.
8. *Пэйи М.* Социальная работа: современная теория: учеб. пособие / под ред. Дж. Камплинга; пер. с англ. О.В. Бойко и Б.Н. Мотенко. М., 2007.

Политические науки

УДК 94(47)

Хубиев Ислам Хызрович

соискатель Карачаево-Черкесского
государственного университета им. У.Д. Алиева
editor@hist-edu.ru

Khubiyev Islam Khyzrovich

Postgraduate Student of Karachayevo-Cherkess
State University named after U.D. Aliev
editor@hist-edu.ru

ЭТАПЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО- ЧЕРКЕССИИ)

THE STAGES OF THE MODERN COSSACKS REVIVAL (BY THE EXAMPLE OF KARACHAI-CHERKESSIA)

Данная статья – попытка автора внести свой скромный вклад в исследование этой актуальной научной темы. Изучению многовековой истории каза-чества, его появления и расселения на Северном Кавказе, роли православия как духовной основы казачества, посвящено немало научных работ советских, современных российских и местных ученых и исследователей. Современная история казачества, процессы его возрождения в постсоветский период, в частности в Карачаево-Черкесии, по нашему мнению, недостаточно изучены и систематизированы.

The given article presents an attempt of the author to make a modest contribution to the research of this currently important scientific subject. The study of the centuries-old history of the Cossacks, its emergence and settlement in the North Caucasus, the role of Orthodoxy as the spiritual basis of the Cossacks have been presented in numerous scientific works by the Soviet, modern Russian as well as local experts and researchers. The modern history of the Cossacks, the processes of its revival during the Post-Soviet period, particularly in Karachai-Cherkessia, in our opinion, are insufficiently studied and systematized.

Ключевые слова: Верхнекубанское казачество, Баталпашинский казачий отдел, казачий круг, сходы казаков, реабилитация, жертвы депортации.

Key words: the Verkhnekubanskoe Cossacks, Batalpashinsk order department, Cossack assembly, Cossack gatherings, rehabilitation, victims of deportation.

Возрождение современного российского казачества неразрывно связано с перестройкой, развернувшейся в СССР в конце 1980-х гг. Перестройка высвободила огромную копившуюся десятилетиями человеческую энергию, дала мощный толчок развитию общественной самостоятельности масс, положила начало многим масштабным демократическим реформам. В эти годы в регионах страны начали стихийно создаваться общественные объединения граждан, в том числе на этнонациональной и конфессиональной основе. На собраниях, митингах граждан и в СМИ открыто и активно стали подниматься и обсуждаться вопросы геноцида народов СССР, реабилитации репрессированных народов, повышения статуса отдельных народов в иерархии национально-государственных образований, выхода той или иной территории из состава Российской Федерации.

В регионах России, в том числе в Карачаево-Черкесии, началось активное религиозное строительство, своеобразный религиозный ренессанс, возведение многочисленных храмов, монастырей и мечетей, обязательное присутствие священнослужителей в президиумах любых мало-мальски значимых светских мероприятий и освящение ими этих мероприятий и т.п.

Казачество с воодушевлением восприняло горбачевскую перестройку и заявленные ею демократические преобразования и свободы, увидев в этом возможность своего этнического и духовного возрождения. По стране стихийно стали создаваться казачьи объединения граждан, которые активно нарабатывали связи с центрами казачьего движения в Краснодаре и Москве. Проводились сборы (казачьи Круги) и определялись лидеры движения.

Историки по-разному толкуют время создания такого феномена как казачество – одни с появлением православия на Руси, другие – задолго до того. Однако все сходятся на том, что начало казакам положили наиболее свободолюбивые, не терпевшие рабства и никакой зависимости люди, бежавшие на пустынные приграничные земли России не по прихоти человеческой, а по целому ряду социальных, политических, религиозных причин [1].

Формальным началом официального возрождения современного российского казачества, можно считать момент проведения в Москве 28-30 июня 1990 г. Большого казачьего круга – учредительного съезда Союза казаков России, где были представители всех казачьих областей страны.

Большой казачий круг положил начало новой общественной патриотической организации, поставивший перед собой задачи сохранения, изучения, развития и пропаганды культурно-исторического наследия, ратных и трудовых традиций казачества, борьбы за его историческую реабилитацию [2].

Сходы казаков стали проводиться на всей территории нашей страны, а 14 июля 1990 г. в г. Черкесске, в здании областного драматического театра состоялся учредительный съезд Верхнекубанского казачьего круга, придавший легитимность и организованность борьбе казачества Карачаево-Черкесии за свое возрождение.

26 апреля 1991 г. был принят Федеральный Закон «О реабилитации репрессированных народов», согласно которому казаки были признаны репрессированной исторически сложившейся культурно-этнической общностью людей, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида [3].

Впоследствии были приняты ряд законов, постановлений и распоряжений, касающиеся дальнейшей реабилитации казаков и казачества [4].

15 июня 1992 г. вышел указ президента РФ «О мерах по реализации Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества», в котором, в частности, Президент РФ постановил: «в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества, его реабилитации как исторически сложившейся культурно-этнической общности... Осудить проводившуюся партийно-государственную политику репрессий, произвола и беззакония в отношении казачества и его отдельных представителей» [5].

24 апреля 1994 г. было принято Постановление Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», которое утвердило «Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству» и концепцию «Возрождения традиционной для России государственной службы казачества является одним из элементов становления новой российской государственности, укрепления ее безопасности».

Данным Постановлением были утверждены примерные положения о государственной службе казачества, приведен исчерпывающий перечень видов государственной службы российского казачества: служба в Вооруженных Силах Российской Федерации, служба по охране государственной границы, таможенная служба, служба в оперативных частях Внутренних войск МВД России, служба по охране общественного порядка, охранная служба по сопровождению грузов и объектов государственного и важного народно-хозяйственного значения, егерская и иная природоохранная служба.

В дальнейшем, правовая и организационная основы государственной службы казачества были более детально определены Федеральным законом N 154-ФЗ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества» [6].

Наши исследования позволяют выделить три основных этапа возрождения казачества Карачаево-Черкесии:

- 1) *Первый этап* – конец 1980-х нач. 1990-х гг. Это этап самоидентификации казаков, консолидации казачества, формирования казачьих объединений.

В этот период под напором горбачевской перестройки разваливается советская система тоталитарного партийно-государственного управления. Государство, пораженное глубоким системным кризисом, перестает выполнять свои основные функции, адекватно реагировать на запросы граждан и вызовы времени.

В стране, в том числе на Северном Кавказе, нарастает волна преступности, сепаратизма, бандитизма, других социальных атак. Резко возрастает вынужденная массовая миграция «нетитульных» народов в целях самосохранения из мест их постоянного жительства, в том числе из Карачаево-Черкесии.

Естественной ответной реакцией на такие условия стала самоидентификация казаков, формирование казачьих объединений. 14 июля 1990 г. в г. Черкесске проводится учредительный съезд Верхнекубанского казачьего круга, создается региональная казачья общественная организация. Борьба казачества Карачаево-Черкесии за свою реабилитацию и возрождение приобретает легитимный, организованный характер.

- 2) *Второй этап* возрождения казачества берет начало, по нашему мнению, с 26 апреля 1991 г. – дня подписания Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Ельциным Закона «О реабилитации репрессированных народов», ставшего правовой основой деятельности общественных казачьих организаций. Согласно ст. 2 Закона казаки были признаны репрессированной исторически сложившейся культурно-этнической общностью людей [7].

С этого момента подъем казачьего движения на Кубани носит целенаправленный характер с четко выраженными формами: идеология – православие, власть – казачье самоуправление и государственная (в т.ч. военная) служба Отечеству. Совершенствуется структура и организация управления казачьим движением в стране и республике через штабы регионов и правления об-

ществ.

- 3) *Третий этап* возрождения казачества начинается с принятия Президентом РФ Д.А. Медведевым 3 июля 2008 г. новой Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, поднявший эту работу на качественно новый уровень.

Современная история Верхнекубанского казачества, представленного в настоящее время, в основном Баталпашинским казачьим отделом и частично Баталпашинским союзом казаков, ярко отражает этнополитические и конфессиональные аспекты возрождения казачества и его участия в стабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, в частности в Карачаево-Черкесии.

Баталпашинский казачий отдел – структурное подразделение Кубанского казачьего войска, насчитывает в своих рядах более 3 тыс. реестровых казаков, имеет 2 городских, 4 районных, 9 станичных, 5 хуторских казачьих обществ. В 1997 г. внесен в государственный реестр России. Баталпашинский казачий отдел занял важное место в социальной структуре Карачаево-Черкесской Республики и Северокавказского региона, выполняет важные общественно значимые функции, является серьезным стабилизирующим фактором внутренней жизни субъекта РФ. Казаки Верхнекубанского казачества активно участвуют в межэтническом и межрегиональном сотрудничестве, охране государственной границы РФ, в обеспечении законности и правопорядка в станицах и хуторах, в военно-патриотическом воспитании молодежи.

На всех этапах реабилитации казачества, его духовного возрождения важная роль отводилась религиозной составляющей этого многогранного процесса в лице русского православия. Все эти годы Православная церковь как и в прежние, смутные, времена по-отечески заботливо окормляла свою паству, служила казачеству надежной духовной опорой, твердым нравственным стержнем и выверенным жизненным ориентиром.

В своем Обращении к казачеству от 28 мая 1996 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, в частности подчеркнул: «Сегодня перед Казачеством вновь открывается возможность служить Вере и Отечеству. Закончилось время испытаний и забвения преданного служения казачества Государству Российскому».

Мы надеемся на Ваше участие в возрождении не только своих исторических земель, но и России в целом. Пусть будет славен казак не только службой земной, но и неустанным служением Господу Богу и святой Православной Церкви, ибо без этого невозможно будет подлинное возрождение казака-воина, землепашца и первопроходца...» [8].

Сегодня есть все основания утверждать – возрождение Верхнекубанского казачества Карачаево-Черкесии состоялось. Казаки занимают достойное место среди народов республики, полноценно представлены в органах государственной и муниципальной власти и управления, имеют необходимые условия для изучения и сохранения своей самобытной истории и традиционной культуры, языка и вероисповедания, организации и развития казачьего уклада жизни, сельскохозяйственного производства и промыслов, обучения и воспитания молодежи на славных примерах казаков старших поколений. Задача теперь заключается в том, чтобы не останавливаться на достигнутом, а продолжать и качественно улучшать работу по возрождению казачества. Все необходимые условия для этого есть, и на федеральном и на региональном уровне.

Проведенные нами исследования свидетельствуют о необходимости дальнейшего всестороннего изучения и анализа этнополитического и конфессионального аспекта процессов возрождения казачества и других народов Карачаево-Черкесии, происходящих в регионе в постсоветский период. Извлечения из этого соответствующих уроков, выстраивания выверенных и стабильных межнациональных, межконфессиональных отношений в регионе. Обеспечения на этой основе сбалансированной политики экономического и духовного возрождения всех народов республики и успешной реализации курса на всестороннюю модернизацию общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Недвига Н.Г. Государственно-церковные отношения на Кубани в XIX веке: к постановке проблем // Сборник материалов «Культура Северо-Кавказского региона...». Краснодар, 1997.
2. Ленинское знамя. 1990. 25 июля.
3. ФЗ – 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов». 1991. 26 апр.
4. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16.07.1992 №3321-1 «О реабилитации казачества»; Распоряжением правительства РФ была образована комиссия по подготовке проекта Закона РФ «О реабилитации казачества» от 24.05. 1992 г.; Указ президента РФ «О мерах по реализации Зако-

на РФ « О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» от 15.06. 1992 г.; Постановление Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» 24.04.1994 г.; 03.07.2008 Президентом РФ Д. А. Медведевым была принята новая «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества»; Народным Собранием (Парламентом) КЧР в 2000 г. был принят закон «О реабилитации казачества Баталпашинского казачьего отдела Кубанского казачьего войска», в 2005 – целевая программа «Патриотического воспитания казачьей молодежи Карачаево-Черкесской Республики на 2005-2007 годы». В 2007 г. в КЧР были приняты две программы – «Поддержка Баталпашинского казачества на 2008-2010 годы» и «Патриотическое воспитание казачьей молодежи Карачаево-Черкесской Республики на 2008-2010 годы», направленные на выполнение единой государственной политики по возрождению и развитию казачества.

5. Народы кчр: история и культура / под ред. Нахушева В.Ш. 10-11 класс. Черкесск, 1998.
6. ФЗ – 154 «О государственной службе российского казачества» от 05.12. 2005.
7. ФЗ – 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991.
8. URL: <http://kazakia-vbkv.narod.ru> (дата обращения 23.05.2013)

Социология и психология

УДК 316.012

Жапуев Заур Аскербиевич

кандидат социологических наук, соискатель кафедры
социологии, политологии и права ИППК Южного
федерального университета
editor@hist-edu.ru

Zhapuev Zaur Askerbievich

PhD in Sociology, Doctoral Candidate of
the Department of Sociology, Political Science and
Law of the Institute for Retraining and Development of
Vocational Competence of Southern Federal University
editor@hist-edu.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ ИММУННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются разрушительные последствия процесса глобализации на социокультурный потенциал российского общества и, соответственно, его иммунную систему, втянутого в глобализационное пространство и активно подвергаемое влиянию массовой культуры.

Ключевые слова: социальный иммунитет, иммунная система, социокультурная целостность общества, глобализация, американизация.

GLOBALIZATION AS A FACTOR IN THE DESTRUCTION OF THE IMMUNE SYSTEM OF RUSSIAN SOCIETY

This article examines the devastating effects of globalization process on socio-cultural potential of the Russian society and, accordingly, its immune system drawn into the globalization space and actively influenced by mass culture.

Key words: social immunity, immune system, social and cultural integrity of the society, globalization, Americanization.

Термин «глобализация», как отмечает В.Г. Федотова, появился совсем недавно для характеристики нового процесса социальной трансформации, а явление глобализации – есть завершение того процесса образования всемирных связей, свободной торговли и становления всемирной истории, которые составили суть пятисотлетней истории Запада и мира в целом, устремленных к прогрессу, осуществляющих модернизацию [1, с. 47].

Действительно, модернизация исторически связана с глобализацией и в этом заключается основной ее разрушительный потенциал для российского общества, которое, реализуя догоняющий тип модернизации в стремлении догнать Запад, оказывается все дальше и дальше от желаемого идеала общественного развития. О разрушительном потенциале глобализации и пойдет речь в данной статье, но, прежде чем мы подойдем к этому выводу в контексте влияния глобализации на иммунную систему российского общественного организма, необходимо показать, в каком направлении развивается научный дискурс по отношению к глобализации, ее источникам и последствиям.

Прежде всего, надо отметить, что имеются возражения, которых, кстати сказать, становится все меньше в свете масштабных интегративных тенденций в современном мире, сердцевиной которых выступает всемирная паутина – Интернет, относительно самой глобализации, и в частности ее наличия как объективного исторического процесса и социального явления. Мы стоим на твердых позициях признания глобализации как объективного исторического процесса, который является результатом очень сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов и взаимосвязей современного мира. Среди многочисленных факторов влияния на данный процесс важнейшим является информационная революция.

Исследованию процесса глобализации посвятили свои труды многие ученые, что отразилось в появлении различных концепций и определений этого феномена, а также сценариев его исторического развития в виде той или иной модели будущего мирового порядка.

Так, без претензии на однозначное определение, Л.Е. Гринин полагает, что глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов [2, с. 11]. На этом основании возникает своеобразная система, в которой проблемы отдельных стран, наций, регионов и иных субъектов (корпораций, различных объединений и т.п.) становятся глобальными, распространяясь на множество стран, в результате чего многие, как позитивные, так и негативные явления приобретают глобальный характер.

А.Н. Чумаков под глобализацией предлагает понимать «многоаспектный естественноисторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития» [3, с. 365].

Многоаспектность и многогранность глобализации, которая в равной степени относится к

политической сфере деятельности, к экономической, к культурной, спортивной, отражена в понимании глобализации М.О. Мнацаканяном, который полагает, что глобализацию не следует отождествлять с унификацией, подразумевая при этом американизацию, поскольку речь идет о собирании, единении человечества в целостном мире, в котором происходит взаимодействие различных и разнообразных национальных, религиозных, государственно-политических, цивилизационных составных компонентов [4, с. 137].

В контексте другого определения также звучит ключевая идея единения человечества: глобализация – это долгосрочный процесс объединения людей и преобразования общества в планетарном масштабе.

Глобализационные процессы по-разному оцениваются исследователями. Часто звучат негативные мотивы, связанные с такими явлениями, ставшими результатом глобализации, как: дальнейшее углубление финансово-экономического кризиса; усиление националистических настроений как реакция на неравномерное общемировое развитие; рост отчуждения, недоверия и подозрительности как между отдельными странами и народами, так и между целыми континентами; непрекращающийся рост террористических акций, пиратство и т.д. [5, с. 123].

Спектр перечисленных негативных явлений показывает, насколько глобальными они являются, что и обуславливает возрастание интереса философов, социологов, культурологов, экономистов, экологов, политологов к проблематике эко-будущего мирового социума, а также острую потребность в научной разработке современных стратегий обобщения знаний о глобальной эволюции планетарной цивилизации как интегрального результата единого космического, геологического, биогенного и антропогенного процесса.

Противоречивость глобализации и неоднозначность ее социальных последствий породила как сторонников, так и ярых противников данного явления. Источником неприятия глобализации, прежде всего, выступает угроза потери культурной уникальности, национальной самобытности, всего того, что традиционно рассматривается как фундамент воспроизводства народа и его жизнеспособности вообще.

Сегодня, как никогда, каждый народ, каждая этническая группа и национальное образование в целом, в том числе на уровне государства, проверяется на прочность традиционных устоев жизни, что и становится в ряде случаев источником этнической консолидации и конфликтов, рождающихся в пространстве взаимодействия глобального и национального.

Современное расширение горизонтов дискурсного пространства проблемы глобализации обусловлено обострившейся потребностью в обновлении сферы социального знания, которое предоставило бы возможность научному сообществу адекватно осмыслить нынешнюю патовую ситуацию, сложившуюся в современном мире, и принять адекватные этой ситуации меры с учетом признания в качестве явных и объективных тенденций глобализации – объединения, интеграции человеческих общностей на глобальном уровне, проявляющихся в различных сферах действительности: политической, экономической, информационной, демографической, транспортной, экологической, военной, культурной.

На политическом уровне, как отмечает А.А. Горелов, происходит постепенное превращение государств в единую мировую политическую систему путем создания глобальных политических органов, служащих взаимному согласованию политических решений представителями различных стран; на экономическом – появление транснациональных корпораций, которые охватывают, словно щупальцами, весь земной шар («Сони», «Филипс», «Самсунг» и т.д.); на информационном – появление глобальных систем передачи информации типа Интернета, что создает вокруг Земли информационные пояса; на транспортном – появление новых транспортных средств (самолета, а в недалеком будущем и космических), позволяющих быстро добраться до любой точки земного шара; на экологическом – обнаружение ограниченности земных ресурсов и обострение борьбы за них, увеличение воздействия на природу в целом и отрицательные экологические последствия такого воздействия; на демографическом – резкое увеличение общей численности населения планеты, превысившей в 1999 г. 6 млрд, и растущие диспропорции распределения населения по поверхности Земли, увеличившие давление человека на биосферу и обострившие общую ситуацию на земном шаре; на военном – создание средств массового уничтожения (атомное оружие), которые способны уничтожить не только человечество, но почти все живое на планете; на культурном – развитие универсальной науки и глобальной массовой культуры, в свете современных тенденций – в американском варианте.

Последнее выступает сильнейшим из факторов разрушения культурного кода россиян и ослабления социального иммунитета, поскольку российская культура и ее базовые ценностные составляющие под воздействием культурного давления со стороны американской культуры актив-

но разрушаются. Засилье американских фильмов на российском ТВ имеет далеко идущие по своим деструктивным последствиям тенденции – через телевидение, которое выступает самым мощным средством влияния на массовое сознание, с которым конкурирует сейчас только Интернет, транслируются ценности, нормы, образцы поведения в различных сферах (дружеской, семейной, репродуктивной, профессиональной, трудовой и т.д.) и, соответственно, формируется этика отношений и поведения в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевыми тенденциями современной глобализации, особенно в культурной сфере, как бы некоторые исследователи не отстаивали рьяно позиции отсутствия явного американизма в современном глобализме, являются тенденция интеграции национальных культур в единую всемирную культуру, утверждение в качестве международного языка общения английского в американском варианте.

Таким образом, глобализация несет с собой, помимо положительных факторов, которые исследователи связывают, прежде всего, с экономической сферой жизнедеятельности общества (это ускоренное внедрение и распространение технических достижений и современных методов управления; формирование единого мирового рыночного пространства; интеграция рынка товаров, услуг, капитала, международной торговли; выравнивание уровня цен, возможность обеспечения более высокого уровня жизни населения), разрушительные тенденции, проявляющиеся, прежде всего, в формировании всемирной массовой поверхностной культуры, которая давит и постепенно вытесняет образцы высокой культуры и цивилизационные отличия: язык, обычаи, традиции, религия, произведения мифологии, искусства, философии данного народа [6, с. 89], еще сохраняющиеся в разных обществах, но это требует приложения определенных усилий со стороны общества и государства, и иногда эти стремления сохранения своей цивилизационной самобытности выливаются в цивилизационные противостояния и конфликты, примеры которых мы наблюдаем сегодня в процессе экспансии Америки на страны неевропейской цивилизационной матрицы.

Г.П. Хорина отмечает, что важную роль в продвижении американской идеи глобализации играет расширение информационного поля, подавление и зомбирование народов, так как сегодня манипуляцией сознания людей в мировом масштабе занимаются глобальное телевидение ВВС, MTV, реклама, PR-технологии, Интернет и т.д., в результате чего и осуществляется глобализация мышления по американскому образцу [7, с. 75].

Л.Е. Гринин полемизирует с точкой зрения об американском варианте глобализации и говорит о том, что глобализация, с легкой руки американских политологов, действительно, порой предстает как процесс навязывания воли США остальному миру, как процесс установления нового мирового порядка, выгодного США, и не стоит умалять роль США в глобализации, поскольку их влияние, в том числе, говоря языком прошлого, в роли «мирового жандарма», очевидно и очень реально, но означает ли глобализация, – задается вопросом российский исследователь, – что непременно должен установиться именно Pax Americana (то есть американский мир), как искренне верят многие в США? [8, с. 9]

Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, очевиден – такой сценарий маловероятен, поскольку в современном мире фиксируется явное противодействие американизму, но то, что столкновение цивилизаций будет серьезным, жестким, временами кровопролитным (прецеденты этого уже наблюдаются), у нас не вызывает никаких сомнений, хотя это и не согласуется с точкой зрения З. Бжезинского, который в своей книге «Глобализация как постидеология» отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня, весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма, а лучшим свидетельством роли Америки в современном мире является американская массовая культура, которая проникла во все уголки земного шара [9].

Таким образом, проблематика, касающаяся вопросов взаимодействия глобального мира и национальных государств, становления мегаобщества и места в нем этнического компонента, имеет далеко не праздный характер. Эта проблематика отражает выбор планетарного сообщества в пользу того или иного формата глобализации и глобализационных отношений. В идеале, конечно же, учитывая необратимость глобализации и явные тенденции международной интеграции, необходимо выработать такое планетарное сознание, в основе которого будет находиться некая планетарная этика, позволяющая в равной степени уважительно относиться к различным формам и стилям культурной жизни различных народов, сохранивших свою этнокультурную уникальность и тем самым культурно обогатив глобальное планетарное сообщество, однако, научный подход к действительности не позволяет оперировать категориями будущего, а современная реальность, от которой мы отталкиваемся, описывая глобализационные явления, пока не позволяет сделать в отношении описанной стратегии глобализации положительного заключения.

Научный анализ проблемы сочетания глобализации и этничности, проведенный М.О.

Мнацаканяном, позволил прийти к выводу о существовании трех мифов относительно соотношения национальных культур, государства и глобализации [10, с. 137-142].

Суть первого мифа заключается в том, что глобализация – это процесс и состояние, несовместимые с существованием наций, поскольку она направлена на упразднение, ликвидацию национальных общностей. В противовес этому тезису приводятся размышления, опровергающие его. В частности, речь идет о том, что истинным источником глобализации является интернационализация, связанная с процессами, происходящими между нациями на экономическом, политическом и социокультурном уровне. Создающиеся в недрах каждой нации, обладающей огромным творческим потенциалом, ценности культурного, научного, технологического и иного характера, со временем становятся достоянием всего человечества и источником развития других народов. Как видим, одна страна становится источником прогресса и национального развития других, и происходит это в условиях глобализации, что хорошо прослеживается на примере тех стран, импульс которым придали технологические и культурные инновации Европы.

Можно с очевидностью утверждать, что глобализация совершенно неоднозначна в своих проявлениях и тенденциях и возможна разновекторная модель ее развития. Очень многое зависит от глобализационных сил – акторов глобализации, задающих тон и направление развитию глобализации. С этой точки зрения, американское глобализационное господство может рассматриваться как временное явление, т.е. каким будет глобализационный мир в будущем – далеко не определенный вопрос. Вполне реалистична смена мирового лидера при тех или иных обстоятельствах (американский мир и его господство уже трещат по всем швам), и, более того, существует мнение, что примерно к 2050 г. при соблюдении определенных условий социально-экономического развития центральную роль в функционировании нового глобального мира будет играть Россия [11, с. 71].

Рост значимости этнического компонента в жизни различных народов мира, в том числе России, позволяет подтвердить точку зрения о том, что происходящее в ходе глобализации сближение наций, размытие границ и национальных различий между отдельными народами, как правило, имеющими общие культурно-исторические корни, не обязательно приводит к этнокультурной унификации. Более того, еще острее ощущается потребность в этнической идентификации и сохранении этнической самобытности и уникальности. В последние десятилетия отмечается актуализация национальной идентичности, повышение национального самосознания населяющих Россию народов.

Мифичность второго тезиса является следствием первого, так как утверждение о том, что национальные государства изжили себя, и, под влиянием глобализации, с которой они несовместимы, уходят с исторической арены, совершенно не выдерживает никакой критики в современных условиях, наполненных фактами роста движений за государственную автономию и сохранение национального суверенитета. Выходит, что сама глобализация послужила источником развития национального самосознания и наращивания национальных сил для реализации национальных идей.

Третий миф гласит о том, что глобальные силы, идущие на смену национального государственного суверенитета, анонимны, безродны, неуправляемы и несут в себе наднациональные учреждения, правила, ценности для всех без исключения наций и государств мира. Изложенные выше идеи и тенденции глобализации, на данный момент времени имеющие явный американский оттенок, разрушают этот миф о неуправляемости глобализационными силами. Другое дело, что взять их под полный контроль не под силу отдельным акторам, и уже прослеживаются четкие необратимые процессы в области формирования структур глобального правления и глобального гражданского общества с его планетарными ценностями и правилами наднационального характера.

Бесспорно, глобализация задает определенные интенции в рамках объективного исторического процесса формирования единого мирового целого, но результат этого процесса, облик будущего планетарного сообщества и то, сможет ли оно состояться как некое целое, совмещающее в себе комплекс самодостаточных и уникальных в этнокультурном отношении сообществ, зависит от многих факторов, главным из которых является переосмысление человечеством целей и ценностей общественного развития.

В завершении мы хотим выразить свое согласие с мнением П.С. Гуревича, с точки зрения которого глобализация – в том виде, в котором она реализуется в современном мире, – обладает огромным разрушительным потенциалом, и речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но об утрате полярностей, без которых цивилизация мертва [12, с. 184]. Именно с целью остаться в живых китайская цивилизация заняла яв-

ственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставив ей собственную концепцию «азианизма».

А что может противопоставить культурному давлению США Россия, молодежь которой интенсивно американизируется, что само по себе уже может интерпретироваться как начало конца российской цивилизации, и опасность заключается даже не в том, что исчезнет российская самобытность при всей катастрофичности культурных потерь, которые при этом понесет Россия, а в том, что взамен впитает в себя российское общество, став клоном американской массовой культуры...? Отдает ли себе отчет российское общество в том, насколько неравнозначный обмен происходит сегодня на уровне трансформации массового сознания российского общества? Вероятно, цена потерь будет осознана много позже и иными поколениями россиян, которые с горечью утраты будут восстанавливать растерянный культурный потенциал и социальную память.

Мы вновь обратимся к словам П.С. Гуревича, который верно подметил, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества и, в конечном счете, всего человечества, и, напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы [13, с. 179].

Как это созвучно тому, что происходит сегодня в России. Мы наблюдаем полное искажение культурного наследия, исторических событий, полное забвение социальной памяти и какое-то фанатичное истребление всего истинно российского, того, что всегда выгодно отличало россиян от других народов и делало их сильнее.

В последние годы, как отмечается российскими социологами в крупнейшем исследовании «20 лет реформ глазами россиян» происходит своего рода трансформация образа Родины и даже отношения к ней среди значительной части российского общества, проявляющаяся и в нарастании стремления уехать из страны, и в росте агрессии в обществе, и в усилении недовольства сложившейся в стране ситуацией. Все это, в комплексе с нарушением базовых принципов справедливости, ощущением «неправильности» происходящего, приводит к углублению атомизации общества, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и тем самым устои социальной солидарности россиян [14, с. 155]. О том, что Россия разрушается как социокультурное и цивилизационное целое, свидетельствуют данные, что для подавляющего большинства российских граждан в настоящее время, как показали результаты социологического исследования, идентификация себя с россиянами находится на периферии их сознания и ведущие позиции занимает идентификация с семьей, друзьями, с товарищами по работе, учебе, с людьми своего поколения.

Россия, как отмечает Л.Е. Гринин, также имеет необходимые культурно-исторические и идеологические традиции, чтобы внести важную лепту в развитие нового мирового сознания, необходимого для формирования глобального общества на основе планетарной морали и мышления, которое не является альтернативой национального сознания, а представляет собой его дополнение и обогащение новыми ценностями [15, с. 28].

Этот вывод нас совсем не радует, поскольку, внося свою лепту в развитие планетарного мышления и сознания, Россия утрачивает свое собственное культурное «Я», и это не может не настораживать, поскольку планетарное мышление в современном варианте – суть американское мышление, а оно чрезвычайно губительно для большинства человечества, национальных государств и культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федотова В.Г. Меняющийся мир и глобализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
2. Гринин Л.Е. На грани веков: новые процессы // История и современность. 2005. № 1.
3. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. М., 2005.
4. Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социологические исследования. 2004. № 5.
5. Бокачев И.А. Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // Власть. 2010. № 3.
6. Горелов А.А. Глобализация как объективная тенденция мирового развития // Век глобализации. 2009. № 1.
7. Хорина Г.П. Глобализм как идеология // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1.
8. Гринин Л.Е. Указ. соч.
9. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.
10. Мнацаканян М.О. Указ. соч.
11. Шапиро Н.А. Теоретико-методологические аспекты исследования глобального и национального // Философия хозяйства. 2004. № 3.

12. *Гуревич П.С.* Имидж России в процессе глобализации // Век глобализации. 2009. № 2.
13. *Гуревич П.С.* Указ. соч.
14. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М., 2011.
15. *Гринин Л.Е.* Указ. соч.

УДК 159.9

Климонтова Татьяна Анатольевна

кандидат психологических наук, заведующая
кафедрой общей и прикладной психологии
Сибирской академии права экономики и управления.
editor@hist-edu.ru

Klimontova Tatyana Anatolyevna

PhD in Psychology, Head of the Department of General
and Applied Psychology of Siberian Academy of
Law, Economics and Management
editor@hist-edu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ СТЕПЕНЯХ ОЖИРЕНИЯ

Исследована выраженность психических состояний у лиц с различными степенями ожирения. Дана сравнительная характеристика выраженности состояния депрессии, выявлена специфика состояния одиночества у данной категории испытуемых.

Ключевые слова: психические состояния, ожирение, депрессия, одиночество.

FEATURES OF MENTAL STATES FOR DIFFERENT DEGREES OF OBESITY

The display of mental states of people suffering from different degrees of obesity has been considered. The comparative characteristic of the severity of the depression state has been presented; the specific character of the loneliness state of the given category of subjects has been introduced.

Key words: mental state, obesity, depression, loneliness.

В настоящее время проблема ожирения приобретает крайнюю актуальность, она относится к числу наиболее острых, глобальных проблем человечества. Неуклонно растет число лиц с избыточной массой тела, ведется активный поиск подходов, способствующих нормализации массы тела. Однако эффективность методов нормализации массы тела с использованием различных подходов не высока, особенно это касается устойчивости достигнутого результата во временной перспективе. Очевидно, что реализация эффективных подходов к снижению массы тела, а также сохранению достигнутого результата предполагают целенаправленную работу не только с физиологическими причинами избыточной массы тела, но и учета психологических и социальных условий развития ожирения.

Психическое состояние является сложным психологическим явлением, которое является результатом реагирования на определенные жизненные обстоятельства и выступают всегда как причинно обусловленное явление [2]. В отечественной психологической школе категория психических состояний широко исследована [1; 3]. Однако специфика психических состояний в контексте пищевого поведения оставалась за рамками научного анализа. Между тем, именно характеристики психических состояний являются причиной обращения к пище при эмоциогенном типе переживания и реализации зависимого пищевого поведения. Основываясь на этом, в рамках нашего исследования мы предположили, что психические состояния, их типология, тоническая характеристика будут отличаться при различных степенях ожирения.

Обратимся к результатам исследования неравновесных психических состояний высокой степени психической активности. Мы проанализировали три наиболее часто переживаемых неравновесных состояния высокой степени активности в группах с предожирением, второй и третьей степенями ожирения. У испытуемых из группы предожирения выражены состояния: радость, возмущение, страх и отчаяние. У лиц со второй степенью ожирения: возмущение, радость, воодушевление. При третьей степени ожирения: радость, возмущение, восторг, влюбленность.

Наиболее часто переживаемые состояния равновесной природы при различных степенях ожирения не одинаковы. Так, у лиц с третьей степенью ожирения эти состояния выражены в большей степени, среди них преобладают такие состояния как жалость, сострадание, обида, волнение, веселость, спокойствие. В группе во второй степенью наиболее часто переживаются: сострадание, обида, волнение, веселость. А для лиц с предожирением наиболее свойственны состояния раздумья, озабоченности, веселости. В целом, мы видим, что на стадиях ожирения преобладают состояния равновесной природы, при этом состояние обиды и сострадания относятся к наиболее часто переживаемым.

Неравновесные состояния низкой степени активности, характеризующиеся длительностью переживания и наибольшей тензиозностью, во всех трех группах выражены в меньшей степени. Исключение составляет состояние усталости, которое наиболее часто переживается испытуемыми из группы предожирения и третьей степени ожирения. Интересно, что для всех трех групп свойственно частое переживание состояния лени. Если анализировать по группам, то наиболее часто переживаемыми состояниями в группе с предожирением выступают: усталость, лень и грусть. В

группе со второй степенью: огорчение, усталость, лень, подавленность. В третьей: усталость, лень, грусть.

По выраженности состояния депрессии наибольший процент испытуемых 21,4% с выраженной депрессией имеет третью степень ожирения. Такое же число респондентов характеризуются умеренной депрессией. Легкая депрессия наблюдается в данной группе у 28,5%. В группе со второй степенью ожирения основная часть характеризуется отсутствием признаков депрессивного состояния 53,8%, имеют признаки умеренной депрессии 39,4%. У испытуемых с предожирением максимальное число респондентов находятся в состоянии легкой депрессии (42,8%). Можно констатировать, что наиболее выражено депрессивное состояние у лиц с третьей степенью ожирения.

Одиночество как тензионное психическое состояние, характеризующееся внутренним напряжением, выражено незначительно у испытуемых трех групп. Основной процент испытуемых характеризуются низкой и средней степенью одиночества. Только у 14,2% лиц с предожирением диагностируется выраженная степень одиночества, то есть им присуще переживание внутренней изоляции, отчужденности от социального окружения. Однако степень выраженности одиночества малоинформативно без содержательных характеристик переживания.

Результаты анкетирования позволили выделить основные смысловые единицы переживания данного состояния. Условно смысловые единицы можно распределить на позитивные (умиротворяет, позволяет собраться с мыслями, побуждает к действиям, позволяет творить) и негативные (напрягает, наводит лень). Напряжение и блокирование деятельности при переживании одиночества отмечается у 28,5%. Представления о субъективном одиночестве у испытуемых различных групп ожирения не одинаковы. Так, субъективное одиночество у лиц с предожирением наиболее связано с переживанием внутреннего одиночества, а для лиц со второй и третьей степенями ожирения свойственно ощущение одиночества в обществе людей. Наиболее часто во всех трех группах переживание одиночества сопровождается чувством тоски. Переживание у большинства испытуемых сопровождается подавленностью, грустью, слезами, опустошенностью. Условия при которых возникает чувство одиночества наиболее четко выражены в группах со второй и третьей степенями ожирения и связаны с социальным контекстом, отсутствием рядом близких, физической изоляцией. Более половины опрошенных всех исследуемых групп отмечают желание избавиться от одиночества, болезненность при его переживании. Однако способы совладания с одиночеством различаются, так если лица с предожирением в состоянии одиночества склонны к рефлексии, рассуждениям, а следовательно к погружению и осознанию состояния, то у лиц с второй и третьей степенями наблюдается тенденция отвлечения от переживания посредством TV, компьютера, чтения.

Итак, группе испытуемых с предожирением наиболее свойственно переживание кратковременных состояний неравновесной природы, среди них выделяются состояние страха и возмущения. А также выражены состояния усталости и лени. Основной процент испытуемых данной группы имеет легкую степень депрессии, средний и низкий уровень одиночества. Одиночество используется данной группой испытуемых часто как ресурсное состояние, позволяющее успокоиться, собраться с мыслями. Однако наряду с этим, ситуативно присутствует эмоциональное реагирование болезненностью, желанием избавиться от его переживания. Одиночество в данной группе свидетельствует о большей внутренней изоляции, произвольном дистанцировании от других людей.

Психические состояния в группе со второй степенью ожирения наиболее выражены состояния равновесной природы обиды, сострадания. Так же часто переживается состояние лени. Основной процент испытуемых данной группы характеризуется отсутствием депрессии, средней или низкой степенью переживания одиночества, склонны использовать состояние одиночества для ресурса, как позволяющее собраться с мыслями, побуждающее к действию. Чаще одиночество возникает в обществе, при этом оно переживается тяжело, болезненно, для переживания склонный отвлекаться заполнять его какой-либо деятельностью.

В группе с третьей степенью ожирения наиболее часто переживаются состояния неравновесные с высокой активностью такие как радость, возмущение. А так же равновесные: жалость, отчаяние. Выражено переживание лени и усталости. Основной процент испытуемых характеризует наличие депрессии в легкой, умеренной или выраженной стадии. Средняя или низкая степень одиночества. Однако при переживании это состояние вызывает напряжение и лень. Возникает чаще в обществе других людей, а также при отсутствии близких.

В целом, можно констатировать, что в первой группе ожирения обращение к еде возникает на фоне переживаний состояний лени и усталости, возмущения, вероятно за реализацией пищевого поведения, характеризующего использованием пищи в не пищевых целях стоят потребность успокоиться и отдохнуть. Одиночество сопровождается внутренней изоляцией, может быть исполь-

зовано как ресурс.

Наибольшее беспокойство вызывают психические состояния лиц с третьей стадией ожирения, они характеризуются усталостью, ленью. Радостью вероятно от обильного потребления пищи. На фоне выраженного депрессивного состояния, выражено одиночество в социуме, видимо на фоне внутренних ограничений, сформированных ожиданий о неприятии их внешнего облика. Высокая потребность в присутствии близких. Одиночество переживается тяжело, потому они склонны уходить от него в деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Куликов Л.В. Психология настроения. СПб., 1997.
2. Левитов Н.Д. О психических состояниях. М., 1984.
3. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М., 1998.

УДК 316.6

Миронова Нина Викторовна

Mironova Nina Viktorovna

медицинский психолог СПбГБУЗ МНД-1, аспирантка
кафедры медицинской психологии и психофизиологии
СПбГУ
editor@hist-edu.ru

Medical Psychologist of St. Petersburg State Budgetary
Institution of Public Health Interregional Narcotic
Dispensary-1, Postgraduate Student of the Department of
Medical Psychology and Psychophysiology of
St. Petersburg State University
editor@hist-edu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ У МУЖЧИН С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ РЕМИССИИ

PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND SELF ACTUALIZATION OF MEN WITH ALCOHOL PROBLEMS AT DIFFERENT STAGES OF REMISSION

В данной статье анализируются тезисы последних достижений и фундаментальных открытий в области мужского алкоголизма, психологической адаптации и самоактуализации. Формируются оптимальные условия восстановления способностей к адаптации и самоактуализации среди мужчин с алкогольной зависимостью, с высшим образованием, находящихся в различных стадиях ремиссии.

In the given article the abstracts of the latest achievements and fundamental discoveries in the field of male alcoholism, psychological adaptation and self actualization are analyzed. The optimal conditions for the recovery of adaptation and self actualization abilities among men with alcohol dependence possessing a degree who are at different stages of remission are formed.

Ключевые слова: алкоголизм, адаптация, самоактуализация, алкогольная зависимость, ремиссия, высшее образование.

Key words: alcoholism, adaptation, self actualization, alcohol dependence, remission, higher education.

Процесс изучения области мужского алкоголизма, как заболевания, а не как варианта поведенческого отклонения, начался в начале XIX в. и к настоящему времени обогатился рядом достижений и фундаментальных открытий как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Алкоголизм представляет собой совокупность патологических изменений, которые возникают в организме под влиянием длительного, неумеренного употребления алкоголя, представляющих собой источник вредоносных для общества последствий [1, с. 24]. Зависимость от алкоголя влияет на физическое здоровье людей, вызывает заметные психические отклонения, нарушения в процессах взаимоотношения с окружающими и реализации социально-экономических функций [2].

Современные исследования данной проблемы можно разделить на две категории: изучение причин возникновения заболевания и разработка методов лечения. При этом выявленные причины начала развития алкогольной зависимости лежат в области генетики или психологических особенностей человека.

Теории, объясняющие возникновение алкогольной зависимости генетическими или биологическими причинами, основаны, прежде всего, на принципе подмены и подавления напитками, содержащими алкоголь, эндогенно вырабатываемого этанола, обеспечивающего человека быстрой энергией; утверждении, что дети алкоголиков склонны к развитию данной болезни по причине пониженной выработки эндогенного спирта в организме; а также на результатах проведенного в 2011 г. исследования Института психиатрии при Королевском колледже Лондона, показавших, что активная работа гена аутизма AUTS2 влияет на количество потребляемого человеком спирта [3, 4, 5].

Развитие алкоголизма через психологические особенности человека опирается на ограждающую возможность алкоголя, его свойство избавлять человека от внутренних конфликтов, заглушать нереализованные потребности, а также на желание человека соответствовать общепринятым нормам общества, в котором принятие алкоголя является частью культуры, доступность алкогольных напитков [6, 7].

В современном российском обществе, для которого характерны повышение уровня безработицы, невостребованность многих профессий, деформация института семьи, сложившиеся на фоне отсутствия системы воспитания и формирования жизненных целей, а также распада ранее существовавшей системы ценностей при наблюдаемой хаотичности формирования новой системы норм, проблема возникновения алкогольной зависимости стоит как никогда остро. При этом она все больше начинает затрагивать представителей интеллектуальных слоёв общества, людей с высшим образованием, как наиболее восприимчивых к воздействию экзистенциального вакуума,

который пагубно влияет на общее состояние личности, снижает ее адаптационный и самоактуализационный потенциал, провоцируя посредством употребления алкоголя уход из реального мира в мир иллюзий [8].

В данном случае необходимо отметить важность устойчивой психической деятельности для человека, как основы адаптации, комплекса психических реакций, определяющих поведение человека, адекватное заданным условиям среды, его успешную деятельность, выполняемую без значительного напряжения нервов и психики. В противном случае психологическая неспособность человека совладать с поставленными окружающей средой требованиями вызывает стрессовое состояние, являющееся благоприятной средой для развития алкогольной зависимости, наблюдаются нарушения психической адаптации на биологическом, психологическом и социальном уровнях, а также социально-детерминированное психическое реагирование человека на окружение [9, 10, 11].

Особое значение приобретает также самоактуализация человека, процесс, который Маслоу определил как движение человека к самоосуществлению, воплощению в действительность потенциально присущих ему возможностей [12].

Тема самоактуализации личности рассматривалась многими учеными. Так принцип самоактуализации как мотивации к развертыванию генетически заданного потенциала, заложенного в биологической природе человека, был впервые сформулирован К. Голдштейном. Далее этот принцип был превращен К. Роджерсом в этическую и мировоззренческую идею, а А. Маслоу на его основе создал развернутую теорию мотивации и личности.

Понятие «самоактуализация» прошло в работах Маслоу долгий эволюционный период, объяснимый попытками ученого наиболее точно описать суть процесса развития человека через понимание его в качестве высшего уровня и цели развития, высшего мотива, собственно, процесса развития, эпизода (как пиковое переживание), предпосылки или отправной точки бытия, что в итоге привело к осознанию важности осмысленного призвания в мире, своеобразной миссии, и направленности на высшие ценности, как основы для личностного развития и счастья, а категории призвания и ответственности личности стали центральными.

Таким образом, следует отметить, что самоактуализация представляет собой конкретно-теоретическую трактовку развития и самореализации личности, сложившуюся в личностно-ориентированном или «потенциалистском» варианте гуманистической психологии, предполагающем наличие врожденных возможностей специфически человеческих свойств и характеристик, при благоприятных условиях развития переходящем из потенциальной формы в актуальную [13].

Для построения наиболее эффективных лечебных и реабилитационных программ следует принимать во внимание результаты последних исследований, показывающих прочную взаимосвязь между адаптивными и самоактуализационными механизмами и качеством жизни, при этом под качеством жизни понимается отношение больного к здоровью, как к ценности, а залогом успеха его терапевтической программы становится понимание клиническим психологом личностного смысла заболевания в иерархии смыслов и ценностей больного, прогнозирование эффективности восстановительного лечения, основанного на личностных и социально-психологических характеристиках больного с алкогольной зависимостью [11].

Психодиагностическим инструментом для определения личностной ориентации, ведущих составляющих самоактуализации может служить «Самоактуализационный тест», разработанный Э. Шостромом. Он отражает ориентацию человека во времени, выявляя его способность видеть жизнь целостной, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, показывает степень независимости ценностей и поведения личности от внешних воздействий, выстраивает шкалу присущих самоактуализирующейся личности идеалов. Данные сведения являются основой для разработки системы индивидуального психокоррекционного воздействия на пациента [14].

Анализируя личностные особенности мужчин с алкогольной зависимостью, принадлежащих к высокообразованному слою общества, необходимо выделить такие компоненты, как высокий уровень стремления к реализации интеллектуального потенциала, творческому созиданию и поиску нового чувственного опыта, а, следовательно, в данном случае, наблюдается высокая значимость адаптационных и самоактуализационных механизмов.

За основную гипотезу данной работы принимается предположение существования отличительных этапов самоактуализации больных алкоголизмом с высшим образованием на разных сроках ремиссии, что приводит к выводу о целесообразности использования различных психокоррекционных воздействий для достижения наилучшего результата.

Так при стадии ремиссии F.10.210, характеризующейся воздержанием в условиях больницы или диспансера, мужчины с алкогольной зависимостью с наибольшей вероятностью могут быть

подвержены суицидальным и депрессивным тенденциям, апатии, разочарованию. Как отмечал К. Голдштейн, данное состояние может быть подчеркнуто тенденцией настолько актуализировать человеческую сущность, что человек уходит из жизни, если чувствует невозможность дальнейшего развития [15].

В периоды аномии лица с высшим образованием наиболее нуждаются в самоактуализации, основанной, прежде всего, на «пиковых переживаниях», способных придать смысл и ценность жизни, уменьшить или устранить ощущение «экзистенциальной бессмысленности», выступить фактором предотвращения нервных срывов и самоубийства [13].

На стадии ранней ремиссии до 3-х месяцев состояние алкогольного опьянения провоцирует рост актуализации жизненно важных целей. Однако в данном случае для повышения эффективности терапии важно определить степень соотношения данных целей с реальностью, сделать выводы по поддержанию пациента в его стремлении к реализации выбранных задач или сдерживанию его намерений, в случае, если определенные им цели невозможны или чрезвычайно сложны для достижения.

Частичная ремиссия до 1 года характеризуется таким этапом работы с пациентом, как осуществление практических попыток достижения поставленных целей, осуществляемых при постоянном сотрудничестве с психотерапевтом или клиническим психологом. В это время уровень самоактуализации зависимых от алкоголя мужчин с высшим образованием достаточно высок, что способствует становлению терапевтической ремиссии.

Успешность социально-психологической реадaptации мужчин с алкогольной зависимостью в стадии полной ремиссии определяется их способностью к социальной адаптации, а, значит, усиливается благоприятными условиями окружающей среды, при которых данный процесс достигает своей максимальной эффективности. В это время происходит поиск оптимальных условий для создания и поддержания баланса между требованиями общества и ресурсами, которые способны удовлетворить эти ожидания.

Для больных алкоголизмом с высшим образованием оптимальной обстановкой для успешной реадaptации является наиболее знакомая им среда, характеризующаяся высоким (или выше среднего) уровнем интеллектуального развития окружающих, многообразием возможностей для реализации и самоактуализации, близостью семьи и друзей. При этом больной в этой стадии ремиссии должен положительно оценивать свое состояние, чувствовать гармоничное соотношение собственных интересов, желаний, стандартов и ожиданий с ценностями и культурой общества.

Реализация комплекса данной терапевтической последовательности служит основой для развития или возобновления функционирования механизмов адаптации и самоактуализации мужчин с алкогольной зависимостью, их личностного перехода от невротических или инфантильных «неистинных» жизненных проблем к «истинным» экзистенциальным, неизбежным, сущностным проблемам человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большая медицинская энциклопедия. М., 2011.
2. Всемирная организация здравоохранения. Комитет экспертов ВОЗ по проблемам, связанным с потреблением алкоголя // Сборник докладов. 2012.
3. Alcoholism: Clinical and Experimental Research. 2012. Т. 36.
4. Боринская С., Янковский Н. Люди и их гены. Нити судьбы. М., 2011.
5. Гузиков Б.М., Мейроян А.А. Что губит нас... О проблемах алкоголизма, наркомании и табакокурении. СПб., 2009.
6. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И., Игуменов С.А. Общая психотерапия. М., 2012.
7. Jones S.C., Smith K.M. Journal of Youth Studies. 2011. Т.14. URL: http://www.acys.info/_data/assets/pdf_file/0003/53256/YSA_Mar2012_abstracts.pdf (дата обращения 31.05.2013).
8. Овчинников Б.В. К вопросу о психической адаптации // Журнал практического психолога (специальный выпуск: Восточно-Европейский Гештальт Институт). 2011. № 5.
9. Немов Р.С. Психология. М., 2013.
10. Современная психология мотивации. Антология. М., 2010.
11. Щелкова О.Ю. Основные направления научных исследований в Санкт-Петербургской школе медицинской (клинической) психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Март. Сер. 16. Вып. 1.
12. Маслоу А. Самоактуализация. М., 2012.
13. Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ. URL: <http://www.tl.smysl.ru/SACT5.doc> (дата обращения 25.06.2013).
14. Шостром Э. Человек-манипулятор. М., 2008.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2013.

УДК 101.1:316

Сафонов Андрей Леонидович

кандидат технических наук, проректор
по международным отношениям Московского
Государственного индустриального университета,
доцент кафедры истории и социологии
editor@hist-edu.ru

Safonov Andrey Leonidovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of
the Department of History and Sociology,
Vice-Rector for International Relations of
Moscow State Industrial University
editor@hist-edu.ru

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Обоснована гипотеза, что нация и этнос – различные по генезу и механизмам функционирования социальные группы, в которых индивид участвует одновременно. Феномен одновременного участия в социальных группах с различными социальными статусами и ролями раскрывает механизмы реактуализации этничности, как одного из ключевых дивергентных процессов глобализации.

Ключевые слова: глобализация, этнос, нация, социальная группа, идентичность, дивергенция.

POSTGLOBALIZATION: ETHNOPOLITICAL ASPECTS

The hypothesis that a nation and ethnic group are different in the genesis and the mechanism of social groups functioning in which the individual participates simultaneously has been substantiated. The phenomenon of simultaneous participation in social groups with different social statuses and roles reveals the reactualization mechanisms of ethnicity as one of the key divergent processes of globalization.

Key words: globalization, ethnos, nation, social group, identity, divergence.

Если понимать под глобализацией становление глобального рынка и его институтов, то глобализация, как процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ, де факто была завершена еще на рубеже веков.

«Единый мир» (One World), как глобальная экономическая, информационная и социальная среда уже существует, и мировое развитие будет определяться качественно новыми трендами. Таким образом, уже в настоящее время есть основания говорить о переходе к новому, постглобализационному, этапу мирового развития, постглобализации.

Для современного, уже, по сути, «постглобализационного», этапа развития уже единой мировой системы, в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции.

Таким образом, ведущим трендом современного, завершающего становления глобального экономического и социального пространства становятся социальные процессы и тенденции дивергентного характера, включая тенденции к непространственному изоляционизму отдельных социальных групп, росту межгрупповых барьеров, перекрытию всех видов социальных лифтов, усилению социальной дифференциации и стратификации.

Транснациональная и транскультурная конвергенция и интеграция, еще недавно считавшиеся ведущим социокультурным процессом глобализации, на практике все более ограничиваются потребительским коммуникативным минимумом и бытовыми потребительскими стандартами, достаточными для существования индивида и локальной группы в глобальной рыночной среде.

И если для предшествующих этапов дифференциация – культурно-цивилизационная, этническая, политическая, носила в значительной степени пространственный характер, то в эпоху глобализации и постглобализации преобладает социальная дифференциация непространственного порядка.

Разрушая границы и барьеры, глобализация активизирует не столько смешение и интеграцию, сколько дивергентные процессы структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей.

Вместе с тем, транснациональные корпоративные структуры, изъям из ведения государств ресурсы, по своей природе неспособны обеспечить полного цикла воспроизводства социума, необходимого для его устойчивого развития. Таким образом, системная десоциализация объективно связана с распадом и изъятием ресурсов из сферы социального воспроизводства, исторически привязанной к институтам государства.

Деактуализация гражданских наций и институтов гражданского общества ведет к реактуализации альтернативных гражданской нации социальных групп и идентичностей, в первую очередь – этнических и религиозных групп, еще недавно считавшихся рудиментами доиндустриальной эпохи.

Актуализация этнических и религиозных групп и соответствующих форм групповой идентичности и массового сознания приобрела такие масштабы и значимость, что должна рассматриваться как ведущий тренд глобализации, присущий ей атрибутивно.

В европейской научной традиции Нового Времени исторический процесс развития мыслится как поэтапное слияние низших, эволюционно более ранних общностей с образованием новых, более широких, и отмиранием, деактуализацией, предшествующих. В частности, гражданская нация рассматривалась как трансформированный в ходе социального прогресса этнос, а существующие этносы – как реликты или пережитки догосударственных и раннегосударственных стадий развития, не сумевшие развиться в государства и сохраняемые вместе с остатками докапиталистического уклада.

Такая модель поэтапного перехода к высшей стадии общественного развития через слияние частей в качественно новое однородное целое приводила к выводу, что на следующей, глобальной, стадии развития экономики с неизбежностью произойдет следующий этап унификации – слияние и, как следствие, «отмирание» базовых институтов предшествующей индустриальной эпохи – национального государства и наций, результатом чего будет возникновение глобального общества.

Очевидным недостатком модели развития через слияние более ранних общностей было игнорирование устойчивой этнокультурной мозаичности мира, включая Европу, как лидера индустриального и постиндустриального развития: этнокультурная унификация всегда была существенной, но далеко не абсолютной тенденцией исторического развития.

Характерно, что сама идея необратимой трансформации этносов в нации демонстрирует явные признаки нормативного подхода, не столько описывая, сколько предписывая генеральное направление социального развития индустриальной эпохи – вовлечение социальной (аграрные общины и регионы) и этнической периферии в экономическую социальную и культурную жизнь национального государства.

При этом, часто забывается, что характерная для индустриализма деактуализация этничности в XIX–XX вв. была не только и не столько результатом, сколько политическим инструментом формирования гражданских наций. Таким образом, характерная для Нового Времени деактуализация этничности и религиозности отнюдь не доказывает, что механизм формирования наций можно свести исключительно к образованию национального рынка, объединяющего этнические территории, и конструированию политической вертикали «сверху».

Характерный для европейской социальной теории экономический детерминизм трактует глобализацию как непреодолимый, необратимый и безальтернативный процесс глобальной конвергенции. Считается, что растворение границ, размывание и атомизация национальных элит, монетизация всех неэкономических аспектов жизни уже в ближайшем будущем не оставляет места для сколько-нибудь сложных и стабильных локальных общностей. Таким образом, провозглашается не только «конец истории» (Фукуяма), но, по сути, и «конец социальных структур», «конец традиции» и как следствие – конец всей «цветущей сложности», как атрибута социальной формы развития материи.

В итоге перспектива поэтапной конвергенции и социокультурной унификации локальных общностей вплоть до образования глобального сверхобщества с единой «общечеловеческой» идентичностью считается единственно возможной не только творцами и теоретиками западной модели глобализации с характерным для нее экономическим редуccionизмом, но и ее критиками.

Между тем, реальная глобализация с характерным для нее кризисом национального государства и национально-гражданской идентичности не только не ускорила «отмирание» этноса, но привела к совершенно неожиданному для теоретиков глобальному всплеску этничности и религиозности, их трансформации в новые виды социальных практик, устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового развития [1].

Таким образом, вопреки ожиданиям конца XX в., одним из ключевых вызовов эпохи глобализации стала трансформация и реактуализация этничности в качественно новых условиях распада национальных государств и формирования единой системы мира.

«Конец истории» оказался не более чем концом эпохи глобализации, концом формирования единого мира, сменой ведущих закономерностей развития.

К основным теоретическим направлениям, объясняющим возникновение и развитие струк-

турных объединений людей, таких как народности, этносы и нации, относятся примордиализм и конструктивизм. Примордиализм [2] рассматривает этносы и нации как непрерывно и преемственно возникающие и эволюционирующие социально-исторические организмы. Конструктивизм, рассматривающий этнос и нацию как в основном искусственный политический и идеологический конструкт, создаваемый и трансформируемый элитами в ходе государственного строительства и политической борьбы [3].

Несколько особняком стоит близкая к примордиализму теория этноса Гумилева с характерным для нее экологическим детерминизмом, рассматривающая этнос как устойчивый социобиологический субъект, проходящий сквозь социально-экономические формации [4].

К разновидности примордиализма следует отнести цивилизационный подход, фиксирующий и акцентирующий, но не объясняющий устойчивое сохранение этнокультурных особенностей при смене экономических формаций и политических институтов.

Своеобразным «нулевым», тривиальным вариантом теории генеза этноса и нации является неолиберальная доктрина, считающая этническое и национальное второстепенными и преходящими локальными особенностями, исчезающими по мере формирования глобальных рынков и глобальных элит и не влияющими на объективно predetermined результат мирового развития.

Отечественная теория этноса, основанная на стадильном (формационном) подходе, рассматривает национальное, как позднюю историческую стадию развития этнического. Соответственно, этнос рассматривается как потенциальная нация, находящаяся на раннегосударственной стадии развития, не успевшая или не сумевшая развиться, а нация – как бывший государствообразующий этнос, трансформированный и адаптированный в ходе становления более развитой общественно-экономической формации. Культурная преемственность обеспечивается через механизм трансформации этноса в гражданскую нацию, в ходе которой этнос отмирает, оставляя историческую память, интегрированную в национальную культуру [5].

Формирование наций рассматривается как генетическое продолжение исторической эволюции первичного этноса в условиях сначала феодального, а в дальнейшем – буржуазного национального государства, в результате чего этнос «отмирает», постепенно перерождаясь в нацию, генетически связанную не с патриархальными, но с государственными социальными институтами.

Соответственно, этническая идентичность рассматриваются либо как «пережиток» патриархальности, культурный атавизм, закрепившийся в культурной «надстройке», либо как «недоразвитое» национально-государственное сознание культур-аутсайдеров. На этом убеждении, в частности, строилась концепция «национального строительства» в СССР на основе догосударственных этносов, а также концепция «национального освобождения» бывших колоний, до колонизации находившихся на раннегосударственной стадии развития.

Таким образом, основанная на экономическом детерминизме логика примордиально-стадильного подхода предполагает не только отмирание этноса по мере превращения в нацию, но и отмирание нации по мере становления глобального рынка и глобального информационного пространства. Из тенденции экономической глобализации делается вывод о неизбежности глобальной и тотальной этнокультурой конвергенции. Тезис об отмирании этноса и нации характерен и для отечественного конструктивизма [6].

Однако общественная практика последних двух десятилетий предметно доказала, что упрощенная логика привязки этнического и национального сознания к экономическому строю не согласуется с тем, что, по мере развития экономической глобализации, «пережитки» и «атавизмы» раннебуржуазной, феодальной и даже догосударственной эпох оказывают все большее влияние на массовое сознание и мировое развитие.

Убеждение в экономически и технологически (информатизация) predetermined «отмирании» этнической и национальной идентичности с формированием глобально усредненного, хотя и стратифицированного мирового социума характерно не только для последовательных глобалистов и неолибералов (в варианте Ж. Аттали – «бедные кочевники» и «богатые кочевники»), но и для их оппонентов левомарксистского толка – антиглобалистов и альтерглобалистов, предлагающих альтернативу неолиберальной социальной модели, но исключительно в рамках неизбежной, по их мнению, однополярной глобальной «Империи», тотальной власти которой не ограничена пространственными, социальными и даже временными рамками.

При этом идея «конца истории», как результата создания вечной и всеобъемлющей «Империи» под эгидой США выражена бывшим идеологом «Красных бригад» гораздо категоричнее, чем у самих творцов и идеологов американского глобализма, начиная с Ф. Фукуямы:

«...Эта имперская идея продолжала существовать и развиваться на всем протяжении исто-

рии становления Соединенных Штатов и теперь в полностью завершенном виде проявилась в мировом масштабе....

Идея Империи определяется прежде всего отсутствием границ: ее владычество не знает пределов.

Первое и самое главное в концепции Империи – это утверждение системы пространственной всеобщности, то есть по сути, власти над всем «цивилизованным» миром. Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти.

Второе, – сама идея Империи предстает не как способ правления, исторически восходящий к завоеванию, но скорее как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей. С точки зрения Империи, нынешнее положение вещей будет существовать всегда и ему всегда было предназначено быть таким. Иначе говоря, Империя представляет свое владычество не как преходящий момент в движении истории, а как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок и в этом смысле – вне истории либо как конец истории.

Третье, – владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. ...Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти.

Наконец, – хотя на практике Империя всегда залита кровью, – ее идея неизменно обращена к миру, вечному и всеобщему миру за пределами истории» [7].

Таким образом, в части оценки перспектив глобализации и ее предопределенности европейские левые оказываются «святое Папы», поскольку сегодняшние творцы американской политики оценивают степень американского господства гораздо реалистичнее, говоря не более чем о «моменте однополярности» в начале 1990-х гг. и «эпохе бесполярности» в настоящем и будущем [8].

Между тем, оказалось, что по мере углубления глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не сглаживается, не ассимилируется и не интегрируется в глобальную мультикультурную среду. Напротив, на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма переживают период небывалого подъема и активно востребуются еще вчера пассивными, деидеологизированными и атомизированными массами.

В конечном счете, предсказать или хотя бы объяснить постфактум возвращение этносов на историческую арену вопреки глобализации рынков экономический детерминизм не сумел.

Явная и повсеместная реактуализация этноса позволяет сделать вывод, что этническая и национальная (национально-государственная) идентичность, этнос и политическая нация – тесно связанные, но не тождественные социальные явления, связанные с различными социальными группами и социальными ролями.

Этнос и нация развиваются параллельно, но достаточно независимо и друг от друга, и от экономической сферы, составляющей для них внешнюю среду, безусловно влияющую, но не определяющую ход развития.

Иначе говоря, для современного этноса экономическая среда, определяющая физическое потребление и условия жизни – такая же внешняя среда, какой является природная экосистема (ландшафт) для ранних этносов.

Вторая ключевая проблема социальной философии – вопрос о современном бытии крупных государствообразующих этносов, как массовых социальных групп, составляющих достаточно независимую от политической и идеологической оболочки основу социума.

Своеобразным ответом на вызовы глобальной этнизации и ограниченность экономического детерминизма стал конструктивистский подход. Все более интенсивная политическая эксплуатация этничности создает ложное впечатление, что современная этническая идентичность – не более чем навязанный локальными элитами искусственный идеологический конструкт, продукт современных политических манипуляций, не имеющий глубоких исторических и социальных корней в связи с отсутствием, «отмиранием» самого этноса как живой и активной социальной общности.

Особенность конструктивистского подхода в теории этноса – политический редукционизм, в основе которого лежит убеждение в том, что исходные этносы, особенно государствообразующие этносы индустриальных стран, исчезли вместе с исчезновением традиционной сельской общины, и давно переродились в политические нации. Соответственно, современный, «возрожденный», этнос объявляется виртуальной реальностью, иллюзией массового сознания, порожденной социально-политическим проектированием со стороны национально-государственных или локальных элит.

Таким образом, конструктивизм, окрепший на волне успехов социальной инженерии и полит-

технологий, объясняет «ренессанс этничности» политическими манипуляциями элит, игнорируя очевидный факт избирательности действия этнической пропаганды, прямо указывающей на объективное существование соответствующих социальных общностей, изначально обладающих выраженным этническим самосознанием.

Вопреки утверждениям конструктивистов о возможности «конструирования» современного этноса по аналогии с гражданской нацией, достоверно установленных случаев «конструирования» совершенно новых этносов конструктивисты не приводят. Обычно «конструирование» этносов на поверку оказывается политизацией или актуализацией уже существующих этнических групп, либо трансформацией этнических элит. Таким образом, применительно к этносам, политическое конструирование позволяет влиять на трансформации уже существующего этноса, но не создавать его произвольно, как политические и корпоративные социальные группы.

Тем не менее, конструктивизм верно отражает существенные особенности современных этносов – возросшую пластичность этнического сознания, его зависимость от политических и социальных институтов современного общества, но ограничивается внешней стороной этнических процессов, причем исключительно в мере, необходимой для манипулирования целевыми группами.

Таким образом, для построения адекватной теории современного этноса необходимо четкое разграничение сфер этнического и национального, основанное не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации, как социальных групп. В частности, ранее были предложены следующие тезисы [9]:

- Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот, причем индивид входит как в нацию, так и в этнос. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, обратимо уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.

- Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.

- Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации, как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – трансляция этничности через образ (способ) жизни и «структуры повседневности».

- Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию, как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Проблема соотношения этноса и нации актуальна не столько для объяснения прошлого постфактум, сколько для анализа повсеместно нарастающего кризиса этнонациональных отношений, как одной из ведущих угроз глобального «мультикризиса» [10].

Вне поля зрения теории остаются механизмы и движущие силы этнизации и ее связь с кризисом национальных государств и национальной идентичности. В частности, на фоне всплеска этничности меньшинств и диаспор не осознавался рост проявлений этничности крупных государствообразующих этносов.

В качестве объективной движущей силы конкуренции и коэволюции этноса и нации следует рассматривать динамику их сравнительной социальной привлекательности и востребованности, то есть способности данных социальных групп инкорпорировать новых членов, удовлетворяя их существенные социальные потребности и интересы [11].

Предпосылкой кризиса современных наций стало резкое сужение социальных функций государства, связанное с экономической глобализацией и размыванием «среднего класса», как массовой социальной базы нации. В достаточно короткий период государство утратило или резко сократило целый ряд жизненно важных для граждан функций и социальных гарантий.

Характерный для неолиберальной социальной политики «отказ от государственного патернализма», ставящий членов гражданского общества в ситуацию перманентной социальной нестабильности и тотальной взаимной конкуренции, оборачивается вынужденным отказом от лояльности государству и от потерявшей смысл гражданской солидарности, что создает предпосылки для фрагментации нации и актуализации альтернативных социальных групп. Это приводит к обесцениванию, деактуализации нации, как интегрирующей социальной общности, сбалансировано обеспечивающей индивидуальные и групповые интересы своих членов.

Практика глобализации, и, в частности, этнополитические процессы в постсоветских государствах, показывает, что при распаде или ослаблении политической общности индивид «выбирает» свой этнос – «параллельную» нации социальную общность, в которой де факто существует с рождения и с которой связывает будущее своих потомков независимо от трансформаций социальной среды. Соответственно, выбор религии определяется прежде всего этнической принадлежностью. По сути, ситуация выбора этнической идентичности возникает только у детей от межэтнических браков.

Иначе говоря, глобализация, ослабляя формирующие нацию и национальное сознание гражданские и политические институты, ведет к замещению их институтами традиционного общества и обычным правом, то есть к распаду политических наций на этносы, которые все больше децентрализуются, выходят за пределы этнических территорий и приобретают форму глобальных этносов, глобальных диаспор, все чаще конкурирующих с государствами и транснациональными корпорациями не только за ресурсы, но и за политический контроль.

Противоречие глобализации заключается в том, что этнос, включая его современные формы, адаптированные к глобальной социально-экономической среде, не может служить социальной основой для современной глобальной экономики и ее технологической инфраструктуры, обеспечивающей сравнительно устойчивое и мирное сосуществование 6 млрд людей, принадлежащих к разным этносам.

Выйдя из тени гражданского общества, современный постиндустриальный этнос остается продуктом достаточно архаичной самоорганизации на основе родственных и клановых связей и донаучных форм общественного сознания и ориентирован на присваивающие формы хозяйства и жесткую межэтническую конкуренцию, как единственный способ расширения ресурсной базы этноса.

На практике это означает, что в условиях глобализации политической и экономической формой существования современных этносов и этнических диаспор часто становятся транснациональные этнокриминальные сообщества, основой которых становится не столько легальная, сколько криминальная экономика.

Таким образом, в характерных для современности условиях кризиса государственных институтов неконтролируемая этнизация часто становится одной из форм системного социального регресса, массовой десоциализации, маргинализации и криминализации населения и часто – катализатором необратимого распада гражданских наций.

При этом современные этносы, возвращаясь на историческую арену в качестве политических субъектов, акторов мирового процесса, всегда сохраняют прямую генетическую преемственность по отношению к более ранним формам бытия, характерным для доиндустриального, традиционного общества.

Характерно, что большинство институтов национального государства, определяющих социальную позицию индивида, нечувствительны к этнической принадлежности. Провозглашая равноправие граждан независимо от альтернативной групповой принадлежности, национальное государство целенаправленно деактуализирует все параллельные властные и социальные институты, включая не только религию и сословность, но и этническую принадлежность. Деактуализация этничности была и остается одним из базовых инструментов формирования гражданских наций и других политических общностей.

Между тем, далекие от философских обобщений полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности, отличной от национально-государственной [12].

В конечном счете, в ходе политического строительства этнос не «отмирает» и не трансформируется в нацию, а обратимо вытесняется из сферы политических и производственных отношений в сферу частной и семейной жизни. Однако такое отделение, «маскируя» этнос, придает ему гораздо большую стабильность и независимость от социальных кризисов и трансформаций экономического и социального порядка.

Очевидно, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, не опосредованной внешними социально-политическими институтами и включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного повторяющегося взаимодействия, подражания и социально-ролевого поведения в ближайшем, как правило, родственном и соседском социальном окружении. На соци-

альную основу современной этничности, принципиально отличную от политических институтов гражданского общества, обратила внимание школа Фернана Броделя, который ввел понятие «структур повседневности», хотя последовательно стоял на позициях экономического детерминизма.

Этничность воспроизводится через длительное погружение личности в образ жизни и «структуры повседневности» этноса, более того, именно в «структурах повседневности» и семьи и ближайшего социального окружения идет само становление личности с первых месяцев жизни, в том числе – формирование структур и функций головного мозга, импринтинг идентичности и повседневческих стереотипов.

Соответственно, внешние атрибуты этноса – этническая территория, язык, религия, культура, оказываются лишь производными от основы этничности – непосредственной межпоколенной социальной наследственности, основанной на длительном и тесном социальном взаимодействии в рамках «структур повседневности» и образа жизни.

Из природы этничности, основанной на образе жизни, массовых и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса, как типа социальной группы, свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным, примордиальным, этносам далекого исторического прошлого.

Образуя видимую целостность (единство языка, территории, культуры...) государствообразующий этнос и соответствующая ему политическая нация сохраняют свою разнокачественность и самостоятельность, развиваясь с разной динамикой и инерционностью. Из разнокачественности и конкурентности сфер этнического и национального вытекает и наблюдаемая сегодня глобальная этнизация обществ, как объективное следствие кризиса гражданских наций и разрушения социальных институтов.

Одним практических доказательств параллельного существования нации и этноса, как самостоятельных социальных групп, является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: границы этноса могут включать более одной гражданской нации, границы нации обычно шире отдельного этноса.

С точки зрения социологии, различие этноса и нации, как пересекающихся, но не тождественных социальных групп – несовпадение связанных с ними социальных статусов и ролей, что известно в социологии как «феномен одновременного участия» [13].

Так, примером феномена одновременного участия индивида в нации и в этносе, как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах, является распространенность многонациональных этносов, то есть этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства. В целом, этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций – распространенное в мире явление [14].

Таким образом, в условиях глобализации и даже постглобализации, то есть уже сформированной глобальной экономической и социальной среды, этносы не только выходят из тени гражданских наций, но закономерно приобретают форму глобальных политических акторов, участвующих в мировых процессах наряду с государствами и корпорациями, зачастую – через глобальную теневую экономику. Одной из значимых форм реактуализации этносов становится этнический и религиозный фундаментализм.

В то же время, современные этносы, тяготеющие к сфере распределения и присваивающим формам хозяйствования, как и корпоративные структуры, не обеспечивают полноценного воспроизводства современных производительных сил и социальных институтов, необходимых для устойчивого развития экономики и базовой социальной инфраструктуры. Снижая значимость нации и связанных с ней социальных ролей и статусов, этнос не способен ее адекватно заменить.

Предлагаемая модель одновременного участия индивида в нации и этносе, как несовпадающих социальных группах, позволяет четко определить и разграничить понятия этноса и нации, уточнить области применимости известных социологических концепций, а также объяснить парадоксальный характер и движущие силы современного этногенеза в эпоху глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
2. Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

3. *Тишков В.А.* Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1.
5. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М., 2009.
6. *Тишков В.А.* Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.
7. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М., 2004.
8. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
9. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4.
10. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2.
11. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
12. *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном городе. Л., 1987.
13. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. М., 2005.
14. *Балашов Ю.А.* Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. Н. Новгород, 2008.

УДК 316.4.066

Страдзе Александр Эдуардович

директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки Российской Федерации
editor@hist-edu.ru

Stradze Alexander Eduardovich

Director of the Department of Additional Education of Children, Education and Youth Policy of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
editor@hist-edu.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ РОССИЯН**

**SOCIAL CHANGES IN RUSSIAN SOCIETY IN
THE CONTEXT OF SOCIAL ACTIVITY OF
THE RUSSIANS**

В статье анализируются социальные изменения в российском обществе в контексте социальной активности. Автор рассматривает специфику социальной активности в российском обществе и делает вывод о том, что на настоящий момент социальная активность дифференцирована и не имеет устойчивого ядра.

The article analyzes the social changes in the Russian society in the context of social activity. The author considers the specifics of social activity in the Russian society and concludes that the current social activity is differentiated and has no stable core.

Ключевые слова: социальная активность, социальные изменения, социальный субъект, социальная деятельность.

Key words: social activity, social changes, social subject, social activities.

Отмечая, что социальная активность дифференцирована и не имеет устойчивого ядра, хотя на этот статус претендует стратегия условной поддержки, мы должны учитывать, что в российском обществе отношение к социальным изменениям неоднозначно. С одной стороны, россияне хотели бы, чтобы общество и государство двигались в общем цивилизованном русле, чтобы в России сформировалось правовое и социальное государство, соответствующее заявленным конституционным параметрам. С другой стороны, изменения воспринимаются с осторожностью и отрицанием, так как ассоциируется с очередными сдвигами, ухудшающими социальное положение большинства населения. На этот счет, в определенной степени сказать, что российское общество и устало от перемен и одновременно жаждет их, такая парадоксальная формулировка, указывает на то, что изменения, произошедшие в обществе, воспринимаются как не обратимые, но не приведшие, в целом, к положительным результатам. Социальная паралелизация общества, деградация окружающей среды, деиндустриализация, снижение личной и общественной безопасности все это укладывается в мозаику негативных оценок, и не случайно, что современный период большинство россиян (58%) принимают как кризисный [1].

Вероятно, здесь играет и фактор сравнения, по отношению к предшествующей российской историей, а также к тому, что мы можем назвать передовыми западными образцами, такими как они представляются в сознании россиян. Очевидно, что во много, позиция населения из того, что Россия в ближайшем будущем, не достигнет опыта, тех стран, которые в период перестройки воспринимались как эталонные Швеция, Франция. Очевидно и то, что россияне не безразличны к тому, что Россия может оказаться, в зоне третьего, а то и четвертого мира. Вот почему социальные изменения дифференцируются по оценкам населения, и конечно здесь играет роль как социально статусные определения, так и мировоззренческие ориентиры. На наш взгляд, социальная активность преимущественно отождествляет с социально-трансформационностью российской элиты, с теми, кто держит рычаги управления социальной, экономической и контроля социальной и политической сферы.

Также следует понимать, что как отмечалось ранее, высокий уровень интенсификации социальной активности на социальном микроуровне означает как неминуемое последствие передачи ответственности за системные изменения в компетенцию профессиональных политиков и организаторов. Общественные организации, которые представляют собой процесс структуризации и институционализации социальной активности, имеют профессиональное ядро, но профессиональные активисты не пользуются известностью и престижностью среди населения, в той степени, чтобы говорить, что они представляются инициаторами тех перемен, по тем или иным причинам, не желает принимать власть.

Как показывает опыт, предшествующий десятилетиям, общественные организации традиционно сосредотачивались на критике действий власти или в попытке осуществления ее решения, но

не являлись инициативной силой способной стимулировать власть к изменениям, на основе презентации общественных интересов. Социологические данные показывают, что существует настоятельная потребность в совершенствовании проводимой в России политики социальных изменений, и, учитывая, что этот факт, не удивительно, что среди большинства россиян (73%), оценивающих ситуацию в стране как проблемную, кризисную, намечается потребность в социальных изменениях, которые бы означали бы не просто антикризисность, но и предотвращение кризисных явлений [2].

За высокую степень регулирования социальной активности высказываются те, кто считают, что их жизнь складывается плохо, как раз они принадлежат антисистемному воззрению и радикальному социальному протесту, а представители базисных слоев населения, для которых не представляются идеальной, но имеет определенные перспективы улучшения. Являясь индифферентными к социальной активности, к ведущему фактору социальных изменений, респонденты полагают, что научились жить в эпоху изменений. Но эти изменения должны хотя бы пониматься по своим целям и способам населения не иметь скрытые неучитываемые последствия. При этом россияне значительно чаще обращаются не к проблеме собственного возрастания социальной компетентности, для них ясно, что позиция государства, в любом случае должна согласоваться с позицией общественного большинства [3]. Данная картина достаточно хорошо отражает специфику сегодняшней России, в которой разные типы мировоззрения вызывают к той или иной степени к ударству как инициатору социальной активности.

Как признает И.А. Халий, в российском обществе, вовлеченным в общественную деятельность оказываются штатные сотрудники, партийные партнеры, сторонники, добровольцы, граждане, дети и молодежь, поддерживающие цели и ценности организации [4]. Если следовать этой классификации, то те (6%) россиян, которые участвуют в активной общественной деятельности, конечно, не создают критической массы, которая бы говорила, что граждане формируют отношение к социальной активности, как ведущему фактору социальных изменений. Общественная поддержка, которая высказывается изменениями, действительно имеет позитивное значение, но она достаточно условна и для мобилизации общества на действия, не является недостаточной. Если определять что развитие общественных движений пришлось на конец 1980-х гг., когда страна массовой активностью, на появившиеся социально-экономические преобразования [5].

Мы можем наблюдать безусловный спад социальной активности, который часто описывается как разочарование в переменах или период социального оцепенения. На наш взгляд, здесь сыграла свою роль переоценка политической активности признавалась как наиболее ведущая и влиятельным фактором влияния на переменны, обнаружила свои пределы и в отношении правящей элиты к участию граждан, и в том, что общество, не достигло, понимая того, что на современном этапе, гораздо требуется низовая, не связанная с высокими стратегическими целями активность. Видимо, нахождение в состоянии распутия, того какими должны быть массовые общественные движения, в какой степени их взаимодействие с властью влиять на перемены ожидаемые обществом и главное, что понимать под социальными переменами, формирующими в обществе отношение к социальной активности, как обязательному социальному качеству. Касается самих критериев активности того, что понимать под включенностью в процесс социальных изменений, используемые критерии, как, прежде всего, как участие граждан в общественных организациях, являясь наиболее ясными, в тоже время, не говорят о специфике активности, о том, в каких формах она осуществляется и каким организациям она принадлежит гражданам.

Сложилась ситуация в которой политическая активность дискредитировала себя, а легитимации собственно социальной активности не произошло, еще более отчетливо проявилась зависимость между активностью оценок влияния социальной активности от самооценок уровня обладания властью. Можно сказать, что социальная активность, которая не связана с властными позициями, часто трактуется заведомо бесполезное, бесцельное, что для социальной активности важным является признание ее в качестве фактора, властными структурами.

Наиболее распространенной, в связи с этим, формой влияния на ускорение или замедление социальных изменений, является демонстративная активность. Активность, связанная с тем, что на уровне вербальной и не обязательно ведущей к активной действиям позиций, россияне одобряют или осуждают те или иные ожидаемые перемены. Такой мониторинг общественного мнения, в принципе является полезным, но оставляет равнодушным население именно к массовым социальным действиям, связанным с действительным резонансом от намечаемых или происходящих перемен. Выступая сторонниками сдвига общества к решению насущных социальных проблем, проявляется позиция условной поддержки, то есть большинство хотели бы видеть изменения, и даже влиять на их содержание и направленность, если действительно эти изменения принесут

очевидную и ощутимую пользу в настоящем, а не в отдаленном будущем. Вот почему общество достаточно прохладно относится, например, к стратегическим целям реформирования образования, но испытывает негативные эмоции по поводу углубляющейся коммерциализации образовательных услуг и повышения платы за обучение.

Если согласиться с утверждением, что подавляющее большинство «не участвует» можно сделать вывод о том, что в российском обществе именно активность элиты определяющим в социальных переменах. Но как раз российские элиты показывают достаточно консерватизма и исчерпания социально-трансформационного потенциала. Чрезвычайно важным, для понимания влияния социальной активности, становится инновационная деятельность граждан в экономической и в социальной, и в культурной сферах. Наиболее воплощенным вариантом является активность Интернет сообщества. Интернетом пользуются регулярно от 45% до 59% россиян, которые представляют, несмотря на несовершенство форм социального взаимодействия, своеобразный общественный форум и демонстрирует высокий тип социальной мобильности, по сравнению с традиционными организациями. Стоит отметить, что на эту особенность обращает внимание и российская элита, когда речь заходит об идее формирования электронного правительства, выборов по Интернету и других демократических согласительных процедур.

Провозглашенный в свое время на модернизацию обнаружил в обществе достаточно высокий уровень интереса к намеченным целям, хотя и сопровождался достаточно скептическими оценками. Полагая, что действительно российское общество стагнирует и дело не в улучшении показателей материального благополучия, а в постоянно воспроизводстве проблем, запросы россиян, на ведущий тип социального развития, связывался с тем, чтобы руководители государства учитывали, о том, что и как нужно изменить в стране [6].

С другой стороны, только 9% россиян будут способствовать развитию демократии и повышению общественно-политической активности граждан. Подобное противоречие снимается тем обстоятельством, что, во-вторых, для большинства граждан социальная активность является исчерпанным и, следовательно, общество нуждается в новых формах влияния на социальные перемены. Как мы видим, понимая то, что во многом отношение к социальным переменам зависит от того насколько россияне верят в перспективы в этой области, оказывается 60% россиян верят в успех осуществления модернизации в России, хотя бы в среднесрочной перспективе [7].

Казалось бы, наиболее приемлемым является повышение уровня политической активности, но как отмечалось ранее, существующие политические организации не воспринимаются, как структуры представительства граждан, а ресурсы влияния рассматриваются минимальными и сводятся к процедуре легитимации тех или иных политиков или политических партий. Для россиян очевидным является, что активность может приносить влияние на социальные изменения отличается от активности на социальном микроуровне и не является продолжением традиционной политической активности.

В рамках сложившейся модели становится очевидным, что потребительские ориентиры до сих пор актуальны в восприятии россиян, если следовать формуле «жить не хуже других». В общественных настроениях присутствует скептицизм относительно в оценке граждан на социальные перемены, что по традиции перемены продолжают как перемены сверху, необходимо учитывать, что в обществе вырос социально активный слой, следование привычной традиции не является формулой жизни. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов, для большинства россиян социальные перемены по-прежнему остаются переменами, которые происходят за пределами жизни, если оказывают влияние то это связано с тем, что эти перемены необходимо принимать как неизбежность.

Социальный фатализм, конечно не присущ российскому обществу россиянам «не за что бороться» так как в отличие от европейского сообщества, где ощутимым являлись результаты периода социального благоденствия, для россиян только смутно вырисовываются эти перспективы. И так как государство является основным работодателем, и от государственного бюджета социальной политики, не трудно догадаться, что социальные изменения связываются с переменой в верхах.

В описанной ситуации представляется необходимым отметить, что российское общество достигло понимания социальной активности как фактора влияния, но не определилось в каких границах, может быть социально эффективным. Массовое сознание россиян, улавливая тренды общественного развития, в нынешних условиях достаточно безучастно относится к различным политическим инициативам, вроде бы открывающим перспективы для переопределения форм политической активности. В то же время низовые формы политической активности не привились в российском обществе и ожидать широкого движения инициативы сверху не приходится.

Можно прийти к выводу, что обеспечение социальной справедливости, которое набирает мнение трети голосов россиян, является, все-таки, резонансом социальной дифференциации произошедшей в российском обществе. Во многом отягощено тем, что отрицается роль демократии, как инструмента повышения общественно политической активности граждан. Продолжая эту тему, можно сказать, что для общества, социальный связан с той функцией, которое выполняет государство, а правовая и социальная инициатива граждан, в том значение, как фактор поддержки.

Рассматривая условия реализации социальной активности, можно сказать, что, казалось бы, возросшем организационном факторе, многообразии общественных организаций, речь идет в данном случае о влиянии относительно узкий российского общества и в динамике взглядов россиян на то, что каждый человек должен иметь собственное мнение 74%. Есть обнадеживающий момент, который, однако же, пока фиксирует разрыв между социальной самооценкой личностными установками и социальной реальностью. При недоверии социального посредничества как пресса 32% отмечает, что ее свободу можно ограничивать [8].

В целом, можно констатировать, что такие радикальные обычные для зарубежного сообщества как формы забастовки, демонстраций, хотя и имеют только 18% несогласных, в реальности не вызывают интереса. Кроме того, заметно сократилось число тех, кто считает эти формы наиболее приемлемыми, чтобы повлиять на инициирование социальных перемен. Являясь сторонниками общества справедливого и разумно устроенного общества, российское население видит главную цель, чтобы были обеспечены гарантии справедливости, именно организациями государством, сопоставимые позиции структур социальной активности кажется скромными. При этом важно отметить, что существующий в российском обществе уровень социальной активности, кажется недостаточным независимо от уровня жизни, динамики личного благополучия и обеспеченности ресурсной социальной самооценки. Подавляющее большинство населения согласно с тем, что Россия должна быть обществом, в котором был бы найден компромисс между «новороссами» и консервативным большинством [9].

Таким образом, социальная активность в российском обществе, воспроизводится в виде запроса на социальные ожидания, который связан с актуальными вопросами затрагивающий преимущественно социальный микроуровень. С другой стороны, нельзя «ставить» однозначную оценку, готовности россиян инициировать социальную активность с влиянием на социальные перемены. В принципе можно о предшествующем негативном опыте, который привел к тому, что социальная активность, оказывается, всегда является не соответствующей заявленным целям, что усилия населения мимо элиты, которая тем или иным образом реализует социальные изменения. Упрощенная и в то же время широко распространенная трактовка, изменения проводятся преимущественно в интересах групп влияния. Для населения изменения, связаны с очередным перераспределением власти или собственности, как самых важных ресурсов российской общественной жизни.

В том, что социальные изменения в российском обществе, должны быть социоориентированными, работать на благо подавляющего, для большинства девизом дня, то каким образом можно сократить реальный разрыв в жизни россиян, достичь того, что называется социальным консенсусом, есть не малые отличия. Судя по результатам социологических исследований, так и не сформировалось ядро, класс, который можно было бы инициировать взаимосвязь между социальной активностью населения и социальными изменениями. Естественно, нельзя не задаться вопросом, по поводу того, что социальная активность на микроуровне имеет барьерный характер, для того, чтобы влиять на системный характер социальных изменений.

Другими словами, можно сказать, что социальные изменения концентрируются, в повседневной активности россиян. Формирующиеся общественные структуры, ориентируются на то, чтобы стать влиятельными социальными игроками, но как пишет И.А. Халий, в том, что россияне называют общественным форумом, не имеет место аргументации, в пользу развития гражданского общества, как основного актора основных социальных изменений [10].

В таких ситуациях, общественность вынуждена действовать по логике оптимального, то есть объединять свои усилия с теми организациями, которые выступают как инициаторами местного, локального развития. Большинство же опрашиваемых россиян, судя по результатам социологических исследований, так и находятся под влиянием позиций «от нас ничего не зависит», хотя можно предположить, что местные инициативы пробивают брешь в монолитности безразличия. Но главным тормозом на пути объединения людей, остается отсутствие осознанных и сформулированных интересов [11]. Одно дело, заявлять о необходимости социальной справедливости, мощного государства, другое определить движение к этим целям.

Итак, можно сделать вывод, что, во-первых, отношение к социальной активности российского общества реализуется в поведенческих стратегиях поддержания традиционной активности

условной поддержки, и антисистемных действий. Что приводит к мысли об отсутствии устойчивого ядра социальной активности, так как условная стратегия условной поддержке, несмотря на наибольшую популярность во взглядах россиян не содержит интегральных, объединительных тенденций и определяется ситуативным видением социальной активности.

Во-вторых, в пределах пространства социальной активности действуют сдерживающие регуляторы, связанные как с тем, что социальная активность понимается как часто политическая активность, имеющая негативные оценки, прежде всего, по пост перестроечному и раннее реформенному периоду и в том, что социальная активность профессионализируются, выступает как сфера компетентности профессиональных организаторов и экспертов, которые не учитывают влияния позиций не экспертного большинства. В-третьих, в контексте изменений российского общества, следует отметить, что преобладает тенденция консервативного взгляда на изменения, так как преобладающие идеалы равенства перед законом и идеалом, связываются с надеждами на усиление роли государства, а социальные изменения, происходящие снизу, рассматриваются как стихийные, содержащие деструктивизм и неопределенность результатов. Эти выводы нацеливают на анализ социально-ценностных оснований социальной активности и целостность порождаемых ее идентификационных матриц и в соответствии определить, каков будущий сценарий активности в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
2. Готово ли общество к модернизации. М., 2011.
3. О чем мечтают россияне? М., 2012.
4. Халий И.А. Современные общественные движения. М., 2007.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011.
9. О чем мечтают россияне? М., 2012.
10. Халий И.А. Современные общественные движения. М., 2007.
11. Там же.

Филологические науки

УДК 81/42

Вяткина Анна Александровна

соискатель кафедры романской филологии
Московского городского
педагогического университета
editor@hist-edu.ru

Vyatkina Anna Alexandrovna

Postgraduate Student of the Department of Romance
Philology of Moscow City Pedagogical University
editor@hist-edu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ РАННЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена анализу языковых особенностей иллюстрированного журнала для детей раннего дошкольного возраста. Языковые характеристики журнала рассматриваются с позиций филогенеза. Одной из главных особенностей журнала для детей обозначенного возраста является языковая репрезентация категорий локативности и темпоральности, представленных в регистре дистантного общения с детьми.

Ключевые слова: филогенез, категория локативности, категория темпоральности, регистр общения с детьми (РОД).

LANGUAGE FEATURES OF THE MAGAZINE FOR EARLY PRESCHOOL AGE CHILDREN

The article is devoted to the analysis of language features of the illustrated magazine for early preschool age children. Language characteristics of the magazine are considered from the positions of phylogenesis. One of the main features of the magazine for children of the designated age is language representation of categories of lokativity and temporality presented in the register of remote communication with children.

Key words: phylogenesis, category of lokativity, category of temporality, register of communication with children (RCC).

Исследуя французский журнал *Popi*, предназначенный детской аудитории в возрасте от одного года до трех лет, представляется важным понять, в чем заключается особенность таких текстов для детей раннего дошкольного возраста, не умеющих читать. Данное издание представляет собой единство вербального и изобразительного компонентов, которые формируют журнал как одно визуальное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее комплексное прагматическое воздействие на адресата. В данной статье для нас важным представляется рассмотреть вербальный компонент журнала для детей раннего дошкольного возраста *Popi*.

Мы рассматриваем журнал *Popi* как поликодовый текст, где иллюстрация создает «оптический образ» издания и характеризуется различной степенью привязанности к тексту, своей ролью в раскрытии его содержания. Выступая в качестве дополнительного носителя информации, иллюстрация имеет прямое отношение к содержанию текста, создает оптимальные условия для его восприятия и понимания [4, с. 138].

Зададимся вопросом, какой из компонентов, графический или изобразительный, имеет приоритет в журнале. В этом плане важным представляется мнение французского педагога Ж.-М. Дюкро (Jean-Michel Ducrot), утверждающего, что вербальный компонент выступает в глазах маленького ребенка в качестве цельной картинки и воспринимается в раннем возрасте как часть изображения: «l'écrit peut être mis en scène et propose aux très jeunes enfants de le lire comme une image» [14]. Из этого можно сделать вывод о том, что для ребенка раннего возраста границы между изобразительным и вербальным компонентом размыты: он воспринимает текст как некое цветное пятно, картинку.

Таким образом, концепция редколлегии журнала заключается в одинаково важной роли как изобразительного, так и вербального компонентов. Специалисты в области детской прессы и литературы считают, что журнал способствует развитию у ребенка способности к устному высказыванию. Это происходит за счет иллюстраций, занимающих большую площадь на странице, при этом изображение и тексты в журнале для детей, призваны побуждать ребенка и взрослого к диалогу. С.М. Болховитинова отмечает, что понимание у ребенка младшего возраста связано с узнаванием того, о чем идет речь в тексте, через иллюстрацию, ее наглядность. Таким образом, становится очевидной важная роль иллюстрации, которая служит основой рассказа [3]. Вместе с тем, через иллюстрацию ребенок учится узнавать реалии окружающей его действительности.

В этой связи, становится ясно, что для журнала *Popi* характерна семантическая слитность текста и иллюстрации, под которой отечественные лингвисты О.А. Барташова и Н.А. Алексеева понимают «особый способ восприятия текста, когда отдельные элементы обладают высокой степенью интеграции в текстовое единство, приращивают смысл и не могут быть восприняты и интегрированы вне этого целого» [2, с. 35].

Журнал *Popi* содержит в себе как лингвистические, так и паралингвистические компоненты. Анализ текстов журнала показывает, что его редакция учитывает тот факт, что на начальном этапе

филогенеза доминирующими вербальными образованиями в детском языке являются звукоподражания, или ономотопеи, которые появляются в самом начале вербальной деятельности ребенка (приблизительно в возрасте 18 мес.). На более позднем этапе значение ономотопей становится более узким и соотносится с называнием конкретного действия (собственно с предикатом) или с названием субъекта действия [6, с. 38].

Полагаем, что именно в расчете на языковое умение ребенка раннего возраста в журнале *Popi* представлены ономотопеи. Н.М. Штейнберг, исследуя проблему редупликации во французском языке, среди прочих видов ономотопеи (редупликации), выделила редупликации, не имеющие эмоционально-оценочной окраски [12, с. 10]. В журнале *Popi*, редупликации обозначают, в основном, различные шумы или звуки. Думается, что это связано с тем, что ребенок в раннем возрасте еще не способен оценивать окружающую его действительность вербально и такие, на наш взгляд, простые формы легко им воспринимаются и усваиваются.

Mais soudain, patatrac crac, la maison craque! (Вдруг, **клик-кляк**, дом треснул!).

Brrr, il fait de plus en plus froid dans la forêt ! (**Брр**, в лесу становится все холоднее!) [23, р. 18; 22, р. 20].

Установлено, что ономотопеи используются для обозначения предельных и непредельных действий, относящихся к настоящему или прошедшему времени. При этом редупликация ономотопей обозначает длительные ситуации, а одиночное употребление связывается с законченными действиями, с результатом [6, с. 39]. Например:

Guili, guili, guili – обозначение процесса щекотания.

Wouaf! – лай собаки (обозначение законченного действия) [19, р. 14, 16].

Полагаем, что редакция журнала опирается на исследования специалистов в области фило- и онтогенеза, о чем свидетельствуют данные проведенного нами контент-анализа номеров журнала *Popi*. Полагаем, что редакция учитывает языковые особенности ребенка раннего возраста, о чем свидетельствуют тексты журнала, в которых мы находим некоторые однословные фразы (*mots-phrases*), слова типа: *non, là, pas* и др., слова *oui* и *non*, а также некоторые контактоустанавливающие слова, например: *merci, salut, bonjour*, что, согласно исследованиям специалистов в области детской речи, является характерным для ребенка в возрасте одного года. Помимо этого, до достижения двухлетнего возраста ребенок начинает строить фразы из 2–3 слов и задавать вопросы, используя вопросительные слова *quoi? où?*

В возрасте двух лет происходит процесс становления коммуникативных навыков ребенка. В этой связи, в журнале *Popi* тексты изобилуют контактоустанавливающими словами типа: *coucou, bravo, au revoir* и др. Полагаем, что создатели журнала намеренно делают подобную установку на коммуникативный характер текстов, поскольку в указанном возрасте ребенок уже способен употреблять подобные слова, сопровождая их соответствующими жестами, и понимать их, когда они обращены к нему. Например:

Tiens, qui se faufile sous la table, tout à coup ? C'est ce coquin de Toto ! Lili le rejoint et dit : « Coucou ! » ; Chez le docteur, Popi a eu une petite piqûre sur son bras. Popi est très courageux. Bravo, Popi! [15, р. 8, 14].

Отметим также, что в возрасте двух лет в речевом обиходе ребенка появляются слова, передающие категории локативности и темпоральности. Думается, что появление категории локативности в речи ребенка связано с тем, что в указанном возрасте активно развивается предметная деятельность, связанная с тактильными ощущениями и ориентацией в пространстве. М.А. Еливанова пишет о том, что ребенок, прежде чем понимать локативные показатели и использовать их в речи, приобретает чувственный опыт, который основан на развитии всех анализаторов. Помимо этого, отмечается, что «в результате неоднократного повторения ситуаций в процессе восприятия складывается (путем разложения целого на элементы, а затем синтеза осмысленных элементов) обобщенная схема-модель пространственного соположения предметов, которая является основой для выбора локативных показателей в речи» [7, с. 320].

Рассуждая о локативности, Е.Е. Анисимова указывает на то, что в поликодовых текстах часто встречаются глаголы положения в пространстве [1, с. 37]. Отметим, что такие глаголы представлены и в детском журнале *Popi*. К таким глаголам относятся:

- экзистенциальные глаголы, например, *être* (быть);
- нейтральные позиционные глаголы, уточняющие положение объекта: *mettre, installer* (класть, ставить; устанавливать) и др.;
- глаголы движения, перемещения в пространстве: *aller* (идти), *partir* (уходить), *arriver* (прибывать), *promener* (выгуливать к-л), *sortir* (выходить), *venir* (приходить, приезжать) и др. Отмечено, что уже в возрасте трех лет наблюдается активное использование глаголов в настоящем времени.

В основном, это такие «фундаментальные глаголы», в терминологии Л.М. Скрединой, как глаголы *être, avoir, faire* [10, с. 335].

Примеры употребления этих глаголов находим в журнале *Popi*:

Il est trop difficile à faire, mon puzzle! [16, p. 2].

Ils sont contents [16, p. 8].

Tiens, Popi a une petite faim [20, p. 8].

Ah, voilà Lila qui fait un bisou à Marcel! [16, p. 17].

Помимо обозначенных глаголов, в журнале активно используются перцептивные глаголы *sentir, découvrir, voir*. Думается, что их наличие связано с сенсо-моторным развитием ребенка, которое активно начинается к возрасту 18 месяцев, когда ребенок активно наблюдает, изучает окружающий мир:

Qui se cache derrière les buissons ? Le vois-tu ? [16, p. 13].

Tu sens l'odeur du printemps ? [17, p. 2].

Ça sent l'herbe crue [17, p. 3].

Le monde de l'arbre, découvre-le, en soulevant doucement les feuillage [17, p. 20].

- глаголы движения, такие как: *aller, s'approcher, sortir, venir, rentrer, monter, grimper* :

Il est vraiment temps d'aller au lit [18, p. 19]

Viens, Marcel, allons voir le sapin de Noël ! [23, p. 17]

- глаголы, обозначающие чувства: *pleurer, crier, s'inquiéter* и др., поскольку у ребенка в возрасте двух лет развиваются тактильные ощущения:

Marcel a envie de pleurer [23, p. 18].

Помимо глаголов, в журнале присутствуют некоторые предлоги с локативным значением: *sur, sous, devant, derrière, chez, ici, dessus, loin, près de, dedans, dehors, par ici*:

Qui se cache derrière les buissons ? [16, p. 12].

Quand la famille se réveille, la maison de Marcel est toute belle avec les trois cousins dedans [24, p. 19].

Plus loin, Lili veut se cacher dans ce buisson [17, p. 13].

В журнале представлены маркеры темпоральности, под которыми понимается совокупность лексических, лексико-грамматических и синтаксических средств выражения временных отношений, исключая формы глаголов [11, с. 79, 81]. Это связано с тем, что в конце второго года жизни ребенок начинает понимать, что конкретное событие отнесено к определенному моменту времени. Согласно О.Г. Сударевой, выделяется ряд темпоральных маркеров, присущих речи детей раннего дошкольного возраста. Так, в русском языке первыми лексическими маркерами темпоральности в диапазоне от 1 года 3 мес. до 2 лет, согласно О.Г. Сударевой, являются наречия *сейчас, теперь, когда/тогда, скоро, опять, потом, сегодня, вчера, сейчас, еще, уже*. Во французском журнале *Popi* мы находим наречия со сходным значением темпоральности: *maintenant, déjà, bientôt, aujourd'hui, hier, encore*:

Maintenant, il est temps de dormir [22, p. 16].

Que de monde, au marché, aujourd'hui! [21, p. 20].

Tiens, mais quelqu'un est déjà caché ici [17, p. 12].

Petit Ours Brun veut une histoire, la même qu'hier soir [22, p. 3].

Кроме того, категория темпоральности в журнале также явно выражена такими наречными выражениями со значением сиюминутности действия, такими, как: *tout à coup, soudain*:

Mais Gaspard, le chat de Marcel, surgit tout à coup [19, p. 17].

Mais soudain, Patatrac crac, la maison craque! [23, p. 18].

В возрасте двух лет появляются темпоральные существительные и именные сочетания. В журнале это выражено следующими лексемами: *l'heure, le matin, le jour, le soir, la journée, le printemps, l'été, Noël, il est temps de* и др.:

Les enfants, c'est l'heure du goûter! [16, p. 17].

Tant pis, il est vraiment temps d'aller au lit [18, p. 19].

C'est le matin de Noël [23, p. 16].

Tu sens l'odeur du printemps? [17, p. 2].

Comme c'est bon de se reposer à la fin de la journée! [18, p. 20].

В данном случае речь идет об ограниченных по длительности временных периодах.

Ближе к трем годам в обиход ребенка входят дейктические слова. Для этого возрастного периода характерен особый «масштаб» времени: дейктичность и ситуационная, событийная детерминированность временных отрезков [11, с. 83, 86]. Этот феномен прослеживается в текстах журнала *Popi*, где присутствуют такие лексемы, как: *plus tard, après, toujours, longtemps, après, à la fin*

de, souvent, bonne nuit, avant и др.:

Bonne nuit, bébé hibou! [22, p. 12].

Après un long voyage, Marcel et ses parents arrivent enfin chez Mamie Adèle [19, p. 16].

Pom, pom, pom, Popi se promène toujours [17, p. 8].

К трехлетнему возрасту ребенок уже может назвать свое имя; таким образом, формируется самоидентификация ребенка. По наблюдениям французского специалиста в области логопедии и проблем раннего детства, Мари-Жозе Ранкон, которая является экспертом и консультантом в редакции журнала *Popi*, ребенок также часто употребляет вопросительное слово почему? (*pourquoi?*), использует притяжательные местоимения, предлоги места (*à, dans, sur, sous, près de*, и др.).

Переходя непосредственно к текстам журнала *Popi*, отметим, что в период раннего онтогенеза текстом является любой законченный фрагмент речи взрослого, обладающий внутренней цельностью (наличием синтаксических, анафорических, интонационных связей). Отмечается, что помимо возрастного критерия, обуславливающего наличие языковых навыков у ребенка раннего возраста, ключевым также является характер ситуации, в которую он помещен, т.е. насколько эта ситуация ритуализована. Ритуализованными являются обыденные ситуации общения взрослого и ребенка (укладывание спать, кормление, купание, массаж, одевание, т.е., пользуясь терминологией И.Т. Касавина и С.П. Щавелева, ситуации, составляющие бытовую культуру ребенка раннего возраста [9, с. 203].

Отметим в этой связи, что темы, предлагаемые в журнале *Popi* и обозначенные в заголовке каждого номера, отражают знакомые ребенку раннего дошкольного возраста ритуализованные ситуации, и являются для него повседневными:

Bonne nuit, Petit Ours Brun! [22] – подготовка ко сну;

Parfois tu ris, parfois tu pleures! [16] – настроение и эмоциональные реакции;

Promenons-nous dans les bois! [17] – прогулка.

Думается, что в нашем случае, речь идет о повседневности в жизни ребенка раннего возраста, понимаемой как череда ситуаций, для которых характерна повторяемость и некая консервативность, т.е. фиксированность действий, присущих конкретной ситуации [9, с. 15-16].

Отметим, что специалисты в области детской речи выделяют несколько основных типов текстов, встречающихся в регистре общения с детьми (далее – РОД): воркование, текст-комментарий к действию, текст от имени ребенка, текст – «покажи», текст-побуждение [5, с. 393-394]. Рассмотрим лишь некоторые из видов текстов, характерных для журнала *Popi*.

В связи с тем, что тексты журнала служат своеобразным «вербальным сопровождением», они неразрывно связаны с изображением и в большинстве случаев следуют за ним. В раннем дошкольном возрасте графическая составляющая имеет важнейшее значение, являясь основным компонентом, носящим аттрактивный характер и обеспечивающим быстрое запоминание ребенком адресованной ему информации. Таким образом, все, что написано в тексте, красочно изображено на иллюстрации, занимающей, большую часть страницы. В этой связи, ребенок имеет возможность соотнести звучащее слово, с его визуальным образом:

Ça y est, Popi a rempli son panier. Avec des framboises, des fraises et même des groseilles ! (Ну, вот! Попи положил в свою корзину малину, клубнику и даже красную смородину!) [21, p. 8].

Читая этот текст ребенку, взрослый может задать ему вопросы типа: Где Попи? Что у него в корзине? Где корзинка лежит? и т.д.

Тексты-побуждения наиболее активно используются в позднем РОД, они информативны. Тексты-побуждения являются скорее вербоцентричными. В побуждениях, так же как и в описанных выше текстах, сохраняется тенденция к повторам имени, но к ним добавляются и глагольные повторы [5, с. 395-397]. В анализируемом журнале считаем текстами-побуждениями небольшие фразы в вопросительной форме или, после которых стоит многоточие, которые побуждают ребенка и взрослого продолжить историю, вместе придумать для нее продолжение. Такие микротексты встречаются, чаще всего, в заключительной рубрике журнала «La grande image à découvrir» (*Паскрой большую картинку*):

Quand on roule en voiture, il faut souvent s'arrêter pour faire le plein d'essence, se reposer, pique-niquer...

Et toi, que fais-tu quand la voiture s'arrête ? [20, p. 20, 23].

Еще одной характерной особенностью текстов-побуждений является то, что в них доминируют формы 2 л. ед.ч. и 1 л. мн.ч. Это основано на том, что ребенок на ранних речевых этапах может назвать себя в 3 л., а может сразу использовать формы 1 л. ед.ч. [5, с. 401]. Присутствие данных форм хорошо прослеживается в текстах журнала:

Lili, viens te baigner! [21, p. 14];

Découvre-les en soulevant doucement les feuillages» [17, p. 20];

Souffle fort, mon chéri! [16, p. 18].

Отметим, что отечественные лингвисты, в частности, Н.М. Юрьева, утверждают, что элементы повествования нельзя связывать только с речевым этапом ребенка, поскольку еще на доречевом этапе онтогенеза в период от 7-12 месяцев формируется информативная функция, проявляющаяся через индикацию, когда ребенок еще не может назвать предмет, но может на него указать жестом [13, с. 91]. Это утверждение убеждает в целесообразности в журнале текстов для детей раннего дошкольного возраста, поскольку они формируют коммуникативные навыки ребенка. Как отмечает В.В. Казаковская, важную роль в этом процессе играют вопросы. Среди вопросов выделяют, прежде всего, фатические – контактоустанавливающие и поддерживающие диалог – вопросы-подсказки, вопросы-подхваты и вопросы-повторы. Однако наиболее типичными «запросами действия», по мнению автора, являются *где*-вопросы и *как*-вопросы [8, с. 364].

Диктумные вопросы способствуют первичному структурированию внеязыковых и языковых реалий. Известно, что в начале второго года жизни – на этапе голофраз – ситуация в сознании ребенка представлена еще нерасчлененно. Членение ситуации осуществляется при помощи соответствующих диктумных вопросов взрослого [8, с. 365-367]. Первыми появляются локативные (псевдолокативные) вопросы и вопросы о номинации/идентификации предмета или действия. Темпоральные, посессивные и причинно-следственные типы вопросов возникают позже.

Опираясь на тексты французского журнала *Popi* для детей раннего дошкольного возраста мы находим примеры того, что первоначальные диктумные вопросы взрослых – вопросы о номинации и идентификации предметов, в частности: предметные *кто*- и *что*-вопросы. В журнале *Popi* находим следующие вопросы:

Que fais-tu quand la voiture s'arrête? (что ты делаешь, когда машина останавливается?);

Qui arrive soudain sans faire du bruit? (кто появился внезапно и бесшумно?);

Qui va manger le bon goûter que j'ai préparé dans le jardin? (кто будет полдничать в саду?);

Que se passe-t-il, ici ? (что здесь происходит?) [20, p. 23, 18, 19; 16, p. 20].

Как-вопросы побуждают к звуковой или действенной имитации, к иконическому жесту, например: локативные (в широком смысле) *где*- и *куда*-вопросы:

Les amis où êtes-vous cachés? (Друзья, где вы спрятались?) [17, p. 10]. Отмечается, что взрослый пробует при личном контакте с ребенком разные вопросы, но множественными становятся только те из них, которые дают успешную реакцию ребенка [8, с. 368-371]. В нашем случае вопросы сформулированы авторами текстов журнала. Думается, что редколлегия рассчитывает на терциарного адресата – взрослого, который будет задавать эти вопросы ребенку. Однако следует отметить, что собственно в текстах количество подобных вопросов ограничено, что может быть связано с ограниченными языковыми способностями ребенка в раннем возрасте и его неспособностью сформулировать ответ вербально.

В заключение представляется важным сказать, что создатели детских медийных изданий, в число которых входят журналы, учитывают филогенетические особенности ребенка в возрасте от одного года до трех лет и активно на них опираются, учитывая регистр общения взрослых с детьми данного возраста, создавая коммуникативные ситуации, в которых большое место занимают ономотопеи, а также лексемы, относящиеся к категориям локативности и темпоральности, являющиеся наиболее часто употребляемыми и узнаваемыми детьми в возрасте от одного года до трех лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М., 2013.
2. Барташова О.А., Алексеева Н.А. Взаимодействие вербального и музыкального компонентов в креолизованном тексте песни // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2013.
3. Болховитинова С.М. Композиция изданий: Особенности проектирования различных типов изданий: учеб. пособие. М., 2000.
4. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: дис... д-ра филол. наук. Иркутск, 2001.
5. Гаврилова Т.О. Типы текстов в регистре общения с детьми / Семантические категории в детской речи. СПб., 2007.
6. Гагарина Н.В. Становление функционально-семантического поля аспектуальности в детской речи // Семантические категории в детской речи: коллективная монография. СПб., 2007.

7. Еливанова М.А. Категория локативности и ее выражение в детской речи / Семантические категории в детской речи: коллективная монография. СПб., 2007.
8. Казаковская В.В. Семантическая типология вопросо-ответных единств: ранние этапы речевого онтогенеза / Семантические категории в детской речи: коллективная монография. СПб., 2007.
9. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
10. Скрелина Л.М., Становая Л.А. Теоретическая грамматика французского языка: учеб. пособие. СПб., 2012.
11. Сударева О.Г. Ранние этапы освоения детьми временных отношений и способов их языкового выражения / Семантические категории в детской речи: коллективная монография. СПб., 2007.
12. Штейнберг Н.М. Редупликация в современном французском языке. Л., 1969.
13. Юрьева Н.М. Проблемы экспериментальных исследований речи: сборник статей РАН, Ин-т языкознания. М., 2011.
14. Ducrot J.-M. Fiche de lecture: "L'Album pour enfant: Pourquoi? Comment?", 2007. URL: [http://www.edufle.net / Fiche-de-lecture-L-Album-pour.html](http://www.edufle.net/Fiche-de-lecture-L-Album-pour.html) (дата обращения 23.05.2013).
15. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 293.
16. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 295.
17. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 296.
18. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 297.
19. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 298.
20. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 299.
21. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 300.
22. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 303.
23. *Popi*: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. Paris: Bayard, 2011. № 304.

УДК 801.7

Голякова Любовь Алексеевна

доктор филологических наук, профессор кафедры
немецкой филологии Пермского государственного
национального исследовательского университета
editor@hist-edu.ru

Шабалина Елена Николаевна

соискатель кафедры немецкой филологии Пермского
государственного национального
исследовательского университета
editor@hist-edu.ru

Golyakova Lyubov Alekseevna

Doctor of Philology, Professor of the Department of
German Philology of Perm State National
Research University
editor@hist-edu.ru

Shabalina Elena Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of German
Philology of Perm State National
Research University
editor@hist-edu.ru

**ПОДТЕКСТ: ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ
НОРМЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ НОВОЙ
ЗНАКОВОЙ СУЩНОСТИ**

**SUBTEXT: DEVIATION FROM THE
LITERARY NORM AS AN EMBODIMENT OF
NEW LINGUISTIC ENTITY**

Статья посвящена рассмотрению проблемы нарушения языковой нормы в художественном произведении как существующей по своим законам системы. Подчиняясь предписаниям литературного языка, языковые средства находят в художественном тексте своеобразное эстетически обусловленное преломление, сопровождаемое отклонением от литературной нормы, которая является нормой произведения искусства, знаком скрытого смысла, подтекста.

The paper considers the problems concerning violation of the language norm in the works of fiction which exists as a system with its own law. Obeying the rules of the standard language linguistic means find original esthetically conditioned perspective in the literary text accompanied by the deviation from literary norm which is the norm for the work of art, a sign of a hidden meaning, a subtext.

Ключевые слова: художественный текст, литературный язык, язык художественного произведения, нарушение литературной нормы, подтекст.

Key words: literary text, standard language, language of fiction, breaking of the literary norm, subtext.

Несмотря на то, что изучение языковой нормы насчитывает уже более полувека, «далеко не все аспекты этого явления описаны полно и однозначно» [1 с. 60]. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение данной проблемы в рамках художественного текста как существующей по особым законам системы, в которой использование языковых средств, с одной стороны, подчиняется законам литературного языка, а с другой – часто сопровождается отклонениями от литературной нормы. Несоединимые и далекие явления, оказавшись элементами единой структуры, вступая во взаимодействие между собой, обретают новой, более емкий смысл.

Необходимость изучения данного вопроса диктуется расширением «аномальных» употреблений, придающих художественной системе гибкость, увеличивающих богатство и вариативность выражения смысла, обеспечивающих ее дальнейшее развитие. Не менее важной представляется недостаточная изученность описываемого феномена и отсутствие целостной теории, объясняющей условия и механизмы порождения, функционирования и языкового выражения аномалий в художественных текстах.

Означенное выше определяет принципиальную важность разграничения литературного языка и языка художественного произведения. Как справедливо отмечает Л.И. Скворцов, литературный язык как высшая форма национального языка является носителем и посредником культуры и цивилизации. При этом языковые средства в художественном тексте, с одной стороны, подчиняются предписаниям литературного языка. С другой стороны, как подчеркивает исследователь, писатель, считаясь с нормами литературного языка и отталкиваясь от них в своем творчестве, вовсе не ограничивает тем самым свободу «языкотворчества» [2, с. 61; 3, с. 51].

По мнению А.Н. Кожина, литературный язык конкретного автора, выделяясь своей обработанностью и упорядоченностью, находит в языке художественного произведения своеобразное, эстетически обусловленное преломление. Действительность художественного вымысла предопределяет обращение писателя к языковым средствам, находящимся на периферии литературного языка. При этом фактор «норма», а точнее ее нарушения, является важным моментом, определяющим выбор автором языковых средств для создания специфической языковой ткани художественного произведения. Поэтому характер использования языкового материала в художественных текстах допускает такие способы передачи информации, которые находятся за пределами

ами общелитературной нормы и воспринимаются как ее деформация [4, с. 11-12].

Поэтический язык, таким образом, понимается как язык эстетический, которому свойственны свои особые закономерности и по отношению к которому литературный язык воспринимается как поверхностная структура. В свою очередь, нормы литературного языка, фиксируемые в толковых словарях, являются «нулевой точкой» эстетического отсчета для качественно иных норм языка художественной литературы [5, с. 524].

Вслед за И.В. Высоцкой важно подчеркнуть, что противопоставление в художественном тексте системного асистемному, нормального аномальному, связанное с представлениями о порядке и хаосе, закономерности и случайности, статике и динамике, снимается при «нелинейном» подходе, характерном для современной мыслительной парадигмы [6, с. 18].

Для обозначения исследуемого явления лингвисты обращаются к таким понятиям, как «парадокс» (А. Амосова, А.В. Кожевникова), «алогизм» (Е.А. Яшина), «абсурд» (О.В. Кравченко, В.Ю. Новикова), «аномалия» (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Десятова, Т.Б. Радбиль), «языковая игра» (Е.Н. Матвеева, С.Ж. Нухов, А.П. Сковородников) и т. д.

Так, А. Амосова, характеризуя парадокс как «бессвязную связь», подчеркивает значимость его восприятия адресатом, которое всегда носит активный, эмоциональный характер. В парадоксе как явлении, противоречащим привычной логике, странном и неожиданном, важным представляется сопряжение не просто далеких данностей, а способных максимально обогатить друг друга языковых единиц. По словам автора, парадокс в художественной структуре организует и мобилизует внимание читателя, раскрывая окружающий мир в необычном, неведомом ракурсе [7, с. 179, 188].

Е.А. Яшина рассматривает введение в литературную речь различных «логически-бессмысленных моментов», «нелепостей», разрушение логических и причинных связей как «алогизмы». Как отмечает исследователь, «алогическая связь» как свойство художественного текста направлена на нарушение его предсказуемости и повышение экспрессивности. При этом алогизм трактуется как характерная особенность контекста художественного произведения, отражающая нарушение логических связей на уровне словосочетания, предложения или контекста в целом. Она формируется за счет использования противоречивых или несовместимых средств языка в силу нарушения между ними логической, семантической или грамматической согласованности [8, с. 98].

О.В. Кравченко, в свою очередь, рассматривает абсурд как «мировоззренческую категорию», как выработанный человечеством своеобразный культурный механизм, который играет роль центробежной силы и противостоит формированию единого безальтернативного мировоззрения, способствуя тем самым развитию культуры в широком смысле этого слова.

В своем исследовании О.В. Кравченко убедительно демонстрирует, что лингвистический абсурд выступает как одно из проявлений общекультурного феномена абсурда. Нарушая стандартное течение процессов, происходящих в знаковой системе языка, абсурд проявляет себя как своеобразный антиязык, а механизм абсурдизации имеет ярко выраженную семиотическую природу и заключается в намеренном ненормативном использовании семантических, прагматических или синтаксических ресурсов языка. По мнению О.В. Кравченко, далеко не всякое отступление от нормы приводит к созданию лингвистического абсурда в тексте. Принадлежность несоответствующих норме языковых единиц явлениям лингвистического абсурда определяется, прежде всего, фактором интенциональности, то есть нарушение языковой нормы должно быть осознанно и совершаться намеренно [9, с. 39-44].

При описании проблемных ситуаций в языковой ткани текста ряд исследователей обращаться к термину «языковая игра», отмечая в качестве основных характеристик данного явления ненормированный характер языковой игры, ее прагматическую направленность. К примеру, Е.Н. Матвеева [10, с. 69] убедительно доказывает в своих исследованиях, что феномен языковой игры связан с творческим подходом к языку, к языковому стереотипу и основан на принципе намеренного использования отклоняющихся от нормы явлений. При этом опрокидывание языкового стереотипа и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики языковой игры. Не менее важным является положение о том, что языковая игра вскрывает пограничные, парадоксальные случаи функционирования языкового знака, что разрушает стереотип его восприятия и активизирует внимание носителей языка к языковой форме.

С.Ж. Нухов полагает, что языковая игра – это такая форма речевого поведения, при которой языковая личность реализует способность к проявлению в речи остроумия, сопровождающегося возникновением комического эффекта. В свою очередь, получатель речи проявляет креативность при восприятии благодаря способности оценить лингвистическую игру [11, с. 36-37].

Данный подход представляется отчасти узким, поскольку языковая игра не исчерпывается достижением лишь комического эффекта. Она направлена также на реализацию эстетической и прагматической функций языка, о чем свидетельствуют изыскания ряда исследователей.

Так, А.П. Сковородников трактует понятие языковой игры как творческое, нестандартное (отклоняющееся от языковой, в том числе стилистической нормы) использование любых языковых единиц [12, с. 86].

Таким образом, многообразие терминов свидетельствует о неоднозначности в решении сложного вопроса о природе лингвистических аномалий, причинах лингвистических несоответствий, а также результатах отступлений от нормы в сфере словотворчества. В связи с этим, как считают некоторые исследователи, возникает необходимость в пересмотре понятий, в изменении отношения к норме. Соотношение «норма / ненорма» заменяется соотношением «норма / другая норма» [13, 14, 15, 16 и др.].

В художественном тексте воспроизводится норма языка и производится новая норма. Воспроизводство нормы обеспечивает определенную стандартность текста, а производство антинормы делает текст индивидуально неповторимым и создает определенные предпосылки для развития языка. Поскольку текст ценится за то новое, что он несет в себе, можно утверждать, что ведущей стороной в противопоставлении «норма / антинорма» является последняя как движущая сила в процессах текстообразования. Что касается языковой нормы, то она пассивна, она скорее фон, чем рисунок на картине [17, с. 9, 12].

Интересной представляется концепция Я. Мукаржовского, который полагает, что язык художественных произведений выводится за пределы следования норме литературного языка и развивается в соответствии с особой эстетической нормой. Исследователь определяет эстетическую норму как ориентированную точку, которая дает почувствовать меру деформации художественной традиции новыми тенденциями. При этом эстетическая норма направлена на индивидуализацию эстетической ценности произведения, восприятие его как единичного факта [18, с. 422; 19, с. 162-165].

Для того чтобы художественный текст был максимально информативен, он должен постоянно выводиться из состояния автоматизма. Как справедливо отмечает Ю.М. Лотман [20, с. 362], структура художественного текста, подчиненная единым конструктивным правилам, неинформативна, так как все ее узлы однозначно предопределены системой построения, а в логике, как известно, не существует неожиданностей. Поэтому важным средством информационной активизации в художественном тексте становится нарушение его структуры, введении нетривиальных приемов, скрывающих эстетические мотивы, концентрирующих внимание интерпретатора, вызывающих его напряжение, намекающих на возможные варианты декодирования [21, S. 39; 22, S. 350].

Нельзя не согласиться и с Н.Д. Арутюновой [23, с. 75-76, 90], которая полагает, что именно непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Языковая норма как родовое понятие, означающее все формы и виды порядка, все созданные человеком правила и законы, характеризуется обыденностью, ординарностью, предсказуемостью, привычностью. Соблюдать норму и порядок – значит быть как все и как всегда. Отклонение же от нормы означает нечто редкое, необычное, уникальное, поразительное, обращающее на себя внимание. Ненормативное явление воспринимается семиотически, «это знак скрытого смысла» [24, с. 90].

Поэтому снятие запретов на соединение языковых элементов по синтагматической оси составляет, как верно полагает Ю.М. Лотман [25, с. 104] ведущий конструктивный принцип прозы, который следует еще не открытым правилам [26, S. 356] и направлен на реализацию глубинного содержательного феномена произведения – рационального и иррационального подтекста [27, с. 22].

В структуре художественного текста реализуются обычно две противоположные тенденции: с одной стороны, подчинить все элементы нормативным требованиям, с другой – вывести повествование из состояния автоматизма, создать в языковой ткани текста, по выражению Г.Г. Молчановой, «проблемную ситуацию», спровоцированную отклонением от нормы [28, с. 37]. Это озадачивает читателя, побуждает его замедлять скорость чтения, разгадывать смысл этих предопределенных нарушений, а следовательно, воссоздавать истинное намерение автора, декодировать адекватный подтекстовый смысл произведения. Иными словами, вслед за К.А. Долининым можно констатировать, что любое нарушение нормы побуждает читателя искать подтекст [29, с. 57].

Отклонение от нормы предполагает возможность варьирования языковых элементов, которое допускается существующими правилами. Оно вносит дополнительную информацию, порождая определенный эффект, создавая новую норму. Контраст между традиционно и ситуативно обозначающим есть, как точно подметила И.В. Арнольд, контраст между простейшим, наиболее частот-

ным, а следовательно, наиболее вероятным употреблением языковых элементов и ненормативной реализацией языковых единиц низкой предсказуемости, малой вероятности, которые обладают наибольшей информативностью. Подобное противопоставление выдвигает определенные элементы текста как более важные для его понимания, его декодирования [30, с. 132].

Сближая в тексте несовместимые языковые единицы, создавая сложные по семантике комплексы, организуя таинственную языковую игру как инструмент прагматического воздействия, автор предполагает, что читатель откроет в художественном произведении новые, нестереотипные смысловые повороты, связи и отношения. Адресант устремлен перевести адресата из мира физического в мир духовный, переключить его внимание от внешнего, событийного движения на внутреннее состояние сосредоточенности, молчания, созерцания, углубления в подчас непознаваемые в пределах человеческой логики и языка феномены.

И очевидно, прав Г.Г. Гадамер, утверждая, что некоторые стороны бытия скрыты от человека, все возможные связи необозримы и их еще необходимо раскрыть [31, с. 265]. В этом отношении важной представляется идея Д.Н. Шмелева, смысл которой заключается в том, что наряду с парадигматическим (вертикальным) и синтагматическим (линейным) существует третье измерение семантики – эпидигматическое. Оно вскрывает глубинные, не лежащие на поверхности, производные, вторичные смыслы, которые возникают в результате самого неожиданного сочетания и непредсказуемого сближения слов [32, с. 198, 199].

Это, в свою очередь, углубляет понимание феномена деформации, трансформирующей стандарт, обнаруживает неисчерпаемый креативный потенциал языка, его скрытые ресурсы. Следовательно, асистемность языка неправомерно трактовать как некий «изъян», так как именно способность преодолевать внутренние ограничения, создавать образцы зашифрованной подтекстовой информации в рамках художественной реальности воспринимается как новый способ преобразования воспринятой писателем действительности, как одна из возможностей увеличения смысловой насыщенности текста. Поэтому вслед за Р.И. Павиленисом можно констатировать, что понимание смысла языкового выражения и отождествление его со знанием правил его употребления имеет мало оснований и может рассматриваться как редукция, которая исключает возможность объяснения использования языка для выражения новой информации [33, с. 386-387].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ерофеева Е.В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4.
2. Скворцов Л.И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
3. Скворцов Л.И. Художественная литература и нормы языка // Русский язык: проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.
4. Кожин А.Н. Язык художественной литературы как эстетически стимулируемая форма существования литературного языка // Структура и функционирование поэтического текста: сб. статей. М., 1985.
5. Григорьев В.П. Язык художественной литературы // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
6. Высоцкая И.В. ... А есть ли асистемное? // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2007. Разд. 1.
7. Амосова А. Парадоксальный мир искусства // Эстетические очерки: сб. статей. М., 1980.
8. Яшина Е.А. Языковые средства создания алогизма в художественном тексте // Филологические науки. 2009. № 4.
9. Кравченко О.В. К вопросу об определении понятия лингвистический абсурд // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2007. Разд. 9.
10. Матвеева Е.Н. Языковая игра в поэзии Игоря Северянина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1.
11. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
12. Сквородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2.
13. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (имплицитные аспекты коммуникации). Ташкент, 1988.
14. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
15. Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: Типология, деривация и функционирование: сб. науч. трудов. Пермь, 1989.
16. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6.
17. Мурзин Л.Н. Указ соч.
18. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
19. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
21. Polenz P. Funktionsverben im heutigen Deutsch // Beihefte zur Zeitschrift "Wirkendes Wort". 1963. H. 5.

22. *Eco U. Der ästhetische Text als Erfindung // Eco Umberto. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. München, 1987.*
23. *Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.*
24. Там же.
25. *Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.*
26. *Eco U. Der ästhetische Text als Erfindung // Eco Umberto. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. München, 1987.*
27. *Голякова Л.А. Текст. Контекст. Подтекст. Пермь, 2002.*
28. *Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации). Ташкент, 1988.*
29. *Долинин К.А. Интерпретация текста. М., 1985.*
30. *Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М., 1990.*
31. *Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.*
32. *Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.*
33. *Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов: сб. статей. М., 1986. Вып. 17.*

УДК 811.512.37*81'373

Лиджиева Анна Сергеевна

аспирант кафедры русского языка и общего
языкознания гуманитарного факультета
Калмыцкого государственного университета
editor@hist-edu.ru

Lidzhieva Anna Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of the Russian
Language and General Linguistics of the Faculty of
Humanities, Kalmyk State University
editor@hist-edu.ru

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В КАЛМЫЦКОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ГЛАЗА»)

SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE TRADITIONAL KALMYK CULTURE (BY THE EXAMPLE OF THE LEXEME «EYES»)

В статье рассматриваются особенности текстового функционирования соматизма *нүдн* «глаза» в калмыцком языке. Впервые на материале фразеологии калмыцкого языка детально описываются и систематизируются соматические фразеологические единицы. Исследование проводится на основе семантической характеристики, рассматривается уникальная структура культуры народа. Установлено, что информация, заложенная в текст автором, организует в сознании читателя отображение действительности.

In the article the features of text functioning of the somatic phraseological unit *nudn* «eyes» in the Kalmyk language are considered. For the first time based on the material of the Kalmyk language phraseology the somatic phraseological units are described and systematized in detail. The research is conducted on the basis of the semantic characteristic; the unique structure of the people's culture is considered. It is established that the information put in the text by the author creates the reality representation in the consciousness of the reader.

Ключевые слова: калмыцкий язык, фразеология, названия частей тела, соматический, глаза.

Key words: Kalmyk language, phraseology, names of body parts, somatic, eyes.

Фразеология является сокровищницей языка, в ней отражается история народа, своеобразие культуры и традиционного быта. Фразеологизмы обладают ярко выраженным национальным характером, обозначают предметы, явления, ситуации, состояния человека. Особый интерес представляют соматические фразеологические единицы (далее – СФЕ), частотность которых объясняется тем, что человек познает мир через самого себя. И то, что ему ближе всего – части собственного тела он сравнивает с окружающими предметами, эмоциональным состоянием, различными ситуациями и т.д. Соматизмы становятся предметом пристального внимания ученых-лингвистов сравнительно недавно – в конце XX – нач. XXI вв. Это происходит с большим пониманием того, что невозможно изучать язык без его носителя. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом на материале монгольских языков рассматриваются в трудах Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, Э.Ч. Бардаева и других учёных. Однако изучение соматических фразеологических единиц в работах ученых носит лишь фрагментарный характер, нет комплексного изучения соматической лексики. Это вызвало необходимость выявить, систематизировать и описать калмыцкую соматическую фразеологию, показать спектр переносных значений отдельных лексем, обозначающих части тела человека.

Таким образом, изучение соматических фразеологических единиц (далее – СФЕ) позволит понять систему традиционно-народных менталитетов и национального мировосприятия. Широта связей СФЕ с окружающим миром также объясняется онтогенетическими функциональными свойствами частей тела человека. Материал почерпнут из сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая».

Рассмотрим соматизм «нүдн» – глаза. Глаза – парный орган зрения, находящийся на лице или передней части головы человека. Четкая функция данной лексемы как анатомического органа состоит в зрительном восприятии, в составе СФЕ «нүдн» – глаза употребляются в значении «орган зрения». С помощью глаз происходит зрительное восприятие окружающего мира, человек получает большую часть информации. В контексте данного семантического поля СФЕ можно разделить на несколько блоков: 1) *осмысление глаза как зрительного органа: буута нээжмн аңни баралх нүдн хурц, бичгтә ханьлсн күмни бодль тәрк хурц (у охотника, подружившегося с ружьём, глаза зоркие, у человека, подружившегося с грамотой, ум острый)* [1, с. 604], 2) способность глаз зрительно воспринимать очевидное, явное: *эврәннь нүдән үлүкн итк, күмни үгиг дуту итк (больше доверяй своим глазам, чем чужим словам)* [1, с. 408], 3) глаза отражают эстетические зрительные ощущения, содержат положительную оценку *өндр уул дээр нархла, нүднә сергмж, өвгн күүнлэ күүндхлэ, чеежин сергмж (взойдешь на высокую гору – глазам просмотр открывается, поговоришь со старцем – сердце наслаждается)* [1, с. 109].

Ученый А.П. Рифтин в качестве одной из существенных черт глаз называл «... зрительную

направленность, зрительную установку, неразрывно связанную с ориентацией в пространстве... восприятие представляет собой активное осознание выделяющегося предмета, включающее в себя понимание, осмысление объекта внимания, его анализ и синтез...» [2, с. 138]. Так, «нүдн» – глаза метафорически выступают как орган ментального зрения: *нүдндэн нүүнүл наасн, нүүртэн шикэ наасн (на глазах завеса, на лице кошма)* [1, с. 540].

Глаз как анатомический орган, выделяет слезную жидкость. Это относится к внешней характеристике глаза, через которую передаются внутренние переживания человека: *уульхин дурн бөөвл, сохр нүднэс нульмсн харна (если хочется плакать, то и из слепых глаз слезы текут)* [1, с. 412], т.е. беда способна вызвать слезы и у незрячего.

Много примеров в калмыцком языке, дающих оценочную характеристику поведению, характеру человека. Такие фразеологические единицы с компонентом-соматизмом преобладают по сравнению с другими: *мөңгн цаһан, нүдн улан (деньги серебряные, а глаза красные, алчные)* [1, с. 201], *чееж муңхгин нүдн сохр (у кого душевная слепота, у того глаза слепые)* [1, с. 237], *ховдгин нүдн номнд цадх уга, үквл шорад цадна (у жадного глаза ненасытны, после смерти земля насытит их)* [1, с. 497]. Глаз метафорически представляется как полость/вместилище, степень наполняемости/ненаполняемости и определяет степень жадности человека.

Через глаза передается любовь (*бүлэки нүдэр хэлэхлэ, иньгин седкл хандг (если смотреть нежным взглядом, то сердце любимого наполняется чувством благодарности)* [1, с. 393], *эзнэ нүдн – эм эдл (глаз хозяина лекарству подобен)* [1, с. 104], также отрицательные качества характера (*ичр угад нүдн уга (у бесстыжего нет глаз)* [1, с. 536], *дурн угад нүдн уга (у кого нет любви, у того нет и глаз)* [1, с. 412]. Обман, ненависть или издевательство над другими тоже передают глаза: *доһлңгин өмн көлөн өргж, сохрин өмн нүдэн аных (перед хромым – поднимать ноги, перед слепым – жмурить глаза)* [1, с. 411].

Глаза – уникальный орган человеческого тела, посредством которого индивид не только познает окружающий мир, но и проявляет свои душевные качества в разных ситуациях. «Нүдн» (глаза) являются важными выразителями чувств и эмоций, а потому велико количество СФЕ с данной лексемой. Глаз, наделенный различными характеристиками, участвует в описании личностных свойств своего владельца, например, умственные способности: *ухань сохр болвл, нүдн чиг сохр (когда сознание мутное, то и глаза мутные)* [1, с. 228], *ухан күрм уга һазрт нүдн күрдг уга (до чего умом не дойдешь, того глазами не увидишь)* [1, с. 222].

Глаза являются объектом метафоризации, «зеркалом души». Глазам в невербальном выражении отводится особая роль человеческих эмоций, они передают самую разнообразную информацию, являясь показателем внутреннего состояния человека. В зависимости от различных эмоций данная лексема и дифференцируется.

Богатство значений и многочисленность соматических фразеологических единиц с именным компонентом *нүдн* – «глаза» дают возможность говорить о значимости этих СФЕ в калмыцком языке. К тому же *нүдн* – «глаза» легко сочетаются с другими лексемами, образуя разнообразные семантические типы. Таким образом, преобладает семантический тип с главной функцией глаза – со способностью видеть. СФЕ, выражающие понятия «отношения между людьми» и «психологическое состояние человека» в калмыцком языке наиболее продуктивные: *шорьлңнд нүдн уга болв чиг үүрэн олна, буйнд нүдн уга болв чиг эзэн олна (букв.: хотя у муравьев нет глаз, но они находят свой муравейник, хотя у благодетеля и добродетели нет глаз, но они находят своего хозяина)* [1, с. 101] – надо делать друг другу добро. Есть примеры, когда плохого человека сравнивают с чем-то черным, творящим зло: *харңну сө нүдн уга, хар керэ зүсн уга (у темной ночи глаз нет, у черного ворона масти нет)* [1, с. 608], или в значении «ненадежный, пустой»: *хөлөвл хар нүдн, хатхвл хар зүсн (посмотришь – словно черные глаза, а ткнешь – черный клей)* [1, с. 341].

Важность глаз как одного из главных органов тела выражается в СФЕ, где глаза даже сравниваются с родиной: *төрскнэн эврәннь нүднлэ эдл хар (родину береги как зеницу ока)* [1, с. 104], т.е. нет ничего важнее глаз.

ФЕ с компонентами *нүдн* – «глаза» отличаются разнообразной семантикой. «Основное, что определяет развитую семантическую систему, порожденную словом 'глаз', и составляет ядро этого слова – это понятие «глубинной сущности вещей». На этой семантической основе развиваются дальнейшие образно-символические значения сложных комплексов, группирующихся вокруг данной лексемы. Глаз – это и «сущность мира (вселенной)» и «сущность души (зеркало души)», а следовательно, и сущность микросфер: характера и поведения человека» [3, с. 6].

Фразеологизмы с соматизмом «глаз» находят отражение и в паремиях со значением «желаемое». Это объясняется функционированием глаз – «их зрачки находятся в движении, останавливаясь на том объекте, который привлек внимание» [4, с. 91]. Всё, на чем остановится взгляд, как

правило, является желаемым: *хоолд орш уга хот нүднд бичэ үзгэдэ (пища, которую нельзя проглотить, пусть никогда не попадет на глаза)* [1, с. 613]. Человеку свойственно желать знакомые предметы, и это нашло отражение в калмыцком языке.

Если человек хочет доказать свою правоту, то он клянется самым главным: *үксн керэ нүдим чоңкэ (пусть мне мертвая ворона глаз выключит)* [1, с. 312]. Жизненные препятствия тоже сравниваются с чем-то, что может являться помехой для зрения: *нүднд өрсн бог, шүднд өрсн махн (попавшая в глаз соринка, застрявшее в зубах мясо)* [1, с. 616], *хоңцла эдл (как бельмо на глазу)* [1, с. 338].

В фокус внимания носителя языка и описание внешнего вида данного органа. Среди значений этой лексемы выделяется и семы «маленькая, округлая форма». Внешний вид глаз отражается с помощью соматической метафоры: *олни нүдн одта эдл (глаза людей словно звезды)* [1, с. 338]. Звезды издавна кажутся такими же маленькими, напоминающими по форме глаза. Это еще один пример того, что человек познает окружающий мир через сравнения с собственными частями тела.

Фразеологизм *нүдн ээмтхэ, һар бат (глаза боязливы, руки бесстрашны)* [1, с. 565] так же, как и в русском языке, употребляется в значении «не надо слишком драматично воспринимать предстоящую работу, не преувеличивать трудность чего-либо». Данный орган как бы присваивается и другим окружающими предметам, например, деньгам: *нүднд хонсн мөңгэнд нүдн уга (деньги не имеют глаз – не знают в чьих руках)* [1, с. 201]. Здесь дается отрицательная характеристика деньгам, точно также и оценивается человек: *ичр угад нүдн уга (у бесстыжего нет глаз)* [1, с. 536].

Таким образом, глаз дает эстетическую оценку внешнего вида объекта, он осмысливается как наиболее ценный орган. На основе осмысления процесса зрительного восприятия как включающего в себя «понимание, осмысление объекта внимания, его анализ и синтез» [2, с. 138] базируется метафорический перенос как органа, через которого передаются умственные способности, эмоциональное состояние человека. С помощью взгляда характеризуются и отношения между людьми. Стоит отметить, что методом сплошной выборки на материале сборника «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» нами было собрано 54 СФЕ в 441 их словоупотреблении, 47 из них составляют ФЕ с соматизмом «глаза».

Изучаемые СФЕ характеризуют человека в разных его проявлениях в соответствии с мыслями, чувствами и эмоциональным состоянием. С помощью соматизмов человек передает свои чувства, эмоции. Он использует СФЕ для описания всех сфер своей деятельности. Также ФЕ с компонентом-соматизмом характеризуют человека с точки зрения внешних и внутренних качеств. Фразеологические обороты постоянно возникают в речи, обогащая ее новыми выразительными средствами. Повышенная эквивалентность фразеологических единиц определяет высокочастотность соматизмов. Большой процент употребления СФЕ является характерной чертой фразеологической системы калмыцкого языка. ФЕ, функционируя в речи в составе предложений, свободных словосочетаний, включаются в семантические и грамматические связи с другими членами предложениями или компонентами словосочетания. В такие связи фразеологические единицы вступают как целостная единица, т.е. как слово со словом [6, с. 175].

Соматические фразеологические единицы включают в себя признаки, свойственные только для данного лингвокультурологического общества. В сознании носителей языка могут возникать ассоциации, не присущие тому или иному объекту. В связи с этим СФЕ дают представления о том, как отражается идея в различных культурно обусловленных ценностных ориентирах. Кроме того, соматические фразеологизмы имеют глубокие архаические смыслы познания человеком окружающей действительности, поэтому во фразеологии конкретного народа богато представлен национально-специфический материал. Данная лексика описывает мировосприятие носителя этнокультуры, дает четкое представление о способе моделирования окружающей действительности.

Изучение СФЕ позволит глубже рассмотреть проблемы национально-культурного своеобразия устойчивых выражений. К тому же калмыцкие соматизмы с точки зрения частотности еще не анализировались. Впервые на материале фразеологии калмыцкого языка мы детально описали соматизмы, систематизируя их в отдельные фразеосемантические объединения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б.Х. Тодаевой. Элиста, 2007.
2. Рифтин А.П. Категория видимого и невидимого в языке // Ученые записи ЛГУ. Сер. фил. наук. 1946. вып. 10, № 46.

3. *Авалиани Ю.Ю.* Из этюдов по соматической фразеологии иранских языков // Труды СамГУ. Новая серия. «Вопросы востоковедения». Вып. 279. Самарканд, 1976.
4. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
5. *Anthony Paul Cowie.* Phraseology: Theory, Analysis, and Applications. Oxford, 1998.
6. *Гасанова С.Н.* Синтаксис фразеологических единиц агульского языка // Вестник адыгейского государственного университета. Сер. 2. № 1. Майкоп, 2012.

УДК 81-11

Носова Людмила Николаевна

аспирант кафедры романской филологии
Института иностранных языков Московского
Городского Педагогического Университета
editor@hist-edu.ru

Nosova Lyudmila Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of Romance
Philology of the Institute of Foreign Languages of
Moscow City Pedagogical University
editor@hist-edu.ru

ОСОБЕННОСТИ АДРЕСАЦИИ В ПИСЬМЕННОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ADDRESSING FEATURES IN A WRITTEN PHARMACEUTICAL DISCOURSE

В данной статье анализируется фармацевтический дискурс и один из его основных жанров – инструкция по применению лекарственных средств. Выявляется принадлежность фармацевтического дискурса к институциональному. Объектом исследования является коммуникация в предметной сфере «фармация». Исследуется феномен речевого воздействия и специфика адресации в текстах Инструкций.

Ключевые слова: фармацевтический дискурс, Инструкция, речевое воздействие, адресант, адресат.

In the given article the pharmaceutical discourse and one of its main genres, i.e. the instruction for medicinal agents application are analyzed. The belonging of pharmaceutical discourse to the institutional one is revealed. The object of the research is communication in the sphere of "pharmacy". The phenomenon of linguistic manipulation as well as addressing features in the texts of instructions are considered.

Key words: pharmaceutical discourse, instruction, linguistic manipulation, addresser, recipient.

В рамках сферы фармацевтического институционального общения актуальной является проблема достижения эффективности речевого воздействия на человека или группу людей посредством определенных текстов. Изучением языка как средства воздействия и интеракции занимается такая дисциплина, как прагмалингвистика (или теория речевого воздействия), основной целью которой является создание модели языка как средства воздействия. Речевое воздействие представляет собой одну из сторон речевого общения, что подтверждается позицией Л.Л. Федоровой, которая трактует речевое воздействие как «речевую форму речевого социального воздействия, иначе говоря, как однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие говорящего на собеседника в процессе общения» [1, с. 46]. В нашем случае, эффективным средством воздействия выступает инструкция по медицинскому применению лекарственных средств (далее – *Инструкция*), в которой анонимный автор текста всегда имеет в виду не только потенциального потребителя, но и воздействие на него.

Инструкция является одним из жанров фармацевтического дискурса (далее – ФД), который можно отнести к массово-информационному социалингвистическому типу институционального дискурса [2, с. 299]. Его доминирующая функция – информативная. Анализируемые нами тексты *Инструкции* мы определяем как информационно-убеждающие, поскольку их основное назначение – информировать, предоставляя исчерпывающую информацию о медицинском продукте, а также убеждать выполнять рекомендации по применению лекарственных средств.

Коммуникацию в фармацевтической области мы рассматриваем как массовую, прагматический признак которой – систематическое распространение имеющих социальную значимость сообщений, с целью удовлетворения информационных *потребностей* массовой *аудитории* (широких слоев населения) и воздействия на поведение, мнения людей относительно необходимости/важности приема лекарственных средств. В таком контексте *Инструкция* выступает важным средством воздействия. Рассуждая о текстах в сфере массовой коммуникации, Т. ван Дейк подчеркивает, что их можно анализировать как случай «особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности» [3, с. 111]. Добавим, что в нашем случае такой специфической деятельностью является оказание медицинской помощи, которая связана с использованием фармацевтической продукции.

Принимая изложенные точки зрения, полагаем, что эффективность речевого воздействия в массовой фармацевтической коммуникации прямо зависит не только от особенностей самого общения, качества предоставляемой информации, но и от адресата сообщения. Важным в речевом взаимодействии является, по мнению Л.А. Киселевой [4, с. 6], адекватное понимание высказывания, которое может произвести неодинаковый прагматический эффект на массовую аудиторию и даже на единичного адресата в различных конкретных ситуациях. Это обусловлено, по мнению лингвиста, многими факторами: жизненным и социальным опытом, его ценностными ориента-

циями и сиюминутными целями и пр.

Невзирая на то, что целевая аудитория в ФД – это люди, у которых имеется потребность поправить свое состояние здоровья, адресант учитывает и социокультурные факторы адресата, а именно: гендерный аспект, возрастные различия, профессиональный род деятельности. Полагая, что адресант ориентируется на стандартные и предсказуемые типовые ситуации приема лекарственных средств, равно как и специфического адресата в соответствии с его полом, возрастом или профессией. В таком случае предуведомление может оформляться специальным подзаголовком с указанием адресации.

Учет гендерных особенностей проявляется в ФД за счет распределения информационных блоков. Например, каждая *Инструкция* содержит информацию, предназначенную **только женщинам**. Во французском ФД она отражается наличием такого информационного блока, как «*Grossesse et allaitement*» (беременность и период кормления грудью; здесь и далее перевод наш. – Л.Н.), который в свою очередь является подпунктом главы «*Quelles sont les informations à connaître avant d'utiliser ...*» (что необходимо знать прежде, чем принимать ...):

1. *Grossesse et allaitement* (беременность и период кормления грудью)

Ne prenez pas ce médicament sans avoir demandé l'avis de votre médecin ou de votre pharmacien (не принимайте данный препарат не проконсультировавшись с вашим лечащим врачом или фармацевтом)

Grossesse (беременность)

Par mesure de précaution, il est préférable de ne pas utiliser ce médicament pendant la grossesse. Si vous découvrez que vous êtes enceinte pendant le traitement, consultez votre médecin car lui seul peut juger de la nécessité de poursuivre le traitement (Из предосторожности нежелательно принимать данный препарат во время беременности. Если вы обнаружили беременность во время лечения, проконсультируйтесь с вашим лечащим врачом, т.к. только он может оценить необходимость продолжать лечение)

Allaitement (период кормления грудью)

Il est préférable de ne pas utiliser ce médicament et en aucun cas il ne devra être appliqué sur les seins (лучше не использовать данный препарат и в любом случае не следует наносить его на грудь) [Vicks Vaporub 2009: 2].

В приведенном примере из конкретной *Инструкции* видно, что внимание на данные блоки привлекается с помощью параграфических средств, а именно: курсив и подчеркивание. Помимо предостережения, данного в рубрике «Беременность и кормление грудью», далее видим более подробное изложение для конкретного периода беременности. Считаем, что подобное явление служит облегчению поиска нужной для адресата информации.

Учет возрастных особенностей представлен в текстах французских *Инструкций* блоком «*Comment utiliser ...?*» (как использовать ...?), информация в котором дает указание на возраст потребителя:

1. *ce médicament est RESERVE A L'ADULTE ET A L'ENFANT DE PLUS DE 6 ANS* (данный препарат предназначен для взрослых и детей старше 6 лет) [Vicks Vaporub 2009: 2].

Замечаем, что в данном примере адресация также выделяется параграфически – прописными буквами, что способствует привлечению особого внимания на конкретные возрастные рамки.

В текстах отечественных *Инструкций* **возрастные разграничения** встречаем в блоке «Способ применения и дозы»:

1. Взрослые и дети старше 6 лет: применять капли Називина 0,05% по 1-2 капли в каждый носовой ход 2-3 раза в день.

Дети от 1 года до 6 лет: применять капли Називина 0,025% по 1-2 капли в каждый носовой ход 2-3 раза в день.

Дети до 1 года: дети в возрасте до 4 недель — назначают по 1 капле Називина 0,01% в каждый носовой ход 2-3 раза в день. С 5-ой недели жизни и до 1 года — по 1-2 капли в каждый носовой ход 2-3 раза в день [Називин: 1].

Учет профессиональной деятельности потребителя обусловлен во французском ФД наличием информационного блока «*Conduite de véhicules et utilisation de machines*» (вождение автомобилями и управление механизмами), который также является подпунктом главы «*Quelles sont les informations à connaître avant d'utiliser ...*» (см. выше):

1. *L'effet de Caltrate Vitamine D3 sur l'aptitude à conduire des véhicules ou à utiliser des machines n'a pas été étudié. Toutefois, aucun effet n'est connu ni attendu* (влияние препарата Caltrate Vitamine D3 на способность к вождению автомобилей и управлению механизмами не было изучено. Тем не менее, подобных случаев до настоящего времени зафиксировано не бы-

ло) [Caltrate Vitamine D3 2007: 2].

Не смотря на то, что адресант ФД прогнозирует наличие полиадресата и дифференцирует информацию текста *Инструкции* по указанным выше параметрам, для адекватного восприятия текста необходимо также наличие:

- фоновых знаний среднестатистического потребителя в фармацевтической области,
- прагматической заинтересованности адресата (получить исчерпывающие сведения по применению данного препарата, способствующего выздоровлению),
- умения адресата понимать специальную терминологию и следовать указаниям специалистов.

Нами было установлено, что эффективность фармацевтического текста зависит во многом от качества представленной в тексте *Инструкции* информации. Мы рассматриваем общение в фармацевтической области как разновидность официально-делового стиля, который формируется для коммуникативного обслуживания медицинской сферы и назначение которого заключается в обеспечении медицинской регламентации общественных отношений, а именно – регулирование взаимодействия участников ФД.

В ситуации дистантной и опосредованной коммуникации важная роль принадлежит дискурсивной категории авторитетности [5, с. 237; 6, с. 77], когда адресант выступает непререкаемым авторитетом, носителем специального знания, недоступного большинству аудитории в предметной сфере «фармация». Ученые отмечают, что отсутствие обратной связи в полном объеме поддерживает данное мнение.

Субъект речи ФД имеет конкретную прагматическую целенаправленность (определенным образом воздействовать на убеждение, волю и поведение адресата). Это приводит к тому, что информативная языковая подсистема выполняет одновременно и функцию прагматическую, причем эффективность ее прагматического использования обусловлена именно «информативной видимостью» (фактологичностью, индифферентностью по отношению к убеждению), т.е. она имеет заданность на информирование, доведение до сведения адресата без расчета на регуляцию поведения [4, с. 14]. Таким образом, полагаем, что в ФД преобладают в равной степени информативная и прагматическая константы.

Считаем, что одним из ведущих видов воздействия в ФД является «убеждение через информирование», которое предполагает два пути реализации:

- 1) сообщение новых, заведомо неизвестных сведений адресату, что способствует выработке знаний («*élaboration de connaissances*» [7, с. 19]) о лекарственном средстве;
- 2) сообщение новой информации об уже известных адресату вещах, причем такой, которая объективно существенна для понимания этих вещей в их взаимосвязи, способна изменить представление адресата об их взаимосвязи и, следовательно, его отношение к этим вещам (фактам, событиям, элементам действительности) [8, с. 173].

Информирование о возможности последствий приема лекарств для определенных социальных групп имеет свою прагматику – привлечение внимания к определенному классу лиц. При этом немаловажную роль в плане адресации играет привлечение внимания адресата за счет визуализации информации, «реализуемой посредством невербальной тактики графического оформления текста» [6, с. 82] – шрифт, подчеркивание, специальная рубрикация и др.

Заклучим, что особенности адресации в ФД предполагают речевое воздействие, которое направлено на достижение неречевых целей. Данная направленность может быть понята как регуляция поведения адресата ФД. Речевое воздействие на адресата может осуществляться, таким образом, посредством информирования, побуждения и предупреждения о возможных осложнениях при приеме лекарств определенных групп населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград, 2002.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия: монография. Л., 1978.
5. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж, 2010.
6. Левицкий А.Э. Коммуникативные особенности адресации в профетическом дискурсе // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012.
7. Lerat P. Les langues spécialisées. Paris, 1995.
8. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М., 1999.

УДК 811.11-112

Шустова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, и.о. профессора
кафедры истории и межкультурной коммуникации
Некоммерческого партнерства высшего
профессионального образования «Прикамский
социальный институт» (г. Пермь)
editor@hist-edu.ru

Shystova Svetlana Viktorovna

Doctor of Philology, Acting Professor of the
Department of History and Cross-Cultural Commu-
nication, Non-Commercial Partnership of Higher Vocational
Education "Prikamsk Social Institute", (Perm)
editor@hist-edu.ru

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ
ПОТЕНЦИАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ
(НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ)**

**ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL
POTENTIAL OF THE LINGUISTIC UNIT
(BY THE EXAMPLE OF SEMANTIC AND
SYNTACTIC VALENCIES)**

В настоящей статье рассматривается вопрос, касающийся определения понятия «функциональный потенциал» на примере семантической и синтаксической валентности. Функциональный потенциал трактуется как комплекс функций языковой единицы, которые возможны для данной единицы и программируют ее поведение в речи. Семантическая и синтаксическая валентность включаются автором в сферу валентностного потенциала, как элемента функционального потенциала.

The given paper considers the issue concerning the definition of the term 'functional potential' based on the example of semantic and syntactic valencies. Functional potential is interpreted as a complex of potencies of the linguistic unit, which are feasible for the given unit and program its behavior in speech. Semantic and syntactic valencies are included by the author in the field of valency potential as an element of functional potential.

Ключевые слова: функция, функциональный потенциал, семантическая валентность, синтаксическая валентность, глагол, актант.

Key words: function, functional potential, semantic valency, syntactic valency, verb, actant.

Функционализм, с одной стороны, представляет собой довольно сложное направление в лингвистике, а, с другой, по словам Е.С. Кубряковой, кажется достаточно ясным на интуитивном уровне. Его можно трактовать как такой подход в науке, когда центральной проблемой становится исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению. Общим постулатом функциональной лингвистики является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка. Е.С. Кубрякова считает, что функционализм, – как и антропоцентризм, оказываются допущениями о природе и организации языка, которые помогают понять, с какими функциональными, биологическими, психологическими и социальными ограничениями должна столкнуться коммуникативная система как в своем происхождении, так и в своем реальном использовании [1, с. 55-56]. По мнению В.Б. Касевича, функционализм, понимаемый по-разному и представленный в разных лингвистических школах и направлениях, выдвигается в современной лингвистике на лидирующие позиции. Функциональный подход предполагает ответы на вопросы «зачем?», «как?», «зачем, для чего, для получения какого результата существует данный элемент, конструкция, система?» и «как они выполняют задачу, для реализации которой существуют, какие свойства при этом проявляют?» [2, с. 61-62].

Функциональный подход, таким образом, предполагает исследование всех потенциальных свойств языковой единицы, то есть формирование ее функционального потенциала. Каждая языковая единица наделена определенной функцией, назначением, целью. Функции языковой единицы, по словам А.В. Бондарко, выступают, с одной стороны, как потенциальные назначения, цели, обуславливающие определенные типы функционирования или способы поведения данной единицы, с другой – как процессы и результаты реализации этих потенций в речи [3, с. 84]. В связи с вышеизложенным А.В. Бондарко в понятии функции выделяет «аспекты потенций» и «реализации». Функциональный потенциал трактуется ученым как комплекс аспектов потенций (функциональных потенций), которые возможны для языковой единицы и программируют ее поведение в речи [4, с. 85].

При этом в фокусе внимания оказываются не только семантические, но и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные функции. В связи с этим считаем допустимым говорить о семантическом, эмоциональном, экспрессивном, стилистическом, структурном потенциалах,

представляющих в своей совокупности функциональный потенциал. Мы считаем, что сфера функционального потенциала языковой единицы может быть расширена за счет включения новых элементов, например, такого как валентностный потенциал. Это может быть связано, с нашей точки зрения, с функциональным потенциалом в целом, так как валентностный потенциал предусмотрен на уровне слова и проецирован на высказывание. Введение понятия «функциональный потенциал» в лингвистический обиход становится особенно актуальным на основании того, что «владение таким (*функциональным* – С.Ш.) потенциалом входит в языковую компетенцию говорящего и определяет выбор конкретного языкового средства» [5, с. 85].

Каждая языковая единица обладает определенным семантическим и синтаксическим потенциалами. Актуализацией функционального потенциала является дистрибуция, участие языковой единицы в тех или иных контекстах, в той или иной среде (в терминологии А.В. Бондарко). Как подчеркивает В.Б. Касевич, и мы полностью разделяем его точку зрения, наличие «веера функций», присущих языковым единицам всех уровней, ведет к гибкости языковой системы. Единица каждого уровня релятивизирована относительно контекста единиц более высокого уровня, именно и только в соответствии с окружением она получает определенность – вплоть до текста, окружением (контекстом, средой) для которого служит внеязыковая ситуация. Ступенчатое «вкладывание» единиц в контексты уровней возрастающей сложности снимает неопределенность, размытость, по природе своей свойственную любой языковой единице [6].

Понятие валентностного потенциала соотносится с понятиями семантического и синтаксического потенциалов. Под семантическим потенциалом мы понимаем совокупность семантических потенциалов языковой единицы, которые актуализируются в различных типах среды и расширяют, таким образом, семантический объем языковой единицы. Синтаксический потенциал рассматривается как совокупность синтаксических потенциалов языковой единицы. Семантический и синтаксический потенциалы тесным образом связаны с семантической теорией валентности.

Термин «валентность» (от лат. *valentia* – сила) заимствован в лингвистику из химии, в которой валентность рассматривается как способность атома химического элемента образовывать химические связи с другими атомами. В биологии валентность, или «экологическая пластичность», является собой степень приспособляемости животного к условиям среды. В лингвистику термин «валентность» был введен в 1948 г. С.Д. Кацнельсоном в статье «О грамматической категории» [7] и впоследствии более глубоко разработан в книге «Типология языка и речевое мышление» [8]. Валентность, по мнению С.Д. Кацнельсона, органически связана с концепцией членов предложения и классификацией лексических значений. Предложенное С.Д. Кацнельсоном определение валентности уже тогда связывалось со значением слова: «... полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализовываться в предложении, и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [9, с. 132]. Более позднее определение валентности было более лаконично: «валентность – это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова». Для семасиологии очень важно замечание ученого о том, что валентность есть свойство значения, в котором существуют «пустые» места, нуждающиеся в восполнении. Валентность – имплицитно содержащееся в слове указание на необходимость восполнения его другими словами определенных типов в предложении [10].

Существенный вклад в развитие концепции теории валентности внес В.Г. Адмони, рассматривающий обязательную сочетаемость разрядов и форм слов как важный способ организации развернутых синтаксических единиц. По его справедливому замечанию, форма слова, вводимая в предложение или словосочетание, не обуславливает завершенность конструкции, так как требуется введение еще других форм. Эта структурная недостаточность особенно четко проявляется в отношении функционирования главных членов предложения, в первую очередь, глагольного сказуемого [11, с. 25]. Особо следует подчеркнуть мысль ученого относительно завершенности конструкции. В высказывании актуализируются лишь те смысловые компоненты, которые релевантны для говорящего, поэтому право выбора тех или иных языковых средств остается за говорящим. Именно он, будучи носителем языковой компетенции, будет определять, с помощью каких языковых средств будет реализована интенция. Рассматривая необходимость введения в предложение тех или иных компонентов, следует обратить внимание и на контекст / ситуацию, поскольку обязательная проекция на соответствующую сочетающуюся форму содержится в введенных в предложение формах. Реальное смысловое наполнение проецируемая форма получает из контекста / ситуации.

Валентностный потенциал предполагает учет специфики семантического и синтаксического потенциалов. В этом отношении считаем возможным говорить о том, что семантический потенциал языковой единицы соотносится с понятием семантической валентности, а синтаксический потенциал – с понятием синтаксической валентности. Базой для определения понятий семантическая и синтаксическая валентность являются философско-языковые категории плана выражения и плана содержания (означающего и означаемого).

Семантическая валентность отражает количество участников (актантов) обозначаемой языковой единицей, например, глаголом, ситуации и их семантические роли. Семантическая валентность слова рассматривается как способность слова связываться синтаксически с любым словом, в значение которого входит определенный семантический признак [12], это любая переменная, входящая в толкование (описание, значение) [13].

Синтаксическая валентность – это заполнение существующих позиций участников ситуации конкретными синтаксемами, «это морфолого-синтаксические структуры, реализующие семантические валентности в плане выражения, то есть на поверхностном уровне» [14, с. 14-15; 15].

Семантический и синтаксический потенциалы включают реализацию семантических и синтаксических актантов. Так, например, можно наблюдать прямое соответствие актантов. В прототипическом случае семантические и синтаксические актанты глаголов находятся в отношении взаимодозначного соответствия: каждому семантическому актанту лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический [16]. Ю.Д. Апресян приводит в качестве примера группу глаголов *прибивать, привинчивать, приклепывать, пришивать* с пятью семантическими и пятью синтаксическими актантами: агенс (кто), пациенс (что), пациенс (место (к чему)), инструмент (чем – молотком, отверткой), средство (чем – гвоздями, шурупами) [17].

Так, применительно к отдельному классу глаголов могут быть выделены прототипические и непрототипические актанты. К прототипическим актантам мы будем относить актанта-субъект (агенс, агентивный участник ситуации), актанта-объект (пациенс, пациентивный участник ситуации). Особый интерес в настоящее время вызывают непрототипические актанты (в терминологии Ю.Д. Апресяна «новые или обновленные актанты»). Например, актанта-средство (опредмеченная актуализация инструментального значения), актанта-способ (неопредмеченная актуализация инструментального значения), выделяемые для каузативных глаголов поля речи [18]; актанта-ризонт, актанта-дескриптив, актанта-локатив, актанта-атрибутив для глаголов с инкорпорированными актантами [19]. Мы считаем, что номенклатура семантических актантов может быть значительно расширена на основании того, какой принцип положен в основу семантической классификации глаголов. Так, например, Ю.Д. Апресян к новым семантическим ролям актантов относит следующие: 'Аудитория' (*чваниться перед кем-либо, рисоваться перед кем-либо*), 'Значение параметра' (*вмещать два литра, стоить сто рублей*), 'Мотивировка' (*арестовать за участие в драке, наградить за преданность*), 'Опора' (*вешать на стену, лежать на диване*), 'Инструмент' (*рыть лопатой, стрелять из пушек*), 'Признак' (*выбирать по цвету, отличаться по размеру*), 'Содержание' (*запрещать выходить из дому, ошибаться, думая, что Р*) и т.д. [20].

Появление непрототипических актантов обусловлено, прежде всего, функционированием языковой единицы в речи. Изменения, происходящие в валентностном потенциале, непосредственно связаны со сложными изменениями валентности в целом [21, с. 70-75]. С одной стороны, может наблюдаться уменьшение валентности (в случае с глаголами с инкорпорированными актантами). С другой стороны, увеличение валентности может происходить в случаях наследования актантажной структуры глагола (*to butter with*); вследствие семантического развития глаголов с инкорпорированными актантами (*to salt clouds with silver iodide*); как результат метафоризации значения глагола (*Albertans whose bread is buttered with tourism dollars are noticing a drop in American visitors this summer*).

Таким образом, изучение функционального потенциала языковой единицы с позиций семантической теории валентности и теории членов предложения позволяет расширить рамки исследования и включить в сферу функционального потенциала валентностный потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кибрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики: уч. пособ. / сост. Л.Н. Чурилина. 4-е изд. М., 2009.
2. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
3. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004.
4. Там же.

5. Там же.
6. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
7. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
9. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
10. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
11. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / под общ. ред. члена-корр. АН СССР В.М. Жирмунского, проф. М.М. Гухман, проф. С.Д. Кацнельсона. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
12. Валентность (лингвистика) URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 16.07.2013 г.)
13. Валентность. URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax/04_Aktanty_i_semroli.pdf (дата обращения 16.07.2013 г.)
14. Ферм Л. Вариативное, беспредложное управление в русском языке XVIII века. Mudding, 2005.
15. Казачук И.Г., Николаева В.Л. Синтаксическая и семантическая валентность фразеологических единиц «прибирать / прибрать к рукам» и «сбывать / сбыть с рук» URL: http://www.rusnauka.com/27_SSN_2012/Philologia/4_116726.doc.htm (дата обращения 16.07.2013 г.).
16. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006.
17. Там же.
18. Шустова С.В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2000.
19. Смирнова Е.А., Шустова С.В. Валентностный потенциал глаголов с инкорпорированным актантом-локативом // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5.
20. Апресян Ю.Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2007.
21. Шустова С.В., Смирнова Е.А. Функциональные свойства глаголов с инкорпорированными актантами // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: Научный журнал. 2013. № 2. Т. 1. Филология.

Философские науки

УДК 111.1

Биричева Екатерина Вячеславовна

аспирант кафедры онтологии и теории познания
департамента философии Института социально-
политических наук Уральского
Федерального Университета
editor@hist-edu.ru

Biricheva Ekaterina Vyacheslavovna

Postgraduate Student of the Department of Ontology
and Epistemology, Department of Philosophy of
the Institute of Social and Political Sciences,
Ural Federal University
editor@hist-edu.ru

**ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО
КАК ИНОГО СПОСОБА БЫТИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ «ПРИСПОСОБЛЕНИЯ»**

**THE PROBLEM OF UNDERSTANDING OF
THE OTHER AS ANOTHER WAY OF
EXISTENCE: METHODOLOGY OF
“ADAPTATION”**

В статье рассматриваются онтологические аспекты проблемы понимания Другого с позиции авторской концепции «приспособления». Методология приспособления позволяет выявить онтологические основания таких подходов к пониманию, как экзистенциально-феноменологический, герменевтический и топологический. Понимание связано с творчеством смысла, действием осмысления, которое на онтологическом уровне объединяет уникальные способы бытия.

The article considers ontological aspects of the issue of understanding the notion of “the Other” from the perspective of the author’s concept of “adaptation”. The methodology of “adaptation” allows to reduce the ontological bases for such approaches to understanding as existential-phenomenological, hermeneutical as well as topological. The understanding is connected with the production of sense, action of comprehension which unites the unique ways of being at the ontological level.

Ключевые слова: понимание, Я, Другой, субъект, смысл, методология приспособления.

Key words: understanding, Self, the Other, subject, sense, methodology of adaptation.

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ

Актуальность темы исследования обусловлена остротой постановки проблемы понимания в контексте современности. Вопросы, связанные с пониманием, возникают в различных аспектах человеческого бытия: правовом, политическом, социальном, педагогическом, психологическом и др. Очевидна необходимость разработки методологических оснований понимания, систематизации способов осуществления понимания на различных уровнях реальности – от научного до повседневного. Представляется, что данную задачу необходимо решать, прежде всего с позиции философского осмысления в онтологическом плане, проясняющем фундаментальную проблематику бытия и его смысла, поэтому решение проблемы понимания оказывается невозможным вне обращения к исследованию ее онтологического уровня.

В онтологическом плане сегодня также проблематизируются фундаментальные философские понятия «Я», «субъект», «Другой». В ряде современных подходов происходит отказ от данных категорий в свете признания их вторичности по отношению к властным структурам дискурсов, идеологических и социальных порядков, в которых растворяется идентичность, отчуждается целостное Я. Категория Другого и его онтологический статус также оказываются под вопросом. Черты Другого приобретает не только другое Я, но и дискурс, группа, социальный институт. Тем не менее, невозможно отказаться от постановки проблемы конструирования отношения между Я и Другим, поскольку неустраним онтологический уровень вопрошания о смысле бытия, к которому каждый мыслитель, так или иначе, выходит в индивидуальном порядке. *Понимание собственного Я становится возможным лишь наряду с осуществлением осмысления онтологической ситуации Другого в модусе совместного бытия.*

В связи с этим целью нашего исследования является разработка методологии, на основе которой можно осуществлять понимание Другого как иного по отношению к Я способа бытия во всей его многогранности. Необходимо использовать комплексный подход для постановки и решения проблемы понимания, который будет совмещать продуктивность и результативность взаимно дополняющих современных методологий. В ходе настоящего исследования предлагается обратиться к проблеме понимания с позиции авторской концепции приспособления, которая основана на осмыслении онтологической ситуации и способов вопрошания о бытии.

Выходя к своим онтологическим основаниям, Я обнаруживает себя в предельной ситуации, перед лицом «угрозы небытия» (П. Тиллих), поскольку Я ощущает бытие во всей его полноте од-

новременно с невозможностью выразить это ощущение. Но выход к онтологической ситуации не разрушает Я, а, напротив, открывает пространство для самоорганизации. Поскольку положение Я в бытии оказывается «заданным» топологически в качестве *определенной точки зрения*, то в стремлении к полноте бытия Я обнаруживает фундаментальную двойственность: невозможность ни выразить бытие во всей полноте, ни абсолютно раствориться в нем. Однако заданность топологического положения Я не оборачивается несвободой. Внутри заданной склонности к тому или иному самовыражению (онтологической интуиции) обнаруживается активность, способная к вопрошанию о бытии, а также организующая и ограничивающая пространство индивидуального Я. Это *способ бытия* Я, его *субъект*, в смысле онтологического основания, который, в отличие от новоевропейского «мыслящего сознания», не центрирован в Я, но образует «поверхность» последнего, а также несубстанциален, поскольку представляет собой *образ действия* и является динамически становящимся и изменяющимся в соответствии с множественностью и гетерогенностью самого бытия. Субъект как осуществление способа бытия есть *приспособление* Я к ситуации «угрозы небытия» – *разворачивание конкретного способа быть*, способа *задаваться* собственным вопросом о бытии и отвечать на него определенным образом в противопоставлении небытию.

В силу того, что каждому присущ в бытии тот или иной способ самоосуществления, Другому, также выходящему на онтологический уровень, свойственен иной, по отношению к Я, способ бытия. Тогда в рамках онтологической ситуации приспособление одновременно с открытием собственного способа бытия оказывается и поиском способа понять Другого в его топологически уникальной точке зрения, разворачивающей также собственный способ самовыражения. В этом, на наш взгляд, заключается проблема понимания. Понимание является «положительным» результатом действия *о-смысления*. Но онтологически «производство смысла» (Ж. Делёз) происходит как выражение *уникальной точки зрения*, поэтому смысл не может быть как «передан» Другому в некоем готовом виде, так и «усвоен» в качестве универсального, но должен *производиться понимающим в творческом акте*. Так, проблема понимания предстает во всей своей парадоксальности. С одной стороны, методологически каждый уникальным способом осуществляет понимание Другого, поэтому невозможно создать универсальную концепцию понимания. С другой стороны, общие онтологические основания понимания все же могут быть найдены и заключаются в признании способности о-смысления как специфической черты человеческого способа бытия, в целом.

Концепция приспособления также предлагает вариант методологии понимания, заключающейся в рассмотрении онтологической ситуации, в которой оказывается тот или иной заключитель. Методология приспособления позволяет, с одной стороны, «заглянуть» в онтологическую ситуацию мыслителя с целью осуществить понимание его позиции, с другой стороны, показать продуктивные стороны таких методологий, направленных на понимания Другого, как экзистенциально-феноменологическая (позволяет проработать постановку вопроса о бытии), герменевтическая (предлагает подход к интерпретации в историческом контексте) и топологическая (открывает возможности «проблематической» организации исследования и конструирования структур со-бытия). Данные подходы объединяет не только проблема понимания, в целом, исследование которой характерно и для ряда иных современных направлений, но, в частности, обращение к категории «вопрошания» в *онтологическом плане*, связь феномена понимания с *осмысленностью* как главной чертой человеческого способа бытия, а также интерес к прояснению статуса Другого и специфике конструирования *отношения «Я – Другой»*.

Считается, что с хайдеггеровской постановки вопроса о смысле бытия начинается современная экзистенциально-феноменологическая философия. *Вопрос о смысле бытия* является предельным онтологическим вопросом, который М. Хайдеггер не только обозначает как собственный вопрос, возникающий в его онтологической ситуации, но и проясняет в своей постановке в качестве фундаментального вопрошания о бытии вообще. С точки зрения мыслителя, постановка онтологического вопроса предполагает, в первую очередь, «доонтологическое» понимание [1, с. 12], что означает раскрытие бытийного вопроса в свете определенной *интуиции*, обнаруживающей себя в онтологии Хайдеггера как *временность* [1, с. 17]. «Угроза небытия» для мыслителя возникает в *форме недостижимости полноты бытия и в понимании неизбежности смерти*. В этой онтологической ситуации дается время, делающее Я открытым, способным к прояснению и преодолению собственной онтологической ситуации, несмотря на осознание временности существования.

Смысл бытия для Хайдеггера связан именно с временностью, поскольку ощутить и прояснить смысл собственного существования Я становится способно, лишь осуществляя свой способ бытия, предполагающего вопрошание о бытии. Понятность бытия на доонтологическом, интуитивном уровне не дает каждому в рамках принципиальной «ограниченности», неполноты присутствия

как бытия-в-мире глубинным образом прочувствовать собственную онтологическую ситуацию. Однако человеческая задача, по мысли Хайдеггера, заключается как раз в «заступании», вы-ступании из самопонятности мира к чистой экзистенции, бытию во всей его полноте. В свете *интуиции временного* разворачивается хайдеггеровский способ бытия – *экзистирование*, которое представляет собой действие стремления Я по направлению «из» мира к чистой экзистенции, «путь», пролегающий через язык и внутри его «среды». И путь этот разворачивается в осуществлении понимания. Тем не менее, понимание не есть интуитивная понятность бытия, но усилие, действие творчества смысла, которое должно непрерывно *совершаться*.

В рамках разворачивания интуиции временного понимание Другого оформляется в онтологии Хайдеггера как движение в историческом времени, которое предполагает осмысление бытийной среды «эпохи» Другого, погружение в особенности его родного языка, раскрытие онтологических категорий, занимающих важное место в творчестве этого Другого. Так, методом прояснения мысли Другого в историческом контексте становится интерпретация, которая не означает закрепления тех или иных смыслов за идеями Других, но осуществляется как динамический способ, некий «живой диалог» с автором. Таким образом, осуществляя понимание Другого, Хайдеггер «приспособливается» к мыслителю своим способом: он «переводит» идеи Другого на свой язык. Хайдеггер, исследуя тексты Других, стремится «более изначально» понимать их мысли, воссоздавать идеи Других в их первозданности [2, с. 186].

Однако подход, разработанный Хайдеггером, – один из ряда возможных способов понимания. К примеру, в противовес герменевтически ориентированному прояснению позиции Другого постструктурализм проявляет в понимании текста активность дешифровки и деконструкции, также обнаруживающих своеобразный «перевод» мысли автора на язык постструктуралистов. Последнее не заявляет претензий на изначальное, безошибочное понимание Другого и сохранение первозданности его мысли. Мысль интересна данным философам не «сама по себе» в качестве исторически воспринятой идеи, но как некий материал для переработки, вдохновляющий на собственное творчество смысла. Несомненно, в рамках обращения к идеям Других Хайдеггер тоже выражает собственную мысль, но, высказывая новое, он идет другим путем. Его методологию обуславливает интуиция времени, трансформирующего исследуемое понятие, а не топология проблем, взаимодействующих в общесмысловом пространстве. В своих рассуждениях Хайдеггеру нужно сначала как можно чище понять мысль Другого во всей ее временной обусловленности: «яснее взглянуть в то самое, что они пытались видеть» [2, с. 572].

Интуиция временного близка Г.-Г. Гадамеру в его онтологической ситуации, для которого «угроза небытия» возникает в форме *отсутствия смысла*, в силу чего под вопросом оказывается само понимание. Гадамера интересует, как ввиду изменчивости самого бытия, а также исторической обусловленности обрести (или сохранить) смысл. Главный онтологический вопрос, проходящий через все творчество мыслителя, – «*как возможно понимание?*». Данные особенности задают специфику методологии философской герменевтики, которую развивает мыслитель как способ ответа на собственный бытийный вопрос. Гадамер вслед за Хайдеггером признает включенность в историческое становление понимания в качестве общечеловеческого способа бытия. Обращаясь к разработанному Г. В. Ф. Гегелем диалектическому подходу, Гадамер дополняет его идеей «неустранимой незавершенности», что для мыслителя означает «ретроспективное переориентирование диалектики, превращенной немецким идеализмом в спекулятивный метод, на искусство живого диалога – такого, как тот, в котором осуществлялось сократовско-платоновское движение мысли» [3]. Также Гадамера сближает с Гегелем внимание к самому «понятию», развитие которого имеет для философствования, в целом, важнейшее значение.

Одной из установок гадамеровской герменевтики является стремление к пониманию *в рамках современного для понимающего контекста* в противоположность воссозданию индивидуальных «переживаний» исследуемого автора, испытываемых им при создании текста. С точки зрения Гадамера, понимания требует не специфика конкретной онтологической ситуации, но идея, заложенная автором в текст и приобретающая для понимающего актуальность здесь и сейчас. Смыслы, по Гадамеру, заложены в культурной традиции и требуют их постоянного открытия для непрерывного развития мысли. В силу того, что «тот, кто понимает, не выбирает точку зрения по собственному произволу, а находит свое место данным ему заранее» [4, с. 72], понимающий чувствует и ответственность за поддержание движения «самопонимания» культурной традиции, обуславливающей его топологически уникальную позицию.

Основой методологии герменевтики является «прояснение через историю понятия» [5, с. 36]. В отличие от хайдеггеровских категорий, «охватывающих», «вбирающих» понятий [6, с. 461], служащих инструментами понимания, по Гадамеру, формирование понятия уже включено в сам про-

цесс понимания, поскольку язык «работает сам» в качестве среды, обуславливающей специфику разворачивания мысли понимающего. Опыт интерпретации является принципиально незавершаемым, открытым, поэтому требует *непрерывного творчества смысла*. Таким образом, творчество смысла способом интерпретации происходит с помощью выделения определенной грани смысла из всего заложенного в языке поля смыслового богатства. Поскольку основной онтологической категорией является понятие бытия, а все остальные понятия Гадамером рассматриваются как его «границы», в целях понимания текста философа, необходимо, прежде всего, определить, каким образом понимается бытие в онтологической ситуации мыслителя. Данная установка сближает герменевтический подход с методом приспособления: вне осмысления специфики постановки бытийного вопроса понимание Другого не выходит на онтологический уровень. Тем не менее, следует отметить, что понимание Другого должно быть не обязательно заключено в рамки интерпретации текстов. Понимание возможно и как то, что дает Я силы для собственного становления, вдохновляет на осуществление своего способа быть *в различии с другими способами*, которые, к примеру, в пространстве повседневности не подлежат интерпретации в случае, если не прояснены Другими для себя.

В отличие от разворачивания интуиции временного в творчестве Хайдеггера и Гадамера, философии Ж. Делёза присуща скорее топологическая, «пространственная» интуиция. Для мыслителя характерна *интуиция проблематического*, которая сближает позицию приспособления с его точкой зрения. Делёз прорабатывает в своем творчестве постмодернистскую топологическую методологию, осуществляя разворачивание стихии мысли в ее становлении, «скольжение», смещение угла зрения по поверхности смысла. Онтологический вопрос, проходящий через все произведение Делёза, формулируется как «*что такое философия?*». «Так что же это за штука, которой я занимался всю жизнь?» [7, с. 5], – вопрошает мыслитель. В ощущении предельности, «минимума бытия» данный вопрос является актуальным, в силу того, что сама философия значительно обновляется, выходя к пределу бытия без страха перед ним, но и без надежды его преодолеть. Делёзовский способ бытия раскрывается в *творчестве концептов* и одновременно является способом ответа на собственный главный онтологический вопрос. Данная методология предполагает смысловое измерение концептов, которые соотносятся с полем проблематики и с постановкой вопроса о бытии в свете топологически заданной интуиции Другого.

Обращаясь к творчеству Других, мыслитель задается «сериями» вопросов, сближающими его с различными авторами в интересующем *поле проблематики*, в противовес герменевтическому исследованию *развития понятий*. Проблематически организованное понимание также предполагает свой способ приспособления к точке зрения Другого и, в отличие от герменевтического, осуществляется в другом ракурсе, отдавая предпочтение определенному «срезу» обсуждаемой проблематики, касающейся совокупности понятий, перед исторически-этимологическим анализом одного понятия, включенного в целый спектр проблем. Задаваясь ницшеанским вопросом о продуктивности философии в борьбе с предрассудками и иллюзиями, которые охватывают и саму философскую мысль, Делёз полагает, что от подчинения власти фантазмов, иллюзий может спасти только неуклонное осуществление своего способа бытия, *действие производства смысла*.

Для Делёза само философствование становится действием осмысления, направленным во всех своих вариациях на понимание, в первую очередь, собственного способа бытия. В этом плане производство смысла не лишено особой логики. Хотя последняя и оказывается парадоксальной, обусловлена она онтологическим требованием ситуации «минимума бытия». Поскольку мыслитель воспринимает «угрозу небытия» *в форме хаоса неразличимостей*, производство смысла предполагает с необходимостью осуществление движения различия, которое противостоит хаосу в онтологическом плане в модусе непрерывного становления. Парадоксальным образом производство смысла включает в себя и абсурдность функционирования в структурах бытия нонсенса, что, тем не менее, все же предполагает свой «порядок», свою «логику смысла» [8, с. 92-101] и имеет позитивное значение открываемого для производства смысла пространства, в то время как хаос, не обладающий такой позитивностью, означает не столько дезинтеграцию и разрушение, сколько отсутствие порядка.

«Все, что нам нужно, – немного порядка, чтобы защититься от хаоса» [7, с. 232], – резюмируют Делёз и Гваттари. Но сложность онтологической ситуации как раз состоит в том, что «порядок» этот не существует для Я в готовом виде, а может лишь здесь и сейчас быть произведен активностью о-смысления, которая прочерчивает поверхность различия, отделяя друг от друга Я и Другого, слова и вещи, собственное пространство и дискурс. С «внешней» точки зрения, порядок характерен и для способа бытия Другого, и для структуры дискурса, и для положения вещей. Однако для Я топологически не существует «общей» точки зрения, поэтому невозможным становится

«подключиться» к готовому порядку и одновременно вести собственное существование. Свой способ бытия необходимо приспосабливать к данности иных способов. Именно в силу этого в выходе к осмыслению онтологической ситуации в ее уникальности осуществляется самоорганизация внутреннего пространства Я, обрамляемого *способом бытия*.

Таким образом, постановка главного онтологического вопроса происходит в философии мыслителей различными способами, несмотря на то, что общие основания любой методологии понимания заключаются в самом вопрошании о бытии. Тем не менее, различаясь по способу противостояния онтологической ситуации «минимума бытия», все мыслители равноправны как «точки зрения» в вопросе о бытии, независимо от их национальной и языковой, исторической и географической принадлежности. Методология приспособления в этом плане позволяет объединить различные позиции в топологически-проблематическом поле, не представляя их в исторической «последовательности», и осуществлять понимание Других через обращение к бытийным основаниям их позиций. В рамках проблемы понимания приспособление к точке зрения Другого является одновременно и приспособлением к собственной позиции, ее прояснением в силу того, что происходит творчество смысла, являющееся онтологическим основанием, которое объединяет Я и Другого в общечеловеческой онтологической ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. СПб., 2007.
3. Гадамер Г.-Г. Текст и интерпретация. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/gadamer/txtint_1.html (дата обращения: 22.05.2013).
4. Черняк Н.А. Онтология понимания. Омск, 2011.
5. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. СПб., 2007.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009.
8. Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011.

УДК 141.412

Максимов Владимир Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления
филиала Московского государственного университе-
та приборостроения и информатики в г. Ставрополе
editor@hist-edu.ru

Maksimov Vladimir Yurievich

PhD in Law, Associate Professor of the Department
State and Municipal Management of Moscow State
University of Instrument Engineering and Informatics
(affiliated branch in Stavropol)
editor@hist-edu.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ТРОИЦЫ

Направлением научного интереса автора статьи является религиозная философия. В работе предпринята попытка рационального обоснования представления Бога в христианском вероучении в виде Божественной Троицы. Используя исторический, герменевтический, системный и другие методы, автор находит связь между религиозными представлениями о Боге и о мире и таким образом приходит к выводу о необходимости триединой Сущности христианского Бога.

Ключевые слова: христианство, Библия, Святая Троица, ипостась, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой.

EXPLANATION OF THE DIVINE TRINITY

The direction of scientific interest of the author of the article is religious philosophy. The paper presents an attempt of rational substantiation of the idea of God in the Christian beliefs in the form of the divine Trinity. Using historical, hermeneutic, system and other methods the author finds a link between religious ideas about God and the world, and thus comes to the conclusion about the necessity of the triune Essence of the Christian God.

Key words: Christianity, Bible, Holy Trinity, hypostasis, God the Father, God the Son, God the Holy Spirit.

Учение о Троице как составная часть Символа веры стало первым догматом едва оформившейся в IV в. н. э. христианской Церкви. Оно было утверждено в 381 г. на I Константинопольском (Цареградском) Соборе, – к слову сказать, последнем, признаваемом всеми существующими ныне Церквями христианской веры [1]. Таким образом, учение о Божественной Троице является одним из догматических оснований христианства; в то же время – в силу сложности и даже загадочности его предмета – всегда существовал и до сих пор существует ряд проблем его понимания и толкования.

Обращаясь к единственному сохранившемуся «материальному свидетельству» о данном предмете – Библии, мы видим, что в ней ни разу не употребляется термин «Троица». Содержание Ее (в официальном Церковном понимании) встречается здесь вербально всего два раза: в Евангелиях от Матфея («...крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа») и от Иоанна («...на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино»), а наглядно – лишь в событии крещения Иисуса. Как известно, книги Нового Завета были написаны в I в. н.э., слово же «Троица» встречается лишь во II в., у Феофила Антиохийского [2, с. 486]. Далее понятие о Ней развивалось, как было сказано, до IV в., т.е. Константинопольского Собора – и в дальнейшем подвергалось лишь толкованию. Здесь же необходимо заметить, что в различных христианских конфессиях вплоть до настоящего времени существуют разночтения Символа веры и разногласия относительно содержания Святой Троицы [3, с. 182; 4, с. 318; 5 и др.].

Если отвлечься для целей нашего исследования от данных частных и обратиться к существу его предмета, то, как представляется, наиболее важной проблемой понимания Троицы является ее триединство. Как известно, оно обозначает, что, во-первых, у христианского Бога три т.н. «Лица» (ипостаси, т.е. – по христианскому пониманию – основания, сущности), а во-вторых, что они одновременно и различаются, и совпадают, существуют «неслитно и нераздельно». Каждое из этих положений нуждается, очевидно, в разъяснении.

Многоликость Бога не является чем-либо особенным в истории религий; более того, политеистических вероисповеданий гораздо больше, чем монотеистических, и, с данной точки зрения, такое свойство христианского Бога можно было бы рассматривать (и рассматривается нехристианскими богословами и атеистами) как некий религиозный атавизм, дань политеизму. В то же время заметим, что в таком важнейшем для любой веры вопросе, как сущность и проявление Бога, не может быть каких-либо случайностей, поэтому очевидно, что троичность христианского Бога должна быть чем-то фундаментально обусловлена. Этот тезис представляется нам чрезвычайно важным, и позже мы вернемся к нему.

Вопрос о единстве трех Лиц христианской Божественной Троицы еще сложнее и, в принципе, непостижим так же, как не подлежит рациональному пониманию Сам Бог. С человеческой точки зрения, утверждение об одновременном совпадении и различии, т.е. о равенстве и неравенстве трех Божественных ипостасей равносильно формуле «1=3» [6], что невозможно в обычной мате-

матике. Как показывает история вопроса, все бесчисленные попытки «человеческого» объяснения этого видимого противоречия не дают рационального результата и приводят лишь к заключениям о том, что «Троица совершенно непостижима не только для людей, но даже для самых высших ангелов» [7]. Несмотря на то, что проблемой объяснения Троицы занималось множество великих умов – от Иоанна Златоуста до Г. Гегеля, от Августина Блаженного до В. Лосского – в итоге богословское учение, по сути, так и не продвинулось в разрешении данного вопроса дальше Соборного Символа веры IV в. Именно там были сформулированы ипостасные свойства Лиц Святой Троицы, которые мы употребляем без изменений и дополнений до настоящего времени, а именно: нерожденность Отца, рожденность Сына и исхождение Святого Духа [8].

Сегодня объяснения об одновременных слитности и раздельности ипостасей Троицы для паствы сводятся к наглядным сравнениям, примерам из окружающей природы, которые могут, конечно, несколько приблизить «простого человека» к пониманию – или, вернее, ощущению – сути вопроса, но теологически неудовлетворительны даже по признанию самих авторов подобных примеров. Так, три ипостаси Божества сравниваются с цветами радуги в их различении, но неразрывности, с различными проявлениями солнца или родника, но очевидно, что такие сравнения более поэтичны, чем научны [9, с. 53-55; 10, с. 98].

Наше предположение состоит в том, что как понять необходимость троичности христианского Божества, так и объяснить ее невозможно без обращения к неким фундаментальным основаниям, в частности, к вопросу об устройстве в данном вероучении мира вообще, в т.ч. о христианской космогонии.

Обратимся для этого к единственно возможному в данном случае, доступному нам и «легальному» источнику – Библии. Ветхий Завет, как известно, начинается с описания создания мира Богом-Творцом (в христианском учении о Троице соответственно – Богом-Отцом), что прямо свидетельствует о Его изначальной над-, или сверх-мирности, – и в нашем исследовании это очень важно. Открывают Библию одни из самых известных ее слов:

«1 В начале сотворил Бог небо и землю.

2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» [11, с. 5].

Не станем утомлять читателя многочисленными толкованиями этих поэтически лапидарных строк, наполненных глубочайшим содержанием, которое не уместилось во всех научных трактатах человечества о происхождении мира. Кратко приведем здесь лишь наиболее распространенное из них – и официальное в христианской Церкви. Так, под «небом и землей» в стихе 1 следует понимать не обычные небо и землю (речь о которых в Библии идет чуть ниже), а «Небо» и «Землю» в самом общем, сверх-вселенском масштабе, т.е. «Небесное» и «Земное», «потусторонний» и «этот» миры, разделенные, таким образом, Богом, в самом «начале» [12, с. 13].

В стихе 2 представлено, таким образом, описание «нашего», материального мира – первобытной Вселенной. Его свойства таковы:

- безвидность (несформированность, неясность),
- пустота (ненаполненность, или, скорее, гомогенность),
- тьма (темнота),
- бездна (материальная бесконечность),
- вода,
- Божий Дух.

Поскольку Бог-Творец формирует описанный мир далее, «вода» в стихе 2 так же, как и «небо и земля», – не те «моря», от которых он отделяет в дальнейшем сушу, а описание состояния первобытной, изначальной вселенской субстанции, т.е. нечто, напоминающее в нашей жизни водяной пар. Так древнейший летописец примерно 3,5 тыс. лет тому назад пытался описать «пылевой» вид родившейся Вселенной. А поскольку «вода» в это время была в мире *езде*, то слова про Духа «носился над водою» следует понимать опять-таки не в материальном, а в над-материальном смысле. Разделены они были не пространственно, Дух, как и «вода» материально также был *езде*, но Он был из другого мира, Он был «эманацией» Бога-Творца в данный мир, и в этом смысле «носился», т.е. «реал» и *над ним* тоже.

На наш взгляд, обнаружение Святого Духа Нового Завета в Ветхом Завете в виде «Духа Божия», посылаемого Творцом в материальный мир, очень много дает для понимания Божественной Троицы. Становится объяснимым необходимость разделения для стороннего наблюдателя Ликов Божиих (при, естественно, остающейся неделимости Его сущности): усложняется мир, и в каждом его проявлении Бог проявляется также по-разному: в нематериальном, Небесном мире – как Бог-Отец, в более простом материальном – как Святой Дух.

Что же, по Библии, происходит дальше? В конце «дня один» Бог создает «свет» и «отделяет ... свет от тьмы». По поводу данного акта творения существует два объяснения. Во-первых, в материальном мире возникают источники света, отделенные от изначальной «безвидной» «тьмы». Как сказал бы современный астрофизик, первичная космическая пыль сгущается в отдельных местах, в которых при постепенном нарастании массы этих скоплений, их плотности и температуры возникают звезды. Во-вторых же, в понимании христианского богословия, Творец отделяет силы созидания от сил разрушения. Это происходит в обеих из созданных ранее миров и усложняет, «удваивает» их. Видимо, Сам Бог (в обеих Его ипостасях) остается в «мире света», но для нас сейчас важно, что данное деление, скажем так, «перпендикулярно» предыдущему, оно не увеличивает созданную ранее двухуровневую иерархию мира. Но далее:

«7 И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

8 И назвал Бог твердь небом».

Итак, на «второй день» творения происходит усложнение материального, видимого мира: по мнению летописца, Бог выделяет из него мир планеты Земля. Две части пылевидной («водяной») Вселенной разделяются, как представляется древнему мыслителю, твердой оболочкой, земным небом. (Хорошее представление о такой картине мира дает, к примеру, вид внешних створок «Сада земных наслаждений» И. Босха [13, с. 20].) На «третий день» Творец отделяет «сушу» от «морей» (не «землю» от «вод»!), и появляется непосредственно сама Земля – место обитания Его будущего творения – человека.

Итак, к концу второго дня космогонии мы, как нам кажется, видим уже трехуровневую иерархию устройства окружающего нас мира, – повторим: естественно, с точки зрения находящегося на Земле наблюдателя. Первый, невидимый и, возможно, нематериальный – мир, где, может быть, обитает Бог-Отец и представители которого могут непосредственно ощущать («видеть») его. Вторым, видимым, материальным (в т.ч., как мы теперь скажем, и наша Вселенная) – мир, где «носятся» проявления Бога – Его Святой Дух. Третий, мир Земли – непосредственное местообитание человека.

Именно в этом мире во времена Нового Завета появляется третья ипостась Бога – Бог-Сын. Происходит это, как хорошо известно всем христианам, для спасения (в первую очередь, духовного) всего населения Земли. Очень важно то, что, по библейскому описанию, Бог-Сын появляется на нашей планете путем рождения от земной женщины и Духа Святого и, таким образом, соединяет в себе две сущности – земную и неземную, человеческую и Божественную. Это основополагающее положение христианства можно интерпретировать так, что Иисус представляет собой опять-таки «проекцию» Божества на Землю, Его проявление в земных условиях. В первую очередь, это касается Святого Духа, который в силу материального единства мира Земли и космического пространства, «реал» и над нашей планетой, но был отвергнут, забыт заблудшими людьми конца прошлой эры. В этой ситуации Бог-Отец – посредством Бога-Духа – посылает на Землю свою более конкретную, видимую ипостась, Бога-Сына, который «на наглядном примере» и «простыми словами» показал и объяснил бы людям путь к спасению и в земной, и во внеземной жизни [14, с. 6].

Как известно, миссия Иисуса Христа была удачной лишь частично. Уходя обратно, в иной мир, Он, однако, успокаивает своих последователей словами о том, что Бог посылает им вместо Него Духа Святого, – который и сходит на апостолов в день, ставший после этого христианским праздником Троицы. Таким образом, после ухода Христа Святой Дух «возвращается» на Землю – и сейчас постоянно находится среди нас. (К слову сказать, по христианскому вероучению, Иисус покинул земной мир лишь своей видимой, материальной частью, незримо же Он всегда здесь – как ипостась, проявление Бога – и вновь воплотится, станет видимым всем во время Своего второго пришествия.)

Итак, мы предлагаем в качестве методологического объяснения *необходимости* Божественной Троицы использовать системный подход к библейской картине мироустройства. Последняя представляется нам трехуровневой, причем каждый уровень «соответствует» одной из ипостасей христианского Бога. Возможно, такое объяснение несколько продвинет нас по пути к истине в понимании и *сущности* Троицы, ее загадочного триединства. По нашему мнению, три ипостаси Единого Бога можно рассматривать как различные проявления неизмеримо сложного Божественного Существа в трех уровнях мироздания, располагающихся в христианской традиции в следующем порядке (по степени сложности):

1) мир «небесный», т.е. невидимый нами, но присутствующий вокруг нас и внутри нас незримо, мир, который мы познаем своим духовным, религиозным опытом;

2) мир «земной», т.е. видимый, материальный, постижимый, ограниченно познаваемый нами средствами науки;

3) мир «человеческий», т.е. наш планетарный мир, в котором мы находимся непосредственно и который осваиваем каждодневно своими житейскими способами.

Единая сверхсложная Субстанция Бога, пересекаясь с этими более простыми мирами, и принимает, по нашему мнению, формы, различаемые верой, разумением, взглядом христианина как ипостаси Бога-Отца, Бога-Духа и Бога-Сына.

Что касается наглядного представления такой картины, то наиболее удачным нам кажется пример пересечения многомерной фигуры с рядом пространств меньшей размерности. Так, некая четырехмерная, к примеру, сверхкруглая фигура (которую нам трудно или даже невозможно представить в силу трехмерности окружающего мира), пересекаясь с трехмерным пространством, имеет область пересечения с ней в форме шара, далее с двухмерным – форму окружности и с одномерным – точки. Наблюдатель, принадлежащий к каждому из данных пространств, будет воспринимать эту – единую – фигуру совершенно по-разному [15].

Так на сегодняшний день выглядит наша попытка объяснения теологической (христианской) необходимости и сущности Божественной Троицы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вселенские соборы. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 15.06.2013).
2. *Воскобойников В.М.* Энциклопедический православный словарь. М., 2005.
3. *Алексеев С.В.* Все религии мира. Энциклопедический справочник. М., 2007.
4. Великие религии мира. Минск, 2010.
5. *Ферберн Д.* Иными глазами... Взгляд евангельского христианина на Восточное Православие. URL: <http://gumer.info> (дата обращения 15.06.2013).
6. *Лосский В.* Исхождение Святого Духа в православном учении о Троице. URL: <http://odinblago.ru> (дата обращения 15.06.2013).
7. Троица. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 15.06.2013).
8. *Давыденков О.* Учение православной церкви о Пресвятой Троице. URL: <http://prihod.eparhia.ru> (дата обращения 15.06.2013).
9. *Духанин В.* Знакомство с Православием. М., 2006.
10. *Иоанн Дамаскин.* Точное изложение христианской веры. Гл. VIII. О Святой Троице // Православная Библия [CD-ROM]. М., 2004.
11. Библия. – 2-е изд. Брюссель, 1983.
12. Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Книга Бытия. М., 2002.
13. Иероним Босх. М., 2010.
14. Акафист Пресвятой Троице. Клин, 2009.
15. *Эбботт Э.Э.* Флатландия. Бюргер Д. Сферландия. М., 1976.

УДК 141.13

Пчелина Ольга Викторовна

Pchelina Olga Victorovna

кандидат философских наук, докторант кафедры философии Московского педагогического государственного университета, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета
editor@hist-edu.ru

PhD in Philosophy, Doctoral Candidate of the Department of Philosophy of Moscow State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Technologies of Volga State University of Technology
editor@hist-edu.ru

ОТ «ГРЯДУЩЕГО ХАМА» К «ИИСУСУ НЕИЗВЕСТНОМУ»: ПУТЬ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО К БОЖЕСТВЕННОМУ ОБЩЕСТВУ

FROM «COMING HAM» TO «JESUS UNKNOWN»: D.S. MEREZHKOVSKY'S WAY TO DIVINE SOCIETY

Статья посвящена исследованию эволюции мировоззрения русского религиозного философа Д.С. Мережковского. Проведен анализ творческого наследия мыслителя: исследованы религиозно-философские идеи, выраженные в художественных и публицистических произведениях, показано единство их замысла через идею построения идеального божественного общества. Обоснована значимость творческого вклада Д.С. Мережковского в культурное наследие русской философии и культуры.

The article investigates the evolution of the world outlook of the Russian religious philosopher D.S. Merezhkovsky. The analysis of the thinker's creative heritage is conducted: religious and philosophical ideas expressed in fiction and publicistic works are studied, the unity of the message is shown by means of the idea of ideal divine society establishment. The importance of D.S. Merezhkovsky's creative contribution to the cultural heritage of the Russian philosophy and culture is substantiated.

Ключевые слова: русский религиозный ренессанс, идеальное общество, религиозная общественность, религиозная культура, религиозная революция, Святая Плоть, Третий завет.

Key words: Russian religious renaissance, ideal society, religious community, religious culture, religious revolution, Holy Flesh, Third Testament.

*«...от начала времен путь человечества
есть путь к божественному Обществу...»
Д.С. Мережковский*

Тема пути к идеальному обществу – одна из магистральных эпохи русского религиозного ренессанса, во многом созвучна современной общественной ситуации, связанной с политической, экономической и социальной нестабильностью, кризисом общественного сознания и человеческих отношений, поиском новых форм общественного устройства. В связи с этим представляется вполне закономерным обращение современной научной мысли к опыту русской философии Серебряного века в целом, и к творчеству Д.С. Мережковского, в частности.

В основу тематики работ о социальных преобразованиях и разработке проектов будущего общества представителей русского религиозного ренессанса легла идея о Граде Божьем как идеальном общественном устройстве. Мыслители активно обсуждали общественные проблемы, намечали векторы развития России, прогнозировали будущее. Планы религиозных философов отличались масштабностью: связанные с идеей преобразования мира, авторы озвучивали самые разнообразные варианты общественных изменений – от революционных призывов до религиозных утопий, от разрушения до созидания.

В истории отечественной философии Д.С. Мережковский (1865-1941 гг.) – одна из знаковых фигур с точки зрения тесного сопряжения жизненного и творческого пути. По сути, все жизнь мыслителя была посвящена теме определения «духовной сей лестницы» – поиску личного, творческого, исторического, общественного. Размышляя о ступенях духовного роста и определяя мировоззренческое кредо, Д.С. Мережковский заметил, что все его творчество – «это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном» [1, с. 5].

Впервые вопросом «пути» Д.С. Мережковский занялся в ранней поэме «Конец века» (1891 г.), написав: «Каким путем, куда идешь ты, век железный? / Иль больше цели нет, и ты висишь над бездной?» [2, с. 455]. В знаменитом манифесте «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893 г.) Д.С. Мережковский представил символистскую концепцию как начальный этап будущего «переворота», цель которого – «сознательное литературное воплощение божественного идеализма» [3, с. 536]. При этом поэзия понималась как «непроизвольный и

непосредственный дар Божий», а литература – как сила, направляющая народы по «известному культурному пути» [3, с. 523]. Путь культуры мыслитель трактовал как «взаимодействие целых поколений для достижения единой бескорыстной, идеальной цели, ... *цели мистической, религиозной ...*» [4, с. 173-174]. Таким образом, призыв символиста «от великого созерцания» «к великому действию» можно интерпретировать как переход от создания символических форм и «нового искусства» к созданию культуротворческих проектов, охватывающих все сферы бытия человека [3, с. 550]. В исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1901 г.), которое принесло известность Мережковскому как религиозному философу, впервые отчетливо прозвучала идея создания новой религии и новой церкви. Обосновывая свою идею, Д.С. Мережковский считал, что язычество утверждало «плоть в ущерб духу», а историческое христианство – «дух в ущерб плоти». Поскольку Христос «утверждает равноценность, равносвятость Духа и Плоти», то именно в новой Грядущей церкви смогут соединиться дух и плоть, и за двумя известными человечеству заветами наступит Третий Завет – Царство Духа с идеалом «Святой плоти».

Открытие в Санкт-Петербурге Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) – еще одна значительная веха духовного пути мыслителя. Собrania были задуманы как встреча-диалог духовенства и интеллигенции с целью обмена мнениями по вопросам веры и решения назревших в обществе проблем. Для представителей духовенства это был «путь к единству, чтобы этим единством <...> потом вместе жить и вместе работать на общерусскую пользу» [5, с. 4]. Иницируя организацию и открытие Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901 г.), Д.С. Мережковский думал не только о диалоге Церкви и религиозно настроенной интеллигенции, но и хотел узнать, можно ли и каким образом из «исторической Церкви» создать «новую церковь». Д.С. Мережковский возлагал серьезные надежды на Религиозно-философские собрания как на очередную ступень создания этой «новой церкви».

Знаменитая работа Д.С. Мережковского «Грядущий Хам» (1905 г.) стала значительным и качественно новым этапом на пути идеи общественного переустройства. Именно в этой работе впервые соединились культурные, религиозные и социально-политические идеи мыслителя. Революционные события мотивировали Д.С. Мережковского к пониманию необходимости объединения интеллигенции, церкви и народа. Полагая, что словесное отрицание власти было неспособно привести к изменению общественно-политического строя, Д.С. Мережковский видел реализацию «новой идеи» в переходе от государственного насилия к религиозной общественности, «от власти человеческой к власти Божьей», при котором «только *религиозная общественность* спасет Россию» [6, с. 44]. Такой путь, по мысли Мережковского, вел к спасению России и открывал путь к преобразованию общества. Заканчивая статью, Д.С. Мережковский видит исторический путь России от Христа Пришедшего к Христу Грядущему, тем самым определив вектор своих будущих творческих исканий.

Итак, постижение духовного единства мира было связано с идеей Церкви Грядущего Господа – Вселенской Церкви, которая объединит все народы, с идеей Богочеловечества как качественно нового состояния общности. Третий Завет разрешит «противоречия ума и сердца», а будущее человеческой культуры – религия Троицы соединит в себе «разум – волю – чувство», как соединены в человеке его «дух – душа – плоть» [7, с. 86].

В эмиграционный период творчества именно эти идеи будут последовательно развиваться Д.С. Мережковским. Следуя в русле размышлений Ф.М. Достоевского, который проповедовал Иоанново христианство – христианство преображенной земли и религии воскресения, Д.С. Мережковский продолжал рассматривать Царство Божие как возможность преображения мира. Недостатком «исторической церкви» мыслитель считал понимание христианства как «личной, безобщественной религии». Согласно Мережковскому, Новая Церковь – Третий Завет – будет царством «Св. Земли», которая принесет людям не личное, а общественное спасение. Такого рода воззрения предполагали переход от исторического христианства к эсхатологическому. Третий Завет – это новая заповедь любви, которая утверждает всемирное соединение на любви как на личном и общественном начале вместе, это справедливое общество, которое и есть «царство Божие на земле, как на небе». Идеалом будущего общества мыслилась «Святая плоть» – символ свободной личности, культуры, общества.

Анализируя творчество Д.С. Мережковского, можно говорить о том, что все его творческие усилия были направлены на поиск идеальной формы воплощения собственных идей и пути духовного развития. Ощущение явления Христа «как центрального момента в судьбе мира» (Ю. Терапиано) и открытие неизвестного лика Божия – тема, которой Д.С. Мережковский посвятил всю свою творческую жизнь. Историческое подтверждение своим идеям Д.С. Мережковский находил в концепциях Иоанна Флорского и Франциска Ассизского [8, с. 44].

Книга «Иисус Неизвестный» (1934 г.) стала не только яркой иллюстрацией авторских идей, но и той логической вершиной, к которой мыслитель шел долго, упорно и мучительно всю свою жизнь. Теперь тема святости и подлинно церковного христианства достигли «такой высоты и глубины», как никогда прежде [10, с. 312]. Заключительный период творчества Д.С. Мережковского продолжил тему Св. Духа, диалектики духа и плоти, кризиса церкви, обоснование главного и центрального пути «всякого» общества к «добру, бытию, созиданию» [9, с. 286]. Д.С. Мережковский призывал к активному творческому созиданию с целью приближения к Царству Божьему. Резюмирует всю религиозную философию Д.С. Мережковского одно из последних произведений – «Маленькая Тереза», жизнь которой есть личное переживание человеком любви к Иисусу Христу и путь к настоящей, единой, Вселенской Церкви.

Именно за это современники Д.С. Мережковского воздали ему «честь, славу и вечную память», называли «указчиком и учителем», которому может внимать даже «многокультурный и ученый Запад» [10, с. 314]. Путь Д.С. Мережковского от «Грядущего Хама» к «Иисусу Неизвестному» – есть путь «ввысь», ведущий от царства Антихриста к Божественному Обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 24 т. М., 1914–1915. Т. 1.
2. Мережковский Д.С. «Конец века» // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.
3. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
4. Мережковский Д.С. Мистическое движение нашего века // Мережковский Д.С. «Акрополь». Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991.
5. Вступительная речь Преосвященного Сергия, епископа Ямбургского / Записки Петербургских Религиозно – философских собраний (1901-1903 гг.) М., 2005.
6. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
7. Мережковский Д.С. Св. София // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
8. Мережковский Д.С. Франциск Ассизский // Мережковский Д.С. Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000.
9. Мережковский Д.С. Наш путь в Россию: Непримиимость или соглашательство? // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001.
10. Ильин В.Н. Памяти Дмитрия Сергеевича Мережковского (1965 - 1941) // Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997.

УДК 113/119:13:14

Тарасенко Надежда Григорьевна

кандидат педагогических наук, доцент, директор
Центра педагогики М. Монтессори Белгородского
государственного национального
исследовательского университета
editor@hist-edu.ru

Tarasenko Nadezhda Grigoryevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Director of
M.Montessori Pedagogy Center of Belgorod
State National Research University
editor@hist-edu.ru

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

**THE PROBLEM OF SHAPING
PERSONALITY'S ECOLOGICAL
WORLD VIEW IN THE MODERN
EDUCATIONAL PROCESS**

Процессы глобализации и освоения космического пространства рассматриваются как тенденции, актуализирующие проблему формирования экологического мировоззрения личности. Аргументируется целесообразность использования глобальных идей философии русского космизма в качестве методологической основы решения данной проблемы в образовательном процессе. Формулируются принципы формирования экологического мировоззрения личности, характеризуются особенности отбора соответствующего содержания образования.

The processes of globalization and outer space development are considered as the tendencies which make topical the problem of shaping ecological world view of a personality. The author gives the reasons for sensible use of global ideas of the Russian cosmic philosophy as the methodological basis for the solution of the given problem during educational process. In the paper the principles of shaping a personality's ecological world view are formulated; the specific features of selection of the corresponding content of education are characterized.

Ключевые слова: экологическое мировоззрение личности, глобализация, освоение космического пространства, образовательный процесс, философия космизма, принципы образования, содержание образования.

Key words: personality's ecological world view, globalization, outer space development, educational process, philosophy of cosmism, education principles, education content.

Определяющей тенденцией развития человечества XXI в. является ярко выраженный процесс глобализации.

Современный процесс глобализации сопряжен с появлением глобальных проблем, к числу которых относится экологическая, представляющая собой угрозу существованию человечества как планетарному сообществу людей.

Главные причины возникновения глобальной экологической проблемы кроются в духовной культуре, состоянии мировоззрения личности. Именно мировоззрение определяет характер отношений человека к окружающему миру. Поразивший общество духовный кризис обуславливает необходимость дальнейшего исследования проблемы экологизации мировоззрения человека с целью наполнения его новым ценностно-смысловым содержанием. Экологизация мировоззрения предполагает проникновение в сознание человека экологических идей, понятий, стратегий и технологий взаимодействия с природой.

Наряду с глобализацией, важной особенностью жизнедеятельности современной цивилизации является интенсивное освоение космического пространства. Выход человека за пределы планеты Земля повлечёт за собой значительное расширение сферы взаимодействия человека с природой, экологической ниши человечества до космопланетарных масштабов. В настоящее время околоземное космическое пространство рассматривается как глобальная составляющая природной среды, окружающей человека. В этой связи приходится говорить также о влиянии космической деятельности на околоземное космическое пространство (геокосмос), на геоболочки планеты Земля, искать пути минимизации экологического ущерба от космической деятельности человечества, формирования экологического мировоззрения.

Отмеченные нами характерные особенности развития современного человечества выступают факторами, актуализирующими проблему глобализации экологического мировоззрения личности, формирования у неё экологического космопланетарного мышления.

Разрешение этой проблемы является приоритетной задачей для современной педагогической науки и практики.

Исследование отмеченной проблемы в науке ведётся в контексте идей экологической философии и глобальной экологии. В литературе указывается на то, что, в основе экологической философии лежит идея единства человека и космоса, в ней утверждаются гармоничность и целостность природы [1]. Экологическая философия коррелирует с коэволюционной стратегией, ориен-

тированной на сотрудничество человечества с природой. Предметом глобальной экологии является изучение взаимоотношений человека и природы в планетарном масштабе [2]. Это направление экологии рассматривает экологические процессы и современные тенденции развития биосферы на глобальном уровне. Глобальная экология направляет свои усилия на координацию действий людей в масштабах всей планеты и урегулирование отношений человечества с окружающей средой с целью её сохранения.

Из сказанного следует, что в основе подхода к разрешению в образовательном процессе проблемы формирования адекватного вызовам времени экологического мировоззрения личности должны лежать синтетические глобальные идеи о единстве Мира, единстве человека с природой планеты Земля и Космоса, роли человека в обеспечении этого единства.

Современные исследователи (Ф.И. Гиренок, В.П. Казначеев, В.В. Казютинский, О.Д. Куракина, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Олейников, А.А. Оносов, В.Н. Сагатовский, В.С. Степин, А.И. Субетто, С.Г. Семенова А.Д. Урсул и др.) указывают на востребованность в современном научно-философском знании методологического потенциала философии космизма. Учёные находят целесообразным изучение и развитие социоприродных концепций русских космистов конца XIX – первой половины XX вв. (В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский, Э.К. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный и др.). Актуальность этого направления философии объясняется тем, что философами-космистами была предпринята попытка осмысления тех проблем, которые в настоящее время приобрели статус глобальных.

Для представителей философии космизма характерно стремление осмыслить отношение человека к человеку, обществу и природе в глобальных и космических масштабах. Центральными идеями философии космизма являются идеи единства человека и космоса, космической природы человека, связи космических и земных процессов с сознанием, космического масштаба деятельности человека.

По мнению современных исследователей, использование глобальных идей философов-космистов в качестве методологической основы глобализации сознания современного человека представляет собой один из путей преодоления антропологического и экологического кризисов современности.

Фундаментальными категориями научных форм мировоззрения, в том числе и экологического, являются категории «мир», и «человек». Методологическое положение представителей философии космизма о единстве мироздания предполагает понимание целостности Мира в масштабах Вселенной. Природа в философии космизма понимается как весь окружающий человека Мир.

Главной проблематикой философии русского космизма является жизнь человечества в условиях Земли и Космоса. В качестве экологической среды существования человечества рассматривается всё сущее, Вселенная в многообразии её форм – земная природа и внеземное пространство.

Феномен жизни в философии космизма трактуется как космическое явление, органичная составляющая космопланетарной целостности, как естественный этап глобальной эволюции.

По словам русского ученого-космиста А.Л. Чижевского: «Жизнь... в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет» [3, с. 33]. Согласно Чижевскому, существует закономерная, неразрывная связь природы Земли и природы Солнца. А.Л. Чижевский указывает на то, что психическая, интеллектуальная, и социальная деятельность человека зависит от космических факторов.

«Биосфера, – по мнению В.И. Вернадского, – не может быть понята в явлениях, на ней происходящих, если будет упущена эта ее резко выступающая связь со строением всего космического механизма» [4, с. 14].

В соответствии с глобальными идеями философии космизма онтология мировоззрения кроется в системе отношений Мир – Человек, которые соотносятся как микро и макрокосмы. Философия космизма отражает представление о том, что существование человека на Земле – продукт деятельности всего Космоса, всей глобальной эволюции. Эволюция планеты Земля рассматривается представителями этого направления знания как единый космический, геологический, биогенный и антропогенный процесс. Согласно философии космизма, человек является биосферным, планетарным, солярным и космическим существом. Он обладает разумом и волей, является активным субъектом в системе «общество-природа». Космисты указывают на такую возможность человека как возможность свободного доопределения мира. При этом природа также играет роль действующего субъекта и воздействует на такой объект как человек.

Н.Г. Холодным разрабатывается концепция антропокосмизма. Антропокосмизм характеризуется учёным как новое миропонимание, отличное от антропоцентризма, где человек рассматривается в качестве центра мироздания и акцент делается на привилегированном положении человека в мире. Характеризуя основную идею антропокосмизма, Н.Г. Холодный пишет: «Человеческий микрокосм – органическая часть всего великого мирового целого, нераздельно с ним связанная и ему же обязанная своим существованием. Нет и не должно быть никаких границ между миром человека и всей остальной Вселенной, и поэтому нельзя противопоставлять их друг другу» [5, с. 199]. Все, что разъединяет человека и общество, человека и природу, Н.Г. Холодный относит к антропоцентрическим процессам (эгоизм, честолюбие, пессимизм, нетерпимость и т.п.), а все процессы, ведущие к единению человека с окружающей его социальной и природной средой, учёный характеризует как антропокосмические.

В соответствии с разработанной Н.Г. Холодным концепцией антропокосмизма необходимо восстановление естественных гармоничных взаимоотношений человека с природой в космопланетарном масштабе. По мнению ученого, «в антропокосмическом отношении к природе самое характерное – это постоянное ощущение человеком своей органической, неразрывной и действенной связи с ней, со всем космосом. Эта связь распространяется на все стороны человеческого существа и имеет двусторонний характер в том смысле, что человек, разнообразные и сложные воздействия со стороны окружающей природы, и сам в то же время может влиять и влияет на нее различными способами» [6, с. 338-339].

Ученые-космисты убеждены в том, что достижение гармонии в системе «общество-природа» связано с разумом человека. В творчестве философов-космистов человек предстаёт как мыслящая, активная, творческая, преобразующая часть Мира. Мировой порядок, имманентный космосу, включает человека как участника этого самоорганизующегося порядка.

Однако человек рассматривается ими как существо далеко несовершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразовывать не только внешний мир, но и собственную природу. Представители космизма характеризуют современные им взаимоотношения человека и природы как дисгармоничные и осуществляют поиск возможных путей восстановления экологического равновесия.

Идеал представителей этого направления знания состоит в гармоничной связи человека с природой Земли и Космоса. Условием реализации избранного ими идеала является единение человечества в планетарную общность.

В.И. Вернадским выдвигается идея о ноосфере. Понятие ноосферы используется учёным для обозначения будущего этапа в развитии биосферы, перспективы экосоциального развития человечества. Учение о биосфере и превращении ее в ноосферу – сферу разума – открыло новую возможность осмысления и разрешения экологических проблем.

В контексте ноосферной идеи природу, человеческое общество, научную мысль и нормы нравственности следует рассматривать в их нерасторжимой целостности. Ноосферная идея воплощает в себе образ построения гармоничного Мира, системы «человек-природа-общество». В творчестве В.И. Вернадского ноосфера предстаёт как закономерный этап социально-экологического развития человеческой цивилизации. Иными словами, речь идёт о ноосферном векторе развития цивилизации как условии её устойчивого развития.

В концепциях экосоциального развития философами-космистами сформулирован этический идеал, основу которого составляет положение о необходимости достижения всеобщей целостности и гармонии, заботливого отношения человека к природе планеты Земля и Космоса. Реализация этого идеала предполагает достижение такого уровня духовного развития личности, который выводит её на космопланетарный уровень ответственности.

Ответственность человека сопряжена с его свободой. Свобода выражается в возможности самостоятельного принятия решения, осуществления сознательных действий и поступков, основывающихся на доброй воле и направленных на сохранение социоприродной целостности в космопланетарных масштабах.

Изложенное подтверждает правомерность вывода современных исследователей о том, что теоретические воззрения философов-космистов соответствуют тенденциям развития современного экологического знания, и указывает на то, что эти воззрения могут служить методологическим базисом формирования экологического мировоззрения личности в условиях глобализирующегося мира.

С нашей точки зрения, разрешение проблемы глобализации экологического мировоззрения личности на основе идей философии космизма предполагает построение образовательного процесса в соответствии с принципами космопланетарного единства Мира, глобального эволюцио-

низма, антропокосмизма, ноосферогенеза, гуманизма, творческой активности, свободы, гармонии, универсальной ответственности. Принцип гармонии выражается в том, что фактором гармоничного существования Мира, является сам человек, его мысли, действия и поступки по отношению к социуму, природе и самому себе.

Единство глобальных мировоззренческих идей философии космизма как методологическая основа глобализации экологического мировоззрения личности обуславливает необходимость отбора содержания образования с позиций не только системности, но и холизма. Как известно, холистический метод постижения действительности основан на восприятии реальности как целостной системы, познании Мира в целом. На положения холизма следует ориентироваться как на подход, нацеленный на описание гармонии Мира в масштабах Вселенной.

Использование системного подхода и положений холизма при отборе содержания образования обуславливают опору на общенаучную картину Мира, включающую в себя системную научно-философскую, естественнонаучную и гуманитарную картины мира.

Системная научно-философская картина отражает онтологическую целостность Мира. Она раскрывает всеобщий синтез объектов и явлений мировой субстанции, выявляет универсальные характеристики всего сущего, представляет собой универсальную модель Мира. Отбор содержания экологического образования на основе универсальной модели Мира нацелен на представление о единстве Мира как Метасистемы. Усвоение учащимися этого содержания образования обеспечивает понимание Мира как Системы Систем – органичной взаимосвязи и взаимозависимости в рамках единого целого неорганической природы Космоса, неорганической природы планеты Земля, биосферы, социума и культуры.

Единство естественно-экологического и гуманитарно-экологического компонентов содержания образования осуществляется на основе интеграции естественнонаучной и гуманитарной картин мира. Интеграцию в данном контексте следует рассматривать в качестве главного способа организации экологического содержания образования, осуществляемого в соответствии с мировоззренческо-методологическим положением о космопланетарном единстве Мира.

Естественно-экологическая составляющая содержания образования отражает картину экологического существования человека в биосфере и его сосуществование с неорганической природой планеты Земля и Космоса. В рамках этой составляющей биосфера выступает одновременно как земным, так и космическим объектом. Этот компонент содержания образования обуславливает определение учащимися места и роли во Вселенной как отдельного человека, так и всего человечества.

Социогуманитарная составляющая экологического содержания образования нацелена на становление нравственно-экологического и эстетико-экологического аспектов экологического мировоззрения. В контексте глобальных идей философии космизма она направлена на культивирование у личности новой системы ценностей, основанной на понимании жизни как космического явления. Суть этой составляющей экологического содержания образования выражается в положении о том, что на определенном этапе своего развития жизнь становится фактором космического масштаба, оказывающим не только позитивное, но и негативное влияние на существование планеты Земля и Космоса. Именно поэтому человек несёт универсальную ответственность за гармоничное сосуществование с космопланетарной средой.

В содержании образования должны найти отражение знания из космической экологии, геоэкологии и экобиологии, выступающие нравственно-экологическими ориентирами исполнения человеком своей миссии во Вселенной.

Применительно к отбору экологического содержания образования в контексте глобальных мировоззренческих идей космизма особое место занимает астрономия. Она объединяет все области знаний естественнонаучного и гуманитарного циклов. Интегративная картина Вселенной выступает для личности в качестве своеобразной схемы единства Мира, которая позволяет осознать космопланетарный статус биосферы, место человечества в миропорядке.

Экологические знания из области физики и химии помогают учащимся понять природу единства биосферы со всеми объектами и явлениями Земли и Космоса.

Геоэкологический аспект содержания образования должен опираться на результаты исследований тех учёных, которые предмет географии рассматривают как составляющую Универсума, неразрывно связанную со всеми другими его компонентами. Так, по мнению В.А. Шальнева, основой теоретических и методологических положений современной географии должны выступать глобалистика, синергетика и в целом – системология [7].

Автор вводит понятие «геоверсум». По характеристике В.А. Шальнева, геоверсум, как общий объект географии, представляет собой географическую действительность, часть планеты Земля,

сложную систему, возникшую и развивающуюся в пространственно-временных параметрах Космоса и Солнечной системы, но ограниченную от них средой своего геопространства, своей системой оборота энергии, вещества и информации.

Географическую оболочку Земли (или природную среду) А.Д. Потапов характеризует как «область сложного взаимопроникновения атмосферы, гидросферы, литосферы и биосферы, сложного взаимодействия проявляющихся в них земных и космических сил» [8, с. 77].

Биологическая составляющая экологического содержания образования призвана обеспечивать понимание тех космопланетарных процессов и явлений, которые лежат в основе возникновения и существования жизни на планете Земля. В содержание этой составляющей необходимо включение знаний: о живом как компоненте Универсума; о целостности биосферы и её роли в космопланетарной системе; о человечестве как компоненте живого на планете Земля; о роли и функциях человека как биосоциального, космопланетарного существе в биосфере и в процессе взаимодействия биосферы с остальной мировой субстанцией.

При обновлении экологического содержания образования следует ориентироваться на интегрирующую роль таких мировоззренческих универсалий как нообиогосфера, нообиогеноз, ноосферная личность [9]. Смыслы этих универсалий в условиях процесса глобализации выступают для человека в качестве мировоззренческих ориентиров.

В эстетической составляющей экологического содержания образования важны знания о проявлении эстетических категорий «Красота», «Гармония», «Прекрасное» в природе планеты Земля и Космоса, в обществе, во внутреннем мире человека и в его отношениях со всеми составляющими Мира-Системы.

Таким образом, можно заключить, что образовательный процесс, который в своих целях, принципах, содержании и технологии опирается на глобальные идеи философии космизма как на методологическую основу, будет способен обеспечить эффективное разрешение проблемы формирования экологического мировоззрения личности в условиях глобализирующегося мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Экологическая картина мира // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2009. № 3. Т. 6.
2. Никаноров А.М., Хоружая Т.А. Глобальная экология. М., 2003.
3. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1973.
4. Вернадский В.И. Биосфера. М., 1960.
5. Холодный Н.Г. Избранные труды. Киев, 1982.
6. Холодный Н.Г. Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.
7. Шальнев В.А. История и методология общей географии. Ставрополь, 2000.
8. Потапов А.Д. Биология. М., 2000.
9. Данилова В.С. Основные закономерности формирования ноосферы. М., 2001.

Юридические науки

УДК 343.164.2

Неказаков Владимир Яковлевич

судья Краснодарского краевого суда,
доцент Северо-Кавказского филиала
Российской академии правосудия
editor@hist-edu.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В настоящей статье анализируются конституционно-ценностные характеристики прав и свобод личности, доказывається непреходящая ценность самой жизни Человека, которая в наше время подвергается серьезным угрозам, обосновывается необходимость утверждения в конституционном праве подлинно аксиологического измерения прав и свобод.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы человека, ценностное измерение прав человека, право на жизнь как фундаментальное право человека, защита прав и свобод.

Nekazakov Vladimir Yakovlevich

Judge of the Krasnodar Regional Court, Associate
Professor of Russian Academy of
Justice (North-Caucasian affiliated branch)
editor@hist-edu.ru

CONSTITUTIONAL VALUE DIMENSION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL AND CITIZEN

In this article the author analyzes the constitutional value characteristics of human rights and freedoms, proves the supreme value of human life which is exposed to serious threats at the present moment. The necessity for affirmation of the genuine axiological dimension of rights and freedoms in the constitutional law has been substantiated.

Key words: Constitution of the Russian Federation, human rights and freedoms, value dimension of human rights, right to life as a fundamental right of the individual, protection of rights and freedoms.

В качестве исходного постулата концепции аксиологического измерения прав и свобод личности, несомненно, следует назвать презумпцию наивысшей ценности человека как такового (наделенного разумом биосоциального индивида). В данном случае речь должна идти прежде всего о человеке как о некоей целостности, более полной и более конкретной, чем он проявляется в непосредственных социальных взаимосвязях. Как это ни парадоксально, но в начале XXI в. с новой силой подтверждается давний вывод К. Маркса о том, что права человека в действительности не имеют прямого отношения к свободе человека, понимаемой как власть человека над обстоятельствами своей жизни, они освобождают его лишь постольку, поскольку он интериоризировал экономическую личину свободного предпринимателя, поскольку он сросся со своей экономической ролью и не отделяет себя от нее; таким образом, права человека на самом деле подразумевают лишь полную власть обстоятельств над человеком и его жизнью и имеют тот же смысл, что и рабство античного мира [1, с. 125].

Каким образом вырвать человека из этого принудительного царства необходимости – материальной нужды, погони за наживой, стихии своекорыстия, как сделать его истинно свободным – вот ключевая проблема, решение которой по К. Марксу можно отыскать не в свободе религии, а в свободе от нее; не в свободе промысла, а в свободе от эгоизма промысла; не в свободе собственности, а в свободе от власти собственности [2, с. 405]. Гегелевскому понятию свободы как свободы гражданина в государстве, свободы, обретаемой лишь в государстве и через его посредство, К. Маркс противопоставляет понятие полной «человеческой эмансипации» как истинной формы «человеческого общества», суть которого заключается в том, что «действительный индивидуальный человек» именно «в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих персональных отношениях станет родовым существом», познает и организует свои собственные силы как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы. «Всякая эмансипация состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку» [2, с. 406].

Однако, к сожалению, мы все еще очень далеки от такого рода эмансипации. Трудно не согласиться с емким выводом Г.В. Мальцева, а именно: «Среди “грехов человечества”, может быть, самый тяжкий – это отсутствие у многих людей веры в священный характер человеческой жизни, источник и, во всяком случае, десакрализация гуманистических идей, утверждающих эту святость. В современном обществе нет понимания противоестественности того, что человеческую жизнь до сих пор рассматривают как разменную монету в делах сильных мира сего... Но можно с огорчением констатировать, что наша плодотворная цивилизация все же утратила многие гуманитарные ценности, выработанные в практике древних обществ, например, привязанность родных людей друг к другу, заповеди типа “человек человеку брат”, “сила дается сильным, чтобы защищать слабых”, “возлюби ближнего своего, как самого себя”. Рациональный человек в массе своей перестал

воспринимать жизнь как чудо, потерял связь с космическим миром, которая дана нам через ощущение этого чуда. Сознание человека – это апология жизни, утверждения права жизни, рождения и возрождения в противоположность смерти и упадочному бытию... Жизнь как абсолютная ценность подчеркивается средствами первобытного и современного сознания» [3, с. 8–9] (подчеркнуто мною, – В.Н.).

Вывод напрашивается однозначный: необходимо безотлагательно принимать все меры для утверждения и защиты абсолютной ценности человека и его жизни, то есть реально обеспечить прямое действие провозглашенного Конституцией Российской Федерации принципа (нормы-цели и одновременно аксиологической нормы): «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2).

О том, что в действительности в современной России вопрос защиты жизни человека крайне обострился, вполне свидетельствует даже официальная статистика. За последние десять лет, как отмечает В.В. Лунеев, было зарегистрировано 263 889 убийств, за это же время в стране пропало без вести 1,2 млн чел.; не разысканными из них остались 38,2%, но зато выявлен почти миллион неопознанных трупов; ежегодно в среднем уходят от уголовной ответственности 100 тыс. убийц; по неполным данным ООН, в России убивают больше народу, чем в США, которые всегда были склонны к насильственным методам решения проблем [4, с. 17].

Разумеется, следует иметь в виду, что данная проблема носит общемировой характер. Однако сегодняшняя Россия умудрилась по результатам 2012 г. выйти на первое место в Европе даже по числу детских и подростковых самоубийств, которых ежегодно фиксируется только по официальным данным Роспотребнадзора 19–20 случаев на 100 тыс. подростков, что втрое превышает среднемировой показатель: причем на каждое состоявшееся самоубийство приходится еще и до 200 попыток. Это ли не свидетельство резкого падения в сознании молодежи ценности человеческой жизни (как собственной, так и чужой).

В этой связи следует обратить особое внимание, что как по букве, так и по духу статьи 2 Конституции Российской Федерации именно Человек в первую очередь представляет собой высшую ценность, а вместе и наряду с ним такой же ценностью признаются его права и свободы. Однако каждому ясно, что аксиологии прав и свобод предшествует (выступает исходным, фундаментальным условием) жизнь Человека, в отсутствие которой «зависают» эти права и свободы. Вполне закономерно поэтому, что статье 2 корреспондирует статья 20 Конституции Российской Федерации, первая часть которой прямо гласит: «Каждый имеет право на жизнь», утверждая тем самым данное право «как неотъемлемую и самую большую ценность» [5, с. 139]. Как верно указывает В.П. Кашепов: «В ряде международных документов право на жизнь рассматривается в одном ряду с такими ценностями, как свобода и личная неприкосновенность. В Международном пакте о гражданских и политических правах обращается внимание на неотъемлемость этого права, его охрану законом и недопустимость произвольного лишения личности этого права (ст. 6). Право на жизнь сохраняется за человеком до самой смерти. Отчуждение этого права при осуществлении операций по трансплантации органов или тканей человека, эвтаназия рассматриваются как нарушение права на жизнь» [5, с. 139–140].

Мы вполне разделяем и позицию И.Л. Петрухина по этому вопросу, а именно, когда он пишет: «Жизнь человека – это физиологическое и психическое функционирование его организма как единого целого. Человек пользуется правом на жизнь и при стойком нарушении названных функций (паралич, расстройство психики), и в этих случаях его жизнь в правовом отношении нельзя считать менее ценной, чем жизнь любого другого человека» [6, с. 180] (подчеркнуто мною – В.Н.).

Кроме того, как отмечает Р.В. Енгибарян: «В ряде стран на основании обеспечения права на жизнь запрещаются аборт, а в Конституции Словакии даже содержится норма об охране жизни еще до рождения ребенка (ч. 1 ст. 15). В других странах (например, в ст. 27 Конституции Сербии) этот вопрос решается путем предоставления человеку права свободно решать вопрос о рождении ребенка» [7, с. 204].

Интересно, что в содержание права на жизнь Н.А. Рубанова включила: «право на сохранение жизни; право на личную неприкосновенность; право требовать от государства создания условий обеспечения жизни; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на распоряжение жизнью» [8, с. 9] (подчеркнуто мною – В.Н.). Последнее, правда, потенциально не исключает суицида как способа реализации т.н. «права на распоряжение жизнью» и противоречит рекомендации этого же автора об определении «суицида как осуждаемого мировыми религиями (заметим, что далеко не всеми из них, примечание мое – В.Н.) и моралью самолишение индивидом жизни, причинами которого являются депрессии и стрессовые ситуации, приведшие к полной дезадапта-

ции личности» [8, с. 10].

Вообще говоря, проблема жизни и смерти всегда волновала и продолжает будоражить исследовательскую мысль; она, конечно, выходит далеко за рамки собственно юриспруденции, хотя, несомненно, роль последней ни в коей мере нельзя недооценивать.

Однако же, хотелось бы верить в тот пафосный прогноз, который сформулировал известный русский ученый и писатель И.А. Ефремов в своем знаменитом романе «Час Быка», как то: «Беру примером молодого человека, потерявшего любимую жену, только что умершую от рака. Он еще не ощущал, что он жертва особой несправедливости, всеобщего биологического закона, беспощадного, чудовищного и цинического, нисколько не менее зверских фашистских “законов”. Этот нестерпимый закон говорит, что человек должен страдать, утрачивать молодость и силы и умирать. Он позволил, чтобы у молодого человека отняли все самое дорогое, и не давал ему ни безопасности, ни защиты, оставляя навсегда открытым для любых ударов судьбы из тени будущего! Человек всегда неистово мечтал изменить этот закон, отказываясь быть биологическим неудачником в игре судьбы, по правилам, установившимся миллиарды лет тому назад. Почему же мы должны принимать свою участь без борьбы?... Тысячи Эйнштейнов в биологии помогут вытащить нас из этой игры, мы отказываемся склонить голову перед несправедливостью природы...» [9, с. 119] (подчеркнуто мною – В.Н.).

В указанном контексте эта труднодостижимая цель может рассматриваться и как наивысшая ценность. Как справедливо отмечает Г.В. Мальцев: «В обществе идет непрерывный процесс взаимообогащения целей и норм, к которому прямое отношение имеют *социальные и нравственные ценности*. Они придают целям и нормам особую значимость, делают их привлекательными для людей, дают нужные *критерии оценки и измерения* нормативных и целевых регуляторов» [10, с. 702].

Следует иметь в виду, что человеческое сознание отражает действительность не только в форме познания, но и в форме оценивания, «т.е. отражения реальной связи объекта с потребностями (интересами, желаниями, устремлениями, целями, идеалами) субъекта» [11, с. 64]. Объектами такой оценки, как указывает М.С. Каган, могут быть «природа, общество, человек и «Я» оценивающего субъекта»; он же выделяет при этом эстетические, религиозные, политические, правовые и нравственные ценности [11, с. 77]. По своему оригинально об этом было сказано и Николаем Бердяевым, а именно: «Познание носит социальный характер, оно служит сообщением между людьми... Несомненен социальный характер понятий, норм и законов, как и социальный характер языка» [12, с. 79].

Вместе с тем нельзя не учитывать и тот факт, который весьма афористично раскрыл Б.А. Кистяковский: «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или иной хозяйственной и общественной ориентации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [13, с. 52].

И в этом смысле совершенно права Е.А. Лукашева в своем утверждении о том, что: «Россия не должна возвращаться в период “отрицательного либерализма”. Заимствование его ценностей, игнорирование сложившейся у людей за десятилетия Советской власти привычки хотя бы к минимальной социальной защищенности порождает неприятие нового строя, оппозиционность в народе, который не может принять резкую поляризацию в обществе, появление нужды и нищеты значительных слоев населения» [14, с. 83].

Исходя из этого, вряд ли можно разделить своего рода «саркастическое» суждение-размышление Андраша Шайо, когда он пишет: «Право нуждающихся не поддается толкованию, потому что не ясно, кто в этом праве наделен обязанностями. В случаях личной безопасности, безграничного пользования собственностью или в случаях освобождения от произвольного ареста с этой точки зрения все ясно: на основании этих прав все должны оставлять субъекта права в покое. Но кто наделен обязанностями по отношению к «нуждающемуся»? Государство? (Следовательно, необходимо создать Фонд для помощи нуждающимся, деньги в который вносили бы все в меру своих возможностей?)» [15, с. 259]

Полагаем, что данное суждение было бы хоть как-то уместно, если бы уважаемый ученый не был знаком (а это не так!) со статьей 25 Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к

существованию по независящим от него обстоятельствам» [16, с. 15].

К чему же тогда лукавить, заявляя о якобы не поддающемся толкованию «праве нуждающихся»? Очевидно, для А. Шайо более интересно прокламировать абстракции, наподобие следующей: «Основа шкалы ценностей наиболее важных прав нейтрально-индивидуалистического (либерального) толка сводится к предположению, что в рамках регулирования свобода абстрактных лиц в представлениях учредителей конституции должна быть совместимой со свободой конкретных лиц или теоретически быть приемлемой для всех – по крайней мере в перспективе» [15, с. 260] (подчеркнуто мной – В.Н.). Считаю, что вот такого рода «сциентистский» подход скорее вреден, чем полезен для конституционно-правовой практики защиты прав и свобод человека. И в данном вопросе мы отдаем предпочтение формуле Е.А. Лукашевой по отношению к Российскому государству.

Аксиологическое измерение прав и свобод человека в современной юридической литературе получило свое адекватное признание. Так, например, известно утверждение: «Права человека – это универсальная ценность, позволяющая “измерять” все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и в мире» [17, с. 254]. Не менее яркий пример такого признания представляет собой название главы III «Права человека как высшая конституционная ценность» в фундаментальном сравнительно-правовом исследовании, посвященном конституционному развитию в XXI в. [18, с. 115–226]. По мнению А.Х. Абашидзе и А.О. Гольяева в нормах и стандартах в области прав человека «... Отражен комплекс традиционных ценностей человечества – категорий, которые были воплощены в религиозных учениях, философских дискурсах, общественных устоях, обычаях, да и просто в повседневной жизни различных обществ, народов и цивилизаций... Эти ценности настолько сильны и укоренены, что представляют собой нравственный императив для многих и многих людей» [19, с. 4].

Называя институт прав человека и гражданина основным и важнейшим институтом конституционного права Российской Федерации и указывая на то, что его ценность для государства и каждого члена общества всегда находится на приоритетном месте, Е.Е. Никитина в то же время считает: «С одной стороны, завершается трудный, но объективно необходимый переходный период по переосмыслению места человека, его прав и свобод в системе конституционно закрепленных ценностей государства... С другой стороны, выяснилось, что формальное восприятие универсальных правовых стандартов в рассматриваемой области и нормативное закрепление новых институтов прав и свобод не ведет к их автоматическому действию на практике» [20, с. 65–66].

Переусложненность и высокая степень коллизии современного российского законодательства, относящегося к конкретизации механизмов реализации тех или иных прав и свобод человека и гражданина, требуют принципиально обновленного конституционно-теоретического осмысления и политико-правоприменительного обобщения аксиологического подхода к этому институту конституционного права. И в этом смысле не могу согласиться с безапелляционным утверждением Е.Е. Никитиной о том, что якобы особенностью института прав человека является невозможность выстроить систему прав человека, закладывая в нее аксиологический критерий [20, с. 71]. Убежден в обратном: без аксиологического базиса система прав человека может не только утратить свою устойчивость, но и рискует трансформироваться («выродиться») в свою противоположность, в особенности когда забывается либо умаляется самая главная ценность – Человек, его жизнь и свобода, что мы и постарались показать в предшествующем изложении. В этом отношении мы полностью солидарны с выводом В.Д. Зорькина, а именно: «Понимая свою ответственность перед человечеством, мы должны вновь и вновь спрашивать себя: “Что же есть человек?” Для того чтобы у него были права, нужно чтобы он был. Сумеет ли мы говорить о подлинно человеческих правах как гуманисты? Или мы откажемся от гуманистического наполнения? И допустим, чтобы забота о правах превратилась в подрыв их содержания – человечности?... Только в голове современных маркизов де садов могла возникнуть концепция права, когда личность провозглашается полностью автономной от любой системы ценностей вне зависимости от того, в какой цивилизации она живет. Она сама себе назначает системы ценностей. Для нее нет никаких установлений: что есть грех, что есть добродетель... А ведь эта концепция сейчас весьма популярна в Европе. И не только среди маргиналов, но и среди политиков и европейских законодателей... Готовы ли мы бороться против отчуждения человека от человечности? Одним словом, готовы ли мы отстаивать гуманизм? И не обернется ли экстремизм неких прав правовым нигилизмом?... Присягнув правам человека и гуманизму, мы должны быть осмотрительны и решительны, дерзновенны и сдержанны. Мы действительно должны пройти по лезвию бритвы. И помнить, что по любую сторону от этого лезвия – пропасть произвола, дегуманизации, имморализма и мракобесия» [21, с. 41–43] (подчеркнуто мной – В.Н.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
2. Там же. Т. 1.
3. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. М., 2012.
4. Лунеев В.В. Свобода лучше, чем несвобода? // Государство и право. 2012. № 9.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2002.
6. Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М., 1997.
7. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2007.
8. Рубанова Н.А. Право человека на жизнь в законодательстве Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
9. Ефремов И.А. Час Быка: научно-фантастический роман. – 2-е изд., доп. / послесловие Ю.М. Медведева. М., 1988.
10. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
11. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М., 1974.
12. Бердяев Н. Дух и реальность. М., 2011.
13. Кистяковский Б. В защиту права. Правосознание и интеллигенция // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990. № 3.
14. Право и политика современной России. М., 1996.
15. Шайо Андраш. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. М., 2001.
16. Всеобщая декларация прав человека. Организация Объединенных Наций. Департамент общественной информации. DPI/876 – 40157. October 1986. БМ.
17. Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. М., 2011.
18. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011.
19. Абашидзе А.Х., Гольтяев А.О. Универсальные механизмы защиты прав человека. М., 2013.
20. Институты конституционного права / отв. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Андриченко; д.ю.н., проф. А.Е. Постников. М., 2011.
21. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: **editor@hist-edu.ru**, дублируя копию письма **editor.hist-edu@gmail.com**, либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов А.А.»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf**.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение **«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»**, а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-

либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение **.doc** или **.rtf**. **НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ФАЙЛЫ С РАСШИРЕНИЕМ .docx** (Microsoft Word 2007).

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

- 1) индекс УДК;
- 2) название работы (прописными **жирными** буквами), точно отражающее содержание работы;
- 3) инициалы и фамилии авторов на русском языке **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
- 4) аннотация на русском языке объемом до 500 печатных знаков (считая пробелы и знаки препинания), характеризующая основную тему, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну;
- 5) ключевые слова (не более 7);
- 6) страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
- 2) название источника;
- 3) по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун-т);
- 6) год издания;
- 7) при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упо-

минании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустроочный интервал – полустроочный, шрифт Times New Roman, размер 14, автоматические переносы не допускаются. Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

Сноска [1, с. 290-316, 344]

[2, л. 290-316. лл. 2-22, 23-30, 208-212]

[7, л. 29-31, 31 об.]

После текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12. **Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.** В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква **ё** ставится только в тех случаях, когда замена на **е** искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только **е**.

Сокращения: *др.*, *пр.*, *т.п.*, *т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как*, *в том числе*, *потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд*; *млн*; *тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *дол.*, *фр.*, *р.*, *ф. ст.*, остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Историческая
и социально-образовательная мысль
2013. № 3 (19).

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 25.06.2013
Подписано в печать 29.06.2013
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», 2013